ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

3
2018

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН
2018 №3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

3

Журнал выходит шесть раз в год

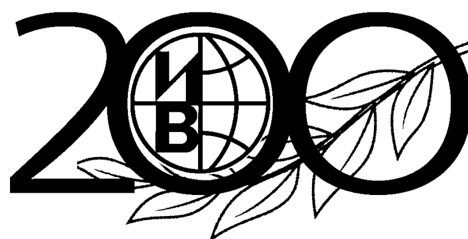
Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences



Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов
А. В. Акимов
Л. Б. Алаев
Ю. Г. Александров
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
Е. Ю. Ванина
Д. Д. Васильев
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. С. Десницкий
А. Ю. Другов
А. С. Железняков (*зам. гл. редактора*)
А. О. Захаров
И. Д. Звягельская
С. Н. Каменев
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
Д. В. Микульский
Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
К. В. Орлова
С. А. Панарин
Н. И. Пригарина
Н. Г. Романова (*зам. гл. редактора*)
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Е. Б. Смагина
З. М. Шаляпина
Т. Л. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
Д. Б. Графов (*научный редактор*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: скульптурное украшение столбов *тогуна* в деревне Энде, культура догонов, Мали (*фото Н. М. Жилина*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

3

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androsov
A. V. Akimov
L. B. Alaev
Y. G. Aleksandrov
A. K. Alikberov
V. M. Alpatov
V. Y. Belokrenitskiy
A. G. Belova
S. A. Burlak
A. V. Demchenko
A. S. Desnitskiy
A. Y. Drugov
S. N. Kamenev
T. A. Karasova
E. L. Katasonova
A. I. Kobzev
V. A. Kuznetsov
Y. V. Lyubimov
N. M. Mamedova
D. V. Mikulskiy
D. V. Mosyakov
V. N. Nastich
K. V. Orlova
S. A. Panarin
N. I. Prigarina
N. G. Romanova *(deputy ed.-in-chief)*
A. V. Sarabyev
V. N. Sautov
Z. M. Shalyapina
T. L. Shaumyan
E. B. Smagina
E. Y. Vanina
D. D. Vasilyev
A. V. Vorontsov
A. O. Zakharov
A. S. Zheleznyakov *(deputy ed.-in-chief)*
I. D. Zvyagelskaya

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya *(Executive Editor)*
Dmitry B. Grafov *(Scholarly Editor)*
Svetlana E. Malykh *(Scholarly Editor)*

Вестник Института востоковедения РАН. № 3. – М.: ИВ РАН, 2018. – 252 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

© Институт востоковедения РАН, 2018
© Редакция журнала «Вестник ИВ РАН» (составитель), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

На обложке третьего номера «Вестника Института востоковедения РАН» воспроизведено резное украшение из деревни Энде в Мали, запечатленное экспедицией Института. Достаточно перевернуть страницу, и читатель убедится: и в этот раз редакция приготовила целую россыпь сокровищ из разных областей востоковедения. Мы с гордостью представляем материалы трех последовательных редакторов флагманского востоковедного издания «Восток / Oriens», открывающих секреты мастерства и некоторые закулисные подробности сложного журнального дела прошедших десятилетий.

Вместе с институтскими историками, культурологами, археологами, философами и филологами читатель задумается о смычке города и деревни в древней Индии, разберет исторические граффити на стенах египетских гробниц, снимет последовательный ряд личин с японской (не)личности, узнает, чт*о* на самом деле думали догоны о Сириусе и какие узы связывали их с Древним Египтом, развенчает устаревшие представления о восточной общине. В поисках могилы и сокровищ Чингисхана мы поразмыслим о бренности величия и разберемся в Чингисовых методах ведения войны в Хорезме. Тема великих деятелей Востока продолжится скрупулезным разбором предсказания, полученного самим Пророком, а на культурных перекрестках цивилизаций мы обнаружим колониальный детектив – чисто английское убийство, дипломатические интриги и неожиданные лингвистические переклички. Мы выясним, хорошо ли жилось венценосным узникам в саудовском пятизвездочном отеле, определим, куда несет всадника серый морской конь тюркского фольклора и, наконец, получим самые свежие сводки с восточных фронтов. В этом номере редакция вводит и новую рубрику «Устная история», предоставляя читателю возможность «услышать» голоса ветеранов-востоковедов и задуматься о собственном месте в этой эстафете.

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

ОТ «СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ» К «ВОСТОКУ»: ОЧЕРК ИСТОРИИ ОДНОГО ЖУРНАЛА

© 2018

А. О. Захаров*

От редакции: Статья заместителя главного редактора журнала «Восток/Oriens» А. О. Захарова посвящена более чем шестидесятилетней истории флагманского востоковедного журнала от его создания в 1954 г. (под названием «Советское востоковедение») и до настоящего времени. Автор прослеживает сложные научные и политические перипетии, связанные со становлением журнала, оценивает степень его вынужденной политизированности и дает характеристику основным научным деятелям и публикациям издания. В приложении приведен поучительный эпизод, иллюстрирующий тезис автора о лукавстве и ненадежности человеческой памяти и основанных на ней мемуарах на примере воспоминаний И. А. Латышева о воспоминаниях И. С. Брагинского – второго главного редактора «Советского востоковедения» (с 1957 по 1989 гг.).

Ключевые слова: И. С. Брагинский, журнал «Восток/Oriens», история востоковедения, Институт востоковедения РАН, история научной журналистики, мемуары.

FROM *SOVIET ORIENTAL STUDIES* TO *VOSTOK/ORIENS*: THE STORY OF A JOURNAL

Anton O. Zakharov

Editorial: The article by the Deputy Editor-in-Chief of the leading Orientalist journal *Vostok/Oriens* covers more than 60 years of the seminal journal's history, from its creation in 1954 (when it was named *Soviet Oriental Studies*) till present day. The author describes complicated scholarly and political vicissitudes of the journal's beginnings, analyses the extent of its forced politicization, and characterizes leading researchers, editors, and publications of the magazine. The attachment gives an amusing and instructing episode that illustrates the author's thesis about the crafty and unreliable nature of human memory and memoirs based on it, using as an example I. A. Latyshev's recollections about the recollections of I. S. Braginsky – the second Editor-in-Chief of *Soviet Oriental Studies* (from 1957 till 1989).

Keywords: I. S. Braginsky, *Vostok/Oriens* journal, history of Oriental studies, Institute of Oriental Studies RAS, history of scholarly journalism, memoir.

Первая половина 1950-х гг. стала временем серьезных изменений в изучении стран Азии и Африки. Ключевыми событиями стали завершение Корейской войны в 1953 г., Первой Индокитайской войны в 1954 г., начало социалистического строительства в КНР, а в 1955 г. – Движения неприсоединения на Бандунгской конференции. Смягчение политической обстановки после смерти И. В. Сталина отразилось и в смене внешнеполитического курса СССР на сосуществование с капиталистическими державами и одновременно соперничество с ними за влияние на страны «третьего мира».

---

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор Московского городского психолого-педагогического университета; заместитель главного редактора журнала «Восток (Oriens)», Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Professor, Moscow State University of Psychology and Education; Editor-in-Chief Deputy, journal "Vostok (Oriens)", Moscow; zakharov_anton@mail.ru

** Приношу глубокую благодарность Л. Б. Алаеву, В. И. Брагинскому, Л. Р. Концевичу и С. С. Никифоровой за критические замечания по тексту статьи.

В 1954 г. Президиум АН СССР принял решение об учреждении нового академического журнала «Советское востоковедение», который должен был стать «боевым органом» советских ученых. Журнал должен был издаваться Институтом востоковедения АН СССР. «Вестник АН СССР» сообщал, что: «Основными задачами журнала являются разработка актуальных вопросов истории, экономики, политики, культуры, литературы и языка стран зарубежного Востока, в первую очередь – восточных стран народной демократии, а также освещение исторического опыта разрешения национального вопроса в СССР, хозяйственного и культурного развития республик Советского Востока, проведение творческих дискуссий по важнейшим вопросам востоковедения, регулярное освещение достижений советских востоковедов, публикация критических обзоров трудов по востоковедению, борьба с буржуазными фальсификаторами в области востоковедения»[1].

Таким образом, ключевым принципом была партийность, т. е. соответствие идеологической программе и практической политике советского государства. Как гласила передовица к первому номеру журнала, «успешная разработка проблем зарубежного и советского Востока возможна только на основе последовательного применения марксистско-ленинской теории, проведения принципа партийности в науке, развития критики и самокритики»[2]. Как можно убедиться из перечисления задач, журнал не должен был ограничиваться исключительно странами Азии и Африки. Значительное место отводилось исследованиям собственно Советского Союза, в первую очередь республик Закавказья и Средней Азии, а также «доказательству» разрешения национального вопроса в СССР. Уже в № 1 за 1955 г. была помещена статья Ш. Ф. Мухамедьярова «К истории проведения национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г.» (с. 44–56).

Весьма характерно и требование актуальности материалов журнала, независимо от сферы исследования. Вместе с тем публикация «критических обзоров трудов по востоковедению» и «борьба с буржуазными фальсификаторами» в области востоковедения были невозможными без основательного знакомства с работами зарубежных и в первую очередь западных ученых.

Главным редактором был назначен доктор экономических наук Вячеслав Александрович Масленников (1894–1968), китаист и в то время заместитель директора ИВ АН СССР (1951–1956). Ответственным секретарем стал Борис Васильевич Ржевин (1904–1976). В редколлегию вошли признанные корифеи тогдашнего востоковедения – создатель концепции рабовладельческого строя на Древнем Востоке академик Василий Васильевич Струве (1889–1965); основатель советской школы изучения Юго-Восточной Азии и тогдашний директор Института востоковедения Александр Андреевич Губер (1902–1971); один из крупнейших литературоведов, иранист и тюрколог Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1957); один из создателей советской индологии Алексей Михайлович Дьяков (1896–1974). В редколлегии работали специалист по британской колониальной политике и международным отношениям Иосиф Михайлович Лемин (1897/1898–1968); заведующий сектором по подготовке «Всемирной истории» в Институте истории и тюрколог Анатолий Филиппович Миллер (1901–1973); японист Мария Ивановна Лукьянова (1904–1977); китаист и заместитель директора ИВ АН Евгений Федорович Ковалев (1907–1995); выдающийся китаист-филолог Александр Александрович Драгунов (1900–1955).

Журнал приступил к работе согласно поставленным задачам. Но поскольку мудрая политика Коммунистической партии Советского Союза колебалась в зависимости от международной и внутренней обстановки и от настроения партийных лидеров, постольку журнал испытал воздействие выступлений товарищей Хрущева и Микояна на историческом XX съезде. Порывистый Никита Сергеевич укорил советских ученых за «неправильную трактовку» деятельности Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру, а уклончивый Анастас Иванович прямолинейно заявил: «Восток проснулся, а Институт востоковедения еще спит».

[1] [*Вестник АН СССР*. 1954. № 12. С. 65].

[2] [Задачи журнала "Советское востоковедение"» // *Советское востоковедение*. 1955. №1. С. 7].

Такое заявление в то время означало обязательные оргвыводы, т. е. снятие директора с должности. Так Александр Андреевич Губер перестал руководить Институтом востоковедения и стал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР[3]. Критику в адрес ИВ АН повторил президент АН акад. А. Н. Несмеянов. Оказалось, что ИВ АН «совершенно недостаточно изучал вопросы современного положения в странах Востока, особенно в Индии. Очень мало исследований по экономике Востока и проблемам, связанным с распадом колониальной системы, т. е. по наиболее животрепещущим вопросам современности» [Несмеянов, 1956, с. 12]. В дальнейшем критика в адрес ИВ АН была расширена и дополнена[4].

Казалось бы, какое это имеет отношение к журналу? Оказалось, прямое. Директором ИВ АН назначили бывшего первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Бободжана Гафуровича Гафурова (1908–1977), и в 1957 г. В. А. Масленников был «переведен на другую работу»[5]. Вместо него главным редактором «Советского востоковедения» стал Иосиф Самуилович Брагинский (1905–1989), которого Б. Г. Гафуров хорошо знал: И. С. Брагинский в 1933–1941 гг. работал в Таджикистане, а в 1951 г. стал членкором Таджикской Академии наук; в 1955 г. ему присвоили звание заслуженного деятеля науки ТаджССР. Он значительно изменил редколлегию и привлек к работе в редакции молодых специалистов, в частности ираниста Михаила Исааковича Занда (род. 1927, в редакции 1957–1962)[6] и корееведа Льва Рафаиловича Концевича (род. 1930, в редакции 1958–1974). В 1957 г. в редакцию пришел историк Арон Моисеевич Модель (1918–2002), долгие годы заведовавший отделом экономики и политики и в 1970-е–1980-е гг. работавший ответственным секретарем журнала. Б. В. Ржевина назначили заместителем главного редактора. Членом редколлегии стал иранист, тюрколог и арабист Борис Николаевич Заходер (1898–1960). В № 3 за 1957 г. появилась программная статья Б. Г. Гафурова «О перспективах развития советского востоковедения» (с. 7–16).

Дальнейшая судьба журнала оказалась весьма любопытной. Он дважды сменил имя. В январе 1959 г. он был объединен с учрежденным двумя годами ранее журналом «Советское китаеведение» (его возглавлял Е. Ф. Ковалев) и стал называться «Проблемы востоковедения»[7]. И. С. Брагинский оставался главным редактором. Журнал, как и прежде, провозглашался «органом» ИВ АН и Института китаеведения. «Основной задачей журнала признано освещение актуальных вопросов истории, экономики, политики, культуры, литературы и языков народов стран Азии и Африки. Журнал должен публиковать материалы о жизни трудящихся народно-демократических стран Востока и их борьбе за построение социализма»[8].

В 1960 г. в Москве прошел XXV Международный съезд востоковедов, в организации которого активное участие принимали Б. Г. Гафуров и крупнейший советский шумеролог и ассириолог Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999). В ходе подготовки этого конгресса стало ясно, что зарубежные ученые отрицательно относятся к понятию «востоковедение». Несмотря на резкую критику их позиции Б. Г. Гафуровым, Президиум АН СССР 22.07.1960 путем слияния Института востоковедения с Институтом китаеведения образовал Институт народов Азии.

В начале 1961 г. журнал стал именоваться «История, экономика и культура народов Азии и Африки»[9]. Но вскоре в обиход вошло сокращенное название «Народы Азии и Африки» (пока мне не удалось найти данных о юридическом оформлении этой смены

---

[3] [*Вестник АН СССР*. 1956. № 9. С. 89].

[4] [О задачах и структуре Института востоковедения // *Вестник АН СССР*. 1956. № 11. С. 104–105].

[5] [*Вестник АН СССР*. 1957. № 6. С. 93].

[6] В 1971 г. М. И. Занд уехал в Израиль. Этим объясняется отсутствие его имени в словаре С. Д. Милибанд (*Востоковеды России (XX – начало XXI века): биобиблиографический словарь*. М., 2008).

[7] [*Вестник АН СССР*. 1959. № 3. С. 112].

[8] [*Вестник АН СССР*. 1959. № 3. С. 112].

[9] [*Вестник АН СССР*. 1961. № 2. С. 100].

титула). Именно под этим названием журнал выходил до конца 1990 г. и вошел в «Большую Советскую Энциклопедию». Тогда же журнал «Современный Восток» получил свое нынешнее название «Азия и Африка сегодня».

В редколлегии «Проблем востоковедения» остались В. В. Струве, А. М. Дьяков, Б. Н. Заходер, Е. Ф. Ковалев, И. М. Лемин, А. Ф. Миллер, Б. В. Ржевин (заместитель главного редактора). Новыми ее членами стали китаист и переводчик Сыма Цяня Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995), японист акад. Николай Иосифович Конрад (1891–1970), А. А. Кузнецов[10], китаист Александр Александрович Мартынов (1905–1975, заместитель главного редактора в 1959–1966 гг.), языковед Георгий Петрович Сердюченко (1904–1965), индолог и международник Ростислав Александрович Ульяновский (1904–1995), африканист Ирина Павловна Ястребова (1910–1995). Заведующей редакцией в 1960-е гг. работала Наталья Алексеевна Перли-Рыкова (1916–2004), дочь советского государственного деятеля Алексея Ивановича Рыкова (1881–1938), возглавлявшего Совнарком в 1924–1930 гг. Ответственным секретарем была Анна Мартыновна Зелтынь (1909–1990), а после ее ухода на пенсию – Л. Р. Концевич. Редакторами были А. М. Модель, индолог Леонид Степанович Гамаюнов (1922–1969, в журнале с 1954 г.), китаист Юрий Мисакович Гарушянц (1930–2012, заведующий отделом в 1962–1969 гг.), малаист Борис Борисович Парникель (1934–2004, в журнале с 1962 по 1969 гг.).

Тираж журнала в те годы не был стабильным. В 1955 г. он составлял 3500 экз., а в 1960 г. – только 2060 экз. В дальнейшем тираж увеличился, и в 1977 г., когда И. С. Брагинский ушел на пенсию, а главным редактором стал Анатолий Акимович Куценков (род. 1929), он составлял 4125 экз.

В середине 1970-х гг., в последний период руководства И. С. Брагинского, в редколлегии состояли Р. В. Вяткин, пакистановед Юрий Владимирович Ганковский (1921–2004), африканист Леонгард Васильевич Гончаров (1929–1997), В. А. Зайцев[11], кореевед Георгий Федорович Ким (1924–1989), арабист Александр Александрович Ковалев (1923–2000), Е. Ф. Ковалев, тюрколог акад. Андрей Николаевич Кононов (1906–1986), индолог Григорий Григорьевич Котовский (1923–2001), арабист Роберт Григорьевич Ланда (род. 1931), японист Дмитрий Васильевич Петров (1927–1994), Б. В. Ржевин, экономисты Нодари Александрович Симония (род. 1932, с 1997 акад. РАН) и чл.-корр. АН СССР Василий Григорьевич Солодовников (род. 1918, в 1964–1976 гг. директор Института Африки), Р. А. Ульяновский, африканист Леонид Дмитриевич Яблочков (1926–2007).

Будучи «органом» советских востоковедов и подчиняясь требованиям партийности, журнал регулярно публиковал безымянные передовицы и авторские статьи по идеологическим или конъюнктурным сюжетам. Уже в первом номере за 1955 г. были помещены статьи главного редактора В. А. Масленникова «Экономический строй Китайской Народной Республики» (с. 8–24); Сергея Николаевича Ростовского (1903–1981) «Новая политическая обстановка в Азии» (с. 25–35); А. М. Дьякова «Индия в борьбе за мир» (с. 36–43). Следующий, второй номер открылся безымянной передовицей «Идеи Ленина – могучая движущая сила современного общественного развития»[12]. Подобные передовицы появлялись регулярно вплоть до конца 1970-х гг. Скажем, № 3 за 1958 г. открывался статьей «Колониализм – злейший враг народов Востока» (с. 3–15), за 1966 г. – «Под знаменем ленинских идей» (с. 3–8), а № 1 за 1970 г. – «Великая сила ленинского предвидения» (с. 3–8). Можно встретить и заголовки наподобие «XXIV съезд КПСС и проблемы национально-освободительного движения»[13].

---

[10] Данных не обнаружено.

[11] Данных не обнаружено. Светлана Сергеевна Никифорова, работающая в журнале более сорока лет и начинавшая еще при И. С. Брагинском, говорила, что не помнит эту фамилию.

[12] [*Советское востоковедение*. 1955. № 2. С. 3–13].

[13] [*Народы Азии и Африки*. 1971. № 3. С. 3–14].

Передовые статьи во времена И. С. Брагинского могли идти под фамилией автора. Я уже упоминал о программной статье Б. Г. Гафурова. Примеры легко умножить. Так, в № 1 за 1962 г. подобных передовиц сразу две: председатель совета министров МНР Юмжагийн Цеденбал (1916–1991) написал «Вдохновляющие идеи» (с. 3–5), а директор Института Африки Иван Изосимович Потехин (1903–1964) – «Некоторые проблемы африканистики в свете решений XXII съезда КПСС» (с. 6–16). № 3 того же года украсился статьей известного аппаратчика, долгое время работавшего первым заместителем заведующего, а в то время референта Международного отдела ЦК КПСС Карена Нерсесовича Брутенца (1924–2017) «Антикоммунизм – орудие колонизаторов» (с. 3–15).

Однако главные редакторы В. А. Масленников и И. С. Брагинский сумели сделать журнал научным, несмотря на политический заказ «сверху». Так, в том же первом номере 1955 г. была опубликована до сих пор цитируемая фундаментальная статья «Структура слога в китайском национальном языке» А. А. Драгунова (1900–1955) и Екатерины Николаевны Драгуновой (1901–1964) (с. 57–74)[14]. А в № 6 за 1955 г. увидела свет статья исследовательницы Византии и Ирана Нины Викторовны Пигулевской (1894–1970) «К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье» [Пигулевская, 1955], предвосхитившая ее почти одноименную фундаментальную монографию «Города Ирана в раннем средневековье».

В дальнейшем публикация вполне научных, хотя и не лишенных обязательной марксистской риторики работ продолжалась. Так, в № 3 за 1957 г. вышли статьи индолога Леонида Борисовича Алаева (род. 1932) «Развитие индийского ткачества (до проникновения в Индию европейцев)», китаиста Михаила Васильевича Крюкова (род. 1932) «Некоторые вопросы перевода и популяризации “Исторических записок” Сыма Цяня» и тюрколога Юрия Эноховича Брегеля (1925–2016)[15] «Землевладение у туркмен в Хивинском ханстве в XIX веке» (с. 95–105, 106–122, 123–136). Леонид Александрович Седов (1934–2018) опубликовал статью «К вопросу об экономическом строе ангкорской Камбоджи IX–XII вв. (по данным кхмерской эпиграфики)»[16].

По воспоминаниям Л. Р. Концевича, однажды, в начале 1960-х гг., тогда еще молодой Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) предложил журналу статью «Семь проблем современной лингвистики». Она резко не понравилась члену редколлегии Г. П. Сердюченко: «Мой куратор проф. Г. П. Сердюченко, бывший “маррист”, категорически был против публикации, испугавшись, как бледно будет выглядеть советская лингвистика на этом фоне. Я его уламывал и так и сяк, но он ни в какую не соглашался. Тогда я ему предложил написать ответ на эту статью, и только после этого он дал согласие. Читатель получил возможность познакомиться с современной мировой наукой о языке, а бледный лепет курирующего члена редколлегии остался незамеченным... И таких случаев было немало в работе журнала».

Статья будущего академика В. В. Иванова вышла в свет под названием «Некоторые проблемы современной лингвистики» вместе со статьей Г. П. Сердюченко «За идеологическую четкость в вопросах языкознания»[17]. Значимость этой статьи В. В. Иванова доказывается тем, что она вошла в хрестоматию «Общее языкознание» под ред. А. Е. Супруна (М.: Высшая школа, 1976, с. 23–43), тогда как работа его оппонента даже по названию была от науки далека, а по стилистике относилась скорее к сталинской эпохе.

Другой пример научного обсуждения политически скользкой темы – критика Юрием Ивановичем Семеновым (род. 1929) известной работы И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Ю. И. Семенов предложил журналу соответствующую статью в 1965–1966 гг., но, поскольку упоминать вождя всех времен и народов тогда было не принято,

[14] См. работы китаистов Е. Д. Поливанова, Н. А. Спешнева, А. Я. Соколовского, М. В. Лобачевой, И. Б. Кульчицкой, Н. Воропаева и др.

[15] По его инициативе Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» стала выпускать серию «Памятники литературы народов Востока». В 1973 г. Ю. Э. Брегель уехал из СССР в Израиль, а с 1979 г. жил и работал в США.

[16] [*Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 73–81].

[17] [*Народы Азии и Африки*. 1963. № 4. С. 147–155 (Сердюченко), 156–178 (Иванов)].

ее раздали членам редколлегии под заголовком «Из истории теоретической разработки проблемы нации в марксистской литературе (90-е годы XIX в. – 1917 г.)». На заседании против ее публикации активно выступил Р. А. Ульяновский, один из наиболее ортодоксальных востоковедов позднесоветской эпохи, работавший заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС и фактически курировавший журнал по партийной линии. Как вспоминает Ю. И. Семенов, Р. А. Ульяновский «предупредил: если она все же выйдет, он совершенно не уверен, что следующий номер журнала будет обсуждаться в том же составе и при том же главном редакторе. После этого Ульяновский демонстративно покинул заседание» [Семенов, 1994, с. 5]. Но И. С. Брагинский добился от редколлегии согласия на публикацию статьи при условии ее коренной переработки. Результатом стал выход статьи Ю. И. Семенова под политически нейтральным заголовком «Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса»[18].

Интересно, что в том же номере вышел обзор американского ученого – ираниста Ричарда Нельсона Фрая (1920–2014) «Развитие востоковедения в Соединенных Штатах Америки»[19]. Чтобы в полной мере оценить это явление, нужно вспомнить, что к этому моменту Фрай был профессором Гарвардского университета и опубликовал целый ряд фундаментальных монографий: *The Near East and the Great Powers* (Harvard University Press, 1951); *Iran* (George Allen and Unwin, London, 1960); *The Heritage of Persia: The pre-Islamic History of One of the World's Great Civilizations* (World Publishing Company, New York, 1963); *Bukhara: The Medieval Achievement* (University of Oklahoma Press, 1965); *The Histories of Nishapur* (Harvard University Press, (Harvard Oriental Series, 45) 1965). А в следующем, 1967 г. появилась статья Р. Н. Фрая «Зороастрийские представления о бессмертии души»[20]. В том же номере вышла монументальная статья Вяч. Вс. Иванова «Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема» (с. 106–118).

Таким образом, «железный занавес» не был абсолютным. Журнал публиковал зарубежных историков-марксистов, например, француза Жана Шэно (Jean Chesneau, 1922–2007): «Востоковедные учреждения и учебные заведения во Франции»[21]. В № 6 за 1970 г. вышло «Предисловие к реферату книги Л. А. Березного "Критика методологии американской буржуазной историографии Китая"», написанное американским китаеведом Джоном Фэйрбэнком (John King Fairbank, 1907–1991) (с. 247–249), и ответ Л.А. Березного (с. 249–254). Но в 1970-е гг. данное явление сошло на нет.

Для обхода советской цензуры использовалась рубрика «Обмен мнениями», в рамках которой дозволялось высказывать неортодоксальные «уточнения» марксистской теории применительно к Востоку. Так, в № 1 за 1965 вышли статьи М. Годелье, Ж. Сюре-Каналя и В. В. Струве, посвященные азиатскому способу производства [Годелье, 1965, с. 102–104; Сюре-Каналь, 1965, с. 100–102; Струве, 1965, с. 104–109]. В следующих номерах появилась статья Н. Б. Тер-Акопяна «Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину»[22], а в № 4 – полемичная работа Юрия Ивановича Семенова «Проблема социально-экономического строя древнего Востока», в которой в пику господствующей рабовладельческой теории В. В. Струве, разделявшейся и оппонентом

---

[18] [*Народы Азии и Африки.* 1966. № 4. С. 106–129]. Впрочем, о тяжелом характере самого Ю. И. Семенова и его методах вести дискуссию см. «Дневник» китаиста Виталия Ароновича Рубина (1923–1981): «1.11.1963 Вчера был на симпозиуме по поводу [Льюиса Генри] Моргана. Тяжелое впечатление. Во-первых, увидел, как еще силен проклятый догматизм. Семенов, казалось бы, мягкий и интеллигентный, в конце заседания, после выкриков [Сергея Павловича] Толстова и потрясения кулаками против тех, кто не хочет защищать Энгельса и Ленина, вылил ушаты зловонных помоев на [Николая Александровича] Бутинова [1914–2000], назвав его иезуитом, софистом, антимарксистом и т. д. Гнусно выступил. И что еще меня огорчило, славные ребята – сотрудники института – не нашли в этом ничего особенного. И еще важная информация о С., с которым надо держать ухо востро» [Рубин, 1989, т. 1, с. 40].

[19] [*Народы Азии и Африки.* 1966, № 4. С. 279–284].

[20] [*Народы Азии и Африки.* 1967. № 3. С. 132–135].

[21] [*Народы Азии и Африки.* 1966. № 5. С. 240–242].

[22] [*Народы Азии и Африки.* 1965. № 2. С. 74–88; № 3. С. 70–87].

последнего И. М. Дьяконовым, доказывалось, что Древний Восток не может относиться к рабовладельческой формации (с. 69–89). Именно тогда понятие «азиатский способ производства», встречающееся в трудах классиков марксизма, второй раз после первой дискуссии конца 1920-х – начала 1930-х гг. стало использоваться для уточнения и корректировки официальной теории истмата. В следующем, пятом номере ортодоксально настроенный (т. е. согласно истмату) китаист В. П. Никифоров рассказал о первой дискуссии, дав ей соответствующую его взглядам оценку («Дискуссия советских историков об общественно-экономическом строе Китая (1925–1931)», с. 75–91). Последний номер 1965 г. содержит статью другого китаиста – Леонида Сергеевича Васильева (1930–2016) «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», где автор поддерживает концепцию азиатского способа производства (с. 96–100)[23].

С критическим разбором теории восточного деспотизма выступил китаист В. А. Рубин[24] в статье «Проблемы восточной деспотии в работах советских исследователей»[25]; нужно иметь в виду, что В. А. Рубин к тому времени, во-первых, подвергался (как и многие советские востоковеды) репрессиям, а во-вторых, печатался за рубежом в престижных журналах, в частности “T'oung pao” («Тун бао»), чем многие другие советские китаисты похвастаться не могли. О работе над этой статьей В. А. Рубин оставил много подробных записей в своем дневнике, но особо примечательны две:

«16.2.1966. Теперь надо, наконец, добить обзор о деспотии. В принципе, политическая структура обладает определенной спецификой, не сводящейся к социально-экономической специфике. Забвение этого приводит к потрясающим несообразностям. Так, в одну рубрику рабовладельческого государства входят такие противоположности, как античная демократия и деспотия» [Рубин, 1989, с. 72]. Здесь выражена уже сформулированная ранее, 6 ноября 1965 г., мысль о том, что политический строй не связан напрямую с формациями [Рубин, 1989, с. 67], и идея о том, что государство не является орудием правящего класса, записанная 25 ноября [Рубин, 1989, с. 68–69].

«12.4.1966. Сегодня – новая дилемма. В НАА [журнал “Народы Азии и Африки”] хотят кастрировать мой обзор. Соглашаться ли на это? Не передать ли весь обзор в “Вопросы истории”? Ведь хуже, чем в НАА, пожалуй, уже не будет. Конечно, тут надо учесть и то, что мне не имеет смысла ссориться с НАА. Ведь это теперь единственный орган, где я могу печататься и где я могу выполнить обязательства в отношении рецензий. В “Вопросах истории” именно этот обзор может пойти, но вообще с этим журналом у меня ничего общего быть не может, потому что выть по-волчьи я не хочу. Здесь, в конце концов, речь идет о том, что из статьи хотят вычеркнуть единственную содержащуюся там оригинальную мысль, но зато не требуют, чтобы я что-то гнусное вставил. Для меня это обидно, но это еще можно выдержать, потому что статья не будет меня компрометировать. Совсем другое дело, когда вставляют всякую дрянь. Реванш за это я смогу взять на выступлении на семинаре[26]. Там я специально прочитаю то, что в редакции вычеркнуто, ибо это самое интересное» [Рубин, 1989, с.73–74][27].

Вообще В. А. Рубин был одним из наиболее активно читающих западную научную литературу авторов-рецензентов «Народов Азии и Африки». В его дневнике отражены его

23 Первые статьи Ю. И. Семенова и Л. С. Васильева с критикой теории рабовладельческой формации В. В. Струве появились еще в 1957 г. – в «Ученых записках Красноярского пединститута» и «Вестнике древней истории» соответственно. Но специальная востоковедная дискуссия разгорелась именно в середине 1960-х гг.

24 О нем см.: [Мартынов, 2016].

25 [*Народы Азии и Африки*. 1966. № 4. С. 95–105].

26 По сообщению Л. Б. Алаева, это был семинар по теоретическим проблемам восточного феодализма под руководством тюрколога-османиста Анны Степановны Тверитиновой (1910–1973), председателя редколлегии ежегодника «Письменные памятники Востока».

27 Весьма характерно, что в журнале «Восток» фрагменты «Дневника» В. А. Рубина напечатаны были только в той части, которая относится к его идеям (см. Рубин 1991, с. 122–139, особенно 130), но информация о работе с редакцией «Народов Азии и Африки» оказалась выпущена.

сложные отношения с Рудольфом Вяткиным, переводчиком Сыма Цяня на русский язык, в частности неприятие Р. В. Вяткиным рецензии В. А. Рубина на монографию L. Wandermersch «La formation du legisme. Recherches sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne» (Paris, 1965)[28]: «22.11.1967. Интересно, что моя рецензия на Вандермерша, оказывается, вызвала ярость Вяткина, обвинившего меня в "зоологической ненависти" к легизму. Вяткин говорил, что в моей критике Вандермерша нет марксизма; я идеалист, а Вандермерш больше марксист, чем я. Тем не менее, статья должна пойти в № 2 НАА» [Рубин, 1989, с. 122–123]. В записи от 31 мая 1969 г. по степени свободомыслия В. А. Рубин сравнил «Народы Азии и Африки» с «Новым миром»: «Думал в последнее время о ситуации. Все же борьба, которую ведут твердолобые, безнадежна. Ибо она ведет в тупик. Ее опора – тупость, оболванивание. Уже сейчас эти милые люди сделали нас во всем, кроме человекоубийства, глухой провинцией. Но у них уже нет сил для того, чтобы повелевать всей интеллигенцией, она выходит из-под контроля, и без запугивания, без террора здесь ничего не поделаешь. Свидетельство их бессилия – продолжающееся существование "Нового мира", журнала, фактически проводящего линию, идущую вразрез со всеми установками. А обстановка в "Народах Азии и Африки"?» [Рубин, 1989, с. 176].

Интересны и свидетельства В. А. Рубина о том, как проходил прием статей в журнале: «9.3.1970. Сегодня хотел взять в НАА статью о культуре, но Феликс [Белелюбский], которому я рассказал о своем замысле о даосизме, сказал: "В этом, насколько я понимаю, нет общественного выхода"; когда я подтвердил, он сказал: "Но если уже печатать Рубина, то чтобы был какой-то общественный заряд"» [Рубин, 1989, с. 222]. Китаист Феликс Борисович Белелюбский (1934–2004) заведовал отделом истории «Народов Азии и Африки» в 1969–1978 гг. Далее В. А. Рубин писал:

«1.8.1970. Занятная история со статьей о культуре. Феликс меня просил прийти в НАА, ибо Брагинский заявил, что "ЧП со статьей Рубина". Я пришел, все плавало в табачном дыму, и Брагинский ораторствовал. Меня просили подождать. Через десять минут я вызвал Феликса и сказал, что пойду домой, ибо, по-видимому, говорить не о чем, если ему не нравится моя точка зрения. Но Феликс уговорил меня остаться, чтобы бороться за статью: "Это не так безнадежно, там, по существу, нужно исправить пустяки". Я остался. Еще минут через десять он вышел и сказал: "Шеф зарвался, требует, чтобы был внесен тезис о двух культурах, на это вы соглашаться не должны"» [Рубин, 1989, с. 235–236].

«4.11.1970… Вчера – длинный разговор с Брагинским. Когда он, войдя в раж, стал упрекать меня в том, что я принижаю народ, и воскликнул: "Как вам не стыдно", я, прервав его, сказал, что мне нисколько не стыдно и что я бы попросил его выражаться сдержаннее. Это на него подействовало, и он стал осторожнее. Половина того, что он говорил, имела весьма слабое отношение к статье. Забавно, что сначала он сказал мне, что будет со мной гораздо более резок и откровенен, чем на редакции (или редколлегии), где обсуждалась моя статья, Феликс же, пришедший позже, сказал, что он со мной был значительно либеральнее, чем на редколлегии. Так была разоблачена его ложь – на самом деле мне он говорил не больше, а меньше. Иначе говоря, там говорил гадости, которые мне повторить не решился» [Рубин, 1989, с. 249–250].

Иными словами, между главным редактором И. С. Брагинским и его сотрудником Ф. Б. Белелюбским не всегда царило полное взаимопонимание, и вторжение редакторов в содержание статей не исчерпывалось правкой стиля и вопросами по существу рукописи. Ф. Б. Белелюбский 5 октября 1970 г. высказал мысль о подготовке В. А. Рубиным статьи о заимствовании (филиации) идей в истории китайской мысли [Рубин, 1989, с. 246]. Но после подачи В. А. Рубиным заявления на выезд из СССР в 1972 г. редакция НАА перестала с ним сотрудничать (он уехал в 1976 г.).

С формальной точки зрения журнал курировался тремя отделами ЦК КПСС: Международным, пропаганды и агитации, науки. Каждый экземпляр журнала обязательно

---

[28] [*Народы Азии и Африки*. 1967. № 2. С. 181–190].

проходил Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). По словам сотрудников редакции, «мудрость [А. М. Моделя] часто помогала спасать журнал в сложных ситуациях, когда свое неудовольствие выражали Главлит или аппаратчики из ЦК КПСС»[29].

По сообщению А. А. Куценкова, «благодаря личным связям в ЦК удавалось обойти ограничения», а когда один из отделов давал положительное заключение, другие во избежание ненужных конфликтов соглашались с ним (интервью 26 апреля 2015 г.). А. А. Куценков дружил с Анатолием Сергеевичем Черняевым (1921–2017), в 1970–1986 заместителем заведующего Международным отделом Бориса Николаевича Пономарева (1905–1995), секретаря и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. А. А. Куценков и А. С. Черняев вместе работали в журнале «Проблемы мира и социализма», из которого в будущем вышло много деятелей «Перестройки», в том числе их друг Юрий Карякин.

На рубеже 1976–1977 гг. И. С. Брагинский ушел из журнала «по личной просьбе»[30]. Главным редактором был назначен индолог и журналист Анатолий Акимович Куценков. Уже 14 января 1977 г. он провел встречу с авторским активом в Москве[31]. По его словам, предложение возглавить журнал поступило от Б. Г. Гафурова. А. А. Куценков «с радостью согласился: давно хотел освободиться от административного контроля, ведь тогда я работал заместителем директора Института мирового рабочего движения».

Уже в № 3 за 1977 г. появилось важное нововведение, которое, впрочем, прошло почти незамеченным: в журнале стали указывать место работы и полные имена авторов, хотя и не всех. Место работы указывалось порой неверно, для отвода глаз: так, заместитель заведующего Международным отделом ЦК Р. А. Ульяновский именовался профессором Академии общественных наук – соблюдалась секретность.

В 1978 г. А. А. Куценков обновил редколлегию; ее новый состав был перечислен в № 1 за 1979 г.: специалист по Юго-Восточной Азии Юрий Николаевич Гаврилов (1932–2010), Ю. В. Ганковский, африканист Евгений Александрович Глущенко (род. 1934, заместитель главного редактора в 1976–1988 гг.), Л. В. Гончаров, Анатолий Андреевич Громыко (1932–2017, директор Института Африки в 1976–1992 гг.), Е. Ф. Ковалев, экономист Владимир Михайлович Коллонтай (род. 1927), Г. Г. Котовский, индолог Петр Васильевич Куцобин (1917–1991, заведующий сектором Южной Азии в Международном отделе ЦК в 1966–1987 гг.), китаист Липарит Саркисович Кюзаджян (1932–2012), Р. Г. Ланда, политэконом Людмила Семеновна Микша (род. 1927, замдиректора ИСАА при МГУ во времена Р. Т. Ахрамовича, 1975–1989), А. М. Модель (ответственный секретарь), японист Дмитрий Васильевич Петров (1927–1994), тюрколог Юрий Ашотович Петросян (1930–2011, директор Ленинградского/Санкт-петербургского филиала ИВ АН СССР в 1963–1996 гг.), Евгений Максимович Примаков (1929–2015, директор Института востоковедения в 1977–1985 гг.), Е. П. Русаков, международник-африканист Евгений Анатольевич Тарабрин (1918–2007), Р. А. Ульяновский.

По устному сообщению С. С. Никифоровой, редколлегия 1970-е гг., как правило, не собиралась в полном составе. В ее работе участвовали Брагинский, а после его ухода – новый главный редактор А. А. Куценков, Р. В. Вяткин, Л. В. Гончаров, Е. Ф. Ковалев, Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, А. Ф. Миллер, Н. А. Симония и Р. А. Ульяновский.

Во времена А. А. Куценкова сохранился технический аппарат редакции, сложившийся при И. С. Брагинском. Основные вопросы редакционной политики, по устному сообщению А. А. Куценкова, решались им и его ближайшими помощниками – заместителем главного редактора Е. А. Глущенко, ответственным секретарем А. М. Моделем и заведующим отделом экономики и политики журнала Борисом Моисеевичем Святским (1919–?). В 1976–1989 гг. консультантом журнала работал поэт и переводчик Михаил Абрамович Курганцев (Грисман, 1931–1989), длительное время бывший помощником Б. Г. Гафурова (по свидетельству

[29] [*Восток*. 2003. № 3. С. 212].
[30] [*Вестник АН СССР*. 1977. № 1. С. 143].
[31] [*Народы Азии и Африки*. 1977. № 3. С. 242].

Е. А. Глущенко, он писал ему тексты выступлений [Глущенко, 2007, с. 10]). В 1975–1985 гг. сотрудником редакции являлся арабист Андрей Георгиевич Подольский (1921–1985).

Во время руководства А. А. Куценкова постепенно сходят на нет безымянные передовицы. Их место заняли авторские статьи. Так, № 1 за 1979 г. открывался статьей Ю. Н. Гаврилова «Объективные основы союза рабочего класса и крестьянства в национально-освободительной борьбе» (с. 3–15), № 2 – статьей В. В. Вахрушева «Транснациональные корпорации и борьба развивающихся стран против их экспансии» (с. 3–15), № 4 – статьей Т. М. Котовой, А. С. Красильникова, А. В. Ледина «Гегемонизм Пекина – угроза свободе и независимости стран Азии и Африки» (с. 3–16), № 5 – статьей А. Д. Давыдова «Борьба за аграрную реформу в Афганистане» (с. 3–12), № 6 – статьей Г. В. Смирнова «Планирование и социально-экономический прогресс развивающихся стран» (с. 3–11). Но № 3 1979 г. содержал еще безымянную статью под весьма расплывчатым названием «В едином потоке революционных сил современности» (с. 3–13). Тем самым журнал отражал характерные особенности советской политики: союз рабочего класса и крестьянства (что постоянно фиксировалось советскими конституциями), борьбу с маоизмом в 1960–1970-е гг. и конъюнктуру.

В 1980 г. только два выпуска содержали безымянные передовицы. В № 5 появилась программная статья «СССР и мусульманские страны» (с. 3–14). Именно тогда по инициативе директора ИВ АН Е. М. Примакова началось активное изучение исламского мира. Причиной этого стала полная неожиданность для советских ученых и политиков Исламской революции в Иране 1979 г. Дополнительную роль сыграла и затягивавшаяся афганская авантюра СССР. № 6 открывался передовицей «Сила марксистско-ленинского предвидения», опубликованной в традиционной для журнала рубрике «Навстречу XXVI съезду КПСС». Традиционной эта рубрика была, разумеется, не по форме, а по существу: к каждому съезду партии и после него полагалось опубликовать отклик на выводы и решения партийного руководства. Так, в № 5 за 1975 можно прочесть «Навстречу XXV съезду КПСС» (с. 3–5).

В 1982 г. безымянная передовица была лишь в № 4: «Оплот борьбы за национальное и социальное освобождение» (с. 3–8), и шла она в рубрике «К 60-летию образования СССР», которая охватила и №№ 5–6, хотя в них ее статьи принадлежали перу А. И. Ольшаного, Р. А. Ульяновского, Ан. А. Громыко. Но № 6 содержал совершенно иной материал: 10 ноября 1982 г. скончался Л. И. Брежнев. По этой причине № 6 открывался «Обращением Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу», «Информационным сообщением о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза», речами товарищей Ю. В. Андропова и К. У. Черненко и сведениями о первом из них (с. 3–10).

В марте 1980 г. в Ташкенте на базе Института востоковедения Узбекской ССР состоялась встреча редколлегии с авторами журнала. Она была, разумеется, отнюдь не единственной, но примечательно, что в отчете о ней А. А. Куценков сформулировал задачи журнала в несколько ином виде, чем они излагались ранее:

«"Н[ароды] А[зии и] А[фрики]" являются комплексным науч[ным] изданием, освещающим прошлое и настоящее афро-азиатских стран, их экономику, соц[иальные] отношения, политику и культуру. Большое внимание уделяется актуализации тематики материалов. Задача журнала состоит не только в том, чтобы отражать сегодняшний день советского востоковедения и африканистики, но и в том, чтобы активно содействовать их *перестройке* (курсив мой. – *А. З.*) в духе решений партии, вести борьбу с идейными противниками с передовых рубежей науки. При определении содержания журнала редколлегия и коллектив редакции особое внимание обращают на актуальные и малоразработанные вопросы, такие, как общее и особенное в развитии стран Азии и Африки, процессы классообразования и борьба общественных сил за выбор путей развития, соотношение современных и традиционных факторов в общественно-политической жизни, анализ современного состояния национально-освободительного движения, изучение опыта развития стран

социалистич[еской] ориентации, особенности развития капитализма, значение опыта социалистических преобразований, влияние мировой социалистической системы и т. д.»[32].

Характерны в этом перечислении отсутствие слова «история» (его заменило безликое «прошлое»), использование слова «перестройка» и молчание о языках и литературах Азии и Африки. В противопоставлении «современных и традиционных факторов» угадывается влияние присутствовавшего на встрече директора ИВ АН Е. М. Примакова, с легкой руки которого исследования института стали подразделять на «современный и традиционный циклы». В № 2 за 1983 г. вышла «проходная» статья Б. Н. Добровского «Освободившиеся страны и перестройка международной системы валютно-финансовых отношений» (с. 13–23).

По сообщению С. С. Никифоровой от 12.03.2018, именно при А. А. Куценкове в структуре редакции появились отделы научной жизни и критики и библиографии; до этого обзоры конференций, историографические обзоры и рецензии курировались отделами экономики и политики, истории, культуры и языка.

Вопреки устному высказыванию А. А. Куценкова, к середине 1980-х гг. тираж журнала сократился: если в 1980 г. он колебался между 4460–4510 экз., то в 1985 г. он насчитывал чуть более 3700 экз.; примерно таким же он оставался и в 1987 г. (№ 4 – 3798 экз.).

В 1988 г. А. А. Куценков ушел с поста главного редактора «в связи с истечением срока полномочий»[33]. Его сменил Леонид Борисович Алаев (род. 1932), возглавлявший журнал до 1998 г. Цит. по его письму автору этих строк от 9 апреля 2015 г.

«Я точно знаю (он мне рассказывал), что уходить он (Куценков) не хотел даже после того, как его назначили решением ЦК заведующим Отделом Индии на правах заместителя директора, т. е. М. С. Капицы. Хотел совмещать и руководить журналом до смерти (тоже по его словам). Капица был очень недоволен тем, что ему навязали зама, которого он не просил. А кандидатуру Куценкова Горбачеву подсказал Черняев[34]. Они с Куценковым друзья. Кроме того, Капица хотел, видимо, в большей мере подчинить себе журнал, а Толя вел себя крайне независимо. Капица организовал обсуждение работы журнала на расширенной дирекции (я там присутствовал), где эта работа подверглась критике, в частности, из-за того, что журнал “не отражал точку зрения Института”. А тут еще вышло какое-то постановление, что занимать должность можно не более двух сроков, а тут еще нужно было от меня избавиться (я не поладил с некоторыми сотрудниками моего сектора). Вот и вышла такая рокировка: он на полную ставку в Институт, а я на полную ставку – в журнал. Мне было неудобно, выходило, что я его подсидел. Но он отнесся ко всему этому с пониманием, очень подробно меня проинструктировал, как работать в журнале, мы с ним остались друзьями».

---

32 [*Народы Азии и Африки*. 1980. № 6. С. 165–166].

33 [*Вестник АН СССР*. 1988. № 8. С. 140].

34 Анатолий Сергеевич Черняев (26 мая 1921, Москва– 12 марта 2017, там же) – помощник генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР по международным делам (1986–1991). Одноклассник Лилианы Лунгиной. Учился в ИФЛИ (1938–1941 гг.), окончил исторический факультет Московского государственного университета (1947 г.), кандидат исторических наук, доцент. Специалист по истории Великобритании. В 1941–1946 гг. служил в Советской армии, участник Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в освобождении Прибалтики в составе 1-й Ударной армии, был ранен. Командовал взводом, ротой, был начальником штаба батальона, первым помощником начальника штаба полка. Завершил службу в звании гвардии капитана. В 1942 г. вступил в КПСС. В 1950–1958 гг. преподавал новую и новейшую историю в МГУ, был исполняющим обязанности заведующего кафедрой. В 1958–1961 гг. работал в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. В 1961–1986 гг. – в Международном отделе ЦК КПСС: референт, помощник заведующего отделом, консультант, руководитель группы консультантов, в 1970–1986 гг. – заместитель заведующего отделом. В 1976–1981 гг. – член Центральной ревизионной комиссии КПСС. В 1981–1986 гг. – кандидат в члены, в 1986–1990 гг. – член ЦК КПСС. В 1989–1991 гг. – народный депутат СССР от КПСС. В 1986–1991 гг. – помощник генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР М. С. Горбачева по международным делам. Считался одним из видных представителей либеральной части окружения Горбачева. С 1992 г. – сотрудник Горбачев-Фонда. Руководитель проекта «Документальная история Перестройки. Внешняя политика перестройки». Сам Черняев в интервью газете «Еврейское слово» говорил: «У меня не то что принципов, у меня убеждений никогда не было. Да, я был 48 лет членом партии, но никогда – убежденным коммунистом».

В 1989 г. новым заместителем главного редактора стал Анатолий Васильевич Гудыменко (1938–2011), сменивший на этом посту Е. А. Глущенко. В редакции А. В. Гудыменко работал еще с 1988 г. До 1991 г. ответственным секретарем работал Арон Моисеевич Модель, которого сотрудники называли «символом журнала» [Арон Моисеевич, 2003, с. 211–212]. Л. Б. Алаев сменил всю редколлегию. В ее состав вошли экономист Ю. Г. Александров (род. 1939), японист и филолог Владимир Михайлович Алпатов (род. 1945, ныне чл.-корр. РАН), филолог-малаист Владимир Иосифович Брагинский (род. 1945, в 1993 эмигрировал в Великобританию), африканисты Алексей Михайлович Васильев (род. 1939, в 1992–2015 директор Института Африки РАН) и Аполлон Борисович Давидсон (род. 1929; оба ныне академики РАН); В. И. Глунин, А. А. Куценков, археолог Борис Анатольевич Литвинский (1923–2010), китаист Арлен Ваагович Меликсетов (1930–2006), А. М. Модель (ответственный секретарь), литературовед и вьетнамист Николай Иванович Никулин (1931–2005), экономисты Эрнест Евгеньевич Обминский (род. 1931, с 1991 г. чл.-корр. РАН) и Юрий Михайлович Осипов (1931–2003), африканист Игорь Васильевич Следзевский (род. 1940), международник Владимир Георгиевич Хорос (род. 1938), экономисты Геннадий Илларионович Чуфрин (род. 1935, с 1994 чл.-корр., с 2016 академик РАН) и Виктор Леонидович Шейнис (род. 1931), индолог Феликс Николаевич Юрлов (род. 1932) и ассириолог Владимир Аронович Якобсон (1930–2015).

В редакции работали (а многие продолжают работать) Валентина Васильевна Зуфарова, Лидия Савельевна Каленова (1931–2008), Роза Григорьевна Канторович, Аркадий Бенционович Ковельман (заведовал отделом истории в 1988–1991), Светлана Сергеевна Никифорова, Н. Г. Сабурова, В. Н. Соколова, Н. Р. Топуридзе. В 1992–2002 гг. ответственным секретарем журнала был Владимир Александрович Тюрин, специалист по истории Индонезии и Малайзии (1933–2015). Он же вплоть до 2012 г. заведовал отделом истории.

С № 1 1991 г. журнал по инициативе Л. Б. Алаева получил новое, нынешнее название – «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность». В этом, согласно сообщению Л. Б. Алаева, его поддержали директор ИВ АН СССР М. С. Капица, директор Института Африки Ан. А. Громыко и академик-секретарь Отделения языка и литературы акад. Евгений Петрович Челышев (род. 1921).

Отражением смены названия стала статья главного редактора Л. Б. Алаева «Начнем новую жизнь?»[35]. Остропублицистическая по форме, как было принято в период Перестройки, она показывает переходный период и своими тезисами, и своим оформлением. Уже третье предложение статьи содержит досадную опечатку: «Ваш журнал свою перестройку начал не с принятия нового названия и, надеемся, не переименованием ее завершит». Перепутанное местоимение «Ваш» вместо «наш» передает колорит эпохи, когда, по словам Л. Б. Алаева, «именно здравого смысла жаждет сейчас наше сознание, отравленное испарениями конфронтационности».

В 1990-е гг. журнал печатал много обсуждений и новаторских статей. Главный редактор и члены редколлегии активно обсуждали вопрос о применимости марксизма к изучению Востока и в целом теорию формаций (см. статьи Л. Б. Алаева, В. М. Алпатова и Ю. Г. Александрова в номерах 1992 г.).

Печатались и работы зарубежных ученых. Так, Андре Гундер Франк (Амстердам) опубликовал статью «Формационные подходы и мифологемы способов производства»[36]. Всемирно известный израильский политолог Шмуэль Айзенштадт (1923–2010) открыл № 1 за 1992 г. статьей «Посюсторонний трансцендентализм и структурирование мира: “Религия Китая” М. Вебера и образ китайской истории и цивилизации» (с. 5–18). В том же номере вышла статья Дж. Пэррэта из Великобритании «Марксизм, «черная теология» и южноафриканская дилемма» (с. 72–78). Обсуждались вопросы «теневой экономики» в СССР, СНГ и в странах Востока. Активно печатались статьи о культуре и религии.

---

[35] [*Восток*. 1991. № 1. С. 5–8].

[36] [*Восток*. 1992. № 2. С. 19–31].

Совершенно неожиданной стала статья тунисского исследователя Бухдибы Абдельвахида «Магрибинское общество и проблема секса»[37]. Представить подобную тематику в советское время было решительно невозможно. Но к тому времени Главлит перестал существовать, и отныне главный редактор и редакционный коллектив могли самостоятельно определять тематику публикаций. Продолжил эротическую тематику историографический обзор С. В. Зинина «Религиозная эротика в китайской культуре»[38].

№ 5 1991 г. был посвящен Советскому Востоку, что отражало задачи журнала, поставленные еще в 1950-е гг., но в силу ведомственных противоречий позднесоветской эпохи было плотно забыто отдельными востоковедами. Номер открыла статья В. В. Наумкина и С. А. Панарина «Советский Восток как востоковедческая проблема», в которой изучение этого региона возвращалось в лоно востоковедных дисциплин (с. 5–9).

На рубеже веков в журнале публиковались прорывные статьи Александра Ивановича Неклессы (род. 1949) о грядущем будущем, «эпилоге истории» и особенностях постмодернизма: «“Третий Рим” или “Третий мир”: глобальные сдвиги и национальная стратегия России» (*Восток*, 1995, № 1), «Постсовременный мир в новой системе координат» (*Восток*, 1997, № 2, с. 35–50), «Осмысление нового мира» (*Восток*, 2000, № 4, с. 46–67), «Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности» (*Восток*, 2002, № 1, с. 121–143), «Глобальный град; творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе» (*Восток*, 2003, № 1, с. 136–155).

Редколлегия журнала и А. И. Неклесса выступили инициаторами дискуссии «Россия в глобальной системе координат». Позднее в развитие той же темы на страницах журнала прошла дискуссия «Глобальное сообщество: изменение социальной парадигмы»[39].

Вместе с тем возникали и объективные сложности. Общее сокращение финансирования науки в ходе Перестройки и в 1990-е гг. привело к неуклонному сокращению тиража журнала. Если в 1991 г. № 1 вышел в количестве 2283 экз., то спустя три года, в 1994 – только 1444 экз. № 6 за 1995 г. имел чуть более тысячи экземпляров, а № 1 за 1996 – уже 997, т. е. именно тогда тираж стал менее тысячи экземпляров. В 1999 г. № 5 и № 6 были изданы уже тиражом 860 экз. Когда журнал отмечал 50-летие, в 2005 г., № 1 получил 769 экз. А через 10 лет после этого № 1 2015 г. был издан в количестве 239 экз.: сказались как переход научных публикаций в электронную форму (и, следовательно, сокращение потребности читателей в бумажных носителях), так и сокращение традиционных подписчиков – ученых старшего поколения и институтов (по объективным причинам ухода из жизни первых и отсутствия денег на подписку у вторых).

С 1999 г. журнал возглавляет доктор исторических наук, ныне академик РАН В. В. Наумкин. Под его руководством продолжается организация различных дискуссий по актуальным вопросам востоковедения, публикуются результаты новаторских фундаментальных исследований по истории, культуре, языку, политике и экономике стран Азии и Африки. Большую роль в сохранении высокого научного статуса журнала сыграли заместитель главного редактора А. В. Гудыменко и заведующий отделом истории В. А. Тюрин.

В настоящее время журнал расширяет публикацию тематических выпусков и подборок статей, старается привлекать авторов из разных стран Запада и государств СНГ, а не только из ведущих востоковедных центров России. Редколлегия преследует цель включения ведущего востоковедного академического издания в международные базы данных “Scopus” и “Web of Science” [Захаров 2015а, 2015б].

[37] [*Восток*. 1992. № 1. С. 59–71].
[38] [*Восток*. 1993. № 2. С. 178–194].
[39] О взглядах А. И. Неклессы см.: [Исаев 2015, с. 469–472].

Приложение
Как обманчива память, или почему опасно слепо доверять мемуарам

Один из крупнейших советских японистов Игорь Александрович Латышев (1925–2006) в воспоминаниях рассказывает один случай из жизни журнала:

«Идеологический контроль за изданиями нашего института осуществлял в ЦК КПСС не только Отдел науки, но и Отдел печати[40]. В 1967 году, накануне 50-летия Октябрьской революции, меня срочно вызвали к одному из ответственных работников этого отдела. Удостоверившись, что я секретарь парткома института, он положил передо мной на стол верстку и чистые листы юбилейного номера нашего институтского журнала "Советское востоковедение"[41], главным редактором которого был в то время один из ведущих ученых нашего института профессор, доктор филологических наук И. С. Брагинский.

– Посмотрите, – сказал он, – в верстке и в чистых листах статью главного редактора вашего журнала Брагинского с воспоминаниями о его революционной деятельности в Баку в дни Октябрьской революции 1917 года. Вернее, посмотрите правку, сделанную его рукой в верстке. Какие-то странные получаются у него мемуары: то ли быль, то ли досужие выдумки. Читайте верстку: "Утром, как только стало известно о перевороте в Петрограде, я направился в Бакинский горком большевистской организации. Там за столом секретаря горкома сидел белобрысый молодой парень Николай, который сказал, чтобы я направлялся без промедления в один из районов города..." Прочли? А теперь читайте после правки Брагинского чистые листы: "Утром, как только стало известно о перевороте в Петрограде, я направился в Бакинский горком большевистской организации. Там за столом секретаря горкома сидел курчавый черноволосый молодой парень Хасан, который сказал..." Так кто же сидел за столом секретаря горкома – "белобрысый Николай" или "черноволосый Хасан"? Похоже, ваш главный редактор журнала не мемуары пишет, а сочиняет байки. Разберитесь, пожалуйста, с этой статьей в своей организации. Нельзя же в юбилейном номере публиковать заведомо недостоверную отсебятину.

Разбираться с Иосифом Самойловичем Брагинским, пользовавшимся в институте всеобщим уважением, мне не хотелось… Но для проформы я сообщил ему о претензиях работников отдела печати ЦК. Он улыбнулся и сказал:

– Конечно же, за столом сидел тогда русский парень Николай. Но когда я недавно был в Баку и показал бакинским товарищам верстку этой злополучной статьи, то они обиделись и сказали, что статья создает впечатление, будто бы революцию в Баку делали не азербайджанцы, а русские. Пришлось учесть их замечание. Вот поэтому во избежание обид я и заменил Николая на Хасана. Не осложнять же отношения с нашими азербайджанскими коллегами» [Латышев, 2001][42].

В воспоминаниях И. А. Латышева перепутано, наверное, если и не все, то очень многое. В юбилейном пятом номере за 1967 г. содержатся воспоминания И. С. Брагинского «Из биографии второго поколения советских востоковедов»[43]. Латышев «вспомнил» некий Бакинский горком – после Октябрьской революции! Но у Брагинского можно прочесть про 1917 г. в целом совершенно иной текст: «Вскоре все становится ясным: смело́ городового с поста напротив нашего дома, а в Петербурге – царя: Февральская революция. Свержение самодержавия, ура!

Все окружающие меня взрослые неожиданно оказываются членами разных партий, которых невероятно много. Чтобы в них разобраться, приходится читать брошюры с

[40] Ошибка мемуариста. В 1967 г. такого отдела в структуре ЦК КПСС не было. Речь идет об Отделе пропаганды и агитации.

[41] Явная ошибка мемуариста. В 1967 г. журнал назывался «Народы Азии и Африки».

[42] Цит. по: Латышев И. *Япония, японцы и японоведы*. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/33045/Latyshev_-_Yaponiya%2C_yaponcy_i_yaponovedy.html (дата обращения 17.02.2018).

[43] [*Народы Азии и Африки*. 1967. № 5. С. 242–252].

красными обложками, содержащие партийные программы. По книжкам, однако, все равно не удается разобраться: все очень похоже, особенно у социалистических партий. Непонятно, почему "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" хорошо (и в самом деле хорошо!), а "В борьбе обретешь ты право свое" – плохо (а что тут плохого?). Приходится выбирать не между программами, а между людьми: старший брат и дядя оказываются социал-демократами-большевиками…» (с. 243–244).

Как видим, в 1917 г. ни о каком-либо Бакинском горкоме, ни о Николае/Хасане, ни о своей отчетливой политической позиции Брагинский не вспоминает. И это понятно: основные события в Баку развернулись позже, а он начал принимать в них активное участие еще позднее. Лишь в 1920 г. «балшевикляр пришел» (с. 245). И. С. Брагинский рассказывает, что первой его мыслью была радость от отмены занятия по литературе, на котором ему предстояла классная работа «Татьяна как образ русской женщины». А пересказанные И. А. Латышевым по памяти события выглядели в рассказе И.С. Брагинского так: «Через несколько дней узнаю, что недалеко от нашего дома открылся районный комитет КСМА (Коммунистический Союз молодежи Азербайджана). Иду записываться. Пришел. В комнате, преобразованной из какой-то лавки, два стола, шкаф, пара скамеек, стулья. Стены завалены плакатами, в углу тоже связка плакатов, на подоконнике стопки брошюр. Изредка заходят и уходят молодые ребята, по виду фабричные, рабочие, что-то они говорят сидящему у стола высокому парню в кепке, пишущему какие-то бумаги, и уходят.

Замечаю, что рядом с этим парнем сидит какой-то чернявый мальчишка в замусоленном фартуке, с виду сапожник. … Чернявый мальчишка заулыбался, стал оживленно рассказывать ломаным русским языком парню в кепке (он, оказывается, секретарь Райсомола) про то самое происшествие, заключив, что я … "хароший человек". … Секретарь… сказал мне, что меня запишут [в комсомол] и чтоб я вместе с чернявым, оказавшимся членом комсомольского райкома, по имени Мишка (а по-своему – Миши), стал организовывать татских ребят. Так и стал я культпросветработником среди татской молодежи» (с. 246–247).

Таким образом, распоряжение отдал вовсе не Николай/Хасан, а вполне русский парень (иначе зачем бы было объяснять ему что-то на «ломаном русском языке»?). А чернявый носил имя Мишка.

Самое примечательное в воспоминаниях И. С. Брагинского – вовсе не история с то ли чернявым, то ли (если верить детали рассказа И. А. Латышева) белобрысым парнем. Самое примечательное – прямое указание на сходство программ всех социалистических партий, т. е. признание, что большевики не сильно отличались в глазах мемуариста от прочих политических сил, и ироничное противопоставление лозунгов с фактическим оправданием эсеровского «В борьбе обретешь ты право свое», а также сообщение о выборе не по программам, а по лицам. Такие воспоминания И. С. Брагинский опубликовал в номере, посвященном 50-летию Великого октября.

Литература / References

Алаев Л. Б. Как умирает догматическая теория (заметки историка) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1992. № 3. С. 9–31 [Alaev L. B. Kak umiraet dogmaticheskaia teoriia (zametki istorika) // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1992. 3. Pp. 9–31].

Александров Ю. Г. Полезен ли нам опыт развивающихся стран? // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1992. № 4. С. 5–10 [Aleksandrov Iu. G. Polezen li nam opyt razvivaiushchikhsia stran? // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1992. 4. Pp. 5–10].

Алпатов В. М. Марксизм и марризм (заметки неисторика) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1992. № 3. С. 5–9 [Alpatov V. M. Marksizm i marrizm (zametki neistorika) // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1992. 3. Pp. 5–9].

Арон Моисеевич Модель (1918–2002) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2003. № 3. С. 211–212 [Aron Moiseevich Model' (1918–2002) // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 2003. 3. Pp. 211–212].

Арон Моисеевич Модель как символ нашего журнала // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1998. № 3. С. 216–222 [Aron Moiseevich Model' kak simvol nashego zhurnala // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1998. 3. Pp. 216–222].

Глущенко Е. А. В начале пути // *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 7. С. 7–12 [Glushchenko E. A. V nachale puti // *Aziia i Afrika segodnia*. 2007. 7. Pp. 7–12].

Глущенко Е. А. И снова «непредсказуемое прошлое» // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2006. № 1. С. 151–159 [Glushchenko E. A. I snova "nepredskazuemoe proshloe" // Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2006. 1. Pp. 151–159].

Глущенко Е. А. Памяти Михаила Абрамовича Курганцева // *Народы Азии и Африки*. 1990. № 2. С. 210–211 [Glushchenko E. A. Pamiati Mikhaila Abramovicha Kurgantseva // *Narody Azii i Afriki*. 1990. 2. Pp. 210–211].

Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема эволюции обществ // *Народы Азии и Африки*. 1965. № 1. С. 102–104 [Godelier M. Poniatie aziatskogo sposoba proizvodstva i marksistskaia skhema evoliutsii obshchestv // *Narody Azii i Afriki*. 1965. 1. Pp. 102–104].

Драгунов А. А., Драгунова Е. Н. Структура слога в китайском национальном языке // *Советское востоковедение*. 1955. № 1. С. 57–74 [Dragunov A. A., Dragunova E. N. Struktura sloga v kitaiskom natsional'nom iazyke // *Sovetskoe vostokovedenie*. 1955. 1. Pp. 57–74].

Захаров А. О. Журнал «Восток (Oriens)»: редакционный цикл в библиометрическую эпоху // *Научная периодика: проблемы и решения*. Т. 5, № 5. 2015. С. 230–236 [Zakharov A. O. Zhurnal "Vostok (Oriens)": redaktsionnyi tsikl v bibliometricheskuiu epokhu // *Nauchnaia periodika: problemy i resheniia*. Vol. 5.5. 2015. Pp. 230–236].

Захаров А. О. К 60-летию журнала: будущее востоковедения // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2015. № 1. С. 5–8 [Zakharov A. O. K 60-letiiu zhurnala: budushchee vostokovedeniia // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 2015. 1. Pp. 5–8].

Зубков Н. Б., Концевич Л. Р., Модель А. М. Слово прощания (памяти Анны Мартыновны Зелтынь) // *Народы Азии и Африки*. 1990. № 6. С. 206 [Zubkov N. B., Kontsevich L. R., Model' A. M. Slovo proshchaniia (pamiati Anny Martynovny Zeltyn') // *Narody Azii i Afriki*. 1990. 6. P. 206].

Иванов Вяч. Вс. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 5. С. 105–115 [Ivanov V. Vs. Dvoichnaia simvolicheskaia klassifikatsiia v afrikanskikh i aziatskikh traditsiiakh // *Narody Azii i Afriki*. 1969. 5. Pp. 105–115].

Исаев Б. А. *Геополитика. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения*. СПб., 2016 [Isaev B. A. *Geopolitika. Uchebnik dlia vuzov. Standart tret'ego pokoleniia*. Saint Petersburg, 2016].

Латышев И. А. *Япония, японцы и японоведы. (Как складывались и освещались в печати во второй половине XX века советско-японские и российско-японские отношения)*. М., 2001 [Latyshev I. A. *Yaponiia, yapontsy i yaponovedy. (Kak skladyvalis' i osveshchalis' v pechati vo vtoroi polovine XX veka sovetsko-yaponskie i rossiysko-yaponskie otnosheniia)*. Moscow, 2001].

Лидия Савельевна Каленова (1931–2008) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2008. № 5. С. 219–220 [Lidiia Savel'evna Kalenova (1931–2008) // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 2008. 5. Pp. 219–220].

Мартынов Д. Е. Жизненный путь и творческая биография В. А. Рубина на страницах его дневников // Дмитриев С. В. (ред.). *Архив российской китаистики*. Т. 4. М., 2016. С. 138–154 [Martynov D. E. Zhiznennyi put' i tvorcheskaia biografiia V. A. Rubina na stranitsakh ego dnevnikov // Dmitriev S. V. (ed.). *Arkhiv rossiiskoi kitaistiki*. Vol. 4. Moscow, 2016. Pp. 138–154].

Несмеянов А. Н. О задачах Академии наук в свете решений XX съезда КПСС // *Вестник АН СССР*. 1956. № 6. С. 3–24 [Nesmeianov A. N. O zadachakh Akademii nauk v svete reshenii XX s'ezda KPSS // *Vestnik AN SSSR*. 1956. 6. Pp. 3–24].

Пигулевская Н. В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // *Советское востоковедение*. 1955. № 6. С. 72–80 [Pigulevskaia N. V. K voprosu o gorodakh Irana v rannem srednevekov'e // *Sovetskoe vostokovedenie*. 1955. 6. Pp. 72–80].

Рубин В. А. *Дневники. Письма*. Науч. ред. Л. Дымерская-Цигельман; обл. А. Резницкого. [Израиль], 1989. Репр. воспр. изд. 1988 г. Кн. 1–2 / предисл. И. М. Рубиной [Rubin V. A. *Dnevniki. Pis'ma.*

Nauch. red. L. Dymerskaia-Tsigel'man; obl. A. Reznitskogo. [Izrail'], 1989. Repr. vospr. izd. 1988 g. Kn. 1–2 / predisl. I. M. Rubinoi].

Рубин В. А. Об истории и культуре Китая (страницы дневника) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1991. № 1. С. 122–139 [Rubin V. A. Ob istorii i kul'ture Kitaia (stranitsy dnevnika) // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1991. 1. Pp. 122–139].

Седов Л. А. К вопросу об экономическом строе ангкорской Камбоджи IX–XII вв. (по данным кхмерской эпиграфики) // *Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 73–81 [Sedov L. A. K voprosu ob ekonomicheskom stroe angkorskoi Kambodzhi IX–XII vv. (po dannym kkhmerskoi epigrafiki) // *Narody Azii i Afriki*. 1963. 6. Pp. 73–81].

Семенов Ю. И. О различии между доказательствами ad veritatem и ad hominem, о некоторых моментах моей научной биографии и эпизодах из истории советской этнографии и еще раз о книге Н. М. Гиренко «социология племени» // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 6. С. 3–19 [Semenov Yu. I. O razlichii mezhdu dokazatel'stvami ad veritatem i ad hominem, o nekotorykh momentakh moei nauchnoi biografii i 'epizodakh iz istorii sovetskoi etnografii i eshche raz o knige N. M. Girenko "sotsiologiia plemeni" // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1994. 6. Pp. 3–19].

Струве В. В. Понятие «азиатский способ производства» // *Народы Азии и Африки*. 1965. № 1. С. 104–109 [Struve V. V. Poniatie "aziatskii sposob proizvodstva" // *Narody Azii i Afriki*. 1965. 1. Pp. 104–109].

Сюре-Каналь Ж. Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция «азиатского способа производства» // *Народы Азии и Африки*. 1965. № 1. С. 100–102 [Suret-Canale J. Traditsionnye obshchestva v Tropicheskoi Afrike i marksistskaia kontseptsiia "aziatskogo sposoba proizvodstva" // *Narody Azii i Afriki*. 1965. 1. Pp. 100–102].

Франк А. Г. Формационные подходы и мифологемы способов производства // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1992. № 2. С. 19–31 [Frank A. G. Formatsionnye podkhody i mifologemy sposobov proizvodstva // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 1992. 2. Pp. 19–31].

Хазанов А. М. *50 лет в храме востоковедной науки*. М., 2009 [Khazanov A. M. *50 let v khrame vostokovednoi nauki*. Moscow, 2009].

Хазанов А. М. *У них я учился мастерству историка*. М., 2014 [Khazanov A. M. *U nikh ya uchilsya masterstvu istorika*. Moscow, 2014].

Электронные ресурсы

Латышев И. *Япония, японцы и японоведы*. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/33045/Latyshev_-_Yaponiya%2C_yaponcy_i_yaponovedy.html (дата обращения 17.02.2018).

КАК ЭТО БЫЛО

© 2018

А. А. Куценков[*]

От редакции: Статья журналиста, индолога, историка, организатора науки А. А. Куценкова продолжает ряд публикаций «Вестника», посвященных востоковедным журналам. Автор статьи, в 1989 г. (после И. С. Брагинского) возглавивший издание, носившее тогда название «Народы Азии и Африки», и через десять лет, в 1999 г., передавший пост Л. Б. Алаеву, вписывает журнал, журнализм и востоковедческие исследования в контекст эпохи, диктовавшей ученым особые правила. В статье рассказано об ученых и редакторах, сумевших издавать научный гуманитарный журнал в жестких рамках диктата советских «инстанций».

Ключевые слова: журнал «Восток/Oriens», история востоковедения, Институт востоковедения РАН, история научной журналистики, мемуары.

THE WAY IT WAS

Anatoly A. Kutsenkov

Editorial: The article by the notable journalist, Indologist, and historian Anatoly Kutsenkov is the second in our series of publications about Orientalist magazines. The author, who led the journal (called then *Peoples of Asia and Africa*) from 1989 to 1999, places the journal, journalism, and Orientalist research within the context of an era that made scholars play by its special rules. The article narrates the history of editors and researchers who managed to create a truly scholarly Orientalist magazine within the rigid framework of Soviet academic and party system.

Keywords: A. A. Kutsenkov, *Vostok/Oriens* journal, history of Oriental studies, Institute of Oriental Studies RAS, history of scholarly journalism, memoir.

Возглавить журнал «Народы Азии и Африки» мне предложил директор Института востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР) академик Furthermore Бободжан Гафурович Гафуров. Я не знаю, почему на меня пал его выбор. Но в любом случае в ИВ АН я не был чужим человеком. Мои связи с ними начались еще в годы учебы в Институте внешней торговли, где я в качестве второго языка учил хинди. В ИВАНе я регулярно бывал на защитах диссертаций, на научных диспутах, которых тогда было немало. В институте работало много моих друзей – Алексей Иванович Левковский, Петр Михайлович Шаститко, Владимир Иванович Павлов и другие. Виктор Васильевич Балабушевич даже предлагал мне перейти на работу в Отдел Индии, которым он тогда заведовал.

Мои отношения с ИВАНом не прекращались и в периоды длительных командировок в Чехословакию и в Индию. Я не упускал возможности встретиться с друзьями и знакомыми из Москвы, когда они приезжали в Прагу или Дели.

С Б. Г. Гафуровым, который сыграл в моей жизни очень важную роль, меня свела жизнь в Дели в январе 1964 г. во время Конгресса востоковедов. Он возглавлял советскую делегацию. Присутствовать на Конгрессе я не мог, потому что был в отъезде. Когда вернулся, Конгресс уже закончил работу, и делегация собиралась назад в Москву. Чтобы как-то компенсировать упущенные возможности повидаться с друзьями, мы с супругой Светланой Васильевной решили пригласить всю делегацию на ужин к себе в корпункт «Правды». Я

[*] Анатолий Акимович КУЦЕНКОВ, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kutsanat@gmail.com

Anatoly A. KUTSENKOV, DSc (History), PhD (Economy), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kutsanat@gmail.com

[**] Автор благодарит за ценные замечания и помощь Александра Александровича Старикова и Светлану Сергеевну Никифорову.

поехал в гостиницу «Джан Патх», где остановилась делегация, и первым делом направился к Гафурову. Бободжан Гафурович сказал, что на ужине присутствовать не может из-за неважного самочувствия, но приветствует наше намерение. Я заказал ужин в ресторане лучшей по тем временам гостиницы «Ашока». К положенному часу служки привезли закуски, ароматные карри в мельхиоровых контейнерах под серебро, спиртовки для подогрева пищи, сладости… Гостей обслуживали высокие стройные *бера* в пышных тюрбанах и ливреях с золотым шитьем. Виски и вина «у нас с собой» было тоже достаточно. Ужин получился шикарным. Он проделал значительную брешь в нашем семейном бюджете, но доставил нам огромное удовольствие и долго служил предметом приятных воспоминаний.

Прошли годы. Я уже работал заместителем директора в Институте международного рабочего движения (ИМРД АН СССР); иногда по поручению директора присутствовал на заседаниях Президиума АН СССР. После одного из таких заседаний мы с Гафуровым вышли из здания одновременно. Машина ИМРД подошла мгновенно, но машина ИВ где-то замешкалась. Я предложил Б. Г. подвезти его до института.

– Вы меня, скорее всего, не помните, я…

– Почему же? Я вас отлично помню по Дели.

В дороге Б. Г. спросил меня, над чем работаю. Я сказал, что пишу докторскую диссертацию о проблеме касты в Индии.

– Очень интересно, – сказал Б. Г. – А вы знаете, что у нас в Таджикистане тоже есть касты? Защищайтесь у нас в институте.

Как административное лицо по тогдашним правилам я не мог защищать диссертацию у себя на работе. Я поблагодарил Б. Г., но сказал, что с защитой подожду. Нужно еще кое-что доделать.

– Что вы! У вас замечательная работа, – удивил меня Б. Г.

И неизвестно, сколько бы времени я доделывал свою работу, если бы через несколько дней мне не позвонил ученый секретарь ИВ АН и не спросил, когда я принесу реферат и прочие документы. Гафуров назначил защиту диссертации… и назвал дату. В моем распоряжении был месяц с небольшим. Мне никогда не приходилось столько работать, как в те дни.

Защита прошла хорошо. Через какое-то время мне позвонил Петр Михайлович Шаститко и передал приглашение Б. Г. зайти к нему на беседу. Беседа состоялась на следующий день. Б. Г. предложил мне возглавить журнал «Народы Азии и Африки». Я с радостью согласился. Но поскольку главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» одновременно заведовал научным отделом, «для равновесия» Б. Г. попросил меня возглавить и Отдел внешней политики.

К этому времени я уже был достаточно опытен в журнальном деле: работа в «Проблемах мира и социализма» и «Коммунисте», в редакции газеты «Правда» не прошла даром. Журнал «Народы Азии и Африки» я читал регулярно и достаточно хорошо представлял себе, каким бы хотел его видеть. В то время идейно-политическая жизнь в нашей стране отличалась заскорузлым догматизмом. По страницам газет и журналов гуляли одни и те же темы, одни и те же клише. Журнал «Народы Азии и Африки» не был исключением. Значительное место в нем занимали партийные материалы – о влиянии Великого Октября на освободительное движение колониальных народов, о роли рабочего класса и коммунистических партий в политической жизни стран Азии и Африки и т. д. Но в стране уже прошел XX съезд КПСС. Наступила Оттепель. Наука выходила из оцепенения. Появилась целая плеяда творчески мыслящих молодых ученых, повсеместно кипели дискуссии. Но инерция старого мышления была все еще очень сильна. На защите моей диссертации «Эволюция индийской касты», например, один из неофициальных оппонентов, кстати, известный индолог, заявил, что тема работы надумана, поскольку К. Маркс еще сто с лишним лет назад сказал, что каста в Индии уже разрушена.

Поэтому «новшества», которые связаны с моим приходом в журнал и о которых говорится в статье «От “Советского востоковедения” к “Востоку”: очерк истории одного журнала» [Захаров, 2018, с. 10–26], не ограничились только сокращением количества анонимных передовиц и сообщениями о месте работы авторов. Журнал пришлось делать заново. Главные перемены коснулись содержания. Вместе с моим заместителем Евгением Александровичем Глущенко и при участии практически всех сотрудников редакции мы прежде всего уточнили концепцию журнала. Мы решили, что будем делать академическое, профессиональное издание, отражающее передний край отечественного востоковедения. Девизом нашей работы стал принцип – публиковать только те материалы, в которых есть хотя бы искра свежей мысли. Был определен и круг его читателей – научные работники, аспиранты, студенты гуманитарных вузов и просто интеллигентные люди, интересующиеся проблемами Востока.

Неотложного решения ждали и некоторые бытовые вопросы. Когда я принял журнал, редакция ютилась в сыром полуподвале где-то на задворках Кузнецкого моста. Как сейчас помню мелькавшие ботинки прохожих и зеленую травку, которая заглядывала в комнату через окно. Мне удалось договориться с директором Института Африки Анатолием Андреевичем Громыко. Он выделил нам две или три просторные комнаты в пристройке своего роскошного дворца на Патриарших прудах. Пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько добрых слов об А. А. Громыко. Он никогда не отказывал в просьбах, хотя каждый раз ворчал по поводу того, что журнал печатает мало статей по Африке. Но такие же претензии высказывало и руководство Института востоковедения, хотя на наши просьбы откликалось не столь охотно.

Журнал относился к числу научных изданий. Гонорар был ничтожен. Оплачивалась только часть набора. Авторам этих денег не хватало даже на то, чтобы расплатиться с машинисткой. Мне удалось перевести журнал в разряд общественно-политических. Гонорар сразу вырос со 150 р. до 800 р. за авторский лист и стал покрывать весь номер. В журнал стало писать не только престижно, но и выгодно. Поднять зарплату сотрудникам, к сожалению, не удалось. Я не стал трогать структуру редакции, оставив существующие отделы такими, какими они были до меня. Хотя отделы – это слишком громко сказано. Каждый отдел равнялся одному человеку, который одновременно был и руководителем, и исполнителем. Заведующими они назывались затем, чтобы им можно было платить приличную заработную плату. Не стал я менять и их состав. Иосиф Самойлович Брагинский оставил после себя очень работоспособный коллектив, и я часто вспоминал его за это с благодарностью.

Не могу не назвать в первую очередь двух ветеранов войны и труда – ответственного секретаря редакции Арона Моисеевича Моделя и заведующего Отделом социальных и политических проблем Бориса Моисеевича Святского. На секретаре лежала обязанность организации повседневной работы редакции, соблюдение графика подготовки материалов в номер, связь с типографией. В то время не было электронных средств передачи информации. Журнал печатался в Ленинграде – только там, в типографии Академии наук, были шрифты восточных языков. Посылать туда наборные тексты почтой значило гарантированно нарушать график выхода журнала. За этим следовали бы задержка получения номера подписчиками и наложение штрафа на редакцию. Поэтому Арон Моисеевич и его помощники для сношений с типографией использовали «голубиную почту» – проводников поездов Москва–Ленинград. Таким же образом была организована доставка верстки и сверки из Ленинграда в Москву и из Москвы в Ленинград. Благодаря Арону Моисеевичу и помогавшей ему заведующей редакцией Розе Григорьевне Канторович график выхода журнала, как правило, выдерживался неукоснительно. В отсутствие «запарки» Арон Моисеевич подключался к отстающему участку и работал как редактор. А. М. Модель обладал к тому же немалыми дипломатическими способностями. Когда разгневанные авторы отвергнутых статей рвались к главному редактору или его заместителю, Арон Моисеевич каким-то образом перехватывал их на полдороге и принимал первый удар на себя.

В отличие от Арона Моисеевича, работа которого носила публичный характер и который все время был на виду, присутствие Бориса Моисеевича было почти незаметным. Он тихо сидел и работал в своем уголке. Я никогда не видел его «вышедшим из себя». На его долю приходилась изрядная часть объема каждого номера. И он успевал ее заполнить. Когда та или иная статья не подходила для данного номера, Борис Моисеевич, ни слова не говоря, шел к своему столу и через минуту-две приносил другую статью, так же тщательно подготовленную к печати. И Арон Моисеевич, и Борис Моисеевич с пониманием отнеслись к перестройке в редакции. Однако, пройдя школу военного агитпропа, некоторые новшества они встречали настороженно.

Из прежних работников редакции нужно назвать Андрея Георгиевича Подольского. А. Г. Подольский, скромнейший из скромных, был уникальным арабистом. Работал он неспешно. Но материалы, которые он предлагал в номер, всегда отличались высоким академическим профессионализмом.

Женскую часть редакции представляли Роза Григорьевна Канторович, Светлана Сергеевна Никифорова и Лия Савельевна Каленова. Молодые, симпатичные, приветливые, они были украшением нашего коллектива. Светлана Сергеевна возглавляла Отдел научной жизни, а Лия Савельевна – Отдел языков и литературы. С «перестройкой» Светланы Сергеевны проблем не было. Она с пониманием восприняла свою новую роль – обеспечить «зеленую улицу» научной молодежи младшим научным сотрудникам, молодым авторам, аспирантам и т. д. Из-за трудностей с публикациями многие из них годами не могли защитить готовые диссертации. Не все эти материалы качеством подходили журналу. Некоторые заметки авторы переписывали по нескольку раз. Но усилия Светланы Сергеевны не пропали даром. Благодаря ее трудам многие молодые специалисты получили путевки в жизнь, а сегодня это известные маститые ученые.

Проблемы перестройки возникли с Отделом языков и литератур. Моя идея состояла в том, чтобы использовать художественную литературу и языки стран Востока в качестве источника материалов для изучения культур и социальной психологии. Специалистов такого профиля среди востоковедов и африканистов в ту пору найти было трудно. Тематику, предлагаемую авторами («Социалистический реализм в творчестве Рабиндраната Тагора» или «Образ молодого рабочего в турецкой прозе» и т. д.), редакция решительно отвергала. Поэтому публикация литературоведческих и лингвистических материалов практически прекратилась. Лии Савельевне пришлось расстаться со своими любимыми авторами и подыскивать новых. Но в конце концов нам удалось опубликовать ряд интересных статей по культуре Японии, Китая, Магриба и т. д. Конфликт с Отделом языков и литератур ИВ АН разрешился тем, что авторы нашли пути в специализированные языковые и литературные журналы, где их материалы брали охотно.

Из числа работников прежнего состава нужно назвать заведующего Отделом истории Феликса Белелюбского, китаиста, хотя он вскоре ушел из редакции «по собственному желанию». Вместо него отдел с 1979 г. возглавил Валентин Николаевич Загребельный. Интеллигентный, в высшей степени организованный и обязательный человек, он сразу же, как говорят, пришелся ко двору, и статьи по исторической проблематике заняли свое законное место.

С моим приходом коллектив редакции пополнили еще несколько человек. Когда я принимал дела, Бободжан Гафурович попросил меня «приютить» Михаила Абрамовича Курганцева. Заработную плату он будет получать в Институте, а числиться в редакции, уточнил Б. Г. Михаил Абрамович переводил стихи прогрессивных поэтов Азии и Африки и иногда сопровождал Гафурова в зарубежных поездках. Условия Б. Г. меня устраивали – еще одни рабочие руки не помешают. При более близком знакомстве Миша оказался милым, общительным человеком. Его нелепая смерть стала общей трагедией для нашего коллектива.

Настоящими находками для журнала стали Евгений Александрович Глущенко и Александр Александрович Стариков. Евгений Александрович занял пост заместителя

главного редактора, а Александр Александрович – заведующего Отделом критики и библиографии.

Евгений Александрович, потомок князей Зеленых, историк-африканист, человек глубоко порядочный, с безукоризненным литературным вкусом. Он был моей главной опорой в журнале. Наши с ним взгляды на роль и содержание журнала совпадали. Мы вместе работали над стратегией журнала, над планами его номеров и вскоре стали близкими друзьями. Функции между нами были поделены следующим образом. На мою долю падало общее руководство журналом, чтение всех поступающих в журнал материалов и отбор их для печати, контрольное чтение сверки, а также связи с дирекцией ИВ АН и ЦК КПСС. Евгений Александрович заменял меня в период моего отсутствия, поддерживал связи с Институтом Африки, с редакцией Восточной литературы.

Евгению Александровичу досталась еще одна довольно неприятная роль – изыскивать для журнала дополнительные средства. Журнал был беднее церковной крысы. Сидели мы на жестком бюджете редакции Восточной литературы. А потребность в дополнительном финансировании возникала постоянно. Чего стоила одна только борьба с прихотями погоды! Например, падал первый снег, и нужно было сбрасывать его с крыши. Рабочие Института Африки требовали плату за эту услугу у нас, поскольку эта часть крыши «принадлежала» журналу. Евгений Александрович шел за подаянием к А. А. Громыко или О. К. Дрееру. Когда деньги появлялись, снег на крыше часто уже превращался в лед и рабочие разбивали его ломами, заодно проделывая дыры в железной крыше. Когда приходили весенне-летние дожди, и вода опять начинала заливать потолок, деньги требовались уже на латание этих дыр. Потом опять снег, и снова рабочие с ломами…

Что касается А. А. Старикова, то без этого замечательного, интеллигентного и удивительно светлого человека невозможно представить историю журнала того времени. Обзоры литературы, дискуссии и обсуждения, публиковавшиеся в рубриках, которые он вел, служили средством преодоления идейных придирок со стороны догматических «марксистов-ленинцев». Материалы, которые он готовил, отличались свежестью и смелостью мысли. Они скоро стали едва ли не самыми читаемыми в журнале. Проходят годы, но материалы Нодари Симония, Марата Чешкова, Виктора Шейниса, Евгения Рашковского, Игоря Следзевского, Льва Куббеля и других не теряют научной ценности.

Теперь о редколлегии. Определяя ее состав, я исходил из того, что журнал не только орган двух институтов. Я считал его органом всего отечественного востоковедения и африканистики, что и отражал состав коллегии. Что касается ее работы, то она в полном составе действительно собиралась редко. Я не уверен, что редколлегия это делала и во время руководства И. С. Брагинского. На то были веские причины.

Во-первых, далеко не главной в ту пору была роль этой структуры в жизни журнала. Мне ее доходчиво объяснил куратор по линии Международного отдела ЦК и член редколлегии нашего журнала Ростислав Александрович Ульяновский. Мы подготовили к печати положительную рецензию на только что вышедшую книгу Н. А. Симонии «Революции на Востоке». Но из ЦК рецензия возвратилась с резолюцией Ульяновского: «категорически возражаю против публикации». Я поехал в ЦК. Пытался разубедить нашего куратора. Но Ростислав Александрович был непоколебим. Тогда я прибегнул, с моей точки зрения, к самому сильному аргументу: «Вас не было на редколлегии, а она постановила статью печатать». Ростислав Александрович посмотрел на меня как на неразумное дитя и сказал тоном, не терпящим возражения: «Редколлегия может рекомендовать вам все, что ей заблагорассудится. Но решение самолично принимает главный редактор и несет за это свое решение персональную ответственность». Против публикации рецензии высказался и Отдел пропаганды ЦК… Для справки: рецензию мы все же опубликовали в рубрике «Обсуждения», поместив ее вместе с другой рецензией, которая содержала критические замечания в ее адрес.

Во-вторых, собраниям редколлегии мешали практически неодолимые технические трудности. Сегодняшние работники редакции их себе даже не представляют. Чтобы

организовать заседание редколлегии, нужно было иметь как минимум 10–15 экземпляров обсуждаемой статьи. Максимум, что могла сделать наша единственная машинистка, это напечатать 1–2 лишние копии в закладке. Множительной техники в журнале не было. На ее приобретение денег тоже не было. Но и это полбеды. Если бы эта техника даже и была, для ее хранения понадобилось бы отдельное специально оборудованное помещение. С этим тоже было непросто. Кроме того, должен был быть и человек с нужными «допусками», чтобы охранять эту технику от покушений диссидентов. Следует напомнить, что в те годы множительная техника находилась под строгим контролем «компетентных» органов. Примерно в это время мне довелось покупать пишущую машинку в специализированном магазине «Журналист». У меня потребовали паспорт, машинку зарегистрировали, а с клавиатуры «сняли пальчики».

Но это не значит, что редколлегия не работала. Она работала как совещательный орган. Все мало-мальски важные статьи посылались на экспертизу соответствующим членам редколлегии. Извещения о предстоящих заседаниях получали все члены редколлегии. Со статьями можно было познакомиться в редакции. И многие члены редколлегии так и поступали. В их число входили Юрий Владимирович Ганковский, Роберт Григорьевич Ланда, Юрий Николаевич Гаврилов и многие другие.

Хочу сказать несколько слов о Ю. Н. Гаврилове. Специалист по странам Юго-Восточной Азии, он был искренним другом журнала. Работал в Академии общественных наук – главной кузнице партийных теоретических кадров. Отвергал начетничество, догматизм официального марксизма, но не принимал и скороспелые новомодные «теории». В журнале играл очень важную роль – служил умным щитом для материалов сомнительного с точки зрения партийной номенклатуры содержания. Он прекрасно понимал это. В своих отзывах он часто говорил не от своего имени, а от имени абстрактного «марксизма-ленинизма».

Последнее направление «новшеств», которое стоит назвать, состояло в борьбе за самостоятельность журнала. У журнала было много «нянек», каждая из которых при желании могла утереть ему нос. Главный редактор входил в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС и назначался его решением. Решением Секретариата он мог быть и снят без объяснения причин. По линии ЦК партии его курировали Отдел пропаганды и агитации ЦК (как средство массовой информации), Отдел науки ЦК (как научное издание), Международный Отдел ЦК (статьи по развивающимся странам капиталистической ориентации) и Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (статьи по странам некапиталистического пути и соцориентации). Заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновский входил в состав редколлегии журнала. Официальную цензуру осуществлял Главлит. Структурно журнал входил в состав Редакции Восточной литературы издательства «Наука». Учредителями журнала были (и остаются) Институт востоковедения и Институт Африки.

«Семиняньковщина», если так можно выразиться, создавала свои проблемы. И, как это ни странно, вопросы отношений с партийными «няньками» решались проще всего. В этом отношении мне помогал десятилетний опыт работы в партийной печати и в аппарате ЦК КПСС, знание людей, обычаев и этики отношений.

Конкретный пример. В 1960–1980-е гг. среди обществоведов была очень популярной теория некапиталистического пути. На ней сделал карьеру не один доктор наук и даже академик. Но по опыту Индии я знал, насколько сильна традиция в странах Востока и насколько иллюзорны «перепрыгивания» через целые этапы исторического развития. Я заказал статью о проблемах строительства социализма во Вьетнаме доктору философии Анатолию Бутенко, который придерживался примерно тех же взглядов, что и я. Статья получилась очень интересной [Бутенко, 1982, с. 70–79]. Бутенко показал, что дело социализма двигалось вперед семимильными шагами до тех пор, пока базой коллективизации служила конкретная традиционная вьетнамская община. Но как только по

примеру СССР во Вьетнаме приступили к укрупнению колхозов, вновь закипели межобщинные страсти, и дело строительства социализма захромало на обе ноги. Я послал эту статью в Международный отдел и Отдел по связям с братскими партиями. В МО статью характеризовали как умную и правильную. В Отделе братских партий высказались категорически против публикации. Но когда я им сообщил, что в Международном отделе статья понравилась, в ответ услышал: «ну… если они не против…».

Цензора Главлита я никогда в глаза не видел: он сидел где-то на отшибе. Даже не знаю, были ли у него какие-то претензии к журналу. Скорее всего, нет. Ведь журнал не призывал к свержению советской власти. Рутинные связи с ним поддерживал А. М. Модель. Не было проблем и в отношениях с Редакцией восточной литературы. Главный редактор Олег Константинович Дрейер в работу журнала не вмешивался. Он был скорее «нашим среди чужих», сигнализировал нам о грядущих неприятностях, помогал, чем мог, но в главном – в финансах – и его возможности были ограничены.

Проблемы возникали с учредителями журнала – главным образом с Институтом востоковедения. В те годы там царили порядки, которые я называл феодализмом. Первые его ростки появились, видимо, еще при Гафурове как метод управления большим и сложным коллективом. Но по-настоящему он расцвел после ухода Бободжана Гафуровича из жизни. Некоторые значительные начальники завели «крепостных», которые писали им статьи, диссертации и даже монографии. Конечно, за вознаграждение. В качестве такового выступало разрешение на защиту диссертации (да, было и такое!) или продвижение по службе. С этим явлением мне пришлось столкнуться едва ли не в самом начале работы в журнале. Дело было так. Однажды в журнал поступила статья о революционных силах на Востоке, принадлежащая перу очень влиятельного человека в институте. Статья слабая. Я позвонил автору. Разговор получился какой-то странный: автор долго не понимал, о какой статье идет речь. Но вскорости ко мне явился человек, который сообщил, что он пришел по поводу статьи.

– Ты-то здесь при чем? Пусть автор...

Гость самодовольно ухмыльнулся:

– Да автор ее и в глаза не видел…

На журнал институтское начальство смотрело как на свою вотчину и требовало участия в барщине. Вспоминаю весьма показательный случай. В журнал поступил небольшой материал для научных сообщений. Я его забраковал. Немедленно последовал звонок из ИВ АН.

– Автор – сын такого-то… Статью необходимо опубликовать…

Объясняю, почему это невозможно.

– Дай поручение Моделю. Пусть он ее доделает…

Я сказал, что у Моделя много своей работы, и доделывать, а точнее, писать за кого-то он ничего не будет.

«Феодализм» давил на журнал не только извне. Его дух ощущался и в жизни редакционного коллектива. Однажды в журнал поступила статья молодого автора с критикой в мой адрес. Я сделал пометку, чтобы ее готовили в ближайший номер. Когда ответственный секретарь принес список материалов для очередного номера, в нем этой статьи не оказалось. Спросил, почему? Переминаясь, Арон Моисеевич дал понять, что в журнале не принято публиковать статьи, в которых содержится критика главного редактора. Я попросил впредь такие статьи готовить в номер в первую очередь. А однажды пришлось даже столкнуться с взяткой «борзыми щенками». Дело было зимой. Прихожу на работу. Большой стол в центре комнаты полон всякой вкусной снеди – овощи, фрукты, свежая зелень, вино…

– Ждем вас!

– По какому поводу гуляем?

– Да вот NN привез статью…

За столом сидит автор из Грузии, который не может взять в толк, чем не угодил.

– Ладно. Ешьте и пейте без меня, но чтобы это было в последний раз.

Больше это действительно не повторялось.

В 1979 г., с приходом В. Н. Загребельного, завершился процесс формирования коллектива редакции. По уровню квалификации, по отношению к своим обязанностям, по моральному состоянию он мог бы составить честь любому коллективу, любому научному подразделению любого академического института. Работа в журнале мне нравилась. Это было по-настоящему творческое занятие. Нравился процесс производства. Нравились люди, с которыми работал. Нравились отношения внутри редакции. Противоречия, конечно, возникали. Но они носили преходящий характер. Я часто в шутку повторял слова Белинского «умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок».

Поэтому нагрузки, которые приходилось нести в Институте, меня тяготили. Я втайне надеялся освободиться от руководства Отделом внешней политики, который принял по просьбе Гафурова, тем более что творческий потенциал его был очень низок. Я предложил Б. Г. отдел переформировать. Гафуров обещал заняться этим вопросом после возвращения из Душанбе. Но из Душанбе он так и не вернулся[1].

Его преемником стал Е. М. Примаков. С Евгением Максимовичем мы были знакомы по «Правде». В беседе со мной он сказал, что институт нужно поворачивать на современную проблематику и что в связи с этим на мой Отдел внешней политики возлагаются большие надежды. Я повторил ему то, что говорил Гафурову, – в этом виде Отдел неработоспособен. Его нужно распустить и сформировать заново. Примаков отказался. Он делал карьеру в высших академических кругах и не хотел начинать свою деятельность в Институте с крутых мер. Тогда я попросил освободить меня от Отдела, чтобы полностью сосредоточиться на работе в журнале. Евгений Максимович просьбу удовлетворил.

Точно так же, по своей воле, я ушел и с поста заместителя директора ИВ АН, на который был назначен одновременно с назначением руководителем Центра индийских исследований (статус зама был обусловлен этой должностью). Директором Института в ту пору был уже Михаил Степанович Капица. Однажды он приехал из Президиума Академии очень расстроенным. Когда мы остались одни, я спросил, в чем дело? Он ответил, что Президиум дал указание сократить административный аппарат институтов Академии, и он не знает, что делать.

– Так сократите меня!

– Ты серьезно? А как же постановление ЦК и Президиума АН о статусе замдиректора?

– А вы статус оставьте… В приказе можно написать: «руководитель Центра индийских исследований на положении замдиректора Института». Это будет значить, что я, как и прежде, подчиняюсь только директору. И никто другой из заместителей в дела Центра вмешиваться не может…

Михаил Степанович согласился, и в тот же момент вопрос был решен к обоюдному удовольствию. На одну административную единицу в институте стало меньше. А Центр индийских исследований сохранил свою автономию. Это положение соблюдалось неукоснительно и после Капицы.

А вот из журнала я ушел не по своей воле: меня «ушли». Не из-за недостатков в работе. Я расстался с журналом в тот момент, когда он был на пике популярности: когда он обрел научный авторитет, широкий круг постоянных читателей не только в нашей стране, но и в странах «социалистического содружества» и «дальнего зарубежья». В университетах Англии и США мне показывали переводы статей из журнала, изданные в виде отдельных оттисков. Правда, тираж журнала к этому времени сократился, потому что ему урезали лимит бумаги.

«Ушли» не потому, что «истекли» мои «полномочия». Сроков полномочий главного редактора «Народов Африки и Азии» не существовало, потому что их никто не устанавливал. И не потому, что у меня якобы не сложились отношения с Капицей. Зная порядок

[1] Б. Г. Гафуров умер в Душанбе 12 июля 1977 г. *Прим. ред.*

номенклатурных назначений, я на сто процентов уверен, что моя кандидатура на должность его заместителя с ним предварительно обговаривалась. Без его принципиального согласия такого назначения не было бы. Но если и было с его стороны какое-то недовольство, то скоро все это осталось позади. Когда Михаил Степанович выдвинул свою кандидатуру в депутаты Верховного Совета, доверенным лицом он попросил стать не кого-нибудь, а меня.

Меня «ушли», потому что люди, рвавшиеся к власти в Институте, совершенно беспочвенно видели во мне опасного соперника. Началось все едва ли не с первых дней после похорон Бободжана Гафуровича. Отдав ему последний долг, я ушел в отпуск. Во время моего отсутствия в Институте развернулась нешуточная борьба за директорское кресло. И надо же было случиться такому – когда я гулял по Крыму, Отдел науки ЦК запросил из Института мое личное дело. Для Института я стал «человеком из ЦК». Многие восприняли этот факт как перспективу назначения меня директором.

Вернувшись из отпуска, я кожей почувствовал холодок со стороны некоторых «старожилов». Один из них, самый целеустремленный, однажды вызвал меня на откровенный разговор. Я как на духу сказал ему, что со мной никто никаких разговоров на тему директорства не вел, сам я директором быть не хочу, а хочу заниматься журналом и наукой. Внешне отношения были восстановлены, но трещина осталась.

И хотя мой «уход» из журнала формально пришелся на начало директорства Капицы, вопрос был подготовлен и решен раньше. Это событие сопровождали почти детективные обстоятельства. Отделение АН СССР, в которое входил институт, неожиданно для многих приняло постановление, в котором говорилось, что во избежание «групповщины» в науке главные редакторы научных журналов не должны занимать свои посты более десяти лет. В связи с этим главные редакторы журналов «Народов Азии и Африки» и «Азии и Африки сегодня» подлежат освобождению от занимаемых должностей.

Через неделю решение в отношении редактора «Азии и Африки сегодня» было отменено. Вместо меня главным редактором «Народов» был назначен Леонид Борисович Алаев.

Передавая дела, я искренне желал ему успехов.

Литература / References

Бутенко А. П. Некоторые теоретические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой // *Народы Азии и Африки*. 1982. № 5. С. 70–79 [Butenko A. P. Nekotorye teoreticheskie problemy perehoda k sotsializmu stran s nerazvitoi ‘ekonomikoi // *Narody Azii i Afriki*. 1982. 5. Pp. 70–79].

Захаров А. О. От «Советского востоковедения» к «Востоку»: очерк истории одного журнала // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 10–26 [Zakharov A. O. Ot “Sovetskogo vostokovedeniya” k “Vostoku”: ocherk istorii odnogo zhurnala // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 3. Pp. 10–26].

МОЯ ДЕСЯТИЛЕТКА В ЖУРНАЛЕ

© 2018

Л. Б. Алаев*

От редакции: Статья выдающегося российского историка и индолога посвящена десятилетнему периоду, когда автор возглавлял ведущий востоковедный журнал страны Восток/*Oriens*, издающийся Институтом востоковедения РАН. Собственно, именно автор этой статьи и дал журналу его действующее название, заменив прежнее – «Народы Азии и Африки». Это третья статья номера, посвященная драматической и вдохновляющей истории советско-российской гуманитарной науки и ее главного востоковедного журнала.

Ключевые слова: журнал «Восток/*Oriens*», история востоковедения, Институт востоковедения РАН, история научной журналистики, мемуары.

MY DECADE IN THE JOURNAL

Leonid B. Alaev

Editorial: The article by the prominent Russian historian and Indologist covers his ten-year tenure as the Editor-in-Chief of the leading Orientalist journal *Vostok*/*Oriens*, published by the Institute of Oriental Studies, RAS. In fact, the author himself gave the journal its present name, replacing *Peoples of Asia and Africa*. This piece is the second installation in this issue's trio of articles covering the dramatic and enlightening story of Soviet/Russian history of Orientalist research, and of its leading journal.

Keywords: Vostok/*Oriens* journal, history of Oriental studies, Institute of Oriental Studies RAS, history of scholarly journalism, memoir.

Я пришел в журнал «Народы Азии и Африки» в революционные годы (если считать революцией события 1991 г.). Я был избран на пост главного редактора, когда еще существовала советская система назначения на разного рода посты, а уходил, кода советская система уже распалась, а новая находилась еще в аморфном состоянии.

Мы уже все, что было возможно, получили от Перестройки, но еще не успели восстановить царство бюрократии.

Я сказал «был избран». Это не фигура речи и не веление судьбы, а именно выборы, или, по крайней мере, их имитация. Сначала меня выдвинул на этот пост Ученый совет Института востоковедения, потом это выдвижение было подтверждено на совместном заседании Ученых советов Института востоковедения и Института Африки. Затем вопрос о главном редакторе журнала обсуждался на общем собрании Отделения истории АН СССР. Моим конкурентом был Леонид Иванович Медведко. Мы выступили с программными заявлениями, прошло тайное голосование среди членов Бюро Отделения истории, в результате которого я победил, получив 6 голосов «за» и 4 голоса «против».

Но традиционные советские нормы еще существовали. Меня пригласили в ЦК КПСС, где я посетил 1) Международный отдел, 2) Отдел науки и 3) Отдел агитации и пропаганды, в каждом из которых солидные дяди напутствовали меня и учили, как нужно жить. На все их вопросы я отвечал мычанием, потому что совершенно не представлял себе, что такое журнальная работа. Осталось впечатление, что и руководители отделов ЦК не знали, о чем со мной говорить, и проводили это мероприятие по привычке, а не потому, что считали его значимым.

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

Зав. отделом агитации и пропаганды дал мне телефон, по которому я мог бы позвонить в случае каких-либо затруднений.

Я по нему и позвонил где-то летом 1990 г., когда стал осуществлять задумку изменить название журнала с «Народы Азии и Африки» на «Восток». Как и любой советский человек, я знал, что все шаги необходимо согласовывать с ЦК КПСС. Взявшему трубку молодому человеку я изложил свою идею и сказал, что хотел бы с ним «посоветоваться». Собеседник замахал на меня руками (я даже по телефону как бы видел эту сцену):

– Какое там «посоветоваться»? В нашем отделе теперь всего шесть человек, мы курируем только четыре журнала – «Коммунист», «Партийную жизнь», «Блокнот агитатора» и … (четвертый забыл – *Л. А.*). Да делайте, что хотите!

Так я получил надежные сведения о том, что творится в моей стране.

Другой отмерший при мне советский институт – Главлит. В советское время каждый номер журнала должен был быть *«залитован»*, т. е. подписан цензором. Верстка журнала направлялась (в штате имелся курьер) в так называемый Главлит, и через несколько дней возвращалась с необходимым штампом и печатью в конверте, запечатанном сургучом. Привозил ее бравый человек с военной выправкой и кобурой на боку, и я должен был расписаться в специальной ведомости «в получении». Этот обряд не очень тяготил редакцию, надо было только учитывать, что несколько дней следует зарезервировать между сдачей номера в Главлит и сдачей номера в издательство.

При мне Главлит дал знать о своей бдительности лишь однажды. В одной из статей было упомянуто решение ЦК о работе Института востоковедения, принятое в 1956 г. Мне позвонил скучающий голос:

– У вас там упомянуто решение ЦК. Оно закрытое. Так что уберите упоминание о нем.

А потом Главлит исчез, как бы растворившись в воздухе перемен.

Как я уже сказал, никакого представления о журнальной работе у меня не было. Зато был у меня предшественник Анатолий Акимович Куценков, который знал меня и, несмотря на «насильственный» уход, был готов помочь. (Конечно, предлог, выставлявшийся тогдашним директором ИВ АН СССР М. С. Капицей для смещения Куценкова, – мол, «журнал не всегда отражает мнение Института» – был смехотворным хотя бы потому, что неизвестно, что такое «мнение Института».) Мы с Анатолием Акимовичем были близки по работе: он был оппонентом на моей докторской защите, я был ответственным редактором его книги об индийской касте. Незадолго до этих событий он поместил одну мою дискуссионную статью и объявил о ее обсуждении на страницах журнала.

Когда все процедуры, связанные с моим назначением, были совершены, он пригласил меня к себе домой (он жил тогда на Садовом недалеко от Маяковки), напоил кофе и подробно рассказал о том, что такое ритм журнальной работы, что должен делать главный редактор, чем занимается и чего стоит каждый из работников редакции. Этот его поступок был продиктован не только доброжелательством по отношению ко мне, но и отеческим отношением к журналу. Это было его детище. Подобно тому, как Ломоносов когда-то сказал, что его нельзя отставить от Академии, можно только Академию отставить от него, так и Куценков не мыслил, что его можно отставить от журнала.

Получил я также от Куценкова и работоспособный, спаянный, дружеский коллектив. Весь журнальный конвейер был налажен, и я мог думать главным образом не о рутине производства, а о содержании работы, о *контенте,* как мы бы сейчас сказали.

Еще одно предварительное замечание перед тем, как перейти к этому *контенту*. Читатель должен помнить, что тогда не было компьютеров, ксероксов, сканеров. Материал надо было сдавать в типографию напечатанным на машинке без рукописной правки. Каждая правка означала необходимость напечатать на машинке новый текст и заклеить им старый, исправляемый. Подготовка номера в печать означала массу физической работы с машинкой, ножницами и клеем, часто превращавшейся в аврал. А печатался журнал в типографии АН

СССР в Ленинграде, потому что только там имелись восточные шрифты, которые иногда встречались в наших материалах. Так что надо было еще в назначенный час доставить рукопись на Ленинградский вокзал и затем через несколько недель встретить поезд из Ленинграда.

Возглавив журнал, я мечтал о его преобразовании. Он и в советское время шел на шаг впереди советской науки в целом. Но ведь наступила Перестройка! Требовался пересмотр всех прежних взглядов, массированное привлечение всех достижений зарубежной (бывшей «буржуазной») науки, постановка новых вопросов.

Как по заказу, в октябре 1990 г. в санатории «Узкое» состоялась международная конференция «Сравнительная история цивилизаций (теория, методология, история)», и на нее приехал один из самых интересных зарубежных историков канадец Уильям МакНил (1917–2016). Он был одним из создателей направления «Мировая история» (World History), и его взгляды были мне симпатичны. В кулуарах я подошел к нему, представился, сказал, что хотел бы поднимать в журнале методологические проблемы и пригласил его написать для нас статью о его методологии. И вдруг услышал:

– А у меня нет какой-либо методологии. Я просто пишу про историю.

Он подарил мне свою книжку “The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000” 1984 г. (и это был ценный для меня подарок), но ничего *методологического* я от него не получил.

Это была первая брешь в моем прекраснодушном мечтании, что «Запад нам поможет». Я продолжал стараться привлекать иностранных авторов, но уже не очень надеясь, что они откроют нам новые горизонты. Из западноевропейских столпов теоретической мысли в журнале были опубликованы две статьи другого корифея – Андре Гундер Франка [Франк, 1992а; 1992б], но они также не произвели должного впечатления на отечественную научную публику. За мои десять лет печатались в журнале ученые из США (Диана Л. Олбаум (1993, № 6); Фред Велинг (1996, № 6), Ю. Е. Брегель (1997, № 5–6; 1998, № 1)), Индии (Музаффар Алам, 1995, № 4; Т. Чоудхари), Таджикистана (Музаффар Олимов и Саодат Олимова), Эфиопии (Онвудиве Эбере (1993, № 3)), Израиля (В. Месамед (1997, № 5); М. Володарский, Л. Базова (1997, № 1)), Болгарии (Диана Главева), Украины (М. Г. Гольд), Республики Корея (Сук Хон Ван). Часть статей иностранцев печаталась на английском без перевода, иногда с комментариями на русском. Вывод из моих усилий «влиться» в мировую науку может быть такой: мы просто не успели включиться в нее на равноправной основе, когда уже наступила мода на противоположный процесс – стремление на «мировой рынок» публикаций с ущербом для отечественного читателя и для воспитания собственных научных кадров. Эти метания ни к чему хорошему привести не могут.

В журнале всячески культивировалась практика выдвижения актуальных проблем и дискуссий по ним. Проводились круглые столы, составлялись форумы (т. е. подборки текстов, группирующихся вокруг одной проблемы), велись развернутые дискуссии, публиковавшиеся в нескольких номерах, и т. п. Практиковались новые для подобного журнала жанры: интервью, диалоги ученых, придерживающихся противоположных точек зрения. Например, автор этой статьи с Б. С. Ерасовым записали диалог на тему «Формация или цивилизация?» (1990, № 3); А. А. Максимов и В. А. Яшкин по-разному оценивали «проблемы экономического сотрудничества СССР и развивающихся стран» (1990, № 5); Р. Г. Ланда и Н. А. Иванов спорили на страницах журнала о том, «Что осталось от марксизма?» (1991, № 3).

Печатались мемуары выдающихся востоковедов, в их числе воспоминания Р. А. Ульяновского, Г. И. Мирского, М. С. Капицы, К. А. Антоновой, П. М. Шаститко, воспоминания М. В. Баньковской о ее отце академике В. М. Алексееве и др. Публиковались также материалы о репрессированных в годы террора востоковедах, восстанавливалась историческая справедливость.

Вопрос о степени устарелости марксистской теории затрагивался на страницах журнала не раз (1993, № 5; 1995, № 2), в частности, в связи с проблемой цивилизационного подхода, но для серьезной дискуссии о марксизме время тогда еще не пришло.

Заметную роль в новом лице журнала играла рубрика «Сокровищница мысли Востока» – осязаемое детище Перестройки, – созданная и ведшаяся усилиями Аркадия Бенционовича Ковельмана, нового члена редакционного коллектива. В ней печатались переводы отрывков из священных книг разных народов.

В конце 1980-х гг. обострилась проблема понимания архаических обществ и закономерностей становления государственности. Было проведено обсуждение коллективной монографии «Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития» [Коротаев, 1991] (1993, № 5; 1995, № 5; 1996, № 4). Оно продолжалось в форме рецензий на иные книги, публикаций критических статей и «откликов» (1993, № 4; 1995, № 6; 1996, № 3). Основная проблема заключалась в том, считать ли эволюцию человечества единым однолинейным процессом, или же допускать разнонаправленные пути политогенеза. Существовавшая в журнале рубрика «Отклики, реплики, полемика» наполнилась в эти годы богатым содержанием.

Интересным приемом активизации дискуссии по проблеме Запад–Восток могла бы стать публикация в трех номерах (1995, № 1, 2, 3) книги преподавателя из Минска С. В. Онищука «Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономия мирового исторического процесса)», которая предлагала оригинальный подход к проблеме расхождения судеб Запада и Востока, и именно поэтому встречала препоны на пути публикации. В том же году его книга вышла отдельным изданием [Онищук, 1995]. Правда, ни та, ни другая публикация не получили достойного отклика.

Когда я пришел в журнал, продолжалась дискуссия «Социально-экономический строй докапиталистического Востока», затеянная А. А. Куценковым по моей статье «Формационные черты феодализма и Восток» (1987, № 3). Мне как зачинателю данного обмена мнениями, а теперь еще и главному редактору журнала, надо было ее как-то завершить. Но я прикрыл дискуссию «по-тихому», потому что увидел, что она радикально устарела по методологии и фразеологии, вылилась в продолжение дискуссии об *азиатском способе производства*, бушевавшей уже десятилетия назад.

Пожалуй, такую же незрелость концепций, которые в это время выдвигали коллеги, показало обсуждение (1991, № 4, 6; 1992, № 1) книги «Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира», выпущенной востоковедами ИМЭМО [Шейнис, Эльянов, 1990]. Как выразился один из диспутантов, книга демонстрировала «трудное расставание с догмами».

Перестройка в нашей стране поставила вопрос о роли интеллектуальной элиты в жизни разных социумов. Журнал организовал круглый стол «Интеллигенция древняя и новая», в котором приняли участие более десяти специалистов по разным периодам истории (1990, № 2, 3).

Распад Советского союза, а также и всего «социалистического лагеря», окончание *холодной войны* поставили перед востоковедами задачи осознания этих перемен для изучаемых нами стран. Историческое значение колониализма было обсуждено в рубрике, которую мы назвали «Семинар», обозначив тему одного из них – «Закат империй». Приняли участие 15 человек из академических институтов и практических учреждений. Материалы «Семинара» были опубликованы в двух номерах (1999, № 4, 5).

Возник вопрос о соотношении востоковедения и *третьемироведения*. Был разработан (главным образом усилиями М. А. Чешкова) *Вопросник*, целью которого был сбор мнений по поводу общей теории развивающихся стран. По этому *Вопроснику* было опрошено около десятка специалистов, и результаты опроса были опубликованы в двух номерах (1989, № 6; 1990, № 1). Продолжением этого исследования стал форум (такой жанр публикаций ввел зам.

главного редактора А. В. Гудыменко) «Постсовременный мир: новая система координат» (1998, № 1, с. 5–47; № 2, с. 5–43; обращаю внимание на объем материала).

Фиаско *реального социализма* значительно повысило актуальность современного востоковедения. Необходимость в России строить заново политическую структуру и экономическую систему оживила мнение, что нам есть чему поучиться у Востока, во всяком случае, учесть его опыт. В журнале были проведены несколько дискуссий с выходом на российские проблемы: «Социализм на Востоке» (1991, № 1, 3; 1996, № 3; 1997, № 3); «Государство в “третьем мире”» (1992, № 2, 5, 6); «Экономические реформы в Африке» (1997, № 6).

Из региональных проблем, обсуждавшихся на страницах журнала, можно упомянуть круглый стол «Современная Монголия» (1996, № 6) и два форума, посвященных Средней (Центральной) Азии: «Новая геополитическая ситуация в Центральной Азии и ее импликация для России» (1993, № 6, с. 63–131, обратите внимание на объем) и «Центральная Азия в евразийской перспективе» (1996, № 5).

Еще в период Перестройки начал дебатироваться (и дебатируется до сих пор) вопрос о приемлемости демократической системы власти в нашей стране. Мы пытались со своей стороны как-то способствовать решению этого вопроса. Были проведены круглые столы «Демократия в Японии» (1991, № 4); «Парламентаризм и демократия в незападных обществах» (1992, № 1; 1993, № 1); «Демократия и развитие в Африке» (1993, № 2); «Можно ли полагать “восточной” новую российскую демократию» (1995, № 1, 2). Сюда же можно отнести обсуждение книги М. А. Чешкова «Развивающийся мир и посттоталитарная Россия» (1996, № 3).

Введение рубрики «Россия в глобальной системе координат» (1994, № 3) вызвало жесткую дискуссию на страницах журнала о сущности цивилизационного подхода вообще и о характере российской цивилизации в частности. Несколько ученых приняли участие в обсуждении вопроса «Цивилизации в “третьем мире”» (1992, № 3, 4). Затем мы дали высказаться сторонникам «цивилизационного подхода», которые стремятся противопоставить общим закономерностям истории уникальные цивилизационные пути отдельных популяций. Практически это выражается в осуждении Запада и в стремлении законсервировать Россию (1995, № 1, 2, 3). Были детально обсуждены два выпуска альманаха «Цивилизации и культуры», который стал выходить под редакцией Б. С. Ерасова (1996, № 1, 2, 3).

У меня осталось впечатление, что в эти годы журнал являлся центром теоретической и методологической работы в сфере понимания стран Востока во все периоды их истории. Вокруг него концентрировались ученые не только нашего института, которые, естественно, как «хозяева площадки» играли ведущую роль, но и специалисты из других исследовательских, учебных заведений и практических органов.

Но журнальная работа меня выматывала. За эти годы я не написал ни одной книги. Когда заканчивался десятилетний срок, на который меня выбрали, я подал заявление об отставке. В Президиуме, получив такое заявление, несколько удивились и позвонили в дирекцию Института востоковедения:

– Освобождать Алаева с благодарностью или без?

Им ответили, что «с благодарностью».

После моей отставки главным редактором был назначен В. В. Наумкин. На одной из подаренных им мне книг имеется такая надпись: *«Дорогому Леониду Борисовичу – моему предшественнику, благодаря которому работа в журнале стала удовольствием, с наилучшими пожеланиями и благодарностью за наследство. 11.02.2009. Наумкин»*.

Я почему-то ему верю.

Литература / References

Коротаев А. В. (ред.). *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. М., 1991 [Korotaev A. V. (ed.). *Arhaicheskoe obschestvo: uzlovye problemy sociologii razvitiya*. Moscow, 1991].

Онищук С. В. *Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономия мирового исторического процесса)*. М., 1995 [Onishchuk S. V. *Istoricheskie tipy obshchestvennogo vosproizvodstva (politekonomiia mirovogo istoricheskogo protsessa)*. Moscow, 1995].

Франк А. Г. Формационные переходы и мифологемы способов производства // *Восток*. 1992. № 3. С. 19–31 [Frank A. G. Formatsionnye perekhody i mifologemy sposobov proizvodstva // *Vostok*. 1992. 3. Pp. 19–31].

Франк А. Г. Экономические парадоксы в мировой политике // *Восток*. 1992. № 6. С. 8–26 [Frank A. G. Ekonomicheskie paradoksy v mirovoi politike // *Vostok*. 1992. 6. Pp. 8–26].

Шейнис В. Л., Эльянов А. Я. (ред.). *Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира*. М., 1990 [Sheinis V. L., 'El'ianov A. Ya. (eds.). *Krupnye razvivaiushchiesia strany v sotsial'no-ekonomicheskikh strukturakh sovremennogo mira*. Moscow, 1990].

ЭКСПЕДИЦИЯ В СТРАНУ ДОГОНОВ (РЕСПУБЛИКА МАЛИ, РЕГИОН МОПТИ)

© 2018 **П. А. Куценков, Д. В. Ванюкова, Н. В. Лаврентьева, В. Н. Семенова***

В ноябре 2017 г. авторы предприняли экспедицию на Нагорье Бандиагара (Плато Догон) в Республике Мали. Задачей экспедиции было изучение трансформаций традиционной культуры догонов в условиях глобализации. Этнографические и культурологические исследования проводились на юге региона Мопти в деревнях Энде, Кани-Бонзон (Кани На), Кани Комболе и Багуру (округ Банкасс), Семари (Самари) (округ Дуэнца), Тинтан (Тинтам), Уме и Догани (округ Бандиагара). Были также закуплены предметы традиционного искусства XVII(?)–XXI вв. и ремесленные изделия, переданные в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), Государственный музей Востока (Москва) и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург).

Ключевые слова: Мали, догоны, этнографические исследования, культурологические исследования, традиционная культура, традиционное искусство.

EXPEDITION TO THE DOGON COUNTRY (REPUBLIC OF MALI, MOPTI REGION)

Petr A. Kutsenkov, Darya V. Vanyukova, Nika V. Lavrentyeva, Valeria N. Semenova

In November 2017 the authors undertook an expedition to the Highlands of Bandiagara (Plateau Dogon) in the Republic of Mali. The mission of the expedition was to study the transformations of the traditional Dogon culture in the context of globalization. Ethnographic and cultural studies were conducted in the South of the Mopti region in the villages of Endé, Kani-Bonzon (Kani Na), Kani Kombole and Bagouru (Bankass District), Semari (Samari) (Duenza District), Tintan (Tintam), Ume and Dogani (Bandiagara District). Members of the research team also purchased some objects of traditional art and handicrafts of XVII(?)–XXI cc. for the Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow), the State Museum of Oriental Art (Moscow) and the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) in St. Petersburg.

Keywords: Mali, Dogon, ethnographic studies, cultural studies, traditional culture, traditional visual art.

* Петр Анатольевич КУЦЕНКОВ, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pkutsenkov@gmail.com

Petr A. KUTSENKOV, PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pkutsenkov@gmail.com

Дарья Владимировна ВАНЮКОВА, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва; darya-29@yandex.ru

Darya V. VANYUKOVA, PhD (History of Art), Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow; darya-29@yandex.ru

Ника Владимировна ЛАВРЕНТЬЕВА, кандидат искусствоведения, зав. отделом «Учебный художественный музей» ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва; nika27-merty@yandex.ru

Nika V. LAVRENTYEVA, PhD (History of Art), Chair of the Department “Educational Art Museum” of the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow; nika27-merty@yandex.ru

Валерия Николаевна СЕМЕНОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург; vnsemenova@gmail.com

Valeria N. SEMENOVA, PhD (History), Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg; vnsemenova@gmail.com

В марте 2015 г. и в январе 2016 г. П. А. Куценков предпринял три экспедиции в Республику Мали на Нагорье Бандиагара (Плато Догон) в регионе Мопти Республики Мали (*илл. 1*). Целью экспедиций было исследование эволюции традиционной культуры догонов в XXI в. и создание коллекции предметов материальной культуры и традиционного изобразительного искусства догонов для Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Санкт-Петербург). Исследования проводились в деревнях Энде, Кани-Бонзон (Кани На), Кани Комболе и Багуру (район Банкасс), в деревне Семари (Самари) в округе Дуэнца, а также в деревне Тинтан (Тинтам) в округе Бандиагара. О результатах экспедиций 2015 и 2016 гг. подробно рассказано в статье, опубликованной в 2016 г. в журнале «Восток» [Куценков, 2016], поэтому здесь мы сосредоточимся на результатах экспедиции 2017 г., в которой приняли участие авторы статьи, а также Н. М. Жилин, биолог, фотограф и кинооператор экспедиции.

Предварительно следует дать общее представление о причинах, которые делают догонов важным объектом этнологических и культурологических исследований. Культура этого народа привлекла всеобщее внимание после выхода в свет книги французского этнолога Марселя Гриоля «Бог воды: беседы с Оготеммели» в 1948 г. [Griaule, 1948][1]. За десятилетия, прошедшие после публикации книги Гриоля, догоны в известном смысле стали эталоном африканской традиционности, а их культура превратилась в образец «архаичной» традиции. Однако многие сведения, содержащиеся в трудах исследователей французской этнологической школы, впоследствии не нашли подтверждения. Так, ни одному исследователю после Гриоля так и не удалось обнаружить ничего, что хоть отдаленно напоминало бы собранные им мифы относительно спутников Сириуса[2]. Другие сведения, содержащиеся в публикациях Гриоля и исследователей его школы, также вызывают множество вопросов: так, в монографии «Бледный лис» М. Гриоль и Ж. Дитерлен, рассказывая о миграции современных групп населения на Нагорье Бандиагара (Плато Догон), писали о деревне Кани На (Кани-Бонзон) как «ныне не существующей (actuellement disparu)» [Griaule, Dieterlen, 1991, p. 3]. Показательно, что эта ошибка не была ни исправлена, ни даже прокомментирована и в последнем издании 1991 г. Как выяснилось, не соответствуют действительности и ставшие уже трюизмом рассуждения об исчезновении традиционной культуры догонов и о полной ее коммерциализации. Столь же далеки от реальности рассуждения о полном подавлении традиционной религии исламом; не всегда точна информация о миграциях на Плато Догон, о времени основания деревень, и т. д. Даже представления о географии Страны догонов не соответствуют действительности: ее территория вовсе не ограничена Нагорьем Бандиагара и долиной Сено к югу от него, а простирается на запад практически до города Дженне – древнейшего города всей Западной Африки (основан в III в. до н. э.). Иными словами, даже те сведения об этнографии догонов, что считаются абсолютно достоверными, на самом деле нередко нуждаются в существенной коррекции.

Регулярные полевые исследования наши соотечественники там практически не проводили. Выдающийся знаток культуры и этнографии Мали В. Р. Арсеньев (1948–2010) изучал культуры мандеязычных народов этой страны, по преимуществу бамбара; в привезенных им в МАЭ коллекциях по искусству и этнографии Мали имеются предметы культуры догонов, среди них произведения искусства очень высокого качества (МАЭ № 6711-184, 6711-185), но число их невелико. Единственная российская экспедиция в Страну догонов была предпринята в 2008 г. А. Ю. Сиим (Москвитиной) (Центр политической и социальной антропологии МАЭ РАН). В подаренной ею МАЭ РАН коллекции № 7410 имеются предметы материальной культуры и искусства догонов: ритуальная лестница, жезл жреца и т. п.

[1] Цитаты приводятся по изданию 1975 г. [Griaule, 1975].

[2] О Сириусе см.: [Griaule, Dieterlen, 1950]; о достоверности этих сведений см.: [Beek, 1991, p. 149].

Илл. 1. Карта страны догонов (© *Google Earth с дополнениями П. А. Куценкова*)

Результаты экспедиции

В ходе полевых исследований 2017 г. было отснято около 40 часов видеозаписей. На них зафиксирована работа женщин-гончаров, красильщиков тканей (*илл. 2, 3*) и кожевенников, причем над конкретными изделиями, переданными затем в МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге, в Государственный музей Востока (Москва) и Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва). Также отснято около 6000 фотографий.

В дополнение к уже опубликованной записи описания деревни Семари и – частично – ее исторического предания, сделанного вождем Буреима Гандеба [Описание деревни Семари, 2016], удалось получить список устного исторического предания клана Гуруван из кварталов Огоденгу и Энде-Тооро деревни Энде, хранящийся у Сейду (Жюстена) Гиндо в квартале Огоденгу. Как удалось установить, в разных кварталах одной и той же деревни могут существовать совершенно разные устные исторические традиции, нередко противоречащие друг другу. Кроме того, получены сведения по устному историческому преданию деревни Тинтан: содержащаяся в нем информация резко расходится с общепринятыми взглядами на историю этой деревни и всей культурно-исторической области Бондум на севере Нагорья Бандиагара. Согласно последним, она была заселена выходцами из Внутренней дельты Нигера только в конце XVIII – начале XIX вв. Если же верить деревенской традиции, Тинтан была основана не позднее X в. н. э., а пришедшие на эту территорию бамбара из джаму (клан, клановое имя) Кассамбара подчинили эту территорию и дали свое клановое имя ее населению, но сами восприняли культуру и язык местного населения.

Эти документы позволяют констатировать появление в Тропической Африке нового вида исторических источников – записей устных исторических преданий, сделанных самими носителями традиции, что является свидетельством быстрой трансформации традиционной культуры в условиях растущей грамотности населения (теперь школы есть практически в каждой малийской деревне).

Поскольку информация, содержащаяся в «Боге воды» Гриоля, стала уже своего рода «академическим фольклором», в этом же разделе уместно упомянуть о наблюдениях, позволяющих в некоторой степени разрешить загадку появления там некоторых странных сведений. Так, Оготеммели сообщил Гриолю названия Сириуса (sigu tolo или pô tolo),

которые, согласно бельгийскому этнологу Валтеру Ван Беeку, в догонском языке торо-со отсутствуют [Beek, 1991, p. 149]. Между тем, в деревне Энде живет человек, которого можно по праву назвать «современным Оготеммели». Его зовут Мамаду Гиндо, и его поведение, возможно, помогает понять, откуда в книге Гриоля взялись несуществующие слова. Как говорят (на яз. бамана) родственники и соседи Мамаду, «a bɛ kuma kɛ» («он производит слова»), и уточняют эту мысль по-французски: «il crée les nouveaux mots» («он создает новые слова» – информант Сулейман Гиндо, ноябрь 2017 г.). Весьма вероятно, что Оготеммели занимался тем же самым, когда сообщал Гриолю несуществующие названия небесных светил. Есть и другие совпадения: к примеру, Мамаду принадлежит такое высказывание: «уголь черный, но он красный». Эти слова сильно напоминают речи Оготеммели из книги Гриоля. По его словам, «Земля плоская, но север наверху» [Griaule, 1975, p. 15]. Можно было бы привести еще несколько подобных примеров. По мнению авторов, объяснение этим странностям следует искать в том, что культура общения догонов построена на взаимном вышучивании, мистификациях и тому подобных приемах, причем издеваться над вами будут тем больше, чем лучше к вам относятся. Скорее всего, Оготеммели действительно говорил все то, что приписал ему Гриоль. Ошибка французского этнолога состоит только в том, что во всей деревне Оголь, где он проводил свои исследования, он общался только с одним человеком.

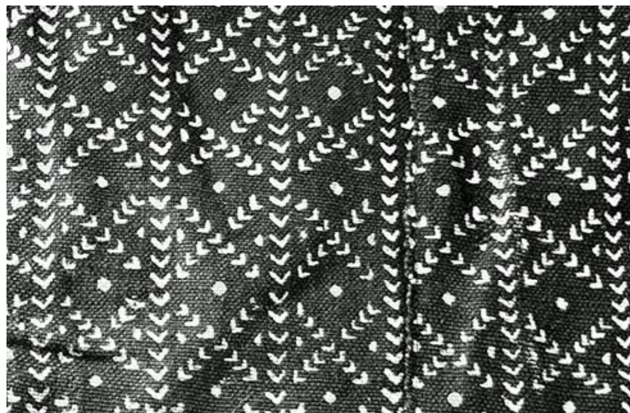
При помощи дрона была проведена разведка недоступных деревень теллем[3] (не позднее XVI в. н. э.) на скальном уступе Бандиагара в районе деревень Энде и Тели; были обследованы деревни теллем в районе селения Семари и в деревне Тинтан. В последнем случае результаты исследования подтверждают данные устной деревенской традиции. Керамика, находимая местными жителями в постройках теллем в деревне Тинтан, позволяет утверждать, что по крайней мере та группа догонов, что обитает в культурно-исторической области Бондум на северо-востоке Нагорья, сохраняет преемственность материальной культуры с материальной культурой теллем – в сущности, их невозможно отличить друг от друга. Все это заставляет по-новому взглянуть на историю заселения Страны догонов. Так, находится все больше свидетельств в пользу предположения, что большая часть теллем вовсе не покинула Нагорье после прихода туда догонов, но была ассимилирована последними.

Была привезена небольшая коллекция железных кованных «фетишей» теллем (*илл. 4*) из заброшенных деревень X–XVI вв. н. э. рядом с деревней Энде (для МАЭ). Имеется также несколько предметов вредоносной магии (*илл. 5*).

Особый же интерес представляет коллекция старой (XVII (?) – начало XX вв., *илл. 6–8*) и современной догонской скульптуры, переданная в МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), ГМИИ им. А. С. Пушкина и ГМВ. Часть этих вещей демонстрировалась на выставке «Догоны: небезымянное искусство» в ГМВ 28.03.2018–17.04.2018. Привезенные памятники пополнили собрания крупнейших отечественных музеев, имеющих африканские коллекции. Например, в коллекции ГМИИ есть некоторое количество догонских (шире – малийских) вещей – ткани, круглая деревянная скульптура, дверной засов – однако полностью отсутствовала керамика и металлические изделия. Коллекция, состоящая преимущественно из предметов, происходящих из собрания Михаила Леонидовича Звягина, поступившая в 2011–2012 гг., не очень большая по количеству предметов, но достаточно разнообразная, представляет искусство различных стран Африки – Мали, Кот д'Ивуар, Нигерии, Конго, Камеруна, Габона, Гвинеи, Сьерра-Леоне и Буркина Фасо. Так что пополнение коллекции

[3] Теллем – согласно традиции, предшественники догонов, поселившиеся на скальном уступе Бандиагара в X в. н. э. Это слово на догонских языках торо-со и тенкан означает «[те], кого [мы] нашли». Заброшенные деревни этого народа можно видеть в скалах выше догонских деревень. Согласно некоторым устным традициям, догоны пришли на нагорье в XVI в., после чего теллем ушли на территорию современной Буркина-Фасо. Однако в соответствии с устной традицией клана Гуруван из деревни Энде и по мнению Сейду (Жюстена) Гиндо, некоторые группы догонов прибыли на Нагорье еще в XI–XIII вв. и на протяжении двух-трех столетий сосуществовали с теллем.

догонскими вещами увеличит разнообразие африканских памятников, представленных в собрании музея.



Илл 2. Юбка (пань). Ткачество, шитье, окраска индиго. Сшита из семи полос ткани. 160 x 107 см. Деревня Дуру (?). Автор неизвестен. 2017 г. Приобретена на рынке в деревне Энде в ноябре 2017 г. Орнамент называется на тенкан “djogouno nyniba” и обозначает «луковое поле». МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

Илл 3. Юбка (пань). Ткачество, шитье, окраска индиго. Сшита из шести полос ткани. 131 x 103 см. Имя ткача неизвестно, окраска Фатумата Бамаджи Гиндо из квартала Огоденгу в деревне Энде. Осень 2017 г. Орнамент (пиктограмма) называется на тенкан “kori munu” и обозначает ткачество и/или касту ткачей. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

Илл 4. Фетиши теллем. Железо, ковка. Высота 35–55 см. X–XVI вв. н. э. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

Илл 5. Предмет вредоносной магии “Jobumo” (яз. тен-кан, вариант произношения – “Jonbumo”). Дерево, резьба, железо, ковка. Размеры деревянной головы – 24 x 5 см; цепь – 37 см. По словам Сейду (Жюстена) Гиндо, был сделан не позднее первой четверти XX в. для кого-то из его родичей из клана Гуруван (деревня Энде, квартал Огоденгу). Автор неизвестен. Как рассказал племянник Жюстена Бокари Гиндо, Jobumo представляют собой в высшей степени индивидуальный, даже интимный колдовской фетиш. Каждый заказывает его кузнецу согласно своим представлениям о самом сильном животном. Общих правил тут нет. Так, хамелеон чрезвычайно силен в колдовстве, но слаб физически; гиена, напротив, физически сильна и свирепа, но слаба в колдовстве. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

История формирования коллекции африканского искусства Государственного музея Востока, насчитывающей около 800 предметов, в основном связана с передачей экспонатов после окончания выставок, либо с разновременными единичными поступлениями[4]. Так, семья В. П. Буданцева, советского летчика, работавшего в странах Африки, передала в музей маску «Красная обезьяна» (Республика Мали, народ догоны, начало XX в., инв. № 5101 II) – одну из жемчужин коллекции ГМВ. Теперь она дополнилась как предметами изобразительного искусства догонов (замки и круглая скульптура, до того в собрании музея отсутствовавшие), так и керамическими изделиями (также ранее отсутствовавшими) и металлопластикой (в собрании представленной всего двумя предметами).

Необходимо отметить, что памятники, переданные музеям в 2018 г., не только этнографически достоверны, но имеют и значительную художественную ценность: они отбирались именно с учетом их последующей музеефикации. Поскольку эти произведения приобретались непосредственно у изготовителей или местных владельцев, они сопровождаются редкой по полноте и достоверности информацией о происхождении: авторе, времени и месте производства, что является большой удачей при формировании коллекций африканского искусства. Их датировки также представляют отдельный интерес: это как современные памятники (некоторые из них были изготовлены на глазах участников экспедиции, фиксировавших все этапы процесса), так и «старые» произведения, насчитывающие не одну сотню лет, что опровергает миф о невозможности приобретения подлинного старого африканского искусства в наше время. Примером такого рода может служить «фетиш» (охранитель всей деревни), происходящий из деревни Кани-Бонзон (ГМВ КП 57448), датированный XVII (?) – XIX вв. (*илл. 6*). Статуэтка была передана Сейду (Жюстеном) Гиндо в дар Государственному музею Востока. Таким образом, хранители культурной традиции в деревнях прекрасно осознают не только материальную ценность «старых» предметов искусства, но и их общекультурное значение. Немаловажным для местного населения оказался тот факт, что участники экспедиции приобретают вещи не в коммерческих целях. Это полностью укладывается в картину тех изменений, что сейчас переживает устная традиция догонов; фиксация и популяризация сведений, явлений, материальных объектов, связанных с традиционной культурой, понимается носителями традиции как приоритетная задача. Эти факты, несомненно, важно учитывать при определении целей и задач формирования африканских коллекций в отечественных музеях.

Теперь можно считать доказанным, что связь между старым и новым традиционным искусством вовсе не нарушена, ее можно и нужно и зафиксировать, и продемонстрировать в рамках научной и экспозиционной музейной работы. Значение «старых» памятников, привезенных из экспедиции и поступивших в отечественные музейные собрания, обусловлено не только очень малым количеством произведений искусства догонов в российских собраниях и полным отсутствием в них действительно старых вещей. Коллекция старой скульптуры позволяет утверждать, что, во-первых, в традиционном искусстве не существует «общедогонского» этнического стиля: скульптуры из разных деревень нередко не имеют между собой ничего общего; особенно выделяется стиль деревни Кани-Бонзон (Кани На). Это не удивительно, поскольку, согласно новейшим данным, догоны говорят на 30 языках[5], делящихся на множество диалектов – к примеру, в деревне Энде жители кварталов Огоденгу и Энде-во говорят на разных, хорошо различимых на слух диалектах языка тен-кан. Во-вторых, в случае с Энде можно проследить эволюцию стиля одного квартала – Огоденгу – едва ли не с XVII до XXI вв., что также является уникальным случаем в международной музейной практике. Важно также, что памятники старой скульптуры Энде опровергают ставшие общепринятыми представления о том, что традиционное искусство эволюционирует от натурализма к условности: «…протекающая во времени диахронная

[4] Одно из немногочисленных исключений – коллекция гирек для взвешивания золотого песка, созданных мастерами народа ашанти в конце XIX – начале XX в., поступившая в 1968 г. от африканиста Л. Д. Яблочкова.
[5] *Dogon and Bangime Linguistics*. URL: http://dogonlanguages.org/languages.cfm (дата обращения 30.07.2017).

эволюция характеризуется весьма определенными количественными изменениями (сворачиванием формы, своеобразной эрозией, обнажением морфологической структуры, нарастанием условности). Закономерности диахронной эволюции имеют универсальный характер и соотносятся с общими субстратными элементами каждой отдельной художественной традиции» [Мириманов, 1986, с. 187]. Пример скульптуры из квартала Огоденгу деревни Энде показывает, что диахронная эволюция может развиваться в прямо противоположном направлении, от условности к натурализму, поскольку там наиболее условны именно самые старые вещи. Для скульптуры конца XIX – середины XX вв., напротив, характерно нарастание натуралистической тенденции. Особенно важно, что она отмечается в памятнике конца XIX – начала XX в., когда ни о каких туристах или европейских влияниях не могло быть и речи.

В целом же применительно к традиционному искусству догонов можно говорить о двух больших группах произведений традиционного искусства: «искусстве кузнецов» и «деревенском искусстве». Первое связано с кастой кузнецов и включает металлические изделия, а также те, где применяются металлические детали. Это кованая железная скульптура, бронзовая скульптура и ювелирные украшения, выполняемые в технике утраченного воска, а также произведения декоративно-прикладного искусства, вроде дверных засовов[6]. Эта большая группа изделий обнаруживает сходство по всей Стране догонов, и особенно – в пределах культурно-исторических областей (Камбари, Вакара, Бондум и др.). Объясняется это тем, что кузнецы являются особой кастой[7], не могут быть членами деревенских общин, не имеют земельных наделов и живут только за счет своего ремесла. Они свободно перемещаются из деревни в деревню по всей стране догонов, если там возникает дефицит или, напротив, переизбыток ремесленников. Соответственно, их навыки переносятся иной раз на большие расстояния. Так, семья кузнецов Сеиба мигрировала в Энде из деревни Сонго, расположенной примерно в 12 км к северу от города Бандиагара, 130–150 лет назад. Иначе дело обстоит с круглой скульптурой – ее могут делать все жители деревни (для превращения такой скульптуры в «фетиш» достаточно окропить ее жертвенной кровью). Они привязаны к своим земельным участкам и, соответственно, не переносят свои навыки в новые места. Поэтому-то деревенские стили могут вообще не иметь связи со стилем других деревень, даже тех, что находятся по соседству. Важен также тот факт, что высокий уровень владения навыками резьбы по дереву присущ всем жителям деревни, и это закономерно обусловливает исключительно высокий художественный уровень вещей, изготавливаемых в деревне на продажу как для «внутреннего рынка», так и для туристов.

В ходе экспедиции 2017 г. были получены сведения о территориально-клановой структуре общества догонов. Так, северная деревня Тинтан состоит из двух кварталов: Нуби и Тоон. Каждый из них подразделяется на «кантоны» (по выражению информанта Мамуду Кассамбара, племянника вождя). Нуби состоит из четырех таких «кантонов» – Гуре, Будун, Тоголе и Олоки. В квартале Тоон пять «кантонов»: Кони, Некеденнье, Мафуре, Ниссене и Кедже. Схожая структура существует и в деревне Семари, расположенной примерно в 12–15 км к западу от Тинтан: на три квартала (Баро, Дангани и Таба) приходится семь «кланов» (по словам вождя Буреима Гандеба). Очевидно, что разные информанты называют «кантоном» и «кланом» один и тот же тип групп, но природа их пока неясна – понятно только то, что эти группы не всегда являются кровнородственными. Совершенно иную организацию традиционного общества можно наблюдать на юге Страны догонов, в деревне Энде – к примеру, там в кварталах Огоденгу и Энде-Тооро живет один кровнородственный клан, Гуруван.

---

[6] Подробнее о дверных засовах догонов см. [Куценков, Семенова, 2016].

[7] В Энде и других деревнях говорят, что «в деревне живут догоны, кузнецы, кожевенники и ткачи», т. е. ремесленники, люди каст, не считаются догонами. Заметим, что это не имеет ничего общего с дискриминацией: так, кузнец Ансама Сеиба является одним из самых уважаемых жителей Энде, а слава о его мастерстве выходит далеко за пределы деревни.

Илл 6. Ритуальная скульптура "yadjé" («фетиш»). Дерево, резьба. Высота 20 см. Народ догоны, деревня Кани-Бонзон (Кани На), округ Банкасс, регион Мопти, Республика Мали. XVII – не позднее начала XIX в. (?). Дар Сейду (Жюстена) Гиндо. ГМВ (Москва) (*фото Е. И. Желтова*)

Илл 7. Ритуальная скульптура "yadjé" («фетиш»). Дерево, резьба. Высота 25 см. Народ догоны, деревня Огосогу, сельская коммуна Дукомбо, округ Бандиагара, Республика Мали. XVII–XVIII вв. (?). МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

Илл 8. Ритуальная скульптура "yadjé" («фетиш»). Дерево, резьба. Высота 24 см. Народ догоны, деревня Джигибамбо, округ Бандиагара, регион Мопти, Республика Мали. XVII–XVIII вв. (?). МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) (*фото П. А. Куценкова*)

Иными словами, если на севере в одном квартале может обитать несколько «кланов» или «кантонов», то на юге, напротив, один «клан» может населять несколько кварталов. Повторим, что природа этих групп неясна, и вряд ли случайно то, что даже на севере Страны догонов для их обозначения информанты употребляют разные термины (следует отметить, что и Мамуду Кассамбара, и Буреима Гандеба в совершенстве владеют французским языком и имеют высшее образование, так что эти различия невозможно объяснить плохим знанием языка). Тем не менее предварительно можно сделать вывод о том, что на юге и севере общество догонов организовано по-разному, что может быть дополнительным косвенным свидетельством разного происхождения этих групп, к тому же говорящих на совершенно разных языках.

Очень интересные наблюдения касаются изменения отношения догонов к исламу после начала войны на севере и северо-востоке Мали в 2012 г. Догоны вдруг «вспомнили», что, согласно историческому преданию, их предки в свое время переселились на труднодоступное нагорье именно из-за нежелания принимать ислам – раньше об этом упоминали лишь вскользь. Вдруг выяснилось, что многие «добрые мусульмане» уже и не скрывают, что продолжают приносить жертвы «фетишам», что языческое Общество масок как ни в чем не бывало продолжает свою деятельность, а каждый из его членов имеет молодого ученика; что самые уважаемые люди деревни в августе проводят обряд вызывания

дождя. Главной оппозицией исламу выступает поколение начала 1980-х гг. Их отцы были неофитами и самыми горячими приверженцами новой веры, но деды остались к ней равнодушны. В результате это поколение находится в оппозиции к своим отцам, но в союзе с дедами – хранителями и знатоками традиций.

Порча и уничтожение джихадистами мусульманских рукописей в Тимбукту, жестокость, которой сопровождалось насаждение «правильного» ислама с последующим перерождением джихада в откровенный бандитизм, произвели тягостное впечатление на всех малийцев. Сейчас в их сознании существует устойчивая связка «исламский (т. е. по преимуществу саудовский) фундаментализм – насилие». В случае же с догонами, обратившимися в ислам недавно, эта устойчивая связь приобрела иной вид – в их восприятии сам ислам стал синонимом насилия. Местное мусульманское духовенство настроено весьма пессимистично. Как заметил имам мечети квартала Огоденгу в деревне Энде, «наше поколение было первыми мусульманами в деревне, и оно же будет последним» [Guindo, 2013, p. 66].

Никаких прямых столкновений на религиозной почве по-прежнему не происходит: каждая из сторон больше всего опасается именно того, что конфликт перейдет в открытую форму. Однако, к сожалению, в округе Коро, расположенном рядом с округом Банкасс, где находится деревня Энде, возобновился старый этнический конфликт между скотоводами-фульбе и земледельцами-догонами, в котором прослеживается и религиозная составляющая.

Догоны и Египет

Отдельного упоминания заслуживают результаты, полученные в отношении «египетского» эпизода истории догонов. В устной традиции имеются сведения, что их предки покинули долину Нила около 400 г. до н. э. в результате вражеского вторжения. Упоминания об этом эпизоде устного исторического предания циркулируют среди самих догонов[8]. Но, во-первых, именно в это время никаких вторжений в Египет источники не зафиксировали; во-вторых, непонятно, почему в этом случае событие датируется так точно (нехарактерно для устной традиции). Вторую дату приводит малийский исследователь Али Санкаре. Он основывается на устной традиции, но, к сожалению, без ссылки на информантов. По этой версии, исход догонов из Египта состоялся после четвертого праздника Сиги, который справляется один раз в шестьдесят лет. Последний, тридцать четвертый праздник состоялся в 1967 г., соответственно, по подсчетам А. Санкаре, догоны покинули Египет около 73 г. до н. э. [Sankaré, 2010, p. 65]. Вновь следы догонов, по мнению А. Санкаре, обнаруживаются только в XIII в.: после поражения, которое нанес сусу основатель средневековой империи Мали Сунджата Кейта, догоны покинули «Страну манде» и пришли на скалы Бандиагара. Малийский исследователь ни слова не сообщает о том, где были догоны и чем они занимались на протяжении более чем тысячи лет. Эта версия расходится с датой прихода догонов на Нагорье Бандиагара в конце XV – начале XVI в., общепринятой в Кани-Бонзон, в одной из устных традиций Энде (квартал Энде-Во) и в других деревнях, расположенных на скальном уступе Бандиагара. Но ни в Энде, ни в Семари, ни в Тинтан нам не удалось найти устные традиции, сообщающие о миграциях из Египта, или же традиции, которые можно было бы связать с Египтом хотя бы гипотетически. Все это вызывает подозрение, что сведения об исходе из долины Нила в устной традиции догонов вообще отсутствуют, и даже если они там все же есть, то попали туда, возможно, совсем недавно, не без влияния христианства и ислама (тема Исхода), получивших распространение среди догонов уже во второй половине прошлого века.

Вместе с тем невозможно отрицать, что, к примеру, некоторые элементы декора и планировки традиционной архитектуры Мали действительно обнаруживают отдаленное сходство с раннединастической египетской архитектурой, но вовсе не с сооружениями

[8] Информант Муса Амаду Гиндо (Бамако). Сведения были получены в частной беседе еще в 1989 г.

эллинистического Египта, откуда, если верить А. Санкаре, вышли предки догонов. Так, ансамбль гробницы царей средневековой державы Сонгаи в городе Гао действительно похож на ансамбль пирамиды Джосера. Однако нигде в Мали нам не удалось зафиксировать никаких специфичных строительных приемов или архитектурных деталей, которые можно было бы без сомнений связать с «Египтом фараонов», а не со схожими климатом и образом жизни. Иными словами, анализ памятников традиционной архитектуры Мали заставляет согласиться с гипотезой М. А. Коростовцева [Коростовцев, 1997] относительно единого культурного субстрата Древнего Египта и Западной Африки: некоторое сходство между архитектурой Древнего Египта и Мали говорит не столько о прямом культурном влиянии, сколько об общей древней культурной основе обеих цивилизаций. И действительно, наиболее вероятным выглядит предположение, что их общей прародиной была территория современной Сахары. По мере ее высыхания часть населения мигрировала на восток, в долину Нила, а часть – на юго-запад, в долину Нигера. В этом, кстати, убеждает то, что традиционная архитектура Мали обнаруживает сходство именно с древнейшими памятниками древнеегипетской архитектуры – т. е. теми, что в наибольшей степени могли сохранить традиции, возможно, общие и для Тропической Африки, и для Египта.

Что касается способности малийской архитектуры сохранять связь с этим самым древним пластом культуры, то эта ее особенность вписывается в характерную для западноафриканской цивилизации способность бесконечно долго сохранять самые древние формы и образы, невзирая на возникновение новых. Так, в железных кованых фигурах всадников работы кузнеца из деревни Энде Ансама Сеиба точно воспроизведена сбруя, обнаруженная при раскопках в столице Вагаду (Древней Ганы) Кумби Сале [Berthier, 1983, p. 84; Diallo, 2015. p. 31]; из трех типов топоров, распространенных в Мали, один воспроизводит в железе неолитический прототип, второй представляет собой железный аналог типичного кельта бронзового века (которого в Тропической Африке вроде бы и не было), а третий близок к проушному топору европейского типа; до сих пор в Стране догонов жены кузнецов делают покрытые шнуровым орнаментом лепные чернолощеные сосуды, ничем решительно не отличающиеся от неолитических. Вероятно, причину такой устойчивости материальной культуры следует искать в том, что до европейской колонизации Западная Африка не знала иноземных вторжений и внешних воздействий, хоть отдаленно напоминавших те, что претерпел Египет на протяжении I тыс. до н. э. (ассирийцы, персы, греки и римляне) – I тыс. н. э. (арабы). Несмотря на длительную «закрытость» и своего рода внутренний культурный антидот против внешних влияний, Египет в силу своего географического положения был вынужден вступить во взаимодействие с другими странами «плодородного полумесяца», выстраивать отношения и с народами Северной Африки, и с этносами Передней Азии. В конечном счете Египет был втянут и в зону средиземноморской культуры, где так и остался экзотическим «приглашенным» участником. История общения Египта с южными соседями также насчитывает не одно тысячелетие (Нубия, Мерое). Государства, граничившие с югом Египта, долгое время находились в зависимости от своего северного соседа и многое усвоили из египетских обычаев, но возможность влияния на изменения в культуре сопредельных стран, а уж тем более Западной Африки, остается более чем сомнительной. История Мали знает коллизии не менее драматичные, чем история Египта, но все участники этих событий были носителями культур, имевших одно и то же происхождение и родственных друг другу. Миграции в пределах Мали совершались на относительно небольшой территории, и их участниками были одни и те же группы – это можно сравнить с перемещениями одних и тех же фигур по шахматной доске, причем в результате многотысячелетней игры ни одна из них не покинула пределов игрового поля. Соответственно, не исчезали формы и образы, характерные для этих традиций.

Заключение

Экспедиции на Нагорье Бандиагара позволяют сделать некоторые предварительные выводы об эволюции культуры догонов в последние 40–50 лет, а также о реальной степени ее изученности. Во-первых, не соответствуют действительности похоронные реляции о полной коммерциализации изобразительного искусства догонов и о том, что все оно предназначено исключительно для туристов: последних в Мали нет с 2012 г., но на каждой двери в догонских деревнях можно видеть традиционные резные засовы, нередко высочайшего художественного качества. Во-вторых, не соответствуют действительности и сообщения о полном разрушении традиционной культуры исламом: напротив, сейчас в Стране догонов можно наблюдать даже возрождение традиционной религии, что связано с резким падением престижа ислама после начала войны на северо-востоке Мали в 2012 г. Наконец, в-третьих, не следует преувеличивать значение полученных из литературы сведений о культуре, искусстве и устных традициях догонов: подчас они не соответствуют действительности, и единственным выходом из создавшегося положения может быть только скрупулезная полевая работа, причем в некоторых случаях проводимая практически с чистого листа.

Литература / References

Коростовцев М. А. Древний Египет и народы Африки южнее Сахары // *Древние цивилизации: от Египта до Китая. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории»*. М., 1997. С. 120–136 [Korostovtsev M. A. Drevnii Egipet i narody Afriki iuzhnee Sakhary // *Drevnie tsivilizatsii: ot Egipta do Kitaia. Izbrannye stat'i iz zhurnala "Vestnik drevnei istorii"*. Moscow, 1997. Pp. 120–136].

Куценков П. А. Полевые исследования в стране догонов // *Восток (Oriens)*. 2016. № 6. С. 170–180 [Kutsenkov P. A. Polevye issledovaniia v strane dogonov // *Vostok (Oriens)*. 2016. 6. Pp. 170–180].

Куценков П. А., Семенова В. Н. Дверные засовы догонов в реальном и музейном контексте // *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г.* СПб., 2016. С. 162–169 [Kutsenkov P. A., Semenova V. N. Dvernye zasovy dogonov v real'nom i muzeinom kontekste // R*adlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2015 g.* Saint-Petersburg, 2016. Pp. 162–169].

Мириманов В. Б. *Искусство Тропической Африки. Типология, систематика, эволюция.* М., 1986 [Mirimanov V. B. *Iskusstvo Tropicheskoi Afriki. Tipologiia, sistematika, evoliutsiia.* Moscow, 1986].

Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буреима Гандеба / перевод и комментарий П. А. Куценков // *История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов*. Ярославль, 2016. С. 99–110 [Opisanie derevni Semari, sostavlennoe ee vozhdem Bureima Gandeba / perevod i kommentarii P. A. Kutsenkov // *Istoriia Afriki: liudi i sud'by: sbornik dokumentov i materialov.* Iaroslavl', 2016. Pp. 99–110].

Beek van W. A. E. Dogon Restudied: A Field Evaluation of the Work of Marcel Griaule // *Current Anthropology*. 1991. 32 (2). Pp.139–167.

Berthier S. *Etude archéologique d'un secteur d'habitat à Koumbi Saleh (Mauritanie). Tom I, thèse de 3eme cycle Université de Lyon 2, Science historique et géographique, et civilisations islamique*. Lyon, 1983.

Diallo B. S. *L'empire du Wagadu. Etat de la question*. Bamako, 2015.

Griaule M. *Dieu d'eau: entretiens avec Ogotemmeli.* Paris,1948, 1975.

Griaule M., Dieterlen G. Un système soudanais de Sirius // *Journal de la société des Africanistes*. 1950. X. Pp. 273–294.

Griaule M., Dieterlen G. *Le renard pâle*. Paris, 1991.

Guindo B. *Patrimoine culturel, développement et durabilité du tourisme au Pays Dogon. Cas de la commune rurale de Kani-Bonzon au Mali. Mémoire de DEA*. Bamako, 2012–2013.

Sankaré A. *L'Egypte pharaonique: les Dogon: espaces de rencontre*. Bamako, 2010.

Электронные ресурсы

Dogon and Bangime Linguistics. URL: http://dogonlanguages.org/languages.cfm (дата обращения 30.07.2017).

ФРАНКО-ТОСКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГИЗЕ (ЕГИПЕТ): НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2018

М. А. Лебедев*

К 190-летию путешествия Ж.-Ф. Шампольона в Египет

Статья посвящена двум необычным иероглифическим граффити, которые были обнаружены в гробнице Ченти I (GE 11) на территории концессии Российской археологической экспедиции в Гизе (Институт востоковедения РАН). Надписи оставлены участниками франко-тосканской экспедиции (1828–1830 гг.) – первой комплексной научной экспедиции в Египет с участием египтологов-филологов. Они упоминают французского короля Карла X и двух художников экспедиции – Нестора Л’Ота и Эдуарда-Франсуа Бертена. Данные надписи – один из первых примеров современных текстов на древнеегипетском языке, которые впоследствии стали популярны среди египтологов.

Ключевые слова: Древний Египет, некрополь Гиза, история египтологии, скальные гробницы, иероглифические надписи.

FRANCO-TUSCAN EXPEDITION IN GIZA: NEW EVIDENCE

Maksim A. Lebedev

To the 190th anniversary of the Egyptian journey of J.-F. Champollion

The paper is devoted to two unusual hieroglyphic graffiti discovered in the tomb of Tjenty I (GE 11) on the territory of Russian archaeological mission’s (IOS RAS) concession in Giza. The inscriptions were left by members of the Franco-Tuscan expedition (1828–1830), the first complex scholarly mission to Egypt to include Egyptologists-philologists. They mention the French king Charles X and two painters – Nestor L’Hôte and Édouard-François Bertin. These inscriptions are among the earliest examples of modern texts written in ancient Egyptian language, which later became popular among Egyptologists.

Keywords: Ancient Egypt, Giza Necropolis, history of Egyptology, rock-cut tombs, hieroglyphic inscriptions.

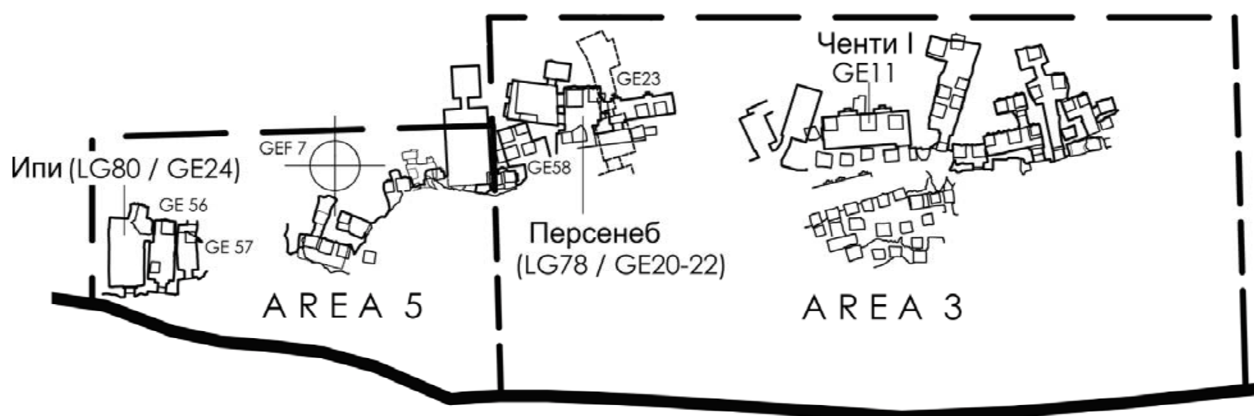
Восточное плато Гизы, где сегодня работает Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН, традиционно является одним из самых посещаемых районов древнего некрополя (*илл. 1*). Именно отсюда на протяжении тысяч лет начинают свой путь к Великим пирамидам все путешественники, приступая к осмотру достопримечательностей Гизы с Большого сфинкса.

Популярность памятников Восточного некрополя привела к тому, что стены многих гробниц оказались покрыты граффити, которые продолжают появляться и сегодня. Сложная история Восточного некрополя Гизы в Новое и Новейшее время отразилась и в находках, которые делают участники Российской археологической экспедиции во время изучения комплексов Древнего царства. Так, в скальных часовнях и верхних слоях шахт III тыс. до н. э., ведущих в погребальные камеры, встречаются фарфор, пули, монеты, бутылочные пробки, флаконы и бутылки, запонки и фрагменты стеклянных браслетов, обрывки газет, керамические курительные трубки, сигаретные и спичечные упаковки, страницы записных книжек XIX – начала XX вв.

* Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

Часть этого богатого материала вполне может быть связана с работой в Гизе археологов, в частности, сотрудников американской экспедиции, раскопавшей в первой половине XX в. под общим руководством Дж. Э. Рейснера многие памятники Восточного плато. Увы, лишь немногие из этих поздних свидетельств могут быть надежно связаны с конкретными именами из истории египтологии. Одна из наиболее интересных в этом отношении находок была сделана в 2006 г., когда сотрудники российской экспедиции обнаружили вход в гробницу «начальника имения» (*im.j-r3 pr*) Ченти I (GE 11) [Kormysheva, Malykh, 2010, p. 52–58].



Илл. 1. План южного участка концессии Российской археологической экспедиции в Гизе с гробницами Ченти I (GE 11), Персенеба (LG 78 / GE 20–22) и Ипи (LG 80 / GE 24) (*рис. С. В. Ветохова*)

Поздние граффити в гробничной часовне Ченти I

Часовня гробницы Ченти I была богато оформлена статуями, рельефами и надписями. Поверх рельефов располагаются граффити XIX в. Удивительно, что эта выдающаяся гробница, привлекшая к себе внимание многих европейских путешественников, была введена в египтологическую литературу лишь в начале XXI в.

Сначала часовня Ченти I оказалась пропущена в записях прусской экспедиции Карла Рихарда Лепсиуса, который описал почти все скальные гробницы с надписями на восточной окраине Восточного плато Гизы [Лебедев, 2018]. Не исключено, что К. Р. Лепсиус попросту не получил доступа к этой часовне, поскольку в 1840-х гг. ее вполне могли заселять местные арабы. На плане участника экспедиции Г. Эрбкама указана часовня, которую при желании можно было бы отождествить с гробницей Ченти I, однако полной уверенности в этом нет из-за того, что сам план выполнен в весьма условной манере [Lepsius, 1975, S. 86]. Затем часовню, судя по всему, пропустил другой выдающийся египтолог XIX в. Огюст Мариетт, который оставил описание многих гробниц в окрестностях.

В 1936 г. гробницу посетил и подробно отснял фотограф американской экспедиции Дж. Э. Рейснер. Однако затем сам он или сотрудники, которые обрабатывали его архив, ошибочно приписали эти снимки к соседней гробнице Ченти II (LG 77 / GE 12), что находится в нескольких метрах севернее и была в свое время описана К. Р. Лепсиусом[1]. Таким образом, гробница Ченти I была формально известна, но при этом не попала ни в одну публикацию.

Как уже отмечалось, стены часовни покрыты многочисленными граффити. В основном они сосредоточены в верхней части северной стены и в южной части восточной

[1] Фотографии A7434_NS–A7456_NS из архива Дж. Э. Рейснера: *The Giza Archives.* URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 20.06.2018).

стены, где качество известняка было особенно высоко. Большинство граффити либо вырезаны, либо процарапаны (*илл. 2*). Можно выделить несколько категорий таких надписей[2]:

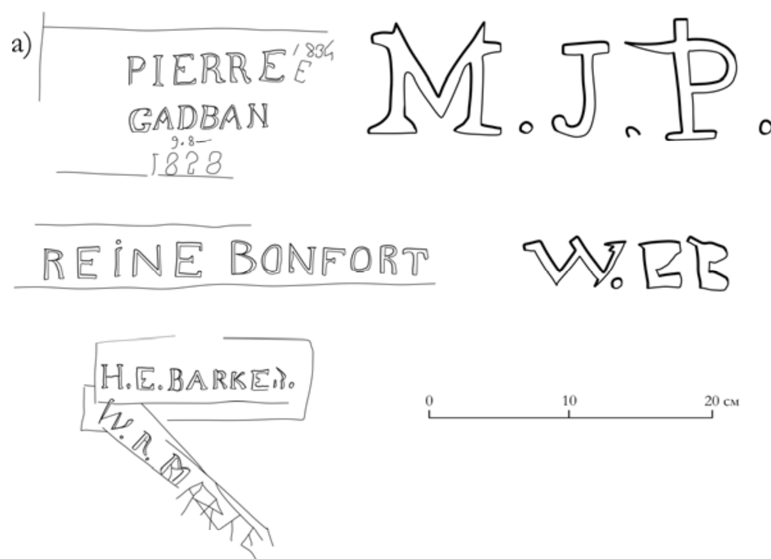
1) Отдельные буквы: "W";
2) Отдельные года: "1834";
3) Географические названия: "TOULON";
4) Инициалы или другие сокращений: а) "M.J.P", б) "W.BB";
5) Имена: а) "REINE BONFORT", б) "H.E. BARKER", в) "W.R.MARKE" (?);
6) Имена с годами:

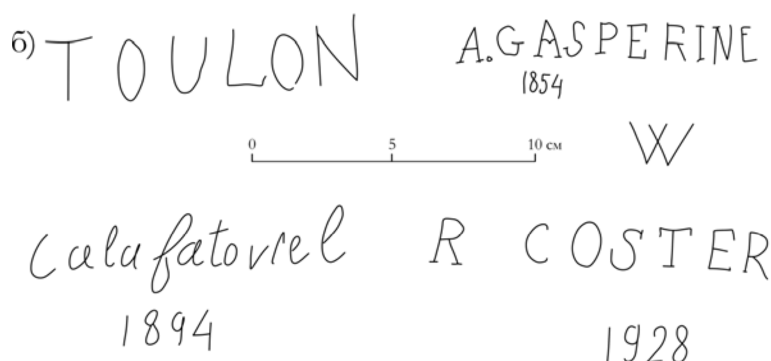
а) "PIERRE
GADBAN
9.8–
1828",

б) "A. GASPERINE
1854",

в) "Cala Fatourel
1894",

г) "R COSTER
1928".





Илл. 2. Поздние граффити в гробнице Ченти I (GE 11):
а) на северной стене; б) на восточной стене (*прорисовка В. З. Куватовой, обводка автора*)

[2] Автор выражает благодарность В. З. Куватовой за ее труд по копированию поздних граффити в гробнице Ченти I.

Два иероглифических граффити

На северной стене гробничной часовни Ченти I находится рельеф: хозяин гробницы и его жена получают папирусный свиток от своего сына Усерптаха, предстающего в образе писца. В верхнем регистре выполнено изображение карлика, который ведет в сторону фигуры Ченти I быка. Под копытами быка, а также на левом плече фигуры Ченти I сохранились две самые интересные поздние надписи (*илл. 3–6*). От других граффити их отличает способ нанесения (они выписаны черной краской или чернилами) и использованная система письменности. Если приведенные выше граффити были начертаны с использованием алфавитного письма, то два граффити, о которых пойдет речь ниже, были выполнены курсивной древнеегипетской иероглификой.

Две названные надписи привлекли не только наше внимание, но и внимание Рейснера, который отснял их отдельно в 1936 г.[3]. Первоначально казалось, что мы имеем дело с надписями, которые были оставлены египетским писцом Нового царства или более позднего времени. Действительно, такие граффити во множестве известны на памятниках мемфисского некрополя, особенно в Саккаре. Однако некоторые факты с самого начала противоречили этой версии. Главным же было необычное царское имя, которое не находило аналогий ни в эпоху Нового царства, ни в более поздних периодах.

Разгадка пришла после прочтения частных имен в тексте западной надписи, сделанной на плече фигуры Ченти I. Имена были выписаны фонетически, и одно из них читалось как *Nstr* – Нестор. Египтологам хорошо известен лишь один Нестор – это Нестор Л'От, египтолог и художник ранней героической поры развития египтологии. Мог ли эту надпись курсивными иероглифами оставить ученый XIX в.?

Нестор Ипполит Антуан Л'От родился в семье скромного французского служащего 24 августа 1804 г. Проявлявшему интерес к живописи и графике, а затем и к египтологии Нестору удалось познакомиться с Жаном-Франсуа Шампольоном и войти в состав готовящейся франко-тосканской экспедиции в Египет под руководством самого Ж.-Ф. Шампольона и Ипполито Розеллини. Нестор Л'От отправился в Египет в качестве художника. Ему и его коллегам Джузеппе Анджелелли (1803–1844), Сальваторе Черубини (1797–1869), Александру Адольфу Дюшену (1797–?), Эдуарду-Франсуа Бертену (1791–1871) и Пьеру-Франсуа Леу (1803–1883) предстояло интенсивно работать в самых сложных условиях, отрисовывая древние памятники, интересовавшие начальников экспедиции. После франко-тосканской экспедиции 1828–1830 гг. Нестор Л'От окажется в Египте еще дважды: в 1838–1839 и 1840–1841 гг. Целью этих двух поездок, спонсировавшихся французским правительством, станет завершение работы по описанию египетских храмов, которая была начата еще в годы экспедиции Ж.-Ф. Шампольона и И. Розеллини [Harlé, Lefebvre, 1993, p. 18–20].

Переписку с братьями Шампольонами о своем желании оказаться в Египте Нестор Л'От начал в январе 1825 г. Тогда же он получил доступ к двум работам Ж.-Ф. Шампольона [Champollion, 1822; Champollion, 1824], по которым, очевидно, и начал знакомиться с египетской иероглификой, а также обучаться египетскому письму [Harlé, Lefebvre, 1993, p. 34–35].

Судя по письмам домой и записям, которые Нестор Л'От вел во время своего первого путешествия в Египет, он искренне сдружился со своими парижскими коллегами-художниками – Дюшеном, Бертеном и Леу. При этом условия работы в Египте оказались необычно суровыми, не столько даже из-за жары и других внешних обстоятельств, сколько из-за огромного количества материала, который предстояло обработать. Между тем, художники нанимались в состав экспедиции на правах волонтеров с тем условием, что у них будет свободное время для наполнения собственных портфолио. Каждый из мастеров надеялся по возвращении в Париж хорошо заработать на рисунках с экзотическими

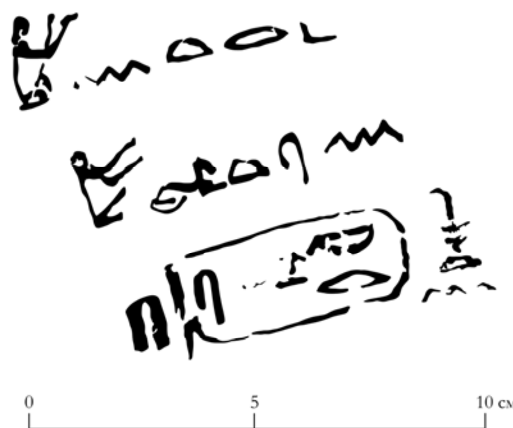
[3] Фотографии A7455_NS и A7456_NS из архива Дж. Э. Рейснера: *The Giza Archives*. URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 20.06.2018).

сюжетами, сделанными в часы отдыха [Harlé, 1998, p. 122]. Однако энтузиазм начальства, особенно самого Ж.-Ф. Шампольона, в изучении древних гробниц и храмов в целом разрушил эти надежды.

0 25 50 см

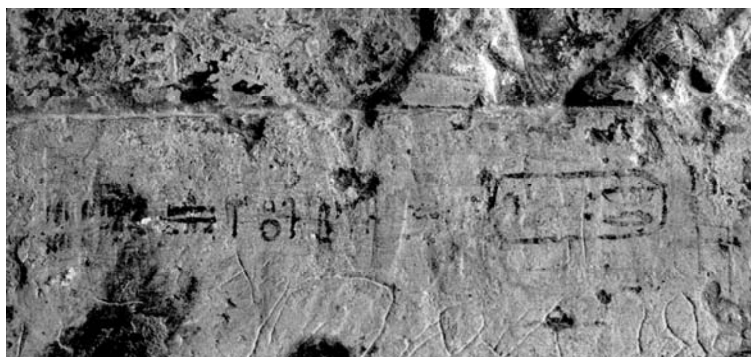
Илл. 3. Рельефы на северной стене гробницы Ченти I (GE 11) с поздними иероглифическими граффити (*рис. С. В. Ветохова с добавлениями автора*)

Экспедиция, спонсированная великим князем Тосканы Леопольдом II и французским королем Карлом X, стартовала из Тулона на корабле «Eglé» 31 июля 1828 г. В ее составе были два филолога (собственно, Шампольон и Роселлини), антиковед, шесть художников, два архитектора, два натуралиста и врач. Такой комплексной экспедиции страна на Ниле не видела со времен экспедиции Наполеона, причем нынешняя имела перед нею значительное преимущество: в ее составе впервые были филологи, способные читать древнеегипетские тексты. Неудивительно, что на это путешествие возлагались большие надежды.



Илл. 4. Прорисовка иероглифических граффити на северной стене гробницы Ченти I (GE 11) (*рис. автора*)

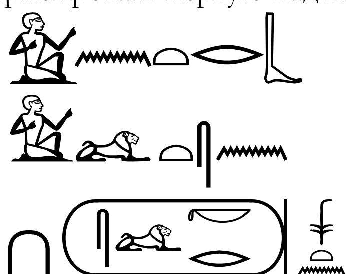
Илл. 5. Фотография западной надписи на плече фигуры Ченти I (*рис. автора*)



Илл. 6. Фотография восточной надписи под изображением быка (*рис. автора*)

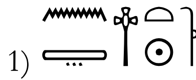
Корабль достиг Александрии 18 августа, а уже 24 августа руководство экспедиции получило аудиенцию паши Мухаммеда Али, который выдал разрешение на работы в Египте. Получив от египетского правительства крупную лодку и наняв еще одну, экспедиция достигла Каира 19 сентября [Thompson, 2015, p. 166]. Пробыв в столице до 1 октября, группа ученых и художников отправилась изучать окрестности. Проведя несколько дней в каменоломнях Туры и в некрополе Саккары, экспедиция прибыла к подножию великих пирамид Гизы 8 октября. Впечатления от увиденного были настолько велики, что в тот же день Нестор Л'От и Жан-Франсуа Шампольон поспешили поделиться ими в своих письмах на родину [Harlé, Lefebvre, 1993, p. 88; Ziegler, 1989, p. 105].

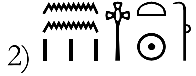
Итак, у нас есть надпись курсивными египетскими иероглифами, где содержатся два имени частных лиц и одно царское имя. Сначала удалось прочитать второе по расположению частное имя – *Nstr*. После этого задача упростилась, и прочитать первое частное имя также не составило труда – это *Brtn*, т. е. Бертен. Эдуард-Франсуа Бертен был коллегой и другом Нестора Л'Ота во время франко-тосканской экспедиции. Два имени, созвучные европейским аналогам, – это уже вряд ли могло быть простым совпадением. Расставило же все точки над i имя правителя, выписанное в картуше. Ему предшествует титул *nsw.t*, т. е. «царь». Древние египтяне бы выписали перед именем правителя стандартный титул – *nsw.t bi.tj* – «царь Верхнего и Нижнего Египта», однако европейский автор надписи, конечно же, имел в виду не египетского или османского владыку, которого можно было бы назвать «царем Верхнего и Нижнего Египта», а своего собственного правителя. Его имя читается следующим образом: *Krls*, т. е. Карл (по-французски – Charles). После картуша стоит число 10, что указывает на Карла X – того самого правителя из династии Бурбонов, который спонсировал французских участников франко-тосканской экспедиции. Транскрибировать первую надпись можно следующим образом:

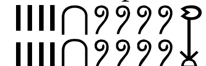


Восточная надпись, сделанная под изображением быка, расположена ближе ко входу в часовню и сохранилась гораздо хуже. В нескольких местах тушь или краска, которой были выписаны знаки, потекла или облетела. Обе надписи, судя по всему, выполнены одной рукой. В правой части восточной надписи видны остатки титула *nsw.t* перед царским картушем, а также имя правителя – *Krls*. Затем идет лакуна из нечитаемых остатков знаков. Не исключено, что там упоминался второй организатор экспедиции, князь Леопольд II, хотя места для его

имени очень мало. После хорошо видно слово *rnp.t*, т.е. «год», которое обычно предшествует в египетских текстах датировке. Несколько следующих знаков вновь прочитать непросто: . Скорее всего, здесь была отсылка к Христу, от рождения которого ведется европейское летоисчисление. Если так, то можно предложить два варианта прочтения:

1) . Этот вариант, который можно транслитерировать как *rnp.t nḏ*(*.tj*) *n tꜣ* («год спасителя земли») следует считать наиболее вероятным. Судя по всему, автор надписи постарался передать на древнеегипетском языке распространенное во французском языке определение Христа как «Спасителя мира» (Sauveur du monde). Действительно, если мы возьмем в руки «Египетскую грамматику» Ж.-Ф. Шампольона, то можно заметить, что слово *nḏ*(*.tj*), которое сегодня переводится, прежде всего, как «защитник» [Wb. II, S. 375 (14)–376(5)], учитель Нестора Л'Ота нередко переводил как «спаситель» (sauveur), в частности, когда речь шла о воскресшем боге Осирисе [Champollion, 1836, p. 325, 370, 446]. В свою очередь, термин *tꜣ* (или в графической передаче Шампольона) автор первой египетской грамматики предлагает переводить как «земной мир» (monde terrestre) [Champollion, 1836, p. 98, 140, 197, 283, 306, 335–336, 462, 481–482, 496, 521–522].

2) , что можно транслитерировать как *rnp.t nḏ*(*.tj*) *n.n* («год Спасителя для нас»). Этот вариант гораздо менее вероятен, хотя может восходить к определению Христа как «Спасителя для всех нас» (Sauveur à nous tous).

В конце надписи идет дата, начало которой оказалось размыто. Последние знаки, однако, хорошо видны – это 28 ( ). Скорее всего, это была часть датировки 1828, которая по египетским правилам должна была быть выписана так: . Не исключено, однако, что автор надписи мог попытаться использовать иератические лигатуры.

Обстоятельства создания двух необычных граффити

Кто был автором этих граффити: Нестор Л'От или Эдуард-Франсуа Бертен? Явный интерес к египтологии проявлял именно Нестор, который в составе экспедиции был не только художником, но и археологом. Кроме того, в западной надписи Нестор упоминается по имени, а Бертен – по фамилии. Именно так, по фамилии, в этот период экспедиции Нестор упоминал Бертена и в своих записях. Таким образом, можно предположить, что автором граффити был именно Нестор Л'От, который почтил так короля Карла X, а также своего старшего коллегу и друга, чью фамилию он из уважения выписал перед своим именем.

Об обстоятельствах, при которых были созданы эти две надписи, может свидетельствовать письмо Нестора Л'Ота родителям домой, которое он писал на закате в свой первый день в Гизе [Harlé, Lefebvre, 1993, p. 88].

«Après quatre heures de marche, nous sommes venus camper sous les Pyramides de Gizeh; les tentes sont adossées contre le flanc de la colline, et à l'entrée de grottes antiques autrefois tombeaux, aujourd'hui la retraite des chauves-souris, des oiseaux de proie et des voyageurs qui viennent ici. Faute de place dans les tentes, plusieurs d'entre nous couchant dans ces grottes; aujourd'hui je partage, ainsi que Bertin et Cherubini, la tente du Général, qui dort en ce moment, tandis que nous autres écrivons».

«После четырех часов пути мы прибыли, чтобы разбить лагерь у пирамид Гизы. Палатки примыкают к возвышенности, располагаясь у входа в древние пещеры, которые

прежде были гробницами, а теперь стали приютом для летучих мышей, хищных птиц[4] и путешественников, которые здесь оказываются. Из-за нехватки места многие из нас спят в этих пещерах. Сегодня мы вместе с Бертеном и Черубини заняли палатку генерала[5], который сейчас спит, в то время как мы пишем».

Похожие сведения содержатся в письме Ж.-Ф. Шампольона, написанном в тот же день [Ziegler, 1989, p. 105]:

«Notre camp fut établi sur le versant oriental du plateau des Pyramides, du côté qui regarde le Caire. Ma tente seule fut dressée, – la plupart de nos jeunes gens ayant préféré établir leurs lits dans une série de tombeaux antiques creusés dans le flanc de la montagne, ou dans une maison faite aux dépens d'un tombeau et appartenant à Caviglia».

«Наш лагерь поставлен на восточной окраине плато пирамид, на той его стороне, что обращена к Каиру. Поставили только мою палатку: большинство наших молодых ребят предпочли разместить свои кровати в нескольких древних гробницах, вырубленых в склоне горы, или в доме, который устроен в гробнице и принадлежит Кавилье».[6]

Долгое время считалось, что т. н. «гробница Кавильи» разрушена [Thompson, 2015, p. 146] или, по крайней мере, не идентифицирована. Однако это не так. В 1821 г. Генри Солт записал свои воспоминания о раскопках Джованни Батиста Кавильи в Гизе, которые тот вел в 1817 г. Эти мемуары частично издавались несколько раз, однако первая публикация их в полном виде, со всеми иллюстрациями, вышла в свет лишь недавно [Usick, Manley, 2007]. К своему тексту Г. Солт подготовил карту Гизы, где под номером 63 на восточной окраине плато указал гробницу, занятую Кавильей. Кроме того, в тексте отмечается, что в гробнице Кавильи сохранилась сцена с музыкантами, рисунок которой также прилагается [Usick, Manley, 2007, p. 4, pl. 1, sketch 26]. Положение гробницы на карте и изображенная сцена без труда позволяют заключить, что Кавилья жил в гробнице царского мастера маникюра Ипи (LG 80 / GE 24). Именно там и остановились на время пребывания в Гизе несколько молодых участников франко-тосканской экспедиции. «Гробница Кавильи» была широко известна среди европейских путешественников, многие из которых находили там приют. В гробницу была вставлена дверь, имелись стеклянные окна, воду обитатели брали из колодца, который был вырыт рядом. Сегодня эта гробница расположена на южной окраине российской концессии в Гизе. По воспоминаниям современников, в жилище Кавильи было две комнаты [Manley, Rée, 2001, p. 101]. Это означает, что на самом деле исследователь облюбовал, видимо, сразу несколько гробниц: первая комната состояла, очевидно, из гробничной часовни LG 80 / GE 24, а вторая комната – то ли из часовни GE 56, то ли из соединенных вместе часовен GE 56 и GE 57.

Судя по описанию, лагерь Шампольона и Роселлини мог располагаться прямо напротив того участка, где теперь работает Российская археологическая экспедиция. Здесь присутствуют и склон, к которому примыкали палатки (или палатка?), и большое число «пещер» – вырубленных в скале часовен III тыс. до н. э. В своем письме домой Нестор Л'От подчеркивал, что пишет его в палатке Шампольона, которую им вместе с Бертеном и Черубини в этот день удалось занять. «Сегодня» (aujourd'hui), возможно, означает, что на следующий день им предстояло поменяться местами с кем-то из тех товарищей, кто должен

[4] Это свидетельство подтверждается современными археозоологическими данными: в слоях запустения в скальных гробницах восточного плато Гизы в обилии встречаются кости мелких грызунов, летучих мышей, а также кости и погадки хищных птиц (личное сообщение Е. В. Добровольской).

[5] «Генералом» 24-летний Нестор Л'От называл своего кумира – Ж.-Ф. Шампольона [Vandier d'Abbadie, 1963, p. 5].

[6] Джованни Баттиста Кавилья (1770–1845) был одним из первых итальянских египтологов. Значительную часть своей жизни он посвятил раскопкам в Египте, в частности, в Гизе, которые финансировались в основном британским консулом Генри Солтом. Он работал в пирамиде Хуфу, раскапывал мастабы у подножия пирамид и предпринял расчистку Сфинкса, обнаружив у его лап знаменитую «Стелу сна» Тутмоса IV. Кавилья активно приглашал Шампольона в Египет и присоединился к нему в Александрии. Итальянский исследователь стал первым египтологом, который поселился в скальной гробнице на восточной окраине Гизы, став, таким образом, основателем долгой традиции.

был провести свою первую ночь в Гизе в скальном некрополе на окраине лагеря. Если так, то такой гробницей вполне могла быть часовня Ченти I. Согласно экспедиционным фотографиям Дж. Э. Рейснера, еще в 1936 г. там сохранялась конструкция из камня и сырцовых кирпичей, которая очень напоминала платформу для сна. В проход часовни Ченти I в то время была вмонтирована деревянная дверь. Всех этих удобств вполне могло не существовать в 1828 г., однако это вряд ли делало скальные гробницы менее привлекательными для путешественников. Археолог Флиндерс Питри, облюбовавший в начале 1880-х гг. для жизни в Гизе пару гробниц на северной окраине современной российской концессии, писал: «Ни одно место не обладает столь постоянной температурой в жару и в холод, как комната, вырубленная в твердой скале. В холодную погоду в ней будто горит костер, а в жару она дарит приятную прохладу» [Petrie, 1883, p. 3].

К ночевкам в скальных гробницах участники экспедиции прибегали еще не раз. А в марте 1829 г., когда путешественники на обратном пути из Нубии вновь оказались в Луксоре, отряд разбил настоящий лагерь в гробнице Рамсеса V в Долине царей [Vandier d'Abbadie, 1963, p. 3–4].

Постоянно общаясь с великим Шампольоном, одержимым расшифровкой древних текстов, Нестор Л'От изучил основы иероглифики и, судя по всему, решил в шутку оставить две надписи курсивными иероглифами. При этом не исключено, что это были первые надписи такого рода, сделанные не на бумаге, а на египетском памятнике[7]. Наиболее же известным примером таких египтизирующих текстов, пожалуй, является монументальная надпись, высеченная над входом в пирамиду Хуфу через 15 лет после франко-тосканской экспедиции по приказу прусского египтолога Карла Рихарда Лепсиуса. Лепсиус, судя по всему, не видел надписей Нестора Л'Ота в гробнице Ченти I, а потому пришел к своей идее самостоятельно. Текст над входом в пирамиду Хуфу был выбит в честь дня рождения покровителя прусской экспедиции короля Фридриха Вильгельма IV. Это уже гораздо более сложный нарратив, в котором в полной мере отразился прогресс в деле изучения древнеегипетского языка по сравнению с первыми шагами времен Шампольона. Текст начинается с введения: «Слова, сказанные слугами царя (по имени) Солнце-и-прочность-Пруссии, да даруется ему жизнь, Лепсиусом, (который) писец, Эрбкамом, (который) строитель, братьями Виденбах, (которые) художники, Фреем, (который) художник, Франке, (который) литейщик, Бономи, (который) скульптор, Вильдом, (который) строитель». Затем идет пространное славословие в честь короля и его жены. А заканчивается текст датой в трех система исчисления – от рождества Христова, от начала правления Фридриха Вильгельма IV и от начала последнего в египетской истории периода Сотиса [Romer, 2007, p. 32–33].

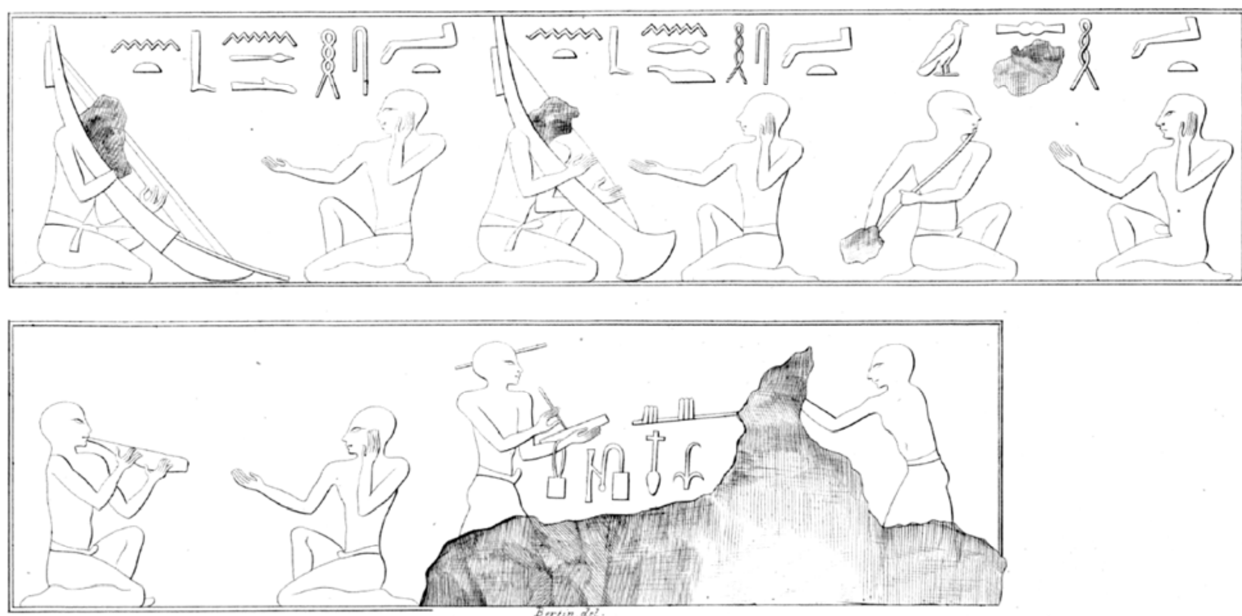
Другие свидетельства пребывания участников франко-тосканской экспедиции на Восточном плато Гизы

Остались ли еще какие-то следы присутствия Нестора Л'Ота и его товарищей в гробницах, которые впоследствии оказались в границах концессии Российской археологической экспедиции в Гизе? Такие свидетельства есть. Во-первых, на восточной стене часовни Ченти I сохранилось процарапанное граффито «TOULON» (*илл. 2*). Это название знаменитого французского порта, из которого свой путь в Египет начинали многие путешественники. Из Тулона отплыли и участники франко-тосканской экспедиции, так что надпись вполне могла быть оставлена одним из них[8].

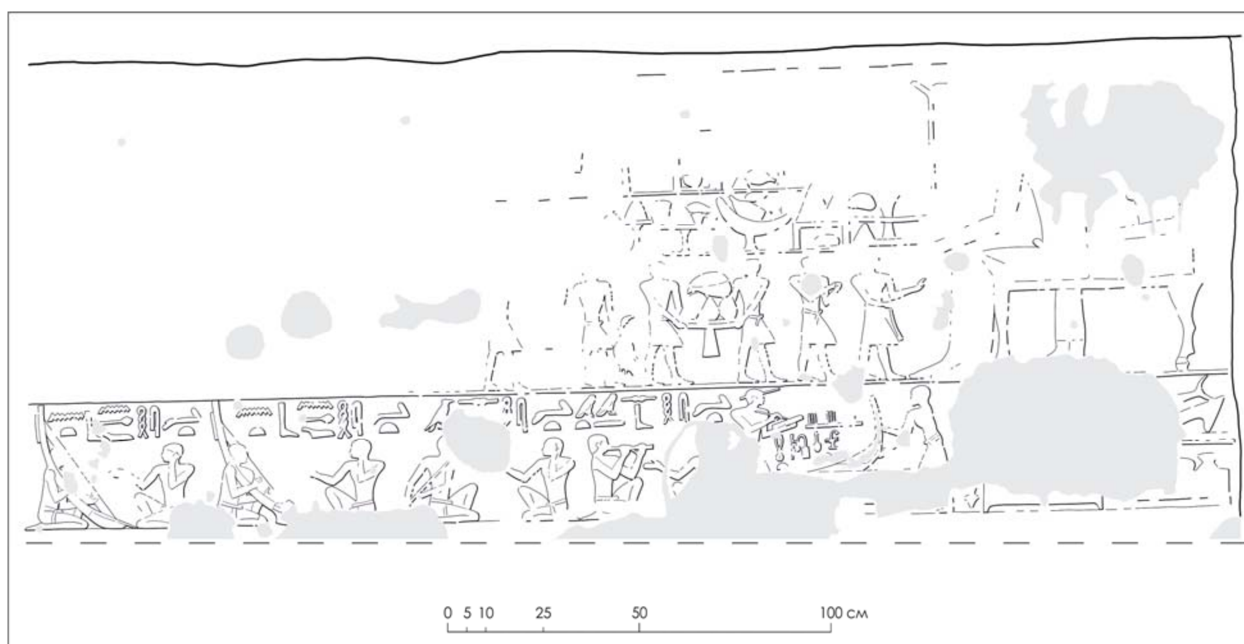
[7] Традиция создавать тексты на древнеегипетском языке и записывать послания иероглификой со временем полюбилась египтологам, которые используют иероглифику в самых разных случаях – от посвящений в книгах до частных писем.

[8] Еще одна надпись 1828 г. была оставлена на северной стене гробницы неким Пьером Гадбаном (*илл. 2*). Впрочем, судя по дате (9 августа), этот француз побывал в Гизе незадолго до Шампольона и Роселлини и никак не был с ними связан.

Кроме того, в 1845 г. в свет вышел 4-й том публикации памятников Египта и Нубии, изученных в ходе франко-тосканской экспедиции. К этому времени уже не было в живых ни Шампольона, ни Л'Ота. В книге был представлен рисунок из неизвестной гробницы Древнего царства в Гизе, изображающий сцену с музыкантами. Под изображением стоит подпись автора – Бертен (*илл. 7*) [Champollion, 1845, pl. CCCCXV.3]. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что эта сцена была скопирована в гробнице царского мастера маникюра Ипи (LG 80 / GE 24), которая находится в 56 м к югу от гробницы Ченти I. Рисунок наверняка был сделан в октябре 1828 г., когда художники франко-тосканской экспедиции жили в гостях у Кавильи, превратившего эту гробницу в свой дом.



Илл. 7. Рисунок Э.-Ф. Бертена сцены с музыкантами на южной стене в гробнице Ипи (LG 80 / GE 24) (по: [Champollion, 1845, pl. CCCCXV.3])



Илл. 8. Современная копия сцены с музыкантами на южной стене в гробнице Ипи (LG 80 / GE 24) (*рис. автора*)

Копия рельефа из гробницы Ипи прекрасно демонстрирует манеру, в которой делались ранние рисунки с египетских памятников. С одной стороны, ценность данного изображения заключается в том, что оно передает сохранность рельефа в первой четверти XIX в., в частности, лучшую сохранность отдельных фигур. С другой стороны, сравнение рисунка с оригиналом (*илл. 8*) показывает, что художник домыслил многие детали. Например, иероглиф 𓋴 был изображен Бертеном как предмет – палетка или печать, висящая на руке писца.

Путешествия Нестора Л'Ота в Египет имели неожиданное последствие. В 1842 г.[9], после очередного путешествия в Египет (1840–1841), художник тяжело заболел и вскоре умер, а его бумаги попали в руки его двоюродного брата – молодого человека по имени Огюст Мариетт. Разбирая письма своего родственника, тот буквально заболел Египтом и начал с жаром изучать египетскую иероглифику, коптский, сирийский и арамейский языки. В 1849 г. он получил место рядового служащего в Лувре, а в 1850 г. впервые отправился в Египет с заданием приобрести в коллекцию музея собрание ранних христианских рукописей. К несчастью для молодого ученого, коптский патриарх отказался от сотрудничества с ним. Чтобы не возвращаться в Париж с пустыми руками, Мариетт решился попытать счастья в поиске древностей. Он пустил имеющиеся у него средства на раскопки сначала в Саккаре, где открыл древнее кладбище священных быков – Серапеум, а затем и в Гизе, где нанятые им рабочие расчищали Сфинкса и обнаружили долинный храм царя Хафра (Хефрена). Успехи ученого решили проблему финансирования раскопок, а спустя несколько лет Мариетт фактически стал придворным археологом вице-короля Саида-паши.

В свой первый визит в Египет О. Мариетт последовал примеру своего двоюродного брата и облюбовал для жилья в Гизе одну из скальных гробниц – гробницу Персенеба [Mariette, 1889, p. 537] (LG 78 / GE 20–22), расположенную всего в 20 м к югу от гробницы Ченти I. Если сегодня подняться в часовню Персенеба, то выбор Мариетта покажется самым логичным. Гробница хорошо защищена от ветра, при этом обвалившийся потолок северной комнаты создал что-то вроде внутреннего двора, пропускающего большое количество света и свежего воздуха. Напротив находилась безымянная гробница (GE 23 по российской нумерации), где жили слуги Мариетта. Обе часовни обращены к деревне, через которую осуществлялось снабжение. Одновременно жилье Мариетта находилось всего в нескольких минутах ходьбы от Сфинкса, так что, поднявшись на плато над гробницей, ученый мог окинуть взглядом сразу весь свой раскоп.

Как уже отмечалось выше, ведя раскопки в Гизе, Мариетт вряд ли видел надписи своего родственника в соседней гробнице Ченти I. Он просто работал, зараженный тем духом, что и сегодня, спустя 190 лет после создания, несут в себе эти два простых граффити. Это дух новых открытий и интереса к таинственному письму, что вдохновлял первых египтологов.

Заключение

Опубликованные тексты показывают, что скромные гробницы восточной окраины Восточного плато Гизы были тесным образом связаны с ранней историей египтологии. Они также демонстрируют привлекательность древнеегипетского письма для специалистов,

---

[9] Именно в этот год в Египет прибыла прусская экспедиция К. Р. Лепсиуса, участники которой стремились превзойти результаты экспедиции Шампольона и Роселлини. В отличие от франко-тосканской миссии, задержавшейся у памятников близ Каира лишь на несколько дней, команда Лепсиуса провела в древнем мемфисском некрополе полгода. За несколько лет до своего большого путешествия прусский египтолог специально ездил к Роселлини в Тоскану, чтобы подробнее узнать о его опыте работы в Египте, а также обсудить вышедшую посмертно «Египетскую грамматику» Шампольона, по которой у Лепсиуса был ряд критических замечаний (в частности, он полагал, что египтяне не выписывали гласные, что впоследствии и подтвердилось).

которые уже на самых ранних этапах дешифровки иероглифов стали использовать его для создания новых текстов. Определение автора надписей позволило идентифицировать один из ранних рисунков, сделанных в гробнице Ипи. Приведенные примеры доказывают важность поздних находок, которые удается сделать в ходе раскопок Российской археологической экспедиции в Гизе. Остается надеяться, что в будущем данной категории источников будет уделено необходимое внимание.

Литература / References

Лебедев М. А. Нисутптах: новый пример редкого теофорного имени из Гизы // *Aegyptiaca Rossica*. 2018. Вып. 6. С. 148–160 [Lebedev M. A. Nisutptah: noviy primer redkogo teofornogo imeni iz Gizy // *Aegyptiaca Rossica*. 2018. 6].

Champollion J.-F. *Grammaire égyptienne ou principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliquée à la représentation de la langue parlée*. Paris, 1836.

Champollion J.-F. *Lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques*. Paris, 1822.

Champollion J.-F. *Monuments de l'Égypte et de la Nubie*. Vol. IV. Paris, 1845.

Champollion J.-F. *Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens: ou recherches sur les élémens premiers de cette écriture sacrée, sur leures diverses combinations et sur les rapports de ce système avec les autres méthodes graphiques Egyptienne*s. Paris, 1824.

Harlé D. S. The Unknown Nestor L'Hôte // Starkey P., Starkey J. (eds.). *Travellers in Egypt*. New York, 1998. Pp. 121–129.

Harlé D., Lefebvre J. *Sur le Nil avec Champollion. Lettres, journaux et dessins inédits de Nestor L'Hôte. Premier voyage en Egypte 1828–1830*. Orlèan, Caen, 1993.

Kormysheva E., Malykh S. Lepsius Tombs in Giza Necropolis re-discovered // *Journal of Egyptian Archaeology*. 2010. 96. Pp. 49–70.

Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. Text. Bd. I. Genève, 1975.

Mariette A. *Les Mastaba de l'Ancien Empire*. Paris, 1889.

Petrie W. M. F. *Pyramids and Temples of Gizeh*. London, 1883.

Romer J. *The Great Pyramid. Ancient Egypt Revisited*. New York, 2007.

Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology*. 1: *From Antiquity to 1881*. Cairo, 2015.

Wb. I–V – Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck. Bd. I–V. Berlin, 1955.

Ziegler Ch. *L'Égypte de Jean-François Champollion : Lettres & journaux de voyage (1828-1829)*. Paris, 1989.

Электронные ресурсы

The Giza Archives. URL: http://www.gizapyramids.org (дата обращения 20.06.2018).

РАЗДУМЬЯ У МОГИЛЫ ЧИНГИСХАНА

© 2018

Ю. И. Дробышев*

В статье выдвигается гипотеза о том, что в могилу Чингисхана не было положено практически никаких драгоценных вещей. Это предположение основано на имеющейся в средневековых источниках информации о том, что Чингисхан был довольно простым и скромным человеком и избегал всякой роскоши.

Ключевые слова: Чингисхан, захоронение, драгоценности.

REFLECTIONS BY THE GRAVE OF GENGHIS KHAN

Yuliy I. Drobyshev

The author suggests a hypothesis that there are no precious objects in the grave of Genghis Khan. This assumption is based on the information in mediaeval sources that Genghis Khan led a simple and modest life, and avoided any luxury. Some parallels are taken from other cultures as circumstantial evidence.

Keywords: Genghis Khan, grave, treasure.

Чингисхан неисчерпаем. Его жизнь оставила множество загадок, самая интригующая из которых, несомненно, следующая: как смог этот сын степей создать самую большую[1] в мировой истории империю? Попытки ответить на этот вопрос породили колоссальную литературу. Однако тайна его захоронения волнует как специалистов, так и широкую публику, пожалуй, не менее, чем его жизнь. На поиски могилы Чингисхана ушло много времени и сил, но результата пока нет. То, что хан был погребен в особом запретном месте, известно давно, как известны и причины тщательного сокрытия его останков. Из большого разнообразия высказанных версий наиболее правдоподобной нам представляется та, которая локализует его могилу где-то в районе горы Бурхан-Халдун в Хэнтэе [Рашид ад-Дин, 1952, с. 233]. Исходя из предположения, что, согласно высокому статусу Чингисхана, с ним должны были захоронить несметное количество драгоценных вещей, в первую очередь золота, и опираясь на некоторые косвенные сведения, специалисты порой предлагают сканировать земную поверхность на предмет поиска геомагнитной аномалии, которая указала бы на большое количество металла. Такой путь по-своему логичен, однако, думается, возможен и альтернативный вариант – к сожалению, пока тоже не более чем умозрительный. Могила «Потрясателя Вселенной» может оказаться весьма скромной, с минимумом инвентаря, сделанного к тому же из простых материалов, которые были в ходу у рядовых кочевников – железа, глины, дерева.

Мы отнюдь не претендуем на оригинальность этой идеи. Уже давно и неоднократно подобные предположения высказывались разными авторами: как профессиональными историками, так и любителями старины. Например, российский государственный деятель и писатель В. П. Череванский (1836–1914) нарисовал безыскусную картину погребения Чингисхана: «Могилу вырыли сыновья и багадуры – под корнями многовекового кедра, опаленного не раз ударами алтайской грозы. Боевой плащ, пробитый во многих местах стрелами, послужил погребальною пеленою этого низвергателя царств и тронов. Седло послужило ему изголовьем. Здесь же, у могилы, разрезали живот у его боевого коня и из

* Юлий Иванович ДРОБЫШЕВ, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru

[1] По непрерывной территории.

искусно снятой шкуры выделали чучело, которое подвесили к ветвям дерева. Неподалеку были так же подвешены лук и колчан, наполненные надломленными стрелами…» [Череванский, 1898, с. 187]. Эренжен Хара-Даван был уверен, что «умер он (Чингисхан – *Ю. Д.*) в походной обстановке так же просто, как и прожил всю жизнь. Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего четыре пятых Старого Света, властелин около 500 миллионов душ, а, следовательно, по понятиям своего века, обладатель несметных богатств, он до конца дней своих чуждался роскоши и излишеств» [Хара-Даван, 1991, с. 129–130]. Отсюда ясно, что и в могиле его искать нечего.

Как сторонники, так и противники гипотезы о невиданных сокровищах, якобы зарытых вместе с Чингисханом, по сути дела отталкиваются от одной и той же спекулятивной платформы, поскольку в источниках имеются лишь косвенные указания. Историки располагают сообщениями средневековых авторов, касающихся погребальных обрядов кочевников, в том числе монгольской элиты, но отнюдь не самого Чингисхана. «В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра» [Плано Карпини, 1997, с. 39]. Персидский историк Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази, получивший известность под почетным прозвищем Вассаф аль-Хазрат, при описании погребения ильхана Хулагу (1258–1265) отметил огромное количество золота и драгоценных камней, положенных в могилу, а также упомянул сопогребение с Хулагу нескольких прекрасных дев, одетых в роскошные наряды [Boyle, 1974, p. 8]. Согласно доминиканскому миссионеру и путешественнику Рикольдо де Монте Кроче (1243–1320), «когда же умирает император, помимо всего перечисленного кладут в могилу драгоценные камни, а также великие сокровища» [Рикольдо де Монте Кроче, 2006, с. 155]. Все дошедшие до наших дней сообщения обстоятельно проанализированы в работе: [Рыкин, 2010, с. 239–301]. Да, вполне возможно, что «потомки потомков» Чингисхана уносили с собой в иные миры груды драгоценностей. Однако археологи не торопятся с сообщениями об открытии таких захоронений.

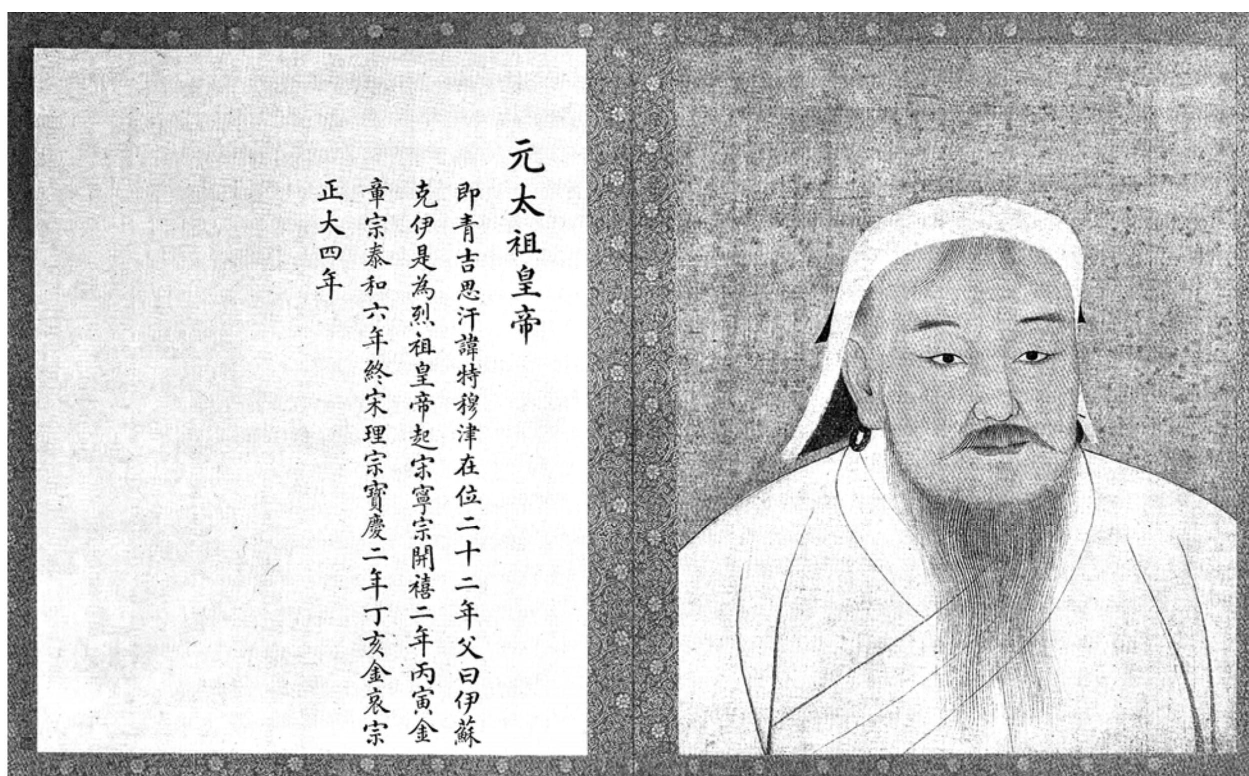
Кроме того, никто из этих людей не был и быть не мог свидетелем похорон кого-либо из знатных монголов. Наконец, ставить знак равенства между элитой и Чингисханом представляется ошибочным, даже если речь идет о его ближайших родственниках или потомках[2]. Нигде не сказано, что с великим ханом погребли какие-либо богатства. «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища», – пишет о монголах Рубрук [Гильом де Рубрук, 1997, с. 101], хотя надо признать, что это сообщение стоит особняком. Чтобы оценить степень вероятности подобного варианта, необходимо вспомнить, каким был Чингисхан при жизни.

Ни один из известных источников не сообщает о любви Чингисхана к богатству и роскоши. Познав в юные годы нужду, он научился обходиться минимумом необходимого и

---

[2] Как пример рассуждений, основанных лишь на информации о погребениях средневековой монгольской элиты, но не имеющих прямого отношения к Чингисхану, и сильно разбавленных собственными домыслами, можно привести беллетризованный нарратив французского историка Мишеля Хоанга: «Облаченный в парадные одежды и платья из драгоценного шелка, Тэмуджин был положен в гроб, составленный из пяти гробов, вложенных один в другой. Тело водрузили на тяжелую повозку, украшенную почетными флагами, и среди плача и стенаний монгольского народа Тэмуджин отправился в свой последний путь. …В соответствии с традицией Тэмуджин был погребен под громадным деревом в час, когда горы окутала дымка тумана. Была вырыта огромная могила, и прежде чем опустить тело, в ней сначала установили полностью собранный войлочный шатер великого хана. Драгоценности, оружие, сосуды, наполненные едой, были помещены рядом с глиняными кувшинами с молоком и айраком. Неизвестно, убивали ли в то время рабов, призванных служить властелину в загробном мире, или это была только видимость заклания, ритуальный обряд, заменивший древний обычай. Неизвестно также, были ли погребены лошади вместе с седлами, удилами и уздечками, но многие авторы писали о приношении в жертву лошадей, установленных на специальных подставках, рядом с могилой. Благодаря этим приношениям великий хан мог перейти в мир иной, снабженный запасами еды, чтобы питать тело, пьянящим молочным напитком, чтобы согревать сердце, и табуном кобыл и племенных жеребцов, чтобы мчаться в вечность» [Хоанг, 2016, с. 25].

пронес это умение через всю свою жизнь. Следующий пример иллюстрирует сказанное. Разгромив государство хорезмшахов, Чингисхан задумался о собственной бренности и вызвал к себе в походный лагерь прославленного даосского мастера Чан-чуня, чтобы узнать у него секрет бессмертия. Письмо Чан-чуню, скорее всего, писал находившийся при ханской особе знаменитый киданьский советник Елюй Чуцай. Наиболее вероятно, что Чингисхан продиктовал ему текст, начинавшийся знаменательными словами: «Небо отвергло Китай[3] за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна…» [Си ю цзи, 1866, с. 370]. Даже если здесь и имеются некоторые стилистические украшения, мы вправе рассматривать это письмо как документ, подтверждающий непритязательность монгольского владыки, сохраненную им до преклонных лет.



Илл. 1. Император Тайцзу (Чингисхан). Страница из альбома портретов императоров династии Юань (Юаньдай ди баньшэньсян). Национальный музей Гугун (Тайбэй), 116,1 х 74.1 см. Водорастворимые краски, шелк

Известный портрет Чингисхана на шелке (*илл. 1*), хранящийся в Национальном дворцовом музее в Тайбэе и датируемый XVIII в., хотя восходящий, возможно, к гораздо более раннему оригиналу, изображает великого хана в довольно скромном одеянии. Полагают, что портрет принадлежит кисти члена Академии Ханьлинь Хе Лихосуня, выполнившего эту работу по указу Хубилая в 1278 г., причем за основу художник взял портрет самого Хубилая и незначительно его переделал, «состарив» и придав вид умудренного пожилого человека [Baatar Hai, 2006, p. 1–11].

Здесь будет уместно вспомнить одно из положений Великой Ясы, приписываемое самому Чингисхану и сохранившееся в изложении сирийского церковного деятеля и ученого

3 Имеется в виду чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234), захватившая в первой половине XII земли Северного Китая.

Абу-ль Фараджа (1226–1286): «Царям и знати не надо давать многообразных, цветистых имен, как то делают другие народы… Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным (личным) именем» [Вернадский, 1939, с. 54]. Скромность фактически возведена в ранг закона. Несмотря на огромное влияние, Чингисхан так и остался ханом; титул «хаган», т. е. «царь царей», впервые принял его сын Угэдэй. Аналогично, Яса запрещает кичиться своими военными силами в сношениях с врагами: «Когда нужно писать бунтовщикам или отправить к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться – что мы знаем? Бог всевечный знает, что с вами будет» [Вернадский, 1939, с. 53]. Под Богом понимается обожествленное Вечное Синее Небо.

Чингисхана изображают щедрым вождем, всегда охотно наделявшим своих соратников добычей. Собственно, если бы он не был таким, он вряд ли смог бы обеспечить себе поддержку и добраться до вершин власти. Персидский историк и государственный деятель при дворе ильханов Рашид ад-Дин (1247–1318) вложил в уста кочевников – современников Чингисхана (в ту пору еще носившего имя Тэмуджин, данное ему при рождении) следующие показательные слова: «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус!» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 90; Китайская династийная история, 2009, с. 129].

Последним по времени является свидетельство того же Рашид ад-Дина о раздаче Чингисханом жемчуга, который ему прислал император Цзинь в его походный лагерь в горах Люпань-шань, где Чингисхан пережидал летнюю жару во время своего последнего похода на тангутов в 1227 г. Приняв дар, монгольский владыка якобы приказал дать по жемчужине каждому, у кого в ухе было отверстие для серьги. Тогда окружавшие, не имевшие такого отверстия, начали скорее протыкать себе уши в надежде заполучить жемчужину. Но и после этого жемчуга осталось много, и тогда Чингисхан изволил сказать: «Сегодня – день дарения, бросайте все, чтобы люди подобрали!», а сам, чувствуя близкую кончину, не обратил на жемчуг «никакого внимания» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 232–233]. Из этого, как минимум, можно предположить, что он не рассчитывал брать в мир иной свои богатства.

Подобными качествами отличался гуннский вождь Аттила (434–453), задолго до монголов заставивший трепетать Европу. Дипломат, историк и писатель Приск Панийский (V в.), побывавший в составе посольства Восточной Римской империи в ставке Аттилы, обратил внимание на скромность предводителя гуннов: «Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Аттилою ничего более не было кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносимы были чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая, и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, каменьями, или чем-либо драгоценным, как водится у других скифов» [Сказания Приска Панийского, 1861, с. 67]. Очевидно, Приску незачем было наделять Аттилу несвойственными тому качествами и изображать его нарочито скромным в быту. По-видимому, мы вполне можем доверять этой информации. Великий гунн демонстрировал пренебрежение к богатству. Обладая огромной властью, нуждался ли он в золоте и жемчугах? Едва ли. При первой необходимости он мог получить их, но, похоже, Аттила поступал весьма мудро, показывая всем – и своим подданным, и иноземным дипломатам, что он достиг такого величия и могущества, что земные блага просто перестали его интересовать: он был выше их, и с этой недосягаемой для прочих смертных высоты он диктовал свою волю. По этой же причине можно полагать, что и похоронен он был довольно скромно, с минимальным набором вещей, необходимых, как верили гунны, покойному на том свете, и весьма вероятно, что эти вещи были сделаны не из золота, а из обычных, дешевых

материалов. Поэтому следует с осторожностью относиться к периодически появляющимся сообщениям об обнаружении его захоронения, полного драгоценных предметов. Во всяком случае, ни одна из найденных богатых могил гуннской эпохи не атрибуирована как принадлежащая именно Аттиле.

Однако как же быть с рассказом историка VI в. Иордана о пышных похоронах Аттилы и о тройном гробе, в который якобы он был положен? «Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорил племена, золото и серебро – потому что он принял орнат[4] обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного» [Иордан, 1960, с. 118]. Тайна захоронения не вызывает сомнений, иначе вскоре после похорон могилу вскрыли бы грабители. Достаточно вероятно также убиение людей, ее копавших. Но сведения о гробе и драгоценных предметах менее убедительны[5]; Иордан не только не мог видеть все это своими глазами, но и не мог услышать о них от тех людей, которые участвовали в похоронах Аттилы, так как он жил почти век спустя. Следовательно, он был вынужден пользоваться слухами, и не удивительно, что как жизнь, так и смерть гуннского предводителя к тому времени обросли легендами. В принципе, однако же, можно допустить, что, вопреки простоте Аттилы, его родственники и соратники устроили ему пышные похороны.

То же самое могло произойти и в случае Чингисхана: ведь ни личная скромность великого монгола, ни его предсмертное повеление относительно собственных похорон (если даже оно было им оставлено) не исключают вероятности того, что скорбящие родственники наполнили могилу драгоценностями. Теоретически, хотя и весьма маловероятно, они могли пойти против воли своего вождя.

Важные детали захоронения монголов сообщает персидский историк Джузджани (ок. 1193–?): «У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану… Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его да (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения). Этот обычай их известен всем народам мусульманским» [Джузджани, 2006, с. 42]. Добавим, что не только мусульманским. Так, далматинский хронист и архидьякон Фома Сплитский (ок. 1200–1268) сообщает: «Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них настигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения» [Фома Сплитский, 1997, с. 114–115]. Данные сведения подтверждает брат Ц. де Бридиа (Аноним из Бржега): «После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течение ночи над [этим] местом гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним [умершим]. Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву» [Христианский мир,

[4] Орнат – императорский убор.

[5] Венгерский исследователь Л. Беше обнаружил аналогичный мотив тройного гроба в монгольском фольклоре [Bese, 1982, p. 61–68]. В заключение автор подчеркивает, что его появление там не может служить решительным подтверждением истинности слов Иордана о погребении Аттилы [Bese, 1982, p. 68]. И. Эчеди выражает сомнение в том, что подобный способ погребения имел место, учитывая быстрый распад созданной Аттилой империи и вспыхнувшую сразу после его кончины борьбу за власть, и видит в сообщении Иордана отголоски фольклора [Ecsedy, 1982, p. 135, 146].

2002, с. 119–120]; и южносунский посол к монголам Пэн Да'я: «Их [черных татар] могилы не имеют курганов. [Черные татары] используют коней, чтобы вытоптать [могилу] и довести до совершенно ровного места. Что касается могилы Тэмочжэня, то [вокруг нее] воткнуты стрелы в качестве ограды (шириной свыше 30 *ли*[6]) и патрулируют всадники в качестве охраны» [Хэй-да ши-люе, 2009, с. 84].

Другой южносунский посол – Сюй Тин, дополнивший записки Пэн Да'я содержательными комментариями, утверждает, что видел своими глазами место погребения Чингисхана, хотя и не до конца уверен в этом: «[Я, Сюй] Тин видел могилу Тэмочжэня, находящуюся на берегу реки Лугоу. Горы и реки окружают [ее]. Мне передали рассказ, что Тэмочжэнь родился в этом месте, поэтому [когда он] умер, то и похоронили [его] там же» [Хэй-да ши-люе, 2009, с. 84]. Мысль о том, что могила должна находиться в районе места рождения, конечно, верна, но совершенно ясно, что Сюй Тин не мог ее видеть: даже если ему пришлось дойти до Центральной Монголии, крайне сомнительно, чтобы ему показали запретное место, скрывающее могилу великого хана. Упомянутая выше маркировка захоронения стрелами также вызывает сомнения: к тому времени (1230-е гг.) от могилы Чингисхана не должно было остаться никаких следов, и привлекать к ней внимание таким способом явно было излишне. Может быть, посол говорит о «Великом хориге», где после Чингисхана хоронили представителей его «Золотого рода»?

При погребении приходилось принимать во внимание вероятность ограбления и уничтожения могил. В кочевом мире могилы грабили издавна. «Если же умерший татарин оказывается богатым и знатным, то его хоронят в роскошнейшем одеянии и в удалении от всех в тайном месте, дабы его одеяние не украли», – пишет европейский наблюдатель [Винсент из Бове, 2006, с. 105]. Однако номады имели и еще один резон раскапывать чужие погребения, и дело здесь совсем не в желании поживиться богатыми одеждами покойного. Нередко их целью было осквернение захоронения врага, так как считалось, что подобное действие ослабляет неприятельский род. Врага мало было убить – надо также уничтожить его кости. Лишь в этом случае его сила терялась для его потомков, а сам он лишался возможности возродиться к новой жизни. Вот почему номады стремились отыскать и разорить могилы чужих правителей [Дмитриев, 2001, с. 178–190; Дробышев, 2005, с. 119–140; Drobyshev, 2006, p. 65–92]. «Тем временем король Коломан[7] из мира сего блаженно переселился к Господу. …Похоронили его в обители братьев-проповедников у Чазмы в укромном мавзолее, поскольку татары – этот нечестивейший народ – злодейскими руками оскверняли могилы христиан, прежде всего наиболее знатных, и раскидывали их кости» [Фома Сплитский, 1997, с. 115–116]. Этот прием войны с усопшими приобрел в XIII в. широкую известность.

Соответственно, захоронения своих ханов кочевники тщательно укрывали от постороннего посягательства, а отсюда становится понятным, почему место последнего пристанища Чингисхана, как и монгольского императорского кладбища в целом, не локализовано до сих пор[8]. Однако связь «Великого хорига», т. е. заповедного кладбища Чингисхана, с могилами его предков не ясна. Считается, что Чингисхан появился на свет на территории нынешнего сомона Дадал в Хэнтэйском аймаке, близ российской границы. Но родовое кладбище, неверно названное в переводе С. А. Козина «Землей предков»[9], могло находиться не там. Текст «Сокровенного сказания» позволяет лишь думать, что это была относительно легко доступная местность где-то на Ононе, раз туда съезжались на весенние

---

[6] Около 15 км.

[7] Коломан (ок. 1208–1241) – венгерский принц, герцог славонский и хорватский, сражался с монголами на реке Шайо и позже скончался от полученных ран.

[8] О поисках могилы Чингисхана написано немало книг и статей самого разного качества. См.: [Schubert, 1963; Schubert, 1973, p. 311–315; Severin, 1991, p. 64–80; A Report, 1990, 1994; Badamxatan, 1997; Levy, 2006, p. 172–179; Мэн, 2006, с. 352–402; Marmai, 2017; и др.]. Одной из самых основательных работ по теме является статья И. де Рахевильца: [Rachewiltz, 1998, p. 239–256].

[9] Об этой ошибке, начавшей «жить своей жизнью как топоним», см.: [Rachewiltz, 1998, p. 247–248].

жертвоприношения мясом и вином не только мужчины, но и женщины [Козин, 1941, § 70]. Здесь покоились родичи Чингисхана. Во всяком случае, «Сокровенное сказание» называет Амбагай-хагана (?–1156), навестить которого прибыли его супруги Орбай и Сохатай, а также овдовевшая мать Чингисхана Оэлун [Козин, 1941, § 70]. Амбагай-хаган был правнуком Хайду и троюродным братом Хабул-хана; последний передал ему власть над объединением кочевников «Хамаг монгол улус». Враждебное племя татар-чжуинов захватило его и передало цзиньскому императору, который жестоко казнил Амбагая. Это злодеяние позже послужило монголам поводом для мести и татарам, и чжурчжэням. Однако здесь ли упокоился отец Чингисхана Есугай, источник не сообщает.

Согласно Рашид ад-Дину, Чингисхана похоронили в месте, которое указал он сам, – на склоне горы Бурхан-Халдун, в лесистой местности, до которой от его летних и зимних кочевий было шесть дней пути [Рашид ад-Дин, 1952, с. 233–235]. Доставка сокровищ в горы и сооружение там подземного мавзолея должны были обернуться очень большими трудозатратами и быть достойными увековечения в официальной монгольской историографии, но даже весьма информированный о внутренних делах Чингисидов Рашид ад-Дин на сей раз оказывается скуп на слова.

Там же были похоронены царственные потомки и ближайшие родичи Чингисхана по линии его младшего сына Тулуя: сам Тулуй («хранитель очага»), его жена Соркуктани-беги и сын – великий хан Мункэ, а также «все другие царевичи, за исключением Кубилай-каана» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 201]. Никаких подробностей похорон источник не раскрывает. Внук Хубилая и наследник юаньского трона Тэмур где-то там сделал изображения покойных предков, «там жгут постоянно фимиам и благовония», а другой внук – Камала даже соорудил себе капище [Рашид ад-Дин, 1960, с. 207][10]. К сожалению, из текста нельзя понять, о чем конкретно идет речь: о «Великом хориге» или о каком-то месте близ заповедника, где совершались обряды поминовения.

Если могила Чингисхана пребывает в безвестности, то его реликварий Эджен-хоро в Ордосе пользуется большой популярностью. Свой нынешний помпезный вид он приобрел уже во второй половине XX в., а до того он не отличался роскошью, несмотря на связь с именем великого хана и его семьи [Потанин, 1885, с. 303–315; Дылыков, 1958, с. 228–234; Жамцарано, 1961, p. 199–200].

Все вышеизложенное подводит нас к выводу, что могила великого монгольского вождя, скорее всего, не скрывает несметные богатства, а содержит довольно скромный погребальный инвентарь. Имея в своем распоряжении «весь мир» (в том объеме, в котором монголы эпохи империи считали «всем миром» завоеванные ими пространства), Чингисхан вряд ли нуждался на том свете в какой-либо частице этого земного мира – это только умалило бы его величие.

Литература / References

Вернадский Г. В. *О составе Великой Ясы Чингис Хана*. Bruxelles, 1939 [Vernadskij G. V. *O sostave Velikoj Yasy Chingis Hana*. Bruxelles, 1939].

Винсент из Бове. Историческое зерцало / Пер. Н. Горелова // *Книга странствий*. СПб., 2006 [Vinsent iz Bove. Istoricheskoe zercalo / Per. N. Gorelova // *Kniga stranstvij*. St. Petersburg, 2006].

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // *Путешествия в восточные страны*. М., 1997 [Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany // *Puteshestviya v vostochnye strany*. Moscow, 1997].

[10] И. де Рахевильц полагал с большой долей уверенности, что остатки храма, обнаруженные при подъеме на Бурхан-Халдун экспедицией Шуберта-Пэрлээ в 1961 г. и им самим в 1997 г., являются следами именно этого «капища» [Rachewiltz, 1998, p. 248]. Однако исследования монгольских археологов, проведенные в последние годы на склонах Бурхан-Халдуна, опровергли это предположение. Ученые установили, что храм был основан в 1654 г. выдающимся религиозным деятелем Дзанабадзаром (1635–1723) и назывался Рэбугежээгандан-шадувлин-номын их-хурэ (его народное название – Сарьдагийн-хийд, от монг. *сарьдаг* – покрытая вечными снегами гора или голец).

Дмитриев С. В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // *Антропология насилия*. СПб., 2001. С. 178–190. [Dmitriev S. V. Praktika razoreniya mogil v politicheskoj kul'ture tyurko-mongol'skih kochevnikov // *Antropologiya nasiliya*. St. Petersburg, 2001. S. 178–190].

Дробышев Ю. И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 119–140. [Drobyshev Yu. I. Pohoronno-pominal'naya obryadnost' srednevekovyh mongolov i ee mirovozzrencheskie osnovy // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2005. № 1. S. 119–140].

Дылыков С. Д. Эджен-хоро // *Филология и история монгольских народов*. М., 1958 [Dylykov S. D. Edzhen-horo // *Filologiya i istoriya mongol'skih narodov*. Moscow, 1958].

Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе (из путешествия в Южную Монголию в 1910 г.) // *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. VI.3. P. 194-234. [Zhamcarano C. Kul't Chingisa v Ordose (iz puteshestviya v Yuzhnuyu Mongoliyu v 1910 g.) // *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. VI.3. S. 194-234].

Из «Насировых разрядов» Джузджани // *История Казахстана в персидских источниках*. Т. IV. Алматы, 2006 [Iz «Nasirovyh razryadov» Dzhuzdzhani // *Istoriya Kazahstana v persidskih istochnikah*. T. IV. Almaty, 2006].

Иордан. *О происхождении и деяниях гетов. Getica* / Пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1960 [Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyah getov. Getica* / Per. E. Ch. Skrzhinskoj. Moscow, 1960].

Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р. П. Храпачевского // *Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники*. М., 2009 [Kitajskaya dinastijnaya istoriya «Yuan' shi (Oficial'naya istoriya [dinastii] Yuan')». Per. R. P. Hrapachevskogo // *Zolotaya orda v istochnikah. T. III. Kitajskie i mongol'skie istochniki*. Moscow, 2009].

Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М., Л., 1941 [Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g.* Moscow, Leningrad, 1941].

Мэн Д. *Чингисхан*. М., 2006 [Mehn D. Chingiskhan. Moscow, 2006].

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н. Ц. Мункуева. М., 1975 [Mehn-da behj-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar) / Per. N. C. Munkueva. Moscow, 1975].

Плано Карпини. История могалов // *Путешествия в восточные страны*. М., 1997 [Plano Karpini. Istoriya mogalov // *Puteshestviya v vostochnye strany*. Moscow, 1997].

Потанин Г. Н. Поминки по Чингис-хане // *Известия ИРГО*. 1885. Т. 2. Вып. 4. С. 303-315. [Potanin G. N. Pominki po Chingis-hane // *Izvestiya IRGO*. 1885. T. 2. Vyp. 4. S. 303-315].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой. М., Л., 1952 [Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej*. T. I. Kn. 2 / Per. O. I. Smirnovoj. Moscow, Leningrad, 1952].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского. М., Л., 1960 [Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej*. T. II / Per. Yu. P. Verhovskogo. Moscow, Leningrad, 1960].

Рикольдо де Монте Кроче. Путешествие по Святой земле / Пер. Н. Горелова // *Книга странствий*. СПб., 2006 [Rikol'do de Monte Kroche. Puteshestvie po Svyatoj zemle / Per. N. Gorelova // *Kniga stranstvij*. St. Petersburg, 2006].

Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // *От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки*. СПб., 2010. С. 239-301. [Rykin P. O. Koncepciya smerti i pogrebal'naya obryadnost' u srednevekovyh mongolov (po dannym pis'mennyh istochnikov) // *Ot bytiya k inobytiyu: Fol'klor i pogrebal'nyj ritual v tradicionnyh kul'turah Sibiri i Ameriki*. St. Petersburg, 2010. S. 239-301].

Си ю цзи, или описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на запад / Пер. П. Кафарова // *Труды членов российской духовной миссии в Пекине*. Т. IV. СПб., 1866 [Si yu czi, ili opisanie puteshestviya daosskogo monaha Chan Chunya na zapad / Per. P. Kafarova // *Trudy chlenov rossijskoj duhovnoj missii v Pekine*. T. IV. St. Petersburg, 1866].

Сказания Приска Панийского / Пер. Г. С. Дестуниса // *Ученые записки второго отделения Императорской Академии Наук*. Книга VIII. Вып. 1. СПб., 1861 [Skazaniya Priska Panijskogo / Per. G. S. Destunisa // *Uchenye zapiski vtorogo otdeleniya Imperatorskoj Akademii Nauk*. Kniga VIII. Vyp. 1. St. Petersburg, 1861].

Сыма Цянь. *Исторические записки («Ши цзи»)*. Т. II / Пер. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Изд. 2-е. М, 2003 [Syma Cyan'. *Istoricheskie zapiski («Shi czi»)*. T. II / Per. R. V. Vyatkina i V. S. Taskina. Izd. 2-e. Moscow, 2003].

Фома Сплитский. *История архиепископов Салоны и Сплита* / Пер. О. А. Акимовой. М., 1997 [Foma Splitskij. *Istoriya arhiepiskopov Salony i Splita* / Per. O. A. Akimovoj. Moscow, 1997].

Хара-Даван Э. *Чингис-хан как полководец и его наследие*. Элиста, 1991 [Hara-Davan E. *Chingis-han kak polkovodec i ego nasledie*. Elista, 1991].
Хоанг М. *Чингисхан*. М., 2016 [Hoang M. *Chingiskhan*. Moscow, 2016].
Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. Критич. текст, пер. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб., 2002 [*Hristianskij mir i Velikaya Mongol'skaya imperiya. Materialy franciskanskoj missii 1245 goda*. Kritich. tekst, per. S. V. Aksenova i A. G. Yurchenko. St. Petersburg, 2002].
Хэй-да ши-люе / Пер. Р. П. Храпачевского // *Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники*. М., 2009 [Hehj-da shi-lyue / Per. R. P. Hrapachevskogo // *Zolotaya orda v istochnikah. T. III. Kitajskie i mongol'skie istochniki*. Moscow, 2009].
Череванский В. *Две волны. Историческая хроника. 1147–1898 гг.* Ч. 1. СПб., 1898 [Cherevanskij V. *Dve volny. Istoricheskaya hronika. 1147–1898 gg.* Ch. 1. St. Petersburg, 1898].
A Report on the Joint Investigation under the Mongolian and Japanese GURVAN COL Historic Relic Probe Project, by the Mongolian Academy of Sciences and the Yomiuri Shimbun, Japan. Vol. I: Initial Year (1990). [n.p.], 1991; Vol. II: 1991–1993. [n.p.], 1994.
Baatar Hai. Introduction to the Portrait of Genghis Khan at National Palace Museum in Taipei // *Bimonthly Journal on Mongolian and Tibetan Current Situation*. 2006. Vol. 15. No. 5. P. 1-11.
Badamxatan B. S. *Čingis Xaan: «End bi noirsono»*. Ulaanbaatar, 1997.
Bese L. The Motive of the Triple Coffin in a Mongolian Folk Tale // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1982. Vol. 36. No. 1/3. P. 61-68.
Boyle J. A. The Thirteenth-Century Mongols' Conception of the After Life: the Evidence of their Funerary Practices // *Mongolian Studies*. 1974. Vol. 1. P. 5-11.
Drobyshev Yu. I. Funeral and Memorial Rituals of the Medieval Mongols and Their Underlying Worldview // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 45. No. 1. Summer 2006. P. 65–92.
Ecsedy I. The Oriental Background to the Hungarian Tradition about «Attila's Tomb» // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1982. Vol. 36. No. 1/3. P. 129-153.
Levy J. *Lost histories. Exploring the world's most famous mysteries*. London, 2006.
Marmai I. *Genghis Khan. The Mystery of the Last Trail*. [n.p.], 2017.
Rachewiltz I., de. Searching for Čìnggis Qan: Notes and Comments on Historic Sites in Xentii Aimag, Northern Mongolia // *Rivista Degli Studi Orientali*. (1997). Vol. LXXI. Fasc. 1–4. Roma, 1998. P. 239-256.
Schubert J. Burxan Xaldun – Xentii Xan? // *Own Ulsyn Mongolč Erdemtnii II Ix Xural*. II Bot'. Ulan Bator, 1973. P. 311-315.
Schubert J. *Ritt zum Burchan-chaldun. Forschungsreisen in der Mongolischen Volksrepublik*. Leipzig, 1963.
Severin T. *In Search of Genghis Khan*. London, 1991.

ВОЕННОЕ ДЕЛО МОНГОЛОВ В ГОДЫ МОНГОЛО-ХОРЕЗМИЙСКОЙ ВОЙНЫ (1219–1221 гг.) В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2018
Д. М. Тимохин*

В статье рассматриваются особенности военной организации монголов в период завоевания Центральной Азии и Ирана (а именно, в годы войны с Хорезмом; 1219–1221 гг.). Автор ставит задачу подробно разобрать описание военного дела завоевателей в арабо-персидских источниках. Внимание привлекается не только к характерным особенностям стратегии и тактики Чингисхана и его полководцев, но и к характеристикам, предоставляемым арабо-персидскими памятниками монгольскому войску и войне с Хорезмом в целом. В корпусе арабо-персидских материалов наряду с памятниками придворной монгольской историографии присутствуют сочинения авторов, негативно оценивающих и само монгольское завоевание, и деятельность Чингисхана и его полководцев. Проанализированы факты жестокости по отношению к покоренному населению и к попавшим в плен хорезмийским воинам, рассмотрена тактика «хашара», крайне скудно освещенная в современной историографии.

Ключевые слова: военное дело, монголы, Хорезм, Чингисхан, хашар, Иран, арабо-персидские источники, Джалал ад-Дин Манкбурны.

MONGOL WARFARE DURING MONGOL-KHWAREZMIAN WAR (1219–1221) IN ARABIC AND PERSIAN SOURCES

Dimitry M. Timokhin

The article discusses peculiarities of the Mongol warfare during the conquest of Central Asia and Iran (war with Khwarezm; 1219–1221). The author gives an in-depth analysis of the description of this warfare in Arabic and Persian sources, and looks not only at the characteristic features of Genghis Khan's strategy and tactics, but also generally at the characteristics given by such sources to the Mongol army and their war practices with Khwarezm. Within the corpus of Arabic and Persian writings, along with the texts of Mongolian court historiographers, there are authors who see the Mongolian conquest negatively, and the article discusses these different views of the war. Cruelty and violence of the conquerors (to both the conquered population and the captured Khwarezmian soldiers) and their tactic of *hashar*, otherwise little researched in modern historiography, are also in focus.

Keywords: warfare, Mongols, Khwarezm, Genghis Khan, hashar/hasbar, Iran, Arab-Persian sources, Jalal al-Din Mingburnu.

В статье рассматриваются особенности военного дела монголов в годы войны между державой Чингисхана и Хорезмом (1219–1221 гг.). Хотя особенности военного дела монголов в годы завоевания Хорезма в той или иной мере рассматривались в отечественных и зарубежных исследованиях, специальных работ по данной проблематике относительно немного [Бартольд, 1898–1900; 1963; Буниятов, 1986; Владимирцов, 2000; Груссе, 2000; Д'Оссон, 1996; Зимони, Кузембаев, 2014; Иванин, 1875; Кляшторный, Султанов, 2009; Крадин, Скрынникова, 2006; Кутлуков, 1977, с. 85–107; Кычанов, 1973; Петрушевский, 1977, с. 107–140; Смирнов, 1903; Султанов, 2006; Хара-Даван, 1929; Храпачевский, 2004; Boyle, 1977; Bregel, 1991, p. 55–77; Cambridge History, 1968; 2009; Dupuy, 1969; Kafesoglu, 1956; Kolbas, 2006; Morgan, 1979, Bg. 56, Heft 1, S. 81–96]. Автор концентрирует свои усилия на описании военного дела монголов в годы монголо-

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru
Dimitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

хорезмийской войны в арабо-персидских источниках. Выделим в памятниках не только особенности военного дела завоевателей, но и то, на какие его стороны обращали внимание арабо-персидские историки. Не менее интересно сравнить полноту информации о военном деле армии Чингисхана в ранних и более поздних сочинениях, выделив оценочные характеристики, сопровождающие описание военных действий монголов историками. Таким образом, в статье будет дан обзор и ключевых особенностей описания авторами монгольских военных практик.

Среди источников, содержащих крупнейший массив сведений о военном деле монголов в интересующие нас годы, следует выделить следующие. К наиболее ранним относятся: труд Ибн ал-Асира «Полный свод истории» [Al-Asir ibn, 1849–1850, T. XIII–XV; Ибн ал-Асир, 2006; Extrait de la chronique, 1872, T. 1, p. 189–744; Extrait de la chronique, 1872, T. II. 1, p. 3–180], ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» [Ан-Насави, 1973; ün-Nesevî, 1934; An-Nasavi, 1945], Джузджани «Насировы таблицы» [Djuzdjani, 1960, Vol. 1–2; Джузджани, 2010; The Tabaqat-I Nasiri, 1864], а также труд Джувейни «История Миропокорителя» [Джувейни, 2004; Djuveini, 1959, Vol. 1–2]. К более поздним памятникам отнесем сочинения Рашид ад-Дина Фазлоллаха «Сборник летописей» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1–2; Rashid ad-Din, 1958], Хамдаллаха Мустауфи Казвини «Избранные истории» [Kazvini, 1903; Kazvini, 1915–1918, Vol. XXIII (1–2)], Мирхонда «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» [Mirhond, 1840; 1841], а также сочинение Гийас ад-Дина ибн Хумам ад-Дина аль-Хусейни, более известного как Хондемир «Друг жизнеописаний» [Khondamir, 1954]. Как отмечалось, эти памятники содержат максимум информации о военном деле монголов в годы войны с Хорезмом и о самом этом столкновении, давая возможность выделить ключевые характеристики монгольских завоевателей, которые используют арабо-персидские историки. Однако лишь для трех первых авторов – Ибн ал-Асира, ан-Насави и Джузджани – характерна ярко выраженная антимонгольская позиция; остальные же принадлежат к придворной монгольской историографии или к группе промонгольски настроенных авторов, что необходимо учитывать при рассмотрении оценочных характеристик монгольских завоевателей.

Остановимся на первом столкновении монгольской и хорезмийской армий до начала войны между двумя государствами. Речь о «битве на Тургайской равнине» 1218 г. [Ахинжанов, 1995, с. 226–227; Ахинжанов, 1989, с. 326–335; Marquart, 1914, p. 130; Тимохин, Тишин, 2016, с. 25–41; Тимохин, 2016, с. 77–89] между войском хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и монгольским корпусом Джучи-хана [Ибн ал-Асир, 2006, с. 350; Джузджани, 1941, Т. II, с. 13–14; Джувейни, 2004, с. 259, с. 189–190; Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1. с. 189–190]. В арабо-персидских источниках мы находим подробное описание и сражения, и военных приемов, использованных обеими сторонами конфликта: «Тогда Души-хан понял, что если он не примет сражения, то его надежды окажутся ложными и настанет его конец. И он прибег к сражению и искал выхода в битве. И когда встретились оба противника и сошлись [в битве] оба ряда, Души-хан лично атаковал левый фланг султана, разбил [этот фланг] наголову и заставил обратиться в бегство в беспорядке в разных направлениях. Султан был близок к разгрому, если бы наступательное движение его правого фланга против левого фланга проклятого не восстановило [положения]. Так была предотвращена беда, был уплачен долг и была утолена жажда мести, и никто не знал, где победитель, а где побежденный, кто грабитель, а кто ограбленный» [Ан-Насави, 1973, с. 54].

Из источников неясно, использовали ли обе стороны тактический резерв или бросили в бой все имеющиеся силы, однако совершенно точно, что монголы сосредоточили основной удар на левом фланге хорезмийского войска, а затем едва не разгромили его центр. Авторы настаивают на том, что от окончательного поражения Мухаммада спасла лишь своевременная атака правого фланга его армии под командованием Джалал ад-Дина Манкбурны: «Центр хорезмийского войска попятился, и (враг) был так близко к самому Ала ад-Дину Мухаммаду, что достаточно было протянуть руку, чтобы решить судьбу престола

падишаха. Его сына, Джалал ад-Дина Манкбурны, взволновало такое положение отца и, увидев с правого фланга, где он стоял, отступление (мусульманского войска), атаковал (монголов) и не останавливался до тех пор, пока слабый и шатающийся от ударов противник не открыл путь к войскам ислама. К вечеру стало ясно, что стараниями Джалал ад-Дина и его отряда пламя битвы не погасло» [Mirhond, 1841, p. 76; Khondamir, 1954, J. 1, p. 649–650]. Отметим и военную уловку, использованную монголами под командованием Джучи-хана, чтобы покинуть поле битвы после первого столкновения с войсками Хорезма и не продолжать военное столкновение. «Обе стороны оторвались друг от друга в этот день, для того чтобы еще раз возобновить битву утром следующего дня. Безбожники ночью развели множество огней, показывая, будто они твердо стоят [на своих позициях] и проводят ночь с намерением сразиться, а [тем временем] они, подгоняя коней, под покровом ночи проделали за эту ночь расстояние двух дней пути» [Ан-Насави, 1973, с. 55].

Остановимся подробнее на том, как планировали монголо-хорезмийскую войну обе стороны конфликта, начав с анализа хорезмийского плана ведения военных действий, по причине которого действия войск Чингисхана на территории Хорезма оказались столь успешными. Накануне войны хорезмшах Мухаммад обсуждал на военном совете планы военных действий против будущего противника, среди которых были предложения активных военных действий и генерального сражения с монгольским завоевателем. «У тебя в стране много воинов. Напишем во все края и соберем войско. Это будет всеобщий сбор. Все мусульмане должны помочь тебе деньгами и людьми. Затем пойдем со своими войсками в сторону Сайхуна, а это большая река, разделяющая страны тюрок и ислама, и расположимся там. Когда прибудет враг, пройдя большое расстояние, мы встретим его отдохнувшими, тогда как он [Чингисхан – *Д. Т.*] и его воины будут изнуренными и уставшими» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 349]. Однако вместо этого был взят на вооружение план «пассивной обороны», при котором основные военные силы Хорезма были сосредоточены в городах и крепостях Мавераннахра, сковывая тем самым основные монгольские силы (Мухаммад предполагал, что за это время сумеет собрать новое войско в землях Хорасана и Ирака и ударить по противнику). Уже В. В. Бартольд в своем классическом исследовании отмечал причины, которые могли подтолкнуть хорезмшаха к подобного рода решению, среди которых особенно выделил сепаратизм военачальников Ала ад-Дина Мухаммада, которым последний не мог доверять и, следовательно, не мог и наладить централизованное управление своими огромными военными ресурсами [Бартольд, 1963, с. 473]. Нам хотелось бы в большей степени сосредоточиться на последствиях этого решения, а не на причинах принятия именно такого плана ведения военных действий [Тимохин, 2015, с. 46–65].

Со своей стороны монголы, воспользовавшись тем, что большая часть хорезмийского войска осталась за стенами городов, блокировали их незначительными силами и продвигали войска в глубь хорезмийских владений. «Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угэдэю с несколькими туменами войска осадить город [Отрар – *Д. Т.*], Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Яникент, а группе эмиров – в сторону Ходженда и Бенакета. Таким образом, он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Толуй-ханом отправился на Бухару» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 1, кн. 2, с. 198]. По всей видимости, возможности монгольских войск и их навыки осады и штурма городов были для хорезмшаха Мухаммада настоящим открытием, что говорит о том, что разведка в отношении будущего противника Хорезмом не проводилась. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что сведения о каких бы то ни было разведывательных действиях со стороны Хорезма отсутствуют в большинстве источников. Только в труде Ибн ал-Асира [Ибн ал-Асир, 2006, с. 349] и в сочинении Ибн Баттуты [Ibn Battuta, 1969–1970, J. 1, p. 415] есть данные о том, что Ала ад-Дин Мухаммад все-таки пытался выяснить что-то о новом противнике, но рассказы обоих историков не находят подтверждения в других памятниках, а рассказ Ибн Баттуты по этому поводу и вовсе малоубедителен и дискуссионен.

В то же время с монгольской стороны разведка производилась. Вспомним «Отрарский инцидент», то есть уничтожение наместником Отрара Инал-ханом монгольского каравана якобы по причине шпионажа и агитации со стороны представителей упомянутого каравана. «Когда они уединяются с кем-то из простонародья, они угрожают ему и говорят: “Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро вы увидите такое, что никто из вас раньше не видел”. [Ан-Насави, 1973, с. 79]. Кроме того, как только войско Чингисхана пересекает границы державы хорезмшаха, на его сторону переходят все недовольные властью Мухаммада придворные, чиновники и военачальники, передающие предводителю монголов ценные сведения о военном могуществе Хорезма и его армий [Ан-Насави, 1973, с. 83; ün-Nesevî, 1934, p. 31]. Перебежчики являлись ко двору Чингисхана и до начала войны, что позволяет подозревать наличие у монголов ценных сведений о готовности Хорезма к войне: «Несколько эмиров напали на место, где должен был ночевать хорезмшах. Но султан, узнав об их намерениях, спал в другом месте. Эмиры пускали стрелы и резали саблями, утыкав его шатер, и сделали его похожим на спину дикобраза. Когда они поняли, что султана там не было, они бежали и направились ко двору Чингисхана. У султана не оставалось никаких сомнений в бунте эмиров. Он не считал себя хорошо защищенным в своем окружении и послал каждого эмира в свой город, так что когда враги пришли, все [эмиры] находились в рассеянии, и путь соединения с ними был закрыт. Враги достигли своих желаний без больших усилий» [Hamdallah Kazvini, 1903, Vol. 1, p. 414].

Таким образом, недостаточная информированность о возможностях монгольской армии привела к краху военного плана хорезмшаха Мухаммада и к быстрому завоеванию Мавераннахра войсками Чингисхана. Описывая захват региона, источники обращают внимание на несколько важных моментов, в первую очередь отмечая, что войска Чингисхана не вели крупных полевых сражений, будучи всецело занятыми осадой городов и крепостей. Хорезмийские же гарнизоны решали собственные задачи и не помышляли о взаимопомощи, равно как и не пытались покинуть стены городов, чтобы дать монголам отпор в открытом бою. Последнее объясняется и страхом перед противником, и незнанием его возможностей и хотя бы примерной численности осаждающего войска. Несмотря на очевидную ошибочность, план хорезмшаха не был скорректирован после первых поражений.

Источники многократно фиксируют тот факт, что монгольские войска занимались осадой по всем правилам военного дела того времени, использовали осадную технику, благодаря которой им удавалось разрушать оборонительные сооружения, а затем уже идти на штурм. В качестве примера приведем подробное описание осады города Наса в труде ан-Насави, из которого становится понятно, что монгольские войска использовали различные виды осадных орудий, позволившие им пробить городские стены. «И случилось так, что Чингиз-хан отрядил [для похода] на Хорасан своего зятя Тогачар-нойана и эмира из числа своих предводителей по имени Берке-нойан с десятью тысячами всадников, чтобы они разграбили, сожгли страну, высосали мозг ее костей и кровь ее жил и очистили ее от жалких остатков и последних искр жизни. Отдельный отряд из них во главе с эмиром, известным по имени Бел-Куш, достиг Насы. Жители ее метали стрелы им навстречу. Одна стрела попала в грудь Бел-Куша, и он упал мертвым. За это они отомстили жителям Насы и осадили ее раньше других городов Хорасана. Они подошли к ней с полчищем, надвигавшимся словно черная ночь, и осаждали крепость на протяжении пятнадцати дней, не прекращая сражения ни днем, ни ночью. Против нее было установлено двадцать катапульт, которые тащили люди, собранные из областей Хорасана. Татары гнали пленных под прикрытиями-домами вроде таранов, сделанными из дерева и покрытыми шкурами. Если пленные возвращались, не доставив прикрытия к стене, им рубили головы. Поэтому они были настойчивы и наконец пробили брешь, которую нельзя было заделать. После этого все татары надели свои доспехи и ночью бросились штурмовать [крепость], овладели стеной и разошлись по ней, а жители спрятались в своих домах. А когда настал день, татары спустились к ним со стены и погнали

их на открытое место за садами, называемое Адрабан, будто стадо овец, которое сгоняют пастухи» [Ан-Насави, 1973, с. 63].

При этом монгольские войска в большинстве случаев собирали орудия на месте, а не везли их с собой [Храпачевский, 2004]. То же самое можно сказать и относительно всего необходимого для осады – его также находили на месте: в частности, при осаде Гурганджа монголы не могли найти достаточно камней для катапульт и вышли из положения следующим образом: «так как в окрестностях Хорезма не было камней, то они [монголы] срубали большие тутовые деревья и из них делали замену камням для камнеметов» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1.2, с. 215]. Для осадных работ использовали пленных и так называемый «хашар», о котором подробно будет сказано ниже. Приведем для наглядности еще одно описание осады города. «Наконец, когда приготовления к бою были окончены и все необходимые орудия были приготовлены, когда прибыло к тому же подкрепление из Дженда и других мест, они со всех сторон тотчас бросились штурмовать город и с пронзительным криком, подобным грому и молнии, выпустили на него град стрел и снарядов. Они приказали собирать всякий мусор и засыпать им ров; а после этого вперед погнали пленных, образовавших круг, которым велено было разрушить основание внешних укреплений и бросить землю в глаза небу» [Джувейни, 2004, с. 85]. Джувейни не уточняет, каким образом окружившие город отряды пленных разрушали укрепления, можно лишь предположить, что монголы раздали им для этого необходимые инструменты или же пленным предстояло это делать вручную. Предпринимались, конечно, и отдельные попытки осажденных гарнизонов попытать счастья в полевом сражении, но обычно подобный опыт заканчивался печально: монголы заманивали покинувший город отряд в засаду и полностью уничтожали его. Таковы события, связанные с осадой столицы Хорезма – Гурганджа: «В один из дней, неожиданно, небольшое количество всадников монгольского войска подскакало к воротам [столицы] и устремилось угнать скот. Несколько недальновидных людей вообразили [себе], что [все] монгольское войско и есть это небольшое количество людей. Отряд конных и пеших направился на этих всадников; монголы помчались от них [в страхе], как дичь от силка, пока они не достигли окраин Баг-и Хуррама, расположенного в одном фарсанге от города. Там боевая [монгольская] конница вылетела из засады за стеной и окружила этот отряд. Они перебили около тысячи человек и следом за беглецами ворвались в город через ворота Кабилан [Катилан?] и проникли до места, которое называют Тиура. Когда солнце склонилось к западу, чужеземное войско повернуло назад и ушло в степь» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1.2, с. 215].

Важным устрашающим приемом при осаде крепостей и городов Хорезма была монгольская тактика «хашара»: монголы создавали из пленных молодых мужчин отряды и гнали перед собой к следующему городу, намеченному для осады. Попавшие в «хашар» могли использоваться как при инженерных работах, так и для живого прикрытия монгольского войска – их гнали в первых рядах при штурме, производя тем самым дополнительный психологический эффект на осажденных. Для завоевателей подобная практика была необходима и для того чтобы уменьшить количество склонных к бунту местных жителей, поскольку в «хашар» набирали молодых и крепких мужчин. Кроме того, высокая смертность в «хашаре» была связана не только с жертвами во время осад, но и с переброской таких отрядов от одного города к другому: «Затем они направились в Самарканд, убедившись в том, что хорезмшах не в состоянии бороться с ними, а люди хорезмшаха находились в месте его расположения между Термезом и Балхом. Неверные забрали с собой пленных из уцелевших жителей Бухары, которые шли с ними пешком в ужасном виде. Тех, кто изнемог и не был в состоянии идти, они убивали. Когда они приблизились к Самарканду, они послали вперед конницу, оставив позади пеших, пленных и обозы, которые постепенно двигались, вселяя страх в сердца мусульман» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 353–354].

Как уже говорилось, «хашар» использовали преимущественно при осадных работах, что неоднократно подчеркивают источники, при этом ряд авторов описывает эту практику

весьма подробно. «Прибыв туда, монголы увидели, что это место невозможно было захватить сразу, так как до него не долетали ни стрелы, ни камни. Поэтому они погнали туда невольничье войско (hasbar), составленное из юношей из Ходжента, а также доставили подкрепления из Отрара, Бухары, Самарканда и других городов и селений, так что в том месте было собрано пятьдесят тысяч пленных и двадцать тысяч монголов. Все они были поделены на десятки и сотни. Над каждыми десятью десятками таджиков был поставлен монгольский офицер: они на себе должны были носить камни на расстоянии трех фарсахов, а верховые монголы сбрасывали эти камни в реку» [Джувейни, 2004, с. 61]. Лишь отдельные источники указывают, что «хашар» использовали и в полевом сражении в качестве дополнительных частей, бросаемых в бой как пушечное мясо. «Чингиз-хан прибыл к ним сам с соединением находившихся при нем войск и стал вести осаду крепости. С ним было много пленных мусульман. Он приказал им непосредственно участвовать в сражениях, пригрозив, что иначе убьет их, и они стали сражаться вместе с ним. Он стоял у крепости еще четыре месяца» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 361]. Однако ввиду малочисленности упоминаний о подобной практике следует признать, что перед нами либо исключение из правил, либо пример плохой осведомленности Ибн ал-Асира. Гораздо более логичным видится вариант с использованием «хашара» только при осаде и штурме городов и крепостей Хорезмийского государства.

Еще одна важная практика монголов в ходе завоевания Мавераннахра и Хорасана – тотальное уничтожение тюркских гарнизонов хорезмийских крепостей. Далеко не всегда гарнизоны уничтожались по причине ожесточенного сопротивления; даже если город сдавался без боя, судьба тюркского и ираноязычного населения решалась различным образом. «Солдаты были отделены от жителей города; после чего первые были истреблены все до одного, кто мечом, а кто градом стрел, в то время как последние были поделены на сотни и десятки» [Джувейни, 2004, с. 60]. Все это делалось для того, чтобы не дать различным социальным и этническим группам Хорезмийского государства сплотиться перед лицом общего врага. С учетом противоречий, существовавших между тюркским и ираноязычным населением еще до начала войны с монголами, подобная практика завоевателей еще больше разжигала вражду. Оседлое ираноязычное население враждебно воспринимало тюркскую кочевую знать Хорезмийской державы, поскольку ее представители «тиранией и притеснениями возложили на плечи раийатов тяжкое бремя» [Петрушевский, 1977, с. 107.]. Уничтожение монголами тюркских гарнизонов могло восприниматься как своего рода возмездие, что еще больше обостряло конфликты и не способствовало единению Хорезмийской державы перед монгольской угрозой.

Отметим отдельно особую жестокость и почти полное уничтожение монголами населения городов и крепостей, оказавших им наиболее ожесточенное сопротивление. Будучи вызвано самим фактом сопротивления, подобное становилось показательным актом устрашения жителей других городов Хорезма: «Они убили всех находившихся в нем (т.е. в Гургандже – прим. автора) и разграбили все, что в нем было. Затем они открыли плотину дамбы, защищавшей город от вод Джейхуна, и весь его затопили. Постройки в нем рухнули, и место его стало сплошной водой. Никто, конечно, не уцелел из его жителей. Если в других городах кто-то оставался в живых, либо спрятавшись, либо бежав, либо упав среди убитых и потом найдя путь к спасению, то тех жителей столицы Хорезма, которые спрятались от татар, затопила вода или погребли рухнувшие постройки. И стала она руинами, пустошью» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 365].

В противовес этой практике города, не оказавшие сопротивления, подвергались лишь разграблению, после чего население было обязано лишь платить налоги и подчиняться монгольской администрации: «В течение девяти дней и ночей жителей держали на равнине, пока они грабили город. Затем они назначили Али-ходжу править и управлять этим городом и доверили благополучие этого края его попечению» [Джувейни, 2004, с. 59]. Жестокость монгольских завоевателей подчинялась определенной логике: тотальное уничтожение было

наказанием за упорное сопротивление осажденных, а сдавшимся без боя сохраняли жизнь. В эту систему не вписывается лишь судьба тюркских гарнизонов городов и крепостей (она объяснена выше).

Помимо осады городов и крепостей Мавераннахра и Хорасана источники подробно описывают полевые сражения между монгольской и хорезмийской армиями. Наиболее крупные и значимые столкновения произошли уже после смерти Мухаммада в 1220 г., когда во главе хорезмийской армии встал его старший сын и наследник Джалал ад-Дин Манкбурны. С именем последнего связан самый значимый успех хорезмийского оружия – победа над монгольским корпусом под командованием Шики-Хутуху-нойона при Перване. Источники детально описывают это военное столкновение, но в большинстве случаев, особенно у ранних авторов, им гораздо важнее подчеркнуть действия хорезмийских частей и личный героизм Джалал ад-Дина, нежели дать исчерпывающую характеристику военных действий. «Когда Чингиз-хан узнал о том, какая беда стряслась с его войском в Кандахаре, он отрядил своего сына Толи-хана с многочисленным войском, состоящим из отборных воинов, [верных], как потник седла, и [храбрых], как острые мечи. Джалал ад-Дин встретил его с твердым намерением вести джихад и усердно защищать ислам. Он столкнулся с ним у Парвана с конницей, подобной горным потокам, и воинами, [храбрыми] как львы. Когда показались оба отряда, он сам ринулся на центр Толи-хана, расстроил его [боевой] порядок, бросил под копыта конницы его знамена, принудил его бежать и оставить свою позицию. И [тогда] обрушились на татар мечи мщения. Сидя в седле ненависти, Джалал ад-Дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от мест, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным, охранявшим его. Он остался без отца и потомства, без господина и без раба, несчастье забросило его в степи, а опасности завели в пустыни. Толи-хан был убит в пылу сражения, в самом разгаре атаки. Было взято много пленных, так что слуги приводили захваченных ими людей к нему (Джалал ад-Дину) и вбивали им в уши колья, сводя с ними счеты. Джалал ад-Дин радовался и смотрел на это с сияющей улыбкой на лице. Так подвергли их истязаниям в этом мире, "а, конечно, наказание будущей жизни сильнее и длительнее" (Коран XX, 127 (127))» [Ан-Насави, 1973, с. 125].

При этом более поздние авторы подчеркивают, что армия хорезмшаха использовала некоторые тактические приемы, полностью отсутствующие в рассказе об этом сражении у ан-Насави. «Джалал ад-Дин выступил навстречу этой армии; на расстоянии фарсаха от Первана произошла битва; правым крылом мусульман начальствовал Амин ал-Мульк, левым Аграк; мусульмане сражались, держа коней за поводья. Битва продолжалась два дня; по рассказу Джувейни, Шики-Хутуху-нойон в ночь на второй день битвы приказал своим воинам изготовить из войлока куклы всадников, чтобы враг подумал, что монголы получили подкрепление. Хитрость сначала имела успех, но Джалал ад-Дину удалось ободрить своих воинов. Когда монголы были утомлены битвой, Джалал ад-Дин посадил своих воинов на коней и произвел общую атаку, решившую исход сражения. Шики-Хутуху только с незначительными остатками своего войска вернулся к Чингиз-хану» [Бартольд, 1963, с. 509].

При этом следует помнить, что Джалал ад-Дин одержал победу всего лишь над отдельным монгольским корпусом численностью 30 или 45 тысяч человек, да еще и имея при этом численный перевес. «Когда татары освободились от завоевания Хорасана и вернулись к своему царю Чингиз-хану, он снарядил огромное войско в Газну, а в ней правителем был Джалал ад-Дин, сын хорезмшаха. У него собрались те, кто остался из воинов его отца. Говорят, их было шестьдесят тысяч человек» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 365]. Сообщение Ибн ал-Асира лишний раз подчеркивает не только причину конкретного поражения монгольской армии, но сами по себе военные возможности Хорезма, армии которого имели численный перевес по отношении к войску Чингисхана. Безусловно, это могло бы быть с успехом использовано Мухаммадом в самом начале монголо-хорезмийской войны и склонить чашу весов в его пользу. Вот что сообщается о военном потенциале Хорезма накануне войны с

державой Чингисхана: «И тогда у него (Мухаммада) было 400 тысяч многочисленных воинов. Из тех воинов 50 тысяч человек направил для защиты Отрара на службу Гаир-хану. А когда уже слух о прибытии Чингисхана из уст в уста передавался, в том же направлении отправил Гараджи Хаджеба с двумя тысячами других мужей. И назначил еще три тысячи других человек для защиты города» [Mirhond, 1841, p. 123].

У Рашид ад-Дина мы находим рассказ о том, что Чингисхан лично посетил место сражения при Перване и указал своим полководцам на ошибки. Хотя в более ранних памятниках сведений об этом нет, сообщение крайне любопытно. «Тотчас, как только Чингиз-хан услышал об этом обстоятельстве, он повелел, чтобы все выступили, и с таким огромным войском он в году лошади направился против султана Джелал-ад-дина из пределов Таликана. Он так поспешно гнал два перехода [кучэ], что не было возможности сварить пищу. Когда Чингиз-хан достиг того места, где сражались Шики-Кутуку и султан, он спросил у Укара и Кутура: "Как стояли вы и как [стоял] султан?". Они показали. Он нашел их суждение и суждение султана негодными и сказал: "Вы [все] не знаете, какое место [пригодно] для битвы!". И обвинил обоих эмиров» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1.2, с. 223].

Еще одним сражением между монголами и хорезмийцами под командованием Джалал ад-Дина стала битва на Инде в 1221 г. К тому времени военные силы Хорезма значительно уменьшились из-за раскола армии и ухода от Джалал ад-Дина значительной части воинов и военачальников после победы при Перване. В свою очередь, лично возглавивший этот поход Чингисхан бросил против Джалал ад-Дина основные военные силы. Хорезмшах же вовсе не помышлял о полевом сражении: понимая, что силы слишком неравны, он предполагал переправиться через Инд и собрать новые отряды уже на территории Северной Индии. «Когда об этом узнал проклятый, это напугало его, и он было уже оплакивал свои надежды. Но он пустился в путь, не обращая ни на что внимания и совершая самые быстрые переходы. Джалал ад-Дин вернулся в свой лагерь на берегу реки Синд, но ему не хватило времени на то, что он намеревался сделать: собрать суда и возвратить отряды. Подошло лишь одно судно, и он распорядился переправить свою мать, жену и тех, кто составлял его дом и кого скрывали его покровы. Но судно разбилось, и переправиться было невозможно. И [в это время] явился Чингиз-хан, готовый к битве. "А когда Аллах пожелает людям зла, то нет возможности отвратить это, нет у них помимо Него заступника!" (Коран XIII, 12 (11))» [Ан-Насави, 1973, с. 127]. Все вышеуказанное предопределило как исход сражения, так и его развитие.

Источники указывают, что монгольские войска прижали хорезмийскую армию к берегу реки, после чего разгромили по частям, и в этом сражении дольше всех держался центр хорезмийского войска, которым командовал лично Джалал ад-Дин. Приведем описание этого сражения в ранних и поздних исторических сочинениях. «Затем он сам ринулся в самый центр [войск] Чингиз-хана и разорвал его на части, пробив в нем просеки дорог. Проклятый сам обратился в бегство; разбитый, он подгонял корабль избавления и, ослабленный, стремился к спасению. Круг почти сомкнулся вокруг безбожных, и поражение продолжало охватывать обитателей адского огня. Однако проклятый до сражения выделил в засаду десять тысяч всадников из числа отборных воинов, имевших титул бахадуров. Они вышли на правый фланг Джалал ад-Дина, где находился Амин-Малик, и разбили его, отбросив к центру. Вследствие этого расстроился боевой порядок [Джалал ад-Дина] и была поколеблена его стойкость. Битва прошла, [оставив] погибших, обагренных кровью [раненых], утонувших в реке. Некоторые воины подходили к реке и сами бросались в ее стремнину, зная, что неизбежно утонут и что нет пути к спасению. Во время битвы был взят в плен сын Джалал ад-Дина – мальчик семи или восьми лет: он был убит перед Чингиз-ханом. А когда Джалал ад-Дин, разбитый, вернулся к берегу реки Синд, он увидел, что его мать, мать его сына и все женщины его гарема вопят истошными голосами: «Заклинаем тебя Аллахом, убей нас и спаси нас от плена!» Тогда он распорядился, и они были утоплены. Поистине, это исключительное несчастье и невероятная беда!» [Ан-Насави, 1973, с. 128].

У Рашид ад-Дина рассказ об этом сражении выглядит несколько иначе: «Он послал Укар-Калджу и Кутур-Калджу отогнать его от берега; они помчались и тотчас увидели край войска султана. Затем монгольское войско атаковало [войско султана] и ударило [по его] правому флангу, которым командовал Хан-мелик, и перебило большинство [хорезмийцев]. Хан-мелик, разгромленный, бежал в сторону Пешавера. Монгольское войско перерезало [ему] дорогу и убило его. Левое крыло [султана] они также сдвинули с места. Султан в центре с семьюстами людьми крепко держался и сопротивлялся такому великому войску от раннего утра до полудня. Так как он отказался от всякой надежды [на спасение], то скакал направо и налево и нападал на центр [монгольской армии]. Так как не было приказания [йаса] на то, чтобы стрелять в него, [монголы все] теснее стягивали кругом него кольцо, а он со всей имеющейся у него мощью отважно сражался. Когда он понял, что неблагоразумно сопротивляться горе и сталкиваться с морем, он сел на свежего коня, атаковал монгольское войско и заставил его отойти назад. Затем вскачь вернулся назад, подобрал поводья, перекинул за спину щит, подхватил свой зонт [чатр] и значок [‘алам], ударил коня плетью и словно молния переправился через реку» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1.2, с. 224].

Как видно из этих описаний, рассказ ан-Насави менее насыщен подробностями, но указывает, что монголы едва не потерпели поражение, и лишь использование резерва склонило чашу весов в их пользу. Рашид ад-Дин также описал сначала разгром флангов хорезмийского войска, а затем планомерное уничтожение центра, при этом не идет речи ни о какой существенной атаке войск хорезмшаха и угрозе поражения монголов. Однако если в ранних памятниках мы видим «героизацию» Джалал ад-Дина через описание атаки его отрядов, едва не приведших к разгрому монгольской армии, то в более поздних источниках объектом «героизации» становится сама личность хорезмшаха и его действия: «Увидав его плывущим по реке, Чингисхан подъехал к самому краю берега. Монголы хотели было броситься за ним, но он их остановил. Они опустили луки, и те, кто был свидетелем этого, рассказывали, что, докуда долетали их стрелы, вода в реке была красной от крови. А что до султана, то он вышел из воды с мечом, копьем и щитом. Чингиз-хан и все монголы в изумлении приложили руки к губам, и Чингиз-хан, увидав тот подвиг, сказал, обратившись к своим сыновьям: “Вот о каких сыновьях мечтает каждый отец! Избежав двух водоворотов – воды и огня – и достигнув берега безопасности, он совершит множество славных дел и станет причиной неисчислимых бедствий. Как может разумный человек не принимать его в расчет?”» [Джувейни, 2004, с. 291]. У Рашид ад-Дина находим примерно то же: «Только такой сын должен быть у отца! Раз он сумел выйти невредимым из такой битвы и выбраться из такой пучины на берег спасения, от него проистекут множество деяний и бесчисленные смуты!» [Рашид ад-Дин, 2002, Т. 1.2, с. 223–224]. Те же слова приводятся в еще одном позднем сочинении («Тарих-и Бенакети»), что говорит о становлении определенной историографической традиции. «Чингисхан от крайнего удивления рукой рот прикрыл, к сыновьям своим обратился и сказал: “Только столь превосходный сын должен быть у отца. Во всей вселенной человека, подобного этому, не видел и не слышал о таком в прежние времена! Поскольку горнило войны и водоворот его на берег спасения выбросили, от него дела многие и смуты великие проистекут!”» [Tarih-i Benaketi, 1971, p. 133–134].

Различные формы «героизации» личности Джалал ад-Дина связаны со временем создания памятника и отношением его автора к самим монгольским завоевателям. Ранние историки, в частности ан-Насави, создавали свои труды, будучи антимонгольски настроенными и видя в завоевателях угрозу всему исламскому миру. В связи с этим в их трудах Джалал ад-Дин будет отчасти представлен как героический борец со злом, с монголами и защитник ислама. Критический взгляд Ибн ал-Асира скорее объясним более поздними военными действиями хорезмшаха на Южном Кавказе и Месопотамии в 1225–1231 гг. Более поздние источники конструируют образ последнего хорезмшаха как достойного соперника завоевателей, что подчеркивает речь Чингисхана к своим сыновьям во время переправы Джалал ад-Дина через Инд. Маловероятно, что подобное имело место, но

наличие его в тексте Джувейни и последующих авторов говорит о складывании историографической традиции описания военной и политической деятельности Джалал ад-Дина и новом варианте его «героизации» в исторических текстах.

Подводя итоги, прежде всего отметим: наибольшее количество подробностей относительно военного дела монголов в годы монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. связано с осадой и взятием городов и крепостей Мавераннахра, Хорасана и сопредельных регионов. Историки описывают как способы ведения осады и штурма, использование тех или иных орудий, так и дальнейшую судьбу жителей городов. В последнем случае монголы исходили из степени упорства оказанного сопротивления: судьба населения варьировалась от полного уничтожения до сохранения жизни и, в редких случаях, имущества. Источники подчеркивают и то, что монголы по-разному вели себя в отношении оседлого ираноязычного населения и представителей тюркских кочевых племен. Последние в большинстве случаев подвергались тотальному истреблению вне зависимости от того, насколько существенное сопротивление оказали.

В арабо-персидских источниках отдельно отмечается используемая монголами с первых дней войны против Хорезма практика «хашара», позволявшая войскам Чингисхана минимизировать потери и использовать дополнительные ресурсы при штурме городов. «Хашар» оказывал психологическое давление на осажденных и жителей завоеванных регионов, снижал возможность бунта. Описания полевых сражений между монгольскими и хорезмийскими войсками крайне скудны и не изобилуют подробностями относительно военного дела монголов: можно убедиться лишь в использовании ими в сражениях тактического резерва, а также в их дисциплине и самоотверженности. Кроме того, полевые сражения, особенно при Перване и на реке Инд, существенно преобразуются историками в связи с конструированием ими образа «героя» в лице последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Эта героизация прослеживается как в ранних, так и в поздних источниках, пусть и выражается различным образом. Подобная тенденция говорит о том, что именно фигура этого военного и политического деятеля оказалась наиболее привлекательной для историков той эпохи в ходе создания образа «борца с монгольской угрозой», «достойного соперника Чингисхана».

Литература / References

ал-Асир, ибн. *«Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент, 2006 [al-Asir, ibn. *«Al-Kamil fi-t-tarih». «Polnyj svod po istorii». Izbrannye otryvki.* Per. P. G. Bulgakova, Sh.S. Kamoliddina. Tashkent, 2006].

Ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973 [An-Nasavi. *Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny.* Per. Z. M. Bunijatova. Baku, 1973].

Ахинжанов С. М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алматы, 1995 [Ahinzhanov S. M. *Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana.* Almaty, 1995].

Ахинжанов С. М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата, 1989. С. 326–335 [Ahinzhanov S. M. Horezm i Desht-i Kypchak v nachale XIII v. (o meste pervogo srazhenija armii horezmshaha s mongolami) // *Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij.* Otv. red. V. M. Masson. Alma-Ata, 1989. Pp. 326–335].

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. 1. М., 1963 [Bartol'd V. V. Turkestan v jepohu mongol'skogo nashestvija // Bartol'd V. V. *Sochinenija.* T. 1. Moscow, 1963].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Bunijatov Z. M. *Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov, 1097–1231.* Moscow, 1986].

Вассаф. Тарих-и Вассаф // *Персидские исторические тексты. Хрестоматия.* Сост. Дж. Ш. Гиунашвили, Д. В. Кацитадзе. Тбилиси, 1972. С. 186–187 [Vassaf. Tarih-i Vassaf // *Persidskie istoricheskie teksty. Hrestomatija.* Sost. Dzh. Sh. Giunashvili, D. V. Kacitadze. Tbilisi, 1972. Pp. 186–187].

Владимирцов Б. Я. *Чингиз-хан.* СПб., 2000 [Vladimircov B. Ja. *Chingiz-han.* Saint-Petersburg, 2000].

Груссе Р. *Чингисхан: Покоритель вселенной*. Пер. Е. А. Соколова. М., 2000 [Grusse R. *Chingishan: Pokoritel' vselennoj*. Per. E. A. Sokolova. M., 2000].

Д'Оссон А. К. *История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана*. Пер. Н. Козьмина. Алматы, 1996 [D'Osson A. K. *Istorija mongolov ot Chingiz-hana do Tamerlana*. Per. N. Koz'mina. Almaty, 1996].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. Пер. Е. Е. Харитоновой. М., 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz-han. Istorija zavoevatelja mira*. Per. E. E. Haritonovoi. Moscow, 2004].

Джузджани. Насировы разряды // *Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Сост. В. Г. Тизенгаузен. Т. II. М., Л., 1941. С. 13–19 [Dzhuzdzhani. *Nasirovy razrjady // Sobranie materialov, otnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy*. Sost. V. G. Tizengauzen. T. II. Moscow, Leningrad, 1941. Pp. 13–19].

Джузджани. *Насировы разряды*. Пер. А. А. Ромаскевич, В. Г. Тизенгаузен. М., 2010 [Dzhuzdzhani. *Nasirovy razrjady*. Per. A. A. Romaskevich, V. G. Tizengauzen. Moscow, 2010].

Зимони И., Куземабаев Н. *Монгольское завоевание Дешт-и Кипчака: монография*. Павлодар, 2014 [Zimoni I., Kuzembaev N. *Mongol'skoe zavoevanie Desht-i Kipchaka: monografija*. Pavlodar, 2014].

Иванин М. И. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане*. СПб., 1875 [Ivanin M. I. *O voennom iskusstve i zavoevanijah mongolo-tatar i sredneaziatskih narodov pri Chingiz-hane i Tamerlane*. Saint-Petersburg, 1875].

Кляшторный С. Г., Султанов, Т. И. *Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье*. СПб., 2009 [Kljashtornyj S. G., Sultanov, T. I. *Gosudarstva i narody evrazijskih stepej. Drevnost' i Srednevekov'e*. Saint-Petersburg, 2009].

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. *Империя Чингис-хана*. М., 2006 [Kradin N. N., Skrynnikova T. D. I*mperija Chingis-hana*. Moscow, 2006].

Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 85–107 [Kutlukov M. Mongol'skoe gospodstvo v Vostochnom Turkestane // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, 1977. Pp. 85–107].

Кычанов Е. И. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М., 1973 [Kychanov E. I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir*. Moscow, 1973].

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1977. С. 107–140 [Petrushevskij I. P. Pohod mongol'skih vojsk v Srednjuju Aziju v 1219–1224 gg. i ego posledstvija // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Otv. red. S. L. Tihvinskij. Moscow, 1977. Pp. 107–140].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Пер. А. К. Арендс, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Т. 1–2. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej*. Per. A. K. Arends, Ju. P. Verhovskogo, O. I. Smirnovoi, L. A. Hetagurova. T. 1–2. Moscow, 2002].

Смирнов К. *Армия монголов в XIII в. по запискам современника европейца*. СПб., 1903 [Smirnov K. *Armija mongolov v XIII v. po zapiskam sovremennika evropejtsa*. Saint-Petersburg, 1903].

Сокровенное сказание монголов. Пер. С. А. Козина. М., 2002 [*Sokrovennoe skazanie mongolov*. Per. S. A. Kozina. Moscow, 2002].

Султанов Т. И. *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*. М., 2006 [Sultanov T. I. *Chingiz-han i Chingizidy. Sud'ba i vlast'*. Moscow, 2006].

Тарих-и Систан. (История Систана). Пер. Л. П. Смирновой. М., 1974 [*Tarih-i Sistan. (Istorija Sistana)*. Per. L. P. Smirnovoi. Moscow, 1974].

Тимохин Д. М. Жизнь и смерть Инал-хана в описаниях арабо-персидских источников эпохи монгольского завоевания // *Восточный архив*. 2012. № 2. С. 13–22 [Timohin D. M. Zhizn' i smert' Inal-hana v opisanijah arabo-persidskih istochnikov jepohi mongol'skogo zavoevanija // *Vostochnyj arhiv*. 2012. 2. Pp. 13–22].

Тимохин Д. М. Завоевание Хорезма монгольскими войсками (1219–1221 гг.) // *Золотая Орда в мировой истории*. Казань, 2016. С. 77–89 [Timohin D. M. Zavoevanie Horezma mongol'skimi vojskami (1219–1221 gg.) // *Zolotaja Orda v mirovoj istorii*. Kazan', 2016. Pp. 77–89].

Тимохин Д. М. Использование монгольскими войсками тактики хашара в период завоевания государства Хорезмшахов (1219–1221 гг.) // *Батыр*. 2011. № 1(2). С. 33–39 [Timohin D. M. Ispol'zovanie mongol'skimi vojskami taktiki hashara v period zavoevanija gosudarstva Horezmshahov (1219–1221 gg.) // *Batyr*. 2011. 1(2). Pp. 33–39].

Тимохин Д. М. К вопросу о плане ведения войны с монголами хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада // *Orientalistica Iuvenile. Сборник научных статей молодых ученых Института востоковедения РАН*. Сост. А. Д. Васильев. М., 2015. С. 46–65 [Timohin D. M. K voprosu o plane vedenija vojny s

mongolami horezmshaha Ala ad-Dina Muhammada // *Orientalistica Iuvenile. Sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh Instituta vostokovedenija RAN*. Sost. A. D. Vasil'ev. Moscow, 2015. Pp. 46–65].

Тимохин Д. М. Особенности исчисления хашара по мусульманским источникам периода монгольского нашествия на Среднюю Азию // *Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г.* М., 2006. С. 393–395 [Timohin D. M. Osobennosti ischislenija hashara po musul'manskim istochnikam perioda mongol'skogo nashestvija na Srednjuju Aziju // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny: klassicheskoe nasledie i novye napravlenija: materialy XVIII nauch. konf. Moskva, 26–28 janv. 2006 g.* Moscow, 2006. Pp. 393–395].

Тимохин Д. М. Первое сражение хорезмийцев и монголов на Тургайской равнине в 1218 г. и его последствия // *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 5. Казань, 2012. С. 326–334 [Timohin D.M. Pervoe srazhenie horezmijcev i mongolov na Turgajskoj ravnine v 1218 g. i ego posledstvija // *Zolotoordynskaja civilizacija*. Vol. 5. Kazan', 2012. Pp. 326–334].

Тимохин Д. М., Тишин В. В. Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII вв. // *Золотая Орда в мировой истории*. Казань, 2016. С. 25–41 [Timohin D. M., Tishin V. V. Horezm, vostochnye kypchaki i Volzhskaja Bulgarija v konce XII – nachale XIII vv. // *Zolotaja Orda v mirovoj istorii*. Kazan', 2016. Pp. 25–41].

Хара-Даван Э. *Чингиз-хан как полководец и его наследие*. Белград, 1929 [Hara-Davan Je. *Chingiz-han kak polkovodets i ego nasledie*. Belgrad, 1929].

Храпачевский Р. П. *Военная держава Чингиз-хана*. М., 2004 [Hrapachevskij R. P. *Voennaja derzhava Chingiz-hana*. Moscow, 2004].

Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // *Journal Asiatique*. 1849–1850. T. XIII–XV.

An-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali*. Tard. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945.

Barckhausen J. *L'empire jaune de Genhis-Khan*. Paris, 1935.

Bregel J. Turco-Mongol Influence in the Central Asia // *Turco-Persia in Historical Perspective*. Cambridge, 1991. Pp. 55–77.

Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. I. London, 1910.

Cambridge History of Iran. J. A. Boyle (ed.). Vol. 5. Cambridge, 1968.

Djuveini. *Tarih-e jahan goshay*. Vol. 1–2. Leiden, 1912.

Djuveini. *The History of the World-conqueror*. Trad. J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1959.

Djuzdjani. *Tabakat-i Nasiri*. Trad. H. G. Raverty. Vol. 1–2. Calcutta, 1960.

Dupuy T. N. *The Military Life of Cenghis: Khan of Khans*. New York, 1969.

Extrait de la chronique intitule Kamel-Altevarykh par Ibn-Alatyr // *Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux*. T. I. Paris, 1872. Pp. 189–744.

Extrait de la chronique intitule Kamel-Altevarykh par Ibn-Alatyr // R*ecueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux*. Tome II.1. Paris, 1872. Pp. 3–180.

Hamdallah Kazvini. *Tarihi gouzide*. Trad. Y. Le Strange. Vol. I. Paris, 1903.

Hamdallah Kazvini. *Tarih-i Guzide*. Abdal-Hosein Navsi (ed.). Tehran, 1960.

Ibn Battuta. *Safar nama-i Ibn Battuta*. Tardzhoma-i Muhammad Ali Muvahhid. J. 1–2. Tegeran, 1969–1970.

Kafesoğlu İ. *Harezmşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956.

Khondamir. *Tarih-e habib*. J. 1–3. Tehran, 1954.

Kolbas J. G. *The Mongols in Iran: Chingiz khan to Ulgaytu 1220–1309*. New York, 2006.

Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin, 1914. S. 25–238.

Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1841.

Mirhond. *La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1840.

Morgan D. O. The Mongol Armies in Persia // *Der Islam*. 1979. Bg. 56. Heft 1. S. 81–96.

Natanzi Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini*. Tehran, 1957.

Rashid ad-Din Fazlollah. *Fasli az Jami at-tavarih: Tarih-e-ferge-ye-rafigan va ismailian-Alamut*. Tehran,1958.

Sistani, Malek-Shah-Hosein b. Malek Giyas ad-Din Mohammad b. Shah-Mahmud. *Tarih-i ihiya al-muluk*. Sard. Menuchar Sotude. Tehran, 1966.

Tarih-i Benaketi // Hakemi I. *Nasrhai-e tarihi*. Tehran, 1971. Pp.131–134.

The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. N. di Cosmo, A. J. Frank, P. B. Golden (eds.). Cambridge, 2009.

The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Jawzjani. W. Nassau Lees, LL. D. and Mawlawis Khadim Hosain Abd Al-Hai (eds.). Calcutta, 1864.

ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. *Celâlüttin Harezemşah*. Mütercimi Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934.

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ МОНГОЛО-РОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2018
Д. Моломжамц*

В статье дан краткий обзор истории развития монголо-российских торгово-экономических отношений в постсоветский период (1990–2017 гг.), анализ современного состояния и перспектив двустороннего сотрудничества по итогам 21-го заседания Монголо-Российской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (Москва, февраль 2018 г.), предложения автора по приоритетным направлениям развития двустороннего торгово-экономического партнерства в ближайшие годы, включая создание экономического коридора Монголия-Россия-Китай.

Ключевые слова: Монголия, Россия, торгово-экономическое сотрудничество, приоритетные направления, экономический коридор Россия-Монголия-Китай.

UNRESOLVED ISSUES OF MONGOLIAN-RUSSIAN TRADE RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Demchigjavyn Molomjamts

The paper gives a brief review of the traditional Mongolian-Russian trade and economic cooperation in the post-socialist period (1990–2017) and analyses its current state and prospects as per the decisions of the 21st meeting of the Mongolian-Russian Intergovernmental Commission for trade, economic, scientific and technical cooperation (Moscow, February 2018). It also gives the author's view on the priority directions of cooperation in the coming years, including the economic corridor Russia-Mongolia-China.

Keywords: Mongolia, Russia, trade, economic, scientific and technical cooperation, priority directions, economic corridor Mongolia-Russia-China.

Как и вся социалистическая экономика, до 1990-х гг. экономика Монголии развивалась в условиях жесткой командно-административной системы на плановой основе. Монгольская экономика по существу была интегрирована в экономику Советского Союза. На долю СССР к моменту его распада приходилось 78% внешнеторгового оборота Монголии, в том числе более 80% экспорта [Моломжамц, 2017, с. 122]. Иначе говоря, платежеспособность страны полностью зависела от СССР. Начало 1990-х гг. было непростым временем для Монголии и России в свете реалий, порожденных началом демократических и рыночных преобразований в обоих государствах. Это вызвало спад в двусторонних отношениях в силу нарушения хозяйственных связей, развивавшихся в период директивной экономики.

В годы перехода к рыночной экономике произошла переориентация внешней торговли Монголии с рынков России и бывших социалистических стран на китайский и западные рынки. В 1991 г. 95% внешнеторгового оборота Монголии приходилось на страны-члены СЭВ. По состоянию на март 2018 г. Монголия осуществляет торговое сотрудничество со 163 странами мира. В экспорте первое место занимает Китай (85,6%), на втором – Великобритания (10,7%), на третьем – Россия (1,1%), далее – Италия, Сингапур и др. В общем объеме импорта Монголии первое место занимает Китай (32,9%), второе – Россия (28,1%), третье – Япония (8,4%), далее – США (4,8%) и Южная Корея (4,6%)[1]. Подобная

---

* Дэмчигжавын МОЛОМЖАМЦ, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Монголии, старший советник Правления Международного инвестиционного банка, Москва; molomjamts_d@yahoo.com

Demchigjavyn MOLOMJAMTS, DSc (Economics), Senior Adviser to the Board, International Investment Bank, Moscow; molomjamts_d@yahoo.com

[1] *Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо.* URL: www.nso.mn (дата обращения 30.06.2018).

смена приоритетов представляется закономерной, поскольку с либерализацией экономики внешнеэкономические связи Монголии стали определяться и рынком, и новыми геополитическими интересами страны.

Несмотря на диверсификацию внешнеэкономических связей и политику открытости, Россия остается одним из главных торгово-экономических партнеров Монголии. По данным монгольской статистики, в 2017 г. общий монголо-российский товарооборот вырос на 37% по сравнению с 2016 г. и составил 1 284,9 млн. долларов США, в том числе экспорт из Монголии в Россию – 67,6 млн. долларов США, импорт из России в Монголию – 1 217,2 млн. долларов США [Протокол 21-го заседания Монголо-Российской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, 2018]. За эти годы перехода к рынку структура экономики коренным образом изменилась. Движущей силой роста экономики стал уже частный сектор. По состоянию на 2017 г. на его долю приходится более 70% производства валового национального продукта Монголии[2]. Еще в конце мая 1993 г. Монголия перешла на режим плавающего валютного курса национальной денежной единицы. В 2017 г. экономический рост составил 5,1%, произошла девальвация местной валюты – тугрика, соответственно растет и монгольский экспорт.

Основными статьями монгольского экспорта в Россию являются минеральное сырье, железная руда, флюорит, продукты животноводства и легкой промышленности. В структуре российского экспорта в Монголию главное место занимают нефтепродукты, машины и оборудование, автомобили, продовольствие, химические продукты, строительные материалы, сигареты и табак, бытовая техника и электроэнергия. В последние годы наблюдается тенденция уменьшения объема монгольского экспорта в Россию по причине введения Россией высоких импортных пошлин на монгольские экспортные товары, а также их низкой конкурентоспособности на российском рынке.

Большое отрицательное сальдо в торговле с РФ говорит о еще не задействованном потенциале двусторонних экономических связей. Монголия еще не в полной мере использует имеющиеся возможности и ресурсы для дальнейшего расширения двусторонних торгово-экономических отношений. При грамотной внешнеторговой политике Монголия и Россия могут значительно увеличить торговый оборот за счет увеличения поставок из Монголии, в первую очередь, мяса и продуктов животноводства, минеральной продукции горнорудной промышленности, а также за счет увеличения поставок высокотехнологичной продукции из России. По нашему мнению, в целях обеспечения стабильного развития торгово-экономического сотрудничества с РФ монголам следует обратить особое внимание на несколько приоритетных направлений.

Первое направление – активизация работы по линии Евразийского экономического союза (ЕАЭС), членами которого являются Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия. Действительно, рядом с Монголией создан и активно работает рынок с населением более 183,7 млн. человек[3], и участие в нем для страны критично. Заключение соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Монголией может состояться уже в текущем, 2018 г. Следует начать работу в области технического регулирования, стандартизации, ветеринарных и санитарных мер в рамках сотрудничества между Монголией и Евразийской экономической комиссией. Все эти меры существенно облегчат доступ Монголии к рынку ЕАЭС, в том числе и к российскому.

Однако создание зоны свободной торговли с ЕАЭС – только первый шаг, в дальнейшем следовало бы подумать над членством ЕАЭС. В настоящее время не только в Монголии, но и в самом ЕАЭС активно обсуждается возможность вступления в него Монголии. Хорошо, что этот вопрос вызывает большой интерес среди монгольских

[2] Баабар: Надад ийм мөрөөдөл байна // *iKon.MN*. 28.03.2018. URL: https://ikon.mn/n/1976 (дата обращения 30.06.2018).
[3] *Евразийский экономический союз*. URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения 30.06.2018).

политиков и экономистов. Вступление Монголии в этот клуб стран – большой плюс для расширения ее экономического сотрудничества не только с РФ, но и с некоторыми странами Центральной Азии, в том числе с Казахстаном и Киргизией, с которыми у Монголии традиционно хорошие связи. Помимо ЕАЭС, Монголия должна стать членом и Евразийского банка развития.

Второе направление – межрегиональное сотрудничество, охватывающее отношения между приграничными аймаками и областями двух стран. Это мощный локомотив не только для расширения приграничной торговли и обмена услугами, но и основа для обеспечения стабильного развития торгово-экономического сотрудничества между нашими странами. В настоящее время Правительство Монголии ставит задачу постепенного перехода от политики экспорта минерально-сырьевых ресурсов к развитию традиционного производства, особенно в приграничных с Россией аймаках. В развитии межрегионального и приграничного сотрудничества большое значение имеет специальная подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству в рамках Монголо-Российской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). По линии подкомиссии проводится определенная работа по усилению межрегионального сотрудничества, однако уровень работы в целом недостаточен. Объем региональной торговли в общем товарообороте между нашими странами не растет и составляет около 10%. У таможенных органов Монголии и России нет официальной статистики о приграничной торговле, что не дает возможности более точно оценить ситуацию; основная часть приграничных торговых операций должна быть отражена в статистике внешней торговли. Еще в 2000 г. было подписано Соглашение о принципах сотрудничества между аймаками Монголии и субъектами РФ. Однако основные положения соглашения во многом носят декларативный характер: власти российских областей и монгольских аймаков слабо заинтересованы в развитии приграничной торговли.

В этом отношении определенным шагом вперед стало парафирование проекта соглашения между правительствами Монголии и Российской Федерации о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству; оно состоялось в Москве 28 февраля 2018 г. в ходе 21-го заседания Монголо-Российской Межправительственной комиссии. Однако в деле углубления межрегионального сотрудничества и приграничной торговли по-прежнему существует ряд нерешенных вопросов: увеличение пропускной способности контрольно-пропускных пунктов (КПП) на границах двух стран, придание региональным КПП полноценного статуса, усиление контроля за качеством товаров, особенно за качеством пищевых и мясных продуктов, чтобы соответствовать ветеринарно-санитарным требованиям со стороны России.

Для жителей приграничных районов необходимо упростить выдачу многократных виз и снять ограничения на передвижение транспортных средств. Решение этих и других вопросов, связанных с развитием приграничной торговли, может активизировать движение к развитию свободных экономических зон на приграничных территориях наших стран – например, развитию свободной экономической зоны (СЭЗ) «Алтанбулаг» в районе сомона Алтанбулаг аймака Сэлэнгэ, расположенного на монгольско-российской границе. В настоящее время администрация СЭЗ «Алтанбулаг» заключила инвестиционные договоры с более чем 60 компаниями России, Японии, США, КНДР и сдает в аренду около 400 га земли; так, Республика Бурятия арендует в Алтанбулаге 14 га земли. С созданием свободной экономической зоны «Алтанбулаг» формируется новая среда для развития приграничной торговли с Россией.

Для Монголии одна из основных проблем в сотрудничестве с регионами России лежит в области взаимных расчетов. У мелкого бизнеса не хватает валютных средств для осуществления приграничных торговых операций. Наше предложение: производить некоторые расчеты в приграничной и региональной торговле в национальных валютах наших стран. Для этого необходимо заключить межправительственное соглашение о

применении национальных валют, в частности рубля, в некоторых торговых расчетах, осуществляемых между хозяйствующими субъектами двух государств. С монгольской стороны и индивидуальные предприниматели, и юридические лица готовы к расчетам в рублях. Между тем использование и рубля, и тугрика еще больше увеличило бы взаимный торговый оборот. Самый главный вопрос – установить порядок расчетов в национальных валютах в рамках приграничной торговли: важно, что приграничные торговые отношения уже отошли от бартера, и их надо развивать дальше.

Третье направление – введение безвизового режима, давшее сильный толчок расширению торгово-экономического сотрудничества, особенно приграничной торговли. С начала 2015 г. наблюдается рост товарооборота Монголии с Иркутской областью и Республикой Бурятия. В соответствии с Соглашением между Правительством РФ и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан от 14 ноября 2014 г. безвизовый взаимный въезд разрешается продолжительностью не более одного месяца. Благодаря безвизовому режиму туристический поток из Монголии в летнее время в соседние регионы России резко возрастает. До этого монгольские бизнесмены в основном привозили товары массового спроса и продукты питания из приграничного китайского города Эрлянь (монг. Эрээн). В настоящее время торговые маршруты изменились в сторону России, резко возрос поток пассажиров через границу, и главный пропускной пункт с Монголией «Кяхта» не справляется с повышенной нагрузкой. С введением безвизового режима расширяется прямое сотрудничество между отдельными субъектами двух стран: между столицами Улан-Батором и Москвой; аймаками Сэлэнгэ и Хэнтий и Республикой Бурятия; аймаком Дорнод и Забайкальским краем и др.

Уверен, что развитие межрегионального и приграничного сотрудничества выведет интеграционные процессы между Монголией и Россией на качественно новый уровень. Например, Монголия готова поставлять мясную продукцию по всей территории РФ, а не только в соседние регионы. Об этом Правительство Монголии официально заявило на Красноярском экономическом форуме в апреле 2018 г. В настоящее время главными потребителями поставляемого из Монголии мяса являются Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область; ведутся переговоры о расширении квот на поставки монгольской говядины в РФ. По данным Национального статистического управления Монголии, поголовье скота в Монголии достигло в 2017 г. рекордного количества – 66,2 млн. голов.

Развивая торговлю продукцией животноводства, Монголия работает над привлечением инвестиций в освоение двух крупных месторождений – медно-золотого Оюу-Толгой[4] и угольного Таван-Толгой[5] на юге Монголии. Таким образом на юге страны могут сформироваться новые промышленные районы, что открывает возможности для развития межрегионального сотрудничества не только с Россией, но и с КНР.

Четвертое направление. Монгольскому бизнесу не хватает контактов для установления связей с российским рынком. С такой задачей могут справиться форумы и ярмарки. Проведение на постоянной основе форумов регионального сотрудничества с привлечением политиков, бизнесменов, работников пограничной, таможенной и ветеринарной служб может способствовать интеграционным проектам. Как известно, общая протяженность монголо-российской границы составляет 3 485 км, и восемь монгольских аймаков граничат с Россией. С российской стороны в приграничной торговле ведущие места занимают Иркутская область, республики Бурятия, Алтай, Тыва и Забайкальский край.

---

[4] Оюу-Толгой («Бирюзовый холм»). Оцененные запасы – 35,8 млн. тонн меди и почти 12,8 тыс. тонн золота (данные 2010 г.). Сейчас основным акционером компании "Turquoise Hill Resources" (Оюу-Толгой) является австрало-британский горнодобывающий гигант "Rio Tinto", который выкупил контрольный пакет акций у канадской компании "Ivanhoe Mines" и в настоящее время владеет 66% акций, остальные 34% – у правительства Монголии.

[5] Угольное месторождение Таван-Толгой («Пять холмов») является крупнейшим из неосвоенных в мире: его запасы составляют около 6 млрд. тонн угля, из них 40% – коксующийся уголь.

Сейчас на монголо-российской границе имеется 16 КПП, четыре из них работают временно. Из постоянных 12 только три имеют международный статус, остальные – двусторонний. Самый загруженный пункт – Алтанбулаг – Кяхта (авто) Селенгинский аймак (международный); Наушки – Сухэ-Батор-Наушки (ж/д), Селенгинский аймак (международный). Именно последний контрольно-пропускной пункт нуждается в реконструкции и модернизации. Со стороны Западной Монголии действует только один пограничный переход – многосторонний автомобильный пункт пропуска КПП «Цаган-Нуур» – «Ташанта» со стороны Республики Алтай, все иные переходы на территорию России и обратно незаконны. В связи с этим предлагается изучить возможности повышения статуса контрольно-пропускного пункта «Арц Сууръ» со стороны Завхан аймака Монголии и «Цагаан-Толгой» со стороны Республики Тыва от двустороннего до международного.

Пятое направление. Монголия рассчитывает на участие в реализации инициативы Китая «Один пояс, один путь». В настоящее время Монголия и Россия официально поддержали этот проект и подписали итоговый документ по этому вопросу. 24 июня 2016 г. в Ташкенте на саммите ШОС между РФ, КНР и Монголией было подписано соглашение о создании экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Программа создания такого коридора [Программа создания, 2016] предусматривает взаимодействие по следующим основным направлениям: взаимосвязанное развитие транспортной инфраструктуры; улучшение работы пограничных пунктов пропуска, совершенствование таможенного контроля; активизация промышленно-инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества; расширение гуманитарных обменов; укрепление сотрудничества в сфере окружающей среды и экологии, а также продвижение регионального и приграничного сотрудничества.

Правительство Монголии должно встроить своей собственный проект «Степной путь»[6] в глобальные проекты: «Один пояс, один путь» и экономический коридор Китай-Монголия-Россия. Активное участие в их реализации предполагает превращение территории Монголии в транзитное пространство между Россией и Китаем. Безусловно, все это повлечет за собой приток инвестиций в прилегающие регионы, усилит процессы регионального экономического развития и сотрудничества.

В программе создания экономического коридора центральное место занимает вопрос о реализации проекта №1 «Комплексная модернизация и развитие Центрального железнодорожного коридора» (Улан-Удэ – Наушки – Сухэ-Батор – Улан-Батор – Замын-Уд – Эрлянь – Уланчаб – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь). Недостаточные мощности монголо-российского совместного акционерного предприятия «Улан-Баторская железная дорога» (АО «УБЖД») препятствуют реализации ее транзитного потенциала, из-за чего Монголия теряет большие возможности. Согласно статистическим данным, в 2016 г. из Китая через Казахстан были произведены грузоперевозки 1700 контейнеров, через Маньчжурию – 1200, а через Монголию – всего 170[7]. Между тем транзит через территорию Монголии на 1135 км короче, чем через маньчжурский железнодорожный путь, связывающий Европу с Китаем, и на 1600 км короче, чем казахстанский. В рамках реализации проекта № 1 Программы «Комплексная модернизация и развитие Центрального железнодорожного коридора» увеличение пропускной способности Улан-Баторской железной дороги – первостепенная задача акционерного общества «УБЖД» и соответствующих министерств Монголии и РФ.

2 сентября 2014 г. в Улан-Баторе во время визита президента РФ В. В. Путина в Монголию было подписано «Соглашение о стратегическом партнерстве по модернизации и развитию Улан-Баторской железной дороги», где было предусмотрено увеличить пропускную способность УБЖД до 100 млн. тонн в год путем строительства второго пути и электрификации. В настоящее время по линии Монголо-Российской межправительственной

---

[6] Монгольский проект «Степной путь» переименован в «Путь развития».

[7] Один пояс, один путь. Смогут ли монголы ухватиться за инициативу? (One Belt and one Road. Will the Mongols be able to grasp this initiative? Ulaanbaatar) // *Монголия сегодня.* 16.05.2017. URL: http://news.mongolnow.com/16_05_a01.html (дата обращения 30.06.2018).

комиссии ведется согласование проекта Соглашения об условиях транзитных железнодорожных перевозок грузов между Россией и Монголией. Кроме того, благодаря этому соглашению будут созданы облегченные условия для процедур пересечения государственной границы при использовании железнодорожного транспорта.

Предложение президента Монголии Х. Баттулга, озвученное во время Восточного экономического форума во Владивостоке в 2017 г., о предоставлении монгольским компаниям права транспортировки угля через российскую территорию до порта Восточный, с тем чтобы монгольский уголь шел на рынки Японии и Южной Кореи, вписывается в контекст реализации соглашения о создании экономического коридора Китай-Монголия-Россия и вызвало полное понимание российской стороны.

В 2004 г. Монголия присоединилась к Азиатской автодорожной сети и взяла обязательство построить автомагистраль через свою территорию. Межправительственное соглашение о международных автомобильных перевозках по сети азиатских автомобильных дорог между РФ, КНР и Монголией было подписано 8 декабря 2016 г. в Москве. Согласно соглашению, стороны предоставляют перевозчикам право на осуществление международных автомобильных перевозок по территориям этих государств транспортными средствами, зарегистрированными на территории государства одной из сторон. В настоящее время соответствующие министерства РФ, Китая и Монголии активно работают над конкретными вопросами по реализации соглашения об автодорожной сети Азии с тем, чтобы открыть движение по новому автомобильному коридору Россия-Монголия-Китай уже во второй половине 2018 г. Как известно, вдоль Трансмонгольской железнодорожной магистрали уже существует автомобильная дорога, и в рамках Программы создания экономического коридора прорабатывается проект строительства современной скоростной автомагистрали АН-3 сети азиатских автодорог (Улан-Удэ – Кяхта – Алтанбулаг – Дархан – Улан-Батор – Сайншанд – Замын-Уд – Эрлянь – Внешний Пекин – Тяньцзинь). Существуют планы строительства автодороги, напрямую связывающей свободную экономическую зону «Алтанбулаг» (Монголия) и Кяхту (РФ), что даст импульс для активизации приграничной торговли сопредельных монгольских аймаков и субъектов России (город Дархан и аймак Сэлэнгэ Монголии и Республика Бурятия и Иркутская область РФ).

Шестое направление. Углубление сотрудничества с Россией в социальной и гуманитарной сферах, образовании, науке, медицине и ветеринарном обслуживании остаются для Монголии приоритетными направлениями. Основы современного образования, науки, культуры, медицины и ветеринарии в Монголии были созданы именно с помощью Советского Союза. Конечно, после 1990-х гг., когда Монголия перешла на рыночные методы управления, произошли большие изменения в социально-экономической и политической структуре общества, но в социальной и гуманитарной сферах в основном было сохранено ядро кадров, получивших советское образование.

Сегодня в Монголии не хватает специалистов со знанием русского языка. Русский язык в Монголии до сих пор популярен, его изучают сотни тысяч учащихся общеобразовательных школ и студентов вузов. Правительство РФ почти каждый год увеличивает квоту на обучение монгольских студентов в российских вузах, например, в 2018/19 учебном году квота увеличена до 500 государственных стипендий [Протокол 21-го заседания, 2018], что на 50 человек больше по сравнению с предыдущим учебным годом. В Монголии действуют филиалы российских вузов, в том числе Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Восточно-Сибирского университета и др. В них обучаются сотни монгольских студентов.

Развитие научного сотрудничества – один из приоритетов в отношениях между двумя странами. РАН оказывает содействие в исследовании недр Монголии, в подготовке высококвалифицированных кадров в области сейсмологии, геологии, географии, лесоведения и других направлений. Под эгидой ЮНЕСКО монгольские и российские ученые активно работают над изучением кочевой цивилизации. Следует подчеркнуть, что для

развития экономики Монголии важное значение имеют научные и практические результаты деятельности совместных экспедиций на территории Монголии – комплексной биологической, палеонтологической, геологической, археологической и историко-культурной. Совместные достижения ученых наших стран носят еще и прикладной характер, способствуют развитию экономики Монголии и внедрению новшеств в народное хозяйство. Большую пользу для Монголии может принести совместное исследование процесса опустынивания Центральной Азии, проблем сохранения и восстановления водно-болотных угодий, совместное исследование и использование космического пространства.

В дополнение к факторам, способствующим развитию экономического сотрудничества, следует назвать и причины, тормозящие это сотрудничество. К ним относятся, в первую очередь, низкая диверсификация монгольского экспорта, слабо развитая транспортная инфраструктура страны, особенно северных и западных аймаков Монголии, сопредельных с Россией, низкая платежеспособность и нехватка валютных средств у многих предприятий и аймаков – потенциальных экономических партнеров России. Кроме того, наиболее значимые факторы, препятствующие развитию эффективного экономического сотрудничества Монголии с Россией, лежат вне плоскости непосредственно экономических отношений. Это внутренняя политическая нестабильность в Монголии, влияние представителей бизнеса на властные структуры как в Монголии, так и в России, коррупционные интересы.

Несмотря на это, монголо-российские торгово-экономические отношения расширяются из года в год и имеют значительный потенциал, чтобы выйти на уровень, сравнимый с торговыми отношениями между странами ЕАЭС.

Литература / References

Моломжамц Д. *Финансово-кредитная система Монголии.* М., 2017 [Molomjamts D. *Financial and Credit System of Mongolia.* Moscow, 2017].

Электронные ресурсы

Баабар: Надад ийм мөрөөдөл байна [У меня есть такая мечта] // *iKon.MN.* 28.03.2018. URL: https://ikon.mn/n/1976 (дата обращения 30.06.2018).

Один пояс, один путь. Смогут ли монголы ухватиться за инициативу? (One Belt and one Road. Will the Mongols be able to grasp this initiative? Ulaanbaatar) // *Монголия сегодня.* 16.05.2017. URL: http://news.mongolnow.com/16_05_a01.html (дата обращения 30.06.2018).

Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия (The Program of China-Mongolia-Russia economic corridor creation) // *Минпромторг Республики Бурятия.* 2016. URL: http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf (дата обращения 30.06.2018).

Протокол 21-го заседания Российско-Монгольской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (28.02.2018, Москва) (Protocol of the 21st meeting of the Russian-Mongolian Intergovernmental Commission for trade, economic, science and technical cooperation, Moscow) // *Посольство Российской Федерации в Монголии.* URL: https://mongolia.mid.ru/vizity/-/asset_publisher/n2MDy92jmPdw/content/v-moskve-proslo-21-e-zasedania-rossijsko-mongol-skoj-mezpravkomissii-po-torgovo-ekonomiceskomu-i-naucno-tehniceskomu-sotrudnicestvu?inheritRedirect=false (дата обращения 30.06.2018).

Евразийский экономический союз. URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения 30.06.2018).

Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо. URL: www.nso.mn (дата обращения 30.06.2018).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ἄφενος И АВЕСТИЙСКОЕ āiiapta- КАК АТРИБУТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ АРИСТОКРАТОВ И АВЕСТИЙСКИХ ГЕРОЕВ

© 2018
А. В. Логинов, А. А. Трофимов*

Греч. ἄφενος и авест. āiiapta- следует признать словами из религиозной сферы. Как в ранней греческой поэзии, так и в Авесте это то, что дарует бог человеку или что человек просит у бога. И в ранней греческой традиции, и в Авесте эти слова – положительные этические понятия. И ἄφενος, и āiiapta- являются атрибутами высшего социального класса. В греческой поэзии ἄφενος встречается рядом с ἀρετή, в Авесте вместе с āiiapta- употребляется aša. Ἄφενος и āiiapta могут происходить от одного праиндоевропейского корня.

Ключевые слова: Авеста, индоевропейский праязык, этимология, древнегреческий эпос, древнегреческая лирика.

ANCIENT GREEK ἄφενος AND AVESTAN āiiapta- AS ATTRIBUTES OF ANCIENT GREEK ARISTOCRATS AND AVESTAN HEROES

Alexandr V. Loginov, Artem A.Trofimov

Gr. ἄφενος and av. āiiapta- are the words from the religious sphere. In both early Greek poetry and the Avesta this is what God gives to a man or what a man asks of God. Both in the early Greek tradition and in Avesta these words are positive ethical concepts. Ancient Greek ἄφενος and Avestian āiiapta- are attributes of a higher social class. In Greek poetry ἄφενος is found near ἀρετή, in Avesta āiiapta is used along with aša. Ἄφενος and āiiapta can be derived from one Indo-European root.

Keywords: Avesta, Indo-European language, etymology, ancient Greek epic, ancient Greek lyric poetry.

Сопоставление произведений древнегреческой литературы и литературных памятников Древнего Ирана и Древней Индии – актуальнейшая задача современной науки. Например, как хорошо показал В. Н. Топоров, существует родство на уровне жанровой стилистики, формульных выражений и образов между «Ведами» и одами Пиндара [Топоров, 2012]. Подобные черты сходства между литературными произведениями Древней Греции, Ирана и Индии были также найдены Н. П. Гринцером и П. А. Гринцером [Гринцер, Гринцер, 2000], Р. Шмиттом [Schmitt, 1967], К. Уоткинсом [Watkins, 1995], М. Л. Уэстом [West, 2007]. Эти исследования позволили открыть новые пласты в индоевропейской поэтике и поэтическом языке, а также обогатить знание о национальных литературных традициях.

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 18-312-00148 «Древнегреческая лирика в индоевропейской перспективе (на материале текстов Феогнида)».

Александр Владимирович ЛОГИНОВ, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА); avloginov@msal.ru

Alexandr V. LOGINOV, PhD (History), docent, Moscow State Kutafin Law University (MSAL); avloginov@msal.ru

Артем Александрович ТРОФИМОВ, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва; artemii.trofimov@gmail.com

Artem A. TROFIMOV, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow; artemii.trofimov@gmail.com

К сожалению, в науке еще не обращалось внимания на схожесть древнегреческого понятия ἄφενος и авестийского āiiapta-. Эти слова обнаруживают подобие в семантике и могут иметь общее происхождение. И ἄφενος, и āiiapta- были атрибутами древнегреческих и древнеиранских эпических героев. Вероятно, данные слова первоначально обозначали дар, которым божество наделяет героя. Поскольку значение этих слов оказалось затемнено уже в ранних литературных памятниках, чтобы доказать нашу гипотезу, необходимо внимательно рассмотреть контексты, в которых встречаются ἄφενος и āiiapta-.

Ἄφενος и ἀφνειός

Обзор историографии об ἄφενος

Рассмотрим мнения, существующие в историографии, об этимологии и значении ἄφενος. Авторы словарей считают, что ἄφενος обозначает богатство, а прилагательное ἀφνειός значит 'богатый' [Frisk, 1960, s. 195; Chantraine, 1968, p. 146; Liddell, Scott, 1996, p. 288; Beekes, 2010, p. 177]. Такого же мнения придерживается Ж. Манесси-Гиттон [Manessy-Guitton, 1966, p. 23]. И. Баллес полагает, что ἄφενος значит 'богатство, владение', содержит и.е. корень *g^{wh}en- 'ударять, убивать' и происходит от праиндоевропейского отглагольного прилагательного со значением 'то, что не должно быть убито' [Balles, 1997, p. 217–218, 223]. Она сравнивает ἄφενος с вед. ághnyā-, авест. agəniiā- 'то, что нельзя убивать', 'особенно ценный скот, который не подлежит убою' [Balles, 1997, p. 219]. В древнегреческом у соответствующего прилагательного изменилось значение. Это слово стало значить 'ценный', а соответствующее существительное получило значение 'ценность, богатство' [Balles, 1997, p. 223]. Однако данное обозначение богатства указывало на обладание скотом, в первую очередь крупным рогатым – коровами, дающими молоко [Balles, 1997, p. 223]. И. Баллес считает, что сужение значения прилагательного, образованного от корня *g^{wh}en- (от 'то, что не должно быть убито' до 'особенно ценный скот, который не подлежит убою'), должно было произойти еще в праиндоевропейские времена [Balles, 1997, p. 223].

Данная концепция предполагает, что у праиндоевропейцев было развитое молочное скотоводство, то есть коровы были прежде всего животными, дающими молоко, и в меньшей мере мясным скотом. Однако данные общеисторического характера могут свидетельствовать против этого тезиса. Во-первых, одомашненные животные во времена существования праиндоевропейской общности должны были давать существенно меньше молока, чем сейчас, так как с момента одомашнивания для селективного отбора, способного сделать удои сравнимыми с современными, прошло слишком мало времени [Марков, 1979, с. 64; Шнирельман, 1988, с. 30]. Во-вторых, даже в бронзовом веке 90% людей не имело толерантности к лактозе [Olalde, Lalueza-Fox, 2015, p. 5; Allentoft et al., 2015, p. 171]. Некоторые, правда, переносят продукты молочнокислого брожения [Романихин, Кузьмин, 2009]. Переносимость лактозы также повышается при добавлении в молоко сахарозы [Романихин, Кузьмин, 2009]. Поэтому, скорее всего, праиндоевропейцы употребляли в пищу молочные продукты, но скот все-таки разводили главным образом на мясо. Соответственно, едва ли обладание «молочным скотом» могло быть критерием богатства.

А. Вилли также считает, что ἄφενος значил 'богатство' [Willi, 2004, p. 323], но предполагает, что в праиндоевропейском и позднее в разных индоевропейских языках богатство семантически было связано с потоком воды. Ἄφενος первоначально значило 'быстрый поток' [Willi, 2004, p. 331]. В. Пизани также считает ἄφενος обозначением богатства, а ἀφνειός – словом, имеющим значение 'богатый, наполненный' и сопоставляет ἄφενος с санскр. aghnya- [Pisani, 1976, s. 284]. Хотя все исследователи считают ἄφενος обозначением богатства, а ἀφνειός прилагательным «богатый», ни одну из предложенных этимологий нельзя признать убедительной. Мы рассмотрим все случаи употребления ἄφενος и ἀφνειός, чтобы

выявить черты сходства в словоупотреблении и семантике с авест. āiiapta-[1]. В конце статьи будет предложена новая этимология ἄφενος.

Гомер

В гомеровском эпосе ἄφενος встречается три раза. В «Илиаде» Ахилл говорит Агамемнону:

νῦν δ᾽ εἶμι Φθίηνδ᾽, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερόν ἐστιν
οἴκαδ᾽ ἴμεν σὺν νηυσὶ κορωνίσιν, οὐδέ σ᾽ ὀίω
ἐνθάδ᾽ ἄτιμος ἐὼν ἄφενος καὶ πλοῦτον ἀφύξειν[2]

«Теперь я иду во Фтию, так как, пожалуй, гораздо лучше идти домой с дугообразными кораблями. Не хочу, будучи обесчещенным, увеличивать тебе здесь богатство и имущество»[3] [Il.1.169–171].

Из данного отрывка следует, что ἄφενος отличается от πλοῦτος[4].

В другом месте «Илиады» сказано, что Ехепол подарил Агамемнону лошадь, чтобы не идти в поход под Трою:

τὴν Ἀγαμέμνονι δῶκ᾽ Ἀγχισιάδης Ἐχέπωλος
δῶρ᾽, ἵνα μή οἱ ἕποιθ᾽ ὑπὸ Ἴλιον ἠνεμόεσσαν,
ἀλλ᾽ αὐτοῦ τέρποιτο μένων· μέγα γάρ οἱ ἔδωκε
Ζεὺς ἄφενος, ναῖεν δ᾽ ὅ γ᾽ ἐν εὐρυχόρῳ Σικυῶνι

«Ее подарил Анхизиад Эхепол Агамемнону, чтобы не следовать за ним в подверженную ветрам Трою, но, оставшись, наслаждаться у себя, ибо Зевс даровал ему большое богатство, он же жил в обширном Сикионе» [Il.23.296–299].

Однако по данному фрагменту трудно судить, что конкретно значит ἄφενος. Правда, стоит обратить внимание на то, что ἄφενος даруется Эхеполу Зевсом. Косвенным указанием может быть то, что в данном отрывке говорится о конях, участвующих в состязании.

В «Одиссее» Эвмей рассказывает об имуществе Одиссея:

ἦ γάρ οἱ ζωή γ᾽ ἦν ἄσπετος· οὔ τινι τόσση
ἀνδρῶν ἡρώων, οὔτ᾽ ἠπείροιο μελαίνης
οὔτ᾽ αὐτῆς Ἰθάκης· οὐδὲ ξυνεείκοσι φωτῶν
ἔστ᾽ ἄφενος τοσσοῦτον· ἐγὼ δέ κέ τοι καταλέξω.
δώδεκ᾽ ἐν ἠπείρῳ ἀγέλαι· τόσα πώεα οἰῶν,
τόσσα συῶν συβόσια, τόσ᾽ αἰπόλια πλατέ᾽ αἰγῶν
βόσκουσι ξεῖνοί τε καὶ αὐτοῦ βώτορες ἄνδρες
ἐνθάδε τ αἰπόλια πλατέ᾽ αἰγῶν ἕνδεκα πάντα
ἐσχατιῇ βόσκοντ᾽, ἐπὶ δ᾽ ἀνέρες ἐσθλοὶ ὄρονται.

«Ибо имущество у него было несказанное: такого не было ни у кого из мужей-героев ни на черном материке, ни на самой Итаке. У двадцати мужей нет такого богатства. Я тебе перечислю. Гостеприимцы и его пастухи пасут на материке двенадцать стад – столько стад овец, свиней и пасущихся на большой территории коз. Здесь же на окраине кормятся одиннадцать пасущихся на большой территории стад коз. За ними смотрят хорошие мужи» [Od.14.96–104].

В этом случае стоит отметить, что как ἄφενος здесь называется скот: овцы, свиньи, козы. То есть в одном случае употребления у Гомера ἄφενος явно обозначает скот, а в другом подобное значение можно предполагать [Il.23.296–299]. Однако в третьем случае [Il.1.169–171] трудно выявить более конкретное значение, чем 'богатство'. К сожалению, в гомеровском эпосе слишком мало примеров употребления этого слова, чтобы с уверенностью говорить, что ἄφενος обозначает нечто более конкретное, чем богатство.

---

[1] Поиск случаев употребления ἄφενος и ἀφνειός осуществлен в "*Thesaurus linguae Graecae*".
[2] Гомеровский текст цитируется по изданиям Г. ван Тиля [Thiel, 1991; Thiel, 2010].
[3] Перевод с древнегреческого здесь и далее А. В. Логинова.
[4] См. о значении πλοῦτος: [Hemelrijk, 1925].

Прилагательное ἀφνειός 29 раз встречается в гомеровском эпосе[5]. У Гомера это слово довольно часто употребляется в составе формульных сочетаний. Например, в «Илиаде» Коринф назван ἀφνειός (Il.2.570), а троянцы – ἀφνειοί (Il.2.825).

Относительно значения этого слова стоит отметить, что в «Илиаде» говорится об имуществе (κειμήλια) богатого (ἀφνειοῦ) отца [Il.6.47]. Согласно Э. Бенвенисту κειμήλια должно обозначать недвижимое имущество [Бенвенист, 1995, с. 49]. Следовательно, ἀφνειός в данном контексте обозначает человека, богатого не только в отношении скота. Словоупотребление в «Одиссее» также показывает, что ἀφνειός может обозначать не только владельца больших стад скота: Телемах говорит об итакийцах ἀφνειότεροι χρυσοῖό τε ἐσθῆτός τε – «более богатые в отношении золота и одежды» [Od.1.165]. В Od.17.423 и Od.19.78–79 как ἀφνειός обозначается человек, помимо прочего, владеющий рабами. В Il.14.122 ἀφνειός называется владеющий большими пашнями, садами и стадами. Поэтому данные гомеровских поэм свидетельствуют о том, что ἀφνειός не обязательно человек, у которого много скота, что служит аргументом против теории И. Баллес.

В Il.13.664 и Il.17.576 ἀφνειός употребляется в одном ряду с ἀγαθός[6] (ἀφνειός τ' ἀγαθός τε), а в Od.11.414 и Od.14.116 рядом с δυνάμενος и καρτερός, что является косвенным указанием на то, что ἀφνειός не только нейтральное обозначение богатого человека, но и социальный термин – характеристика гомеровского аристократа. В Od.18.276 говорится о том, как надо свататься к знатной жене, дочери богатого мужа: ἀγαθήν τε γυναῖκα καὶ ἀφνειοῖο θύγατρα. Телемах говорит, что у царя дом быстро становится богатым, а сам он – более почитаемым: δῶ ἀφνειὸν πέλεται καὶ τιμέστερος αὐτός (Od.1.392–393). Феникс говорит, что Пелей сделал его богатым и дал ему многочисленный народ – μ' ἀφνειὸν ἔθηκε πολὺν δέ μοι ὤπασε λαόν (Il.9.483). Ахилл удивляется приходу Приама так же, как с удивлением смотрят на изгнанника, ищущего покровительство у богатого (ἀφνειοῦ) мужа (Il.24.482)[7]. Телемах называет дом Одиссея богатым и беспорочным – ἀφνειὸς καὶ ἀμύμων (Od.1.232).

Гесиод

Ἄφενος и прилагательное ἀφνειός встречается и в произведениях Гесиода. Так, в «Теогонии» Гесиод обращается к музам со следующими словами:

εἴπατε δ᾽ ὡς τὰ πρῶτα θεοὶ καὶ γαῖα γένοντο
καὶ ποταμοὶ καὶ πόντος ἀπείριτος οἴδματι θυίων
ἄστρά τε λαμπετόωντα καὶ οὐρανὸς εὐρὺς ὕπερθεν
οἵ τ᾽ ἐκ τῶν ἐγένοντο, θεοί δωτῆρες ἐάων
ὥς τ᾽ ἄφενος δάσσαντο καὶ ὡς τιμὰς διέλοντο
ἠδὲ καὶ ὡς τὰ πρῶτα πολύπτυχον ἔσχον Ὄλυμπον[8]

«Расскажите же, как в начале возникли боги и земля, а также реки и бескрайнее море с вздымающимися волнами, горящие звезды и широкое небо вверху – боги, податели благ, возникли из них, [расскажите] как они поделили имущество и как распределили почести, а также как вначале владели Олимпом со многими ложбинами» (Theog. 108–112).

В данном отрывке ἄφενος едва ли может обозначать скот. Скорее всего, под ἄφενος здесь имеется в виду имущество богов. Стоит обратить внимание на то, что ἄφενος здесь слово, относящееся к сакральной сфере.

В поэме «Труды и дни» Гесиод рассказывает о двух Эридах, одна из которых полезна людям:

εἰς ἕτερον γάρ τίς τε ἰδὼν ἔργοιο χατίζων
πλούσιον, ὃς σπεύδει μὲν ἀρώμεναι ἠδὲ φυτεύειν

---

[5] Результат поиска в “*Thesaurus linguae Graecae*”, который подтверждается гомеровским лексиконом А. Геринга [Gehring, 1891, s. 123].

[6] См. о значении ἀγαθός у Гомера: [Йегер, 2001, с. 33].

[7] Изгнанников в гомеровском эпосе всегда принимают аристократы. См. разбор всех случаев изгнания в гомеровском эпосе: [Логинов, Трофимов, Линько, 2017, с. 258–279].

[8] Текст «Теогонии» Гесиода по изданию Г. В. Моста [Most, 2006].

οἶκόν τ᾽ εὖ θέσθαι, ζηλοῖ δέ τε γείτονα γείτων
εἰς ἄφενος σπεύδοντ᾽· ἀγαθὴ δ᾽ Ἔρις ἥδε βροτοῖσιν[9]

«Ибо кто-нибудь, смотря на другого, богатого, желая работать, спешит пахать и сажать, хорошо обустроить дом. Сосед соревнуется с соседом, стремящимся к богатству: прекрасна эта Эрида для смертных» (Op. 21–24).

В данном отрывке под ἄφενος, скорее всего, имеется в виду не скот. Вероятнее всего, ἄφενος здесь обозначает богатство, причем богатство земледельца. В этом фрагменте ἄφενος также употребляется в религиозном контексте: ἄφενος связано с Эридой. В этой же поэме Гесиод повествует о том, как его отец переселился из эолийских Ким:

ὅς ποτε καὶ τυιδ᾽ ἦλθε πολὺν διὰ πόντον ἀνύσσας
Κύμην Αἰολίδα προλιπὼν ἐν νηὶ μελαίνῃ,
οὐκ ἄφενος φεύγων οὐδὲ πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακὴν πενίην, τὴν Ζεὺς ἄνδρεσσι δίδωσιν

«...который когда-то сюда пришел на черном корабле, пройдя многие моря, оставив эолийские Кимы, не убегая от богатства, избытка и счастья, но от злой нужды, которую Зевс дает людям» (Op. 635–638).

Это место не позволяет с уверенностью говорить, что здесь ἄφενος обозначает нечто более конкретное, чем богатство. В данном случае нельзя выявить отличия ἄφενος от πλοῦτος и ὄλβος.

Таким образом, у Гесиода в одном месте ἄφενος никак не может значить скот (Theog. 108–112), в другом ἄφενος встречается как обозначение богатства земледельца (Op. 21–24), в третьем – о значении ἄφενος сложно судить (Op. 635–638). То есть ἄφενος у Гесиода едва ли может быть связано только со скотоводством, что служит еще одним аргументом против гипотезы И. Баллес. В двух случаях ἄφενος у Гесиода находится в религиозном контексте. Прилагательное ἀφνειός также встречается у Гесиода. В «Теогонии» бог Плутос делает богатым (ἀφνειός) того, кто его встречает:

...τῷ δὲ τυχόντι καὶ οὗ κ᾽ ἐς χεῖρας ἵκηται,
τὸν δὴ ἀφνειὸν ἔθηκε, πολὺν δέ οἱ ὤπασεν ὄλβον

«Того, кому он попадает в руки, он делает богатым и дарует ему большое процветание» (Theog. 973–974).

По Гесиоду человека делает богатым (ἀφνειός) бог. В Op. 120 Гесиод так называет поколение золотого века: ἀφνειοὶ μήλοισι, φίλοι μακάρεσσι θεοῖσιν – богатые мелким рогатым скотом, милые блаженным богам. В «Трудах и днях» Гесиод говорит, что благодаря труду люди становятся владельцами больших стад и богачами: ἐξ ἔργων δ᾽ ἄνδρες πολύμηλοί τ᾽ ἀφνειοί τε (Op. 308). Соответственно, под ἀφνειός в данном отрывке надо понимать разбогатевшего человека, а не представителя знати. В другом месте «Трудов и дней» Гесиодом упоминается богатый (ἀφνειός) человек, собирающийся самостоятельно смастерить (πήξασθαι) повозку (Op. 455). Таким образом, у Гесиода под ἀφνειός, в отличие от Гомера, скорее надо понимать зажиточного крестьянина[10].

Гомеровские гимны

Ἄφενος и ἀφνειός встречаются и в гомеровских гимнах. В гомеровском гимне к Деметре говорится о Рее и Деметре:

...μέγ᾽ ὄλβιος, ὅν τιν᾽ ἐκεῖναι
προφρονέως φίλωνται ἐπιχθονίων ἀνθρώπων
αἶψα δέ οἱ πέμπουσιν ἐφέστιον ἐς μέγα δῶμα
Πλοῦτον, ὃς ἀνθρώποις ἄφενος θνητοῖσι δίδωσιν[11]

[9] «Труды и дни» цитируются по изданию М. Л. Веста [West, 1978].
[10] Во фрагментах из гесиодовских произведениях ἀφνειός также имеет значение ‘богатый’ (Fr. 23A, 33; 240, 2).
[11] Текст гомеровских гимнов по: [Evelyn-White, 1914].

«Очень богат тот, кого они среди обитающих на земле людей благосклонно полюбили бы. Тотчас они посылают в большой дом домашнее богатство, которое дает смертным людям процветание» (h. Cer. 486–489). Из данного фрагмента очевидно, что πλοῦτος, даруемое богами, приводит к ἄφενος. В гимне к Гермесу Гермес предлагает Майе стать пастухами коров (βουκολέων ἐμὲ καὶ σὲ), чтобы разбогатеть и не оставаться без жертвенных даров:

...οὐδὲ θεοῖσι
νῶι μετ᾽ ἀθανάτοισιν ἀδώρητοι καὶ ἄλιστοι
αὐτοῦ τῇδε μένοντες ἀνεξόμεθ᾽, ὡς σὺ κελεύεις

«...мы не будем оставаться среди бессмертных богов без даров и молитв здесь и там, как ты приказываешь» (h. Merc. 167–169). Далее Гермес говорит Майе:

βέλτερον ἤματα πάντα μετ᾽ ἀθανάτοις ὀαρίζειν,
πλούσιον, ἀφνειόν, πολυλήιον, ἢ κατὰ δῶμα
ἄντρῳ ἐν ἠερόεντι θαασσέμεν· ἀμφὶ δὲ τιμῆς,
κἀγὼ τῆς ὁσίης ἐπιβήσομαι, ἧς περ Ἀπόλλων

«Лучше все дни беседовать с бессмертными, будучи богатым, зажиточным и имеющим много посевов, чем сидеть в священной пещере дома. Я получу священные почести, которые полагаются Аполлону» (h. Merc. 170–173).

Гермес говорит, что ему и Майе надо стать «богатыми». Однако в строках 249–250 сказано, что Аполлон нашел у Майи много серебра, золота и пурпурных платьев. То есть в этом гимне под богатством (ἄφενος, ὄλβος[12], πλοῦτος: h. Merc. 171) понимаются стада коров, причем Гермес говорит Майе, что «разбогатеть» надо, чтобы получать полагающиеся богам дары. Поэтому богатства, которые хочет получить Гермес, – это в первую очередь скот. В другом месте этого гимна Гермес обращается уже к самому Аполлону:

καὶ τιμάς σέ δέ φασι δαήμεναι ἐκ Διὸς ὀμφῆς
μαντείας θ᾽ Ἑκάεργε, Διὸς παρά, θέσφατα πάντα·
τῶν νῦν αὐτὸς ἐγώ σε μαλ᾽ ἀφνειὸν[13] δεδάηκα
σοὶ δ᾽ αὐτάγρετόν ἐστι δαήμεναι, ὅττι μενοινᾷς

«О далеко действующий! Говорят, ты научен почести прорицать по голосу Зевса: все пророчества от Зевса. Теперь из этого я сам узнал, что ты очень богат. Твоей воле предоставлено учиться тому, что ты захочешь» (h. Merc. 471–474).

Необходимо отметить, что Аполлон по знамению Зевса понял, что похититель его коров – сын Зевса (h. Merc. 213–214). Гермес связывает богатство (ἄφενος) Аполлона с тем, что тот обладает даром прорицания и в целом с его способностью легко освоить то или иное искусство.

Феогнид

Феогнид обращается к мальчику Кирну со следующими словами:

Σοὶ δ᾽ ἐγὼ εὖ φρονέων ὑποθήσομαι, οἷά περ αὐτός,
Κύρν᾽, ἀπὸ τῶν ἀγαθῶν παῖς ἔτ᾽ ἐὼν ἔμαθον
πέπνυσο, μηδ᾽ αἰσχροῖσιν ἐπ᾽ ἔργμασι μηδ᾽ ἀδίκοισιν
τιμὰς μηδ᾽ ἀρετὰς ἕλκεο μηδ᾽ ἄφενος[14]

«Тебе же я, замышляя доброе, покажу то, чему я сам, Кирн, от хороших людей научился, будучи еще ребенком: будь разумным, не тянись с помощью позорных дел или несправедливостей к почестям, достоинствам и богатству» (Thgn. 27–30). По данному фрагменту трудно судить о значении ἄφενος. Однако данное понятие употребляется в одном ряду с τιμή, ἀρετή[15] и ἀδικία. В другом месте у Феогнида говорится:

---

[12] В h. Merc. 461 Аполлон обещает сделать Гермеса ὄλβιον.
[13] Место испорчено. В рукописях ἔγωγε παῖδ᾽ ἀφνειόν [Evelyn-White, 1914, p. 396].
[14] Текст по: [Edmonds, 1931].
[15] См. о понятии ἀρετή у Гомера: [Йегер, 2001, с. 32–33].

μήτ᾽ ἀρετὴν εὔχου, Πολυπαΐδη, ἔξοχος εἶναι,
μήτ᾽ ἄφενος· μοῦνον δ᾽ ἀνδρὶ γένοιτο τύχη

«Не претендуй, Полипед, ни на выдающуюся доблесть, ни на богатство: одна и та же судьба у человека» (Thgn. 129–130). Феогнид дает следующее определение ἄφενος:

ἶσόν τοι πλουτοῦσιν, ὅτῳ πολὺς ἄργυρός ἐστιν
καὶ χρυσὸς καὶ γῆς πυροφόρου πεδία
ἵπποι θ᾽ ἡμίονοί τε, καὶ ᾧ τὰ δέοντα πάρεστι
γαστρί τε καὶ πλευραῖς καὶ ποσὶν ἁβρὰ παθεῖν,
ταῦτ᾽ ἄφενος θνητοῖσι· τὰ γὰρ περιώσια πάντα
χρήματ᾽ ἔχων οὐδεὶς ἔρχεται εἰς Ἀίδεω,
οὐδ᾽ ἂν ἄποινα διδοὺς θάνατον φύγοι οὐδὲ βαρείας
νούσους οὐδὲ κακὸν γῆρας ἐπερχόμενον

«Равное в отношении богатств у того, у кого много серебра, золота, хлебородной земли, лошадей и мулов, и у того, у кого все нужное и роскошное есть в желудке, боках и ногах. Все это богатство для смертных, ибо никто не идет в Аид, имея все чрезмерные сокровища, и наказываемый смертью, не избежит ни тяжелых болезней, ни пришедшей плохой старости» (Thgn. 719–728). Под ἄφενος Феогнид понимает личные качества человека. Однако ἄφενος в этом фрагменте явно употребляется в переносном значении. Понятие ἄφενος оказалось для Феогнида важным: в сохранившихся фрагментах это слово встречается трижды и, судя по последнему отрывку, было предметом размышлений поэта.

Прилагательное ἀφνειός также встречается у Феогнида:

κριοὺς μὲν καὶ ὄνους διζήμεθα, Κύρνε, καὶ ἵππους
εὐγενέας, καὶ τις βούλεται ἐξ ἀγαθῶν
πάσασθαι· γῆμαι δὲ κακὴν κακοῦ οὐ μελεδαίνει
ἐσθλὸς ἀνήρ, ἤν τις χρήματα πολλὰ διδῷ·
οὐδὲ γυνὴ κακοῦ ἀνδρὸς ἀναίνεται εἶναι ἄκοιτις
πλουσίου, ἀλλ᾽ ἀφνεὸν βούλεται ἀντ᾽ ἀγαθοῦ.
χρήματα γὰρ τιμῶσι: καὶ ἐκ κακοῦ ἐσθλὸς ἔγημεν
καὶ κακὸς ἐξ ἀγαθοῦ· πλοῦτος ἔμειξε γένος
οὕτω μὴ θαύμαζε γένος, Πολυπαΐδη, ἀστῶν
μαυροῦσθαι· σὺν γὰρ μίσγεται ἐσθλὰ κακοῖς

«Мы, Кирн, хотим баранов и ослов и лошадей с хорошей родословной, и если кто хочет приобрести, то от благородных. Благородный же человек не заботится о том, что женился на незнатной, дочери незнатного, за которую кто-то дал большие богатства. Жена неблагородного мужа не отказывается быть супругой богатого, но предпочитает богатого вместо благородного. Ибо почитают богатства. Благородный женится на дочери незнатного, незнатный – на дочери благородного: богатство смешало род. Никто не удивляется, что родословная горожан ухудшается: благородное смешивается с незнатным» (183–192). В данном отрывке πλούσιος является синонимом ἀφνειός. Ἀφνειός здесь обозначает богатого, но незнатного человека. Судя по всему, в VI в. до н. э. представления о связи богатства ἄφενος со знатным происхождением человека уже не существовало. Ἀφνειός стало обозначать лишь богатого человека. Это же значение ἀφνειός и в другом отрывке из Феогнида: Theogn. 559.

Пиндар

Ἄφενος встречается также в отрывке из несохранившегося произведения Пиндара: οἱ δ᾽ἄφνει πεποίθασιν... – «те, кто доверился богатству...» (Fr. 219)[16]. Однако значение этого слова здесь сложно выяснить из-за размеров фрагмента. Пиндар использует прилагательное. В первой олимпийской оде у него есть следующее описание:

...κελαδεῖν
Κρόνου παῖδ᾽ ἐς ἀφνεὰν ἱκομένους

[16] Цит. по: [Christ, 1896, 427].

μάκαιραν Ἱέρωνος ἑστίαν[17]

«... подходящие к богатому и блаженному очагу Гиерона воспевают дитя Крона» (Ol.1,9–11). В отрывке из оды Пиндара слово употребляется в религиозном контексте: подходящие к ἀφνεὰν ἑστίαν Гиерона будут воспевать Зевса. Данное прилагательное в форме ἀφνειός также встречается у Пиндара:

φιάλαν ὡς εἴ τις ἀφνειᾶς ἀπὸ χειρὸς ἑλὼν
ἔνδον ἀμπέλου καχλάζοισαν δρόσῳ
δωρήσεται
νεανίᾳ γαμβρῷ...

«Как если кто, взяв богатой рукой чашу, плескающуюся внутри из-за виноградной влаги, подарит зятю...» (Ol.7.1–4). Здесь ἀφνειός употребляется при описании свадебного ритуала. В первой немейской оде Зевс обещает расположить на Сицилии богатые вершины городов – ὀρθώσειν κορυφαῖς πολίων ἀφνεαῖς (Nem. 1.15). В седьмой немейской оде под ἀφνειός надо понимать богатого человека (Nem. 7.17–20). В одиннадцатой пифийской оде Пиндар упоминает богатые пашни отца Пилада, друга Ореста (Pyth. 11.15). Это же значение это слово имеет и в 124b фрагменте. В большинстве контекстов (Ol.1,9–11; Ol.7.1–4; Nem. 1.15; Pyth. 11.15) у Пиндара ἄφενος и ἀφνειός связаны с сакральной сферой.

Вакхилид

У Вакхилида ἀφνειός также имеет значение ‘богатый’. Например, в Ep. 1,172, Ep. 14B,2, Dith. 17,34 [18]. Причем в одном из произведений ἀφνειός обозначает человека, которому богатство даруется богом:

ὄλβιος ᾧτινι θεὸς
μοῖράν τε καλῶν ἔπορεν
σύν τ᾽ ἐπιζήλῳ τύχᾳ
ἀφνεὸν βιοτὰν διάγειν...

«счастлив тот, кому бог выбрал участь красивых и владение богатым имуществом вместе с достойной зависти судьбой» (B. Ep. 5,49–53).

Трагики

Прилагательное ἀφνειός в «Персах» Эсхила относится к тронам персов: ἀφνεῶν καὶ πολυχρύσων ἑδράνων (Pers. 3). В «Электре» же Софокла Электра обещает почтить могилу Агамемнона более богатыми дарами (ἀφνεωτέραις χερσὶν) после победы Ореста (El. 457). В этих двух случаях прилагательное ἀφνειός относится к вещам, связанным с сакральной сферой: к тронам и к подношениям душе умершего.

Каллимах

Хотелось бы обратить внимание на гимн Каллимаха «К Зевсу». Там встречается слово ἄφενος в следующем контексте:

χαῖρε πάτερ, χαῖρ᾽ αὖθι· δίδου δ᾽ ἀρετήν τ᾽ ἄφενός τε.
οὔτ᾽ ἀρετῆς ἄτερ ὄλβος ἐπίσταται ἄνδρας ἀέξειν
οὔτ᾽ ἀρετὴ ἀφένοιο· δίδου δ᾽ ἀρετήν τε καὶ ὄλβον[19]

«Радуйся, отец, радуйся же! Даруй добродетель и процветание! Богатство отдельно от добродетели и добродетель без богатства не знают, как возвеличить людей. Даруй добродетель и богатство!» (Call. I.93–95). В данном фрагменте ἄφενος – синоним ὄλβος; ἄφενος здесь появляется в обращении к богу.

---

[17] Текст по: [Sandys, 1915].
[18] См.: [Campbell, 1992].
[19] Гимн цит. по : [Capps, Page, Rouse, 1921, p. 46].

Павсаний

У Павсания при описании Аркадии упоминается святилище Ареса Афнея:

ἔστι δὲ ὄρος οὐ μέγα ἐν δεξιᾷ τῆς ὁδοῦ καλούμενον Κρήσιον· ἐν δὲ αὐτῷ τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀφνειοῦ πεποίηται. Ἀερόπῃ γὰρ Κηφέως τοῦ Ἀλέου συνεγένετο Ἄρης, καθὰ οἱ Τεγεᾶται λέγουσι·καὶ ἡ μὲν ἀφίησιν ἐν ταῖς ὠδῖσι τὴν ψυχήν, ὁ δὲ παῖς καὶ τεθνηκυίας εἴχετο ἔτι τῆς μητρός, καὶ ἐκ τῶν μαστῶν εἷλκεν αὐτῆς γάλα πολὺ καὶ ἄφθονον. καὶ, ἦν γὰρ τοῦ Ἄρεως γνώμῃ τὰ γινόμενα, τούτων ἕνεκα Ἀφνειὸν τὸν θεὸν ὀνομάζουσι· τῷ δὲ παιδίῳ ὄνομα τεθῆναί φασιν Ἀέροπον[20].

«Направо от дороги небольшая гора, называемая Крисий: на ней построен храм Афнея. Ибо, как говорят тегеаты, Арес сошелся с Аеропой, дочерью Кифея, сына Алея, и когда она испустила дух при родах, дитя умершей держал мать и сосал много изобильного молока, ибо это было по замыслу Ареса. Из-за этого бога называют Афнеем. Тому ребенку, говорят, было дано имя Аероп» (8.44.6). Вероятно, данный миф восходит к очень древним временам, поэтому в имени или эпитете бога могли бы сохраниться следы первоначального значения ἄφενος и ἀφνειός. Правда, из сюжета мифа их трудно выявить. Вероятнее всего, Арес назван ἀφνειός, так как даровал младенцу пищу, то есть как бы наделил его ἄφενος, пропитанием. Опять обратим внимание, что ἄφενος достается от бога.

Другие авторы

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют привести все контексты с ἄφενος и ἀφνειός из позднейшей древнегреческой литературы. Однако значение ἄφενος и ἀφνειός там такое же, что и в более ранних произведениях: Thuc. 1.13.5; Arist. Athen. Pol. 12.3; Ael. Ar. Orat. 3.23; Str. Geogr. 8.6; Apollon. Arg. 1.57, 1.116, 2.1186, 3.1073, 4.35; Opp. Heul. 3.648; Theoc. 24.108, 25.119; Anth. Gr. 9.234; Crates Theb. 10.5–9.

Выводы о значении ἄφενος и ἀφνειός

В большинстве своем существительное ἄφενος употребляется в религиозном контексте[21]. Во многих ранних текстах прилагательное ἀφνειός также связано с религиозной сферой[22]. Случаи употребления ἄφενος в гомеровском эпосе как будто позволяют сделать вывод о связи значения этого слова с идеей обладания большим стадом скота. Однако данную связь нельзя увидеть ни в гесиодовских поэмах, ни в основной части более поздних литературных произведений. Скорее всего, связь ἄφενος с обладанием скотом в гомеровском эпосе есть следствие того, что в гомеровском обществе скот является одним из главных критериев богатства. Прилагательное ἀφνειός в гомеровских и гесиодовских поэмах чаще всего обозначает человека, богатого не в отношении скота или богатого не только скотом.

Немногочисленные случаи употребления ἄφενος позволяют лишь сделать вывод о том, что это слово обозначает богатство, процветание. Однако употребление его в ранних текстах свидетельствуют о том, что ἄφενος является положительной этической категорией, целью, к которой человеку следует стремиться. У Гомера ἄφενος обозначает благо, которое даруется человеку Зевсом (Hom. Il.23.296–299). В гомеровском гимне к Деметре ἄφενος дается людям Реей и Деметрой (h. Cer. 486–489). У Гесиода боги в начале мира разделили между собой ἄφενος: ἄφενος δάσσαντο (Theog. 108–112).

В гомеровском эпосе ἀφνειός является одной из характеристик аристократа. Однако у Гесиода под ἀφνειός уже надо понимать зажиточного крестьянина. У Феогнида же ἀφνειός явно обозначает богатого человека в противоположность благородному. Очень вероятно, что ἄφενος входило в систему ценностей эпического героя. То, что ἄφενος в отличие от ἀρετή и τιμή не сохранилось в качестве этической категории в эпоху классики и эллинизма, можно

---

[20] Текст по: [Hitzig, Bluemner, 1907].

[21] См.: Hom. Il.23.296–299, Hes. Theog. 108–112, Hes. Op. 21–24, h. Cer. 486–489, Thgn. 27–30, Thgn. 719–728, Anth. Gr. 9.234, Call. I.93–95, Paus. 8.44.6.

[22] См.: Hes. Theog. 973–974, Hes. Op. 120, h. Merc. 170–173, h. Merc. 471–474, Pind. Ol. 1,9–11, Pind. Ol. 7.1–4, Pind. Nem. 1.15, Pind. Pyth. 11.15, Bacch. Ep. 5,49–53, Aesch. Pers. 3, Soph. El. 457.

объяснить тем, что эпические героические категории в эпоху архаики сохранялись в системе этических ценностей аристократии. Под ἄφενος стало пониматься богатство, которое в эпоху архаики перестало быть привилегией аристократии [23]. Поэтому категория уже не подчеркивала исключительность статуса представителя знати, став неважной для этоса аристократа, и оказалась исключенной из аристократической идеологии. В качестве же обозначения богатства ἄφενος было вытеснено «синонимами» ὄλβος и πλοῦτος. После V в. до н. э. ἄφενος чаще всего встречается в цитатах из более древних авторов.

Значение āiiapta-

В Авесте употребляется слово āiiapta- / aiiapta- n. 'успех, удача; блага' и т. п. (Х. Бартоломэ переводит его как "günstiger Erfolg, Glück", во множественном – "Glücksgüter, Herrlichkeiten, Wohnen, felicitates" [Bartholomae, 1904, s. 332–333]), которое встречается как в Гатах, так и в Младшей Авесте в относительно однородных контекстах. В Гатах имеется два контекста с āiiapta-, в обоих случаях слово употребляется во множественном числе:

Y. 28, 2
maibiiō dāuuōi ahuuā̊ astuuatascā hiiat̰cā manaŋhō
āiiaptā aṣ̌āt̰ hacā yāiš rapantō daidīt̰ xᵛāθrē.
«Мне да будут даны обоих миров – телесного и того духовного,
Блага волею Правды. Ими Она награждает помогающих благоденствию»
(перевод М. Н. Боголюбова).

По данному отрывку невозможно понять содержание понятия āiiapta-, но такие важные элементы рассматриваемого термина, как божественное происхождение (āiiapta- дарует Аша, обожествленная правда / справедливость, высший закон)[24] и выражение как в материальных, так и духовных благах[25] прослеживаются.

Следующий контекст из того же гимна добавляет существенный момент, важный для понимания термина:

Y. 28, 7
dāidī aṣ̌ā tąm aṣ̌īm vaŋhə̄uš āiiaptā manaŋhō
«Дай, о Правда, эту награду – блага Доброй Мысли»[26]
(перевод М. Н. Боголюбова).

По этому месту видно, что āiiapta- служит синонимом слова aṣ̌i- 'награда, заслуга'[27]. Еще один раз интересующее нас слово встречается в винительном падеже множественного числа в 53 Ясне.

Y. 53, 1
vahištā īštiš srāvī zaraθuštrahē
spitāmahiiā yezī hōi dāt̰ āiiaptā
aṣ̌āt̰ hacā ahurō mazdā̊ yauuōi vīspāi.ā huuaŋhəvīm

(Заратуштра говорит): «Вот лучшее пожелание Заратуштры Спитамы: если ему даст āiiaptā вместе с Ашей (или: в соответствии с Правдой, по Справедливости) Ахура Мазда на весь его век и доброе существование»[28].

---

23 См. выше фрагмент из Феогнида 183–192. См. также о развитии древнегреческих этических категорий из ценностей греческой аристократии: [Йегер, 2001, с. 248].

24 Как указывалось выше, у Гомера и Каллимаха ἄφενος – благо, даруемое человеку Зевсом: Hom. Il.23.296–299, Call. I.93–95; в гомеровском гимне к Деметре ἄφενος дается Реей и Деметрой: h. Cer. 486–489; у Вакхилида ἄφενος также даруется богом: B. Ep. 5,49–53.

25 См. выше фрагмент из Феогнида 719–728.

26 См. выше отрывок гимна Каллимаха (Call. I.93). Стоит отметить, что греч. ἀρετή и авест. aṣ̌a – этимологически родственные слова [Beekes, 2010, p. 123; EWAia I, p. 254–255].

27 В греческих текстах ἀφενός несколько раз встречается рядом с ἀρετή. См. выше фрагмент из Феогнида 129–130, а также в другом отрывке Феогнида:27–30.

28 Ср. в «Илиаде»: μέγα γάρ οἱ ἔδωκε Ζεὺς ἄφενος – «ибо Зевс даровал ему большое богатство» (Il.23.298–299).

Рассмотренный контекст практически ничего не прибавляет к пониманию āiiapta-, но немаловажным кажется отметить, что в данном случае сам Ахура Мазда является подателем āiiapta-[29].

В отношении всех вышеприведенных контекстов необходимо отметить, что всегда слово āiiaptā употребляется в сочетании с aṣ̌āt̰ hacā ‘по справедливости / высшему закону, в соответствии с высшим законом / справедливостью; волею правды’; то есть наряду с рассматриваемым понятием употреблено имя одной из основных во всей Авесте и зороастрийской религии обожествленной сущности.

В Младшей Авесте наибольшее число случаев употребления āiiapta-, причем уже в основном в единственном числе, наблюдается в Яштах. В Хом Яште, формально относящемся к Ясне, понятие āiiapta- встречается в следующих четырех параллельных по содержанию и структуре контекстах (Y.9.3–4, Y.9.6–7, Y.9.9–10, Y.9.12–13).

Например, Y. 9.3–4:

3. āat̰ aoxta zaraθuštrō, nəmō haomāi
kasə-θβąm paoiryō haoma mašiiō
astuuaiθiiāi hunūta gaēθiiāi,
kā ahmāi ašiš ərənāvi
cit̰ ahmāi jasat̰ āiiaptəm.
4. āat̰ mē aēm paitiiaoxta
haomō ašauua dūraošō,
vīuuaŋhā̊ mąm paoiriiō mašiiō
astuuaiθiiāi hunūta gaēθiiāi,
hā ahmāi ašiš ərənāuui
tat̰ ahmāi jasat̰ āiiaptəm
yat̰ hē puθrō us-zaiiata
yō yimō xšaētō huuąθβō

И сказал Заратуштра: «Поклон Хому! Кто тебя первый, Хом, человек для телесного выжимал мира? Какое ему достояние (ašiš) досталось, какое ему пришло приобретение (āiiaptəm)?»

И ответил ему Хом праведный, смерть удаляющий: «Виванха, – первый человек, – выжимал меня для телесного мира. То ему досталось достояние, то ему пришло приобретение, что родился ему сын Йима сияющий»[30].

В этих текстах (Y.9.3–4, Y.9.6–7, Y.9.9–10, Y.9.12–13) Заратуштра несколько раз подряд спрашивает Хома о том, кто выжимал последнего и какие блага получал за это. Во всех четырех случаях наградой становится рождение у человека, совершившего ритуальное выжимание, наследника-героя, последним в ряду которых является сам Заратуштра. Соответственно, āiiapta- может обозначать рождение знаменитого сына[31], совершающего те или иные подвиги.

Yt. 5.18–19:

18. āat hīm jaiδiiat̰,
auuat̰ āiiaptəm dazdi-mē
vaŋuhi səuuište arədvī sūre anāhite
yaθa azəm hācaiiene
puθrəm yat̰ pourušaspahe
ašauuanəm zaraθuštrəm
anumatə̄e daēnaiiāi
anuxtə̄e daēnaiiāi

---

29 Боги также даруют и ἄφενός: Hom. Il.23.296–299, Call. I.93–95, h. Cer. 486–489, B. Ep. 5,49–53.

30 Здесь и далее перевод В. С. Соколовой, если не оговаривается другое.

31 Обратим внимание на отрывок из «Описания Эллады», где Павсаний говорит о рождении у Ареса сына и о том, почему храм Ареса называется ἀφνειός (см. выше).

anu.uuarštəe daēnaiiāi.

19. daθat̰ ahmāi tat̰ auuat̰ āiiaptəm arəduuī sūra anāhita

haδa-zaoθrō-barāi arədrāi yazəmnāi jaiδiiaṇtāi dāθriš āiiaptəm.

18. И просил ее (Ахура Мазда): «Ту даруй мне удачу (āiiaptəm), о добрая, могущественнейшая Арадви Могучая Чистая, чтобы напутствовал я сына Порушаспы – праведного Заратуштру – к мыслям согласно истинной вере, к речам согласно истинной вере, к делам согласно истинной вере».

19. «Даровала ему ту удачу (āiiaptəm) Арадви Могучая Чистая, всегда дарующая успех приносящему возлияния верующему, молящемуся просителю».

Yt. 5.21–23:

21. tąm yazata

haošiiaŋhō paraδātō

upa upabdi haraiiō

satəm aspanąm aršnąm hazaŋrəm gauuąm baēuuarə̄ anumaiianąm.

22. āat hīm jaiδiiat̰,

auuat̰ āiiaptəm dazdi-mē

vaŋuhi səuuište arədvī sūre anāhite

yaθa azəm upəməm xšaθrəm

bauuāni vīspanąm daŋ̇hiiunąm

daēuuanąm mašiiānąmca

yāθβąm pairikanąmca

sāθrąm kaoiiąm karafnąmca,

yaθa azəm nijanāni

duua θrišuua māzaniianąm daēuuanąm

varəniianąmca druuatąm.

23. daθat̰ ahmāi tat̰ auuat̰ āiiaptəm arəduuī sūra anāhita

haδa-zaoθrō-barāi arədrāi yazəmnāi jaiδiiaṇtāi dāθriš āiiaptəm.

21. «Ее почтил Хушанг – предок, у подножья (горы) Хаара сотнею коней-жеребцов, тысячью быков, десятью тысячами (множеством) овец».

22. И просил ее (Хушанг): «Ты даруй мне удачу (āiiaptəm), о добрая, могущественнейшая Арадви Могучая Чистая, чтобы стал я верховной властью для всех стран, для дэвов и людей, для колдунов и ведьм, и для главарей кавийских, карапановских, и чтобы разгромил я две трети мазанийских дэвов и варенийских неверных».

23. «Даровала ему ту удачу (āiiaptəm) Арадви Могучая Чистая, всегда дарующая успех приносящему возлияния верующему, молящемуся просителю».

Подобных контекстов в 5 Яште еще много. У Анахиты последовательно просят «удачи» в своих начинаниях участвующие в Яште герои, предварительно совершая, как в Yt. 5.21, жертвоприношения[32]. Противостоящие ахуровским дэвовские персонажи также обращаются к Анахите, уже безуспешно:

Yt. 5.29–31:

29. tąm yazata

ažiš θrizafō dahākō

baβrōiš paiti daiŋhaouue

satəm aspanąm aršnąm hazaŋrəm gauuąm baēuuarə̄ anumaiianąm.

30. āat̰ hīm jaiδiiat̰,

auuat̰ āiiaptəm dazdi mē

vaŋuhi səuuište arədvī sūre anāhite

yaθa azəm amašiią kərənauuāni vīspāiš

[32] См. рассмотренные фрагменты из гомеровского гимна к Гермесу, где Гермес в контексте жертвоприношений уговаривает Майю стать владелицей больших стад и получить таким образом ἄφενος.

aoi karšuuąn yāiš hapta.

31. nōit̰ ahmāi daθat̰ tat̰ auuat̰ āiiaptəm arəduuī sūra anāhita.

29. «Ее почтил змий Дахака с тремя пастями в стране Вавилонии – сотнею коней-жеребцов, тысячью быков, десятью тысячами овец».

30. И просил ее: «Ту даруй мне удачу, о добрая, могущественнейшая Арадви Могучая Чистая, чтобы сделал я безлюдными все страны, которых семь».

31. «Не даровала ему этой удачи Арадви Могучая Чистая»[33].

В дальнейших контекстах герои многократно просят «удачи», которая может выражаться в получении власти, в одержании победы над дэвовскими противниками, в обретении фарна: в Yt. 5.33–35 Феридун просит победы над змеем Дахакой, в Yt. 5.37–39 Гиршасп – победы над Гандарвой, в Yt. 5.41–43 Афрасьяб (дэв) – фарн и т. д.

В 8 Яште есть следующий контекст:

Yt. 8.49
tištrīm stārəm raēuuanṇtəm
xᵛarənaŋuhaṇtəm yazamaide
θamanaŋuhaṇtəm varəcaŋuhaṇtəm
yaoxštiuuaṇtəm xšaiiamnəm
isānəm hazaŋrāi aiiaptanąm
yō daδāiti kuxšnuuąnāi
pauruš aiiaptā̊ jaiδiiaṇtāi
ajaiδiiamnāi mašiiāi.

«Звезду Тиштр великолепную, благодатную мы чтим, заботливую, деятельную, искусную, властвующую, распоряжающуюся тысячей благ (aiiaptanąm)[34]. Она, изобильная, дарует довольствующемуся блага (aiiaptā̊), – просящему без выпрашивания (просителю) человеку».

Похожие на уже приведенные контексты встречаются в других Яштах и Видевдад.

На основании данных Младшей Авесты можно сделать такие выводы о бытовании рассматриваемого понятия āiiapta-: герой (в Гатах ему соответствует Заратуштра) выступает как молитель по отношению к божеству, просит о даровании āiiapta- или совершает важные ритуалы (в частности, выжимает хауму), а божество внимает (или не внимает) подобным просьбам и в ответ наделяет (или отказывает в наделении) āiiapta-. Обладание āiiapta- может выражаться в различных формах, что отражено уже в Гатах, где прямо сказано, что āiiaptā-могут иметь материальную и духовную природу (Y.28,2), и доказывается многочисленными поздними контекстами (герой становится победителем в битве с неприятелем, у него рождаются знаменитые потомки и т. п.).

Этимология ἄφενος и āiiapta-

Вполне допустимо думать о возможности этимологического сопоставления др.-греч. ἄφενος и авест. āiiapta-. Семантически эти понятия могут объединяться ввиду следующих обстоятельств: это атрибуты высшего социального класса (аристократии в греческой традиции и героев, воинов в Авесте), которые даруются богами и могут иметь разное выражение. В авестийском понятие āiiapta-, по всей видимости, указывает на удачу, успех, даруемый богами, а в древнегреческом стало обозначением богатства, изобилия[35].

---

33 Ср. у Феогнида ранее процитированный отрывок 27–30.

34 См. выше Гесиода 108–112.

35 Подобное развитие значения ἄφενος в древнегреческом языке может быть объяснено процессами, проходившими в VIII–VII вв. до н. э.: развитием морской торговли, становлением городов и началом колонизации. Э. Д. Фролов пишет: «в широком социологическом плане важнейшим следствием всех этих экономических сдвигов и успехов было повсеместное утверждение частнособственнического индивидуалистического начала» [Фролов, 2004, с. 43]. Дар богов ἄφενος у древних греков постепенно

Формально эти понятия может объединять общий корень, который предварительно может быть реконструирован как *(H)i̯Ab^{h}(h$_{1}$)- и изначальное значение которого трудно установить. Что касается авест. āiiapta-, с морфологической точки зрения логично членить слово как ā-yap-ta-, как думал еще Х. Бартоломэ [Bartholomae, 1904, s. 332–333]. Этимология, предлагаемая для рассматриваемого авестийского слова С. Инслером вслед за Тедеско, по которой āiiapta- происходит из *aby-āp-ta от корня *āp- ‘хватать, приобретать’, предполагает нерегулярную перестановку краткого и долгого гласного и нерегулярное выпадение *b, что делает ее маловероятной [Insler, 1975, p. 121]. Если ā- – это стандартная авестийская приставка, а вариант написания aiiapta- вторичен[36], рассматриваемая форма должна быть причастием прошедшего времени от корня *yA(m)p- или *yA(m)b- (второй вариант получается с закономерным оглушением).

При этом и упомянутые выше этимологии греч. ἄφενος не выглядят достоверными. Например, сравнение с вед. ághnyā-, авест. agəniiā- ‘корова; скот’ < ‘то, что нельзя убивать’, принадлежащее И. Баллес, сомнительно потому, что скот в праязыке еще не был однозначным показателем богатства; более того, за самими древнеиндийским и авестийским словами стоят собственно индоиранские понятия о скоте, которые не могут быть проецированы на греческий. Нужно думать, что рассматриваемые понятия оформились в индоиранскую эпоху.

Аналогично сомнительна гипотеза А. Вилли о происхождении ἄφενος от *h$_{2}$eb^{h}- ‘поток; река’. Во-первых, широко распространенный корень нигде не представлен в виде r- / n- основы, а именно такое решение необходимо А. Вилли для объяснения ν в греческой форме. Во-вторых, отсутствие в древнегреческом каких-либо других следов этой основы и отсутствие похожего производного в других языках не выглядит нормальным распределением. Наконец, греч. πλοῦτος не представляет собой полной морфологической параллели, потому что является отглагольным, а не отыменным производным. Семантика ἄφενος при такой трактовке также не выходит за пределы ‘богатства’ и никак не отражает того факта, что это важное религиозное и социальное понятие.

В греческом суффикс -(ε)νο- представляет морфологическую проблему ввиду своей редкости и непроизводности. Есть суффикс -νος, встречающийся в таких прилагательных, как δεινός ‘ужасный’, ἱκανός ‘достаточный; достаточно большой’ и πιθανός ‘убедительный, правдоподобный, вероятный’. Но это не тот же суффикс, что в ἄφενος: последнее представляет собой существительное без признаков перехода из прилагательного.

Можно рассуждать о происхождении суффикса -(ε)νο- из того же источника, что -νο- в слове ὕπ-νος «сон» < и.-е. *sup-no- [Beekes, 2010, p. 1535]. Несмотря на то, что основа *su(e/o)p-no- определенно реконструируется для праязыка на основании многочисленных когнатов, а греч. ἄφενος и его предполагаемая праформа *(H)i̯Ab^{h}(h$_{1}$)- не имеет точных структурных соответствий ни в одном языке, в предполагаемой конструкции объяснимы все элементы: A в корне может быть рефлексом слогового носового и, соответственно, отражать нулевую ступень, как и в *sup-no-.

Помимо морфологической присутствуют и фонетические проблемы: начальный y- в авестийском соответствует густому придыханию в древнегреческом; допустимо думать, что в этом случае мы имеем дело с действием закона Грассмана: предполагаемая праформа *(H)i̯Ab^{h}(h$_{1}$)- дала промежуточный результат *hap^{h}(e)- в прагреческом, а затем придыхание исчезло. Список примеров, подобных этому, приведен в статье К. Боццоне:

«1) Греч. ἴσθι ‘будь!’ < и.-е *h$_{1}$es- ‘быть’, т. е. и.-е. *h$_{1}$s-d^{h}i> прегреч. *h$_{1}$ə$_{2}$s-d^{h}i> прагреч. *h^{y}is-t^{h}i> *his-t^{h}i> действие закона Грасмана, откуда греч. /ist^{h}i/.

превратился в капитал. Феогнид, призывавший жить по старым аристократическим традициям, считал, что ἄφενος – это личные качества человека (Thgn. 719–726), в чем можно видеть следы древнего понимания ἄφενος.

[36] Об этом может дополнительно свидетельствовать редкость данного написания.

2) Греч. ἰθύς ‘правильный, справедливый’ < и.-е. *$h_1$ye(w)d^h- ‘выпрямлять / двигаться’ (Willi, 2001), т. е., и.-е. *h_1id^h-u- > прагреч. *h^yit^h-u- > *hit^h-u- > действие закона Грассмана, откуда греч. /īt^hus/.

3) греч. ἰχθῦς ‘рыба’, т. е., и.-е. *$h_1$$d^h$$ǵ^h$uH- > прегреч. *$h_1$$ə_2$$d^h$$ǵ^h$uH- > прагреч. *$h^yik^h$-$t^h$ū- > *hi$k^h$-$t^h$ū- > действие закона Грассмана, откуда Gk. /i$k^h$$t^h$ūs/» [Bozzone, 2013, p. 10–11].

Судя по вышеприведенным примерам, анлаут рассматриваемого нами корня может быть реконструирован именно как *h_1i̯-, а не как i̯-, h_2i̯- или h_3i̯-.

В отношении корневого вокализма необходимо отметить: гласный в корне может быть реконструирован либо как *a, либо как *m̥; первый вариант реконструкции проблематичен ввиду того, что реконструкция a-вокализма даже для праиндоевропейских именных корней признается не всеми исследователями, ср. [Lubotsky, 1989], а в глагольных она выглядит и вовсе необъяснимой. Второй же вариант реконструкции кажется достаточно правдоподобным. Можно реконструировать глагольный корень *h_1i̯emb^h(h_1)-, от которого производны оба рассматриваемых слова, греческое и авестийское. Точное исходное значение его установить не представляется возможным. Не исключено, что речь может идти о ‘преуспевать’, ‘расти’, вообще ‘двигаться’ и т. п.

Косвенно подтверждать родство греч. ἄφενος и авест. āiiapta- может то обстоятельство, что оба эти слова встречаются в контекстах рядом с важными родственными между собой понятиями: речь идет о греч. ἀρετή и авест. aša. Широко принят взгляд, согласно которому оба эти слова образованы от праиндоевропейского глагольного корня *$h_2$er(h_1)- ‘составлять, прилаживать’ [Beekes, 2010, p. 123; Mayrhofer, 1992, p. 254–255]. Можно думать, что подобная ситуация отражает праязыковое наследие.

Заключение

Результаты исследований позволяют согласиться с исследователями (П. Шантрен, Г. Фриск, Г. Лиддел и Р. Скотт, Р. Бикис, И. Баллес, А. Вилли, Ж. Манесси-Гиттон, В. Пизани), считавшими, что ἄφενος в древнегреческом в общем и целом обозначает «богатство, процветание». Однако мы не можем согласиться с И. Баллес и А. Вилли относительно этимологии ἄφενος. Точно так же нельзя не признать истинным значение āiiapta- у К. Бартоломэ, однако этимология āiiapta- С. Инслера выглядит маловероятной.

В ходе исследования мы нашли несколько структурных совпадений у ἄφενος и āiiapta-, позволяющих предположить их общее происхождение. И ἄφενος, и āiiapta- следует признать словами из религиозной сферы. Как в ранней греческой поэзии, так и в Авесте это то, что дарует бог человеку или что человек просит у бога.

И в ранней греческой традиции, и в Авесте эти слова – положительные этические понятия. Как ἄφενος, так и āiiapta- являются атрибутами высшего социального класса. В греческой поэзии ἄφενος встречается рядом с ἀρετή, в Авесте вместе с āiiapta- употребляется aša, причем ἀρετή и aša этимологически родственны. Ἄφενος и āiiapta- могут восходить к общей и.е. праформе.

Литература / References

Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов.* М., 1995 [Benvenist E. *Slovar indoevropeiskikh sotcialnykh terminov.* Moscow, 1995].

Гринцер Н. П., Гринцер П. А. *Становление литературной теории в Древней Греции и Индии.* М., 2000 [Grintcer N. P., Grintcer P. A. *Stanovlenie literaturnoi teorii v Drevnei Gretcii i Indii.* Moscow, 2000].

Йегер В. *Пайдейя. Воспитание античного грека.* Том 1. М., 2001 [Ieger V. *Paideiia. Vospitanie antichnogo greka.* Tom 1. Moscow, 2001].

Логинов А. В., Трофимов А. А., Линько А. В. *Возмездие у праиндоевропейцев, микенских и гомеровских греков.* М., 2017 [Loginov A. V., Trofimov A. A., Linko A. V. *Vozmezdie u praindoevropeitcev, mikenskikh i gomerovskikh grekov.* Moscow, 2017].

Марков Г. В. *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе.* М., 1979

[Markov G. V. *Istoriia khoziaistva i materialnoi kultury v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve*. Moscow, 1979].

Романихин В. Б., Кузьмин М. Б. Пейте, люди, молоко... // *Химия и жизнь*. 2009. № 6. С. 38–41 [Romanikhin V. B., Kuzmin M. B. Peite, liudi, moloko... // *Khimiia i zhizn*. 2009. 6].

Топоров В. Н. *Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции*. М., 2012 [Toporov V. N. *Pindar i Rigveda. Gimny Pindara i vediiskie gimny kak osnova rekonstruktcii indoevropeiskoi gimnovoi traditcii*. Moscow, 2012].

Фролов Э. Д. *Парадоксы истории – парадоксы античности*. С-Пб., 2004 [Frolov E. D. *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti*. Saint-Petersburg, 2004].

Шнирельман В. А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // Бромлей Ю. В. (ред.). *История первобытного общества. Эпоха классообразования*. М., 1988. С. 5–140 [Shnirelman V. A. Proizvodstvennye predposylki razlozheniia pervobytnogo obshchestva // Bromlei Iu. V. (ed.). *Istoriia pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniia*. Moscow, 1988].

Allentoft M. E., Sikora M., Sjogren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa P. D., DaIbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J. A., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny, Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V. I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of bronze age Eurasi // *Nature*. 2015. 522. Pp. 167–182.

Balles I. Griechisch ἄφ(ε)νος «Reichtum» // *Historische Sprachforschung / Historical Linguistics*. 1997. 110.2. S. 215–232.

Beekes R. S. P. *Etymological Dictionary of Greek. In two volumes*. Leiden, Boston, 2010.

Bozzone C. Initial “Yod” in Greek and the Etymology of Gk. ἵππος ‘horse’ // Jamison S. W., Melchert C., Vine B. *Proceedings of the 24th Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen, 2013. Pp. 1–26.

Campbell D.A. *Greek Lyric*. Volume IV: *Bacchylides, Corinna, and Others. Ed. and transl. by D. A. Campbell*. Harvard, 1992.

Capps E., Page T. E., Rouse W. H. D. *Callimachus. Lycophron. Aratus. Ed. E. Capps, T. E. Page, W. H. D. Rouse*. London, New York, 1921.

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Tome 1. Paris, 1968.

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

Christ W. *Pindari carmina prolegomenis et commentariis instructa*. Lipsiae, 1896.

Diels H. *Poetarum philosophorum fragmenta. Ed. H. Diels*. Berolini, 1901.

Edmonds J. M. *Elegy and Iambus*. Vol. 1. London, New York, 1931.

Evelyn-White H. G. *Hesiod; The Homeric hymns; And Homerica*. Cambridge, 1914.

Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörtebuch*. Band 1. Heidelberg, 1960.

Gehring A. *Index Homericus*. Lipsiae, 1891.

Hemelrijk J. *Penia en ploutos*. Utrecht, 1925.

Hitzig H., Bluemner H. *Pausaniae Graeciae Descriptio*. Lipsiae, 1907.

Insler S. *The Gāthās of Zarathustra. Acta Iranica IV*. Leiden, 1975.

Liddell H. G., Scott R. *A Greek-English Lexikon*. Oxford, 1996.

Lubotsky A. Against a Proto-Indo-European phoneme *a // Vennemann, Th. *The New Sound of Indo-European. Essays in Phonological Reconstruction*. Berlin, New York, 1989. Pp. 53–66.

Manessy-Guitton J. Temenos // *Indogermanische Forschungen*. 1966. 71. Pp. 14–38.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Band 1. Heidelberg, 1992.

Most G. W. *Hesiod. Theogony. Works and days. Testimonia*. Cambridge, London, 2006.

Olalde I., Lalueza-Fox C. Modern humans’ paleogenomics and the new evidences on the Europe prehistory // *Science and Technology of Archaeological Research*. 2015. 1.1. Pp. 1–9.

Pisani V. Sanskrit aghnya-, griech. Ἀφνειός // Morpurgo Davies A., Meid W. (eds.). *Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics. Offered to L.R. Palmer*. Innsbruck, 1976. Ss. 283–285.

Sandys J. *The odes of Pindar*. London, New York, 1915.

Schmitt R. *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967.

Thiel H. van. *Homeri Ilias*. Hildesheim, Zürich, New York, 2010.

Thiel H. van. *Homeri Odyssea*. Hildesheim, Zürich, New York, 1991.
Watkins C. *How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford, 1995.
West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, 2007.
West M. L. *Works and Days*. Oxford, 1978.
Willi A. Flowing Riches: Greek ἄφενος and Indo-European Streams // Penney J. H. W. (eds.). *Indo-European Perspectives. Studies in Honour of Anna Morpurgo Davies*. Pp. 323–340.

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 50-х – 60-х гг. XIX в.

© 2018

А. В. Болдырев*

Во второй половине 1850-х и в 1860-х гг. в российской публицистике преобладало мнение, что османское общество неспособно ответить на вызовы времени, поскольку проведение требуемых реформ несовместимо с государственной структурой Османской империи. Ввиду этого предлагалось не мешать «естественному» процессу дезинтеграции османских владений. Однако огромные финансовые займы Великобритании и Франции османскому правительству отсрочили дезинтеграцию страны до самого начала Первой мировой войны. В статье проанализировано мнение российского общества о социально-политических процессах в Османской империи в период второго Танзимата и показано, что большинство наблюдателей было убеждено: реформы инспирированы извне, а потому лишь продлевают агонию османского государства.

Ключевые слова: Османская империя, османское государство, Крымская война, российское общество, Восточный вопрос, Танзимат.

«EASTERN QUESTION» IN THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF THE 1850s–1860-s

Andrey V. Boldyrev

In the second half of the 1850s and in 1860s Russian thinkers mostly believed the Ottoman society was unable to respond to the challenges of the time, and necessary reforms were seen as incompatible with the very structure of the Ottoman Empire. It was proposed, therefore, not to interfere in the «natural» process of the Empire's disintegration. However, massive financial loans given by Britain and France to the Ottoman government delayed this disintegration until the beginning of the First World War. The article analyzes the opinion of the Russian society on the socio-political processes in the Ottoman Empire during the second Tanzimat and shows how key observers were convinced that the reforms were inspired from outside, thereby only prolonging the agony of the Ottoman state.

Keywords: Ottoman Empire, Ottoman state, Crimean war, Russian society, Eastern question, Tanzimat.

На заключительном этапе Крымской войны и в период Парижских переговоров в русской прессе отмечалась полная несостоятельность Османской империи как самостоятельного государства. В статье рассмотрены внутренние процессы, протекавшие в османском государстве после Крымской войны, и их оценка общественно-политической мыслью России.

По мнению «Санкт-Петербургских ведомостей», невозможно было представить, «чтобы Турция простирала свое самообольщение до того, чтобы воображать себе, что ее воля что-нибудь значит. Потомки Османа не имеют уже права сохранять гордый вид, который совсем нейдет к униженному положению их отечества: они дошли до того, что принуждены беспрекословно принимать все законы, какие другим державам будет угодно наложить на них, покровительствуемые <…> сильными государствами, которые распоряжаются у них как в завоеванной земле <…>» [Санкт-Петербургские ведомости, 1856, № 72, с. 411]. Комментируя ситуацию в стране после заключения мира, русские журналисты отмечали, что в Стамбуле «все начинают размышлять <…> о следствиях этой новости, и эти размышления

* Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

значительно изменили те впечатления, с которыми известие мира было принято разными частями пестрого константинопольского населения. Непосредственное прекращение пролития крови здесь никого не тронуло» [Санкт-Петербургские ведомости, 1856, № 88, с. 509]. «Северная пчела» публиковала информацию, согласно которой «прежняя радость турок при известии о заключении мира сменилась тревогой и равнодушием. <…> В ту минуту, как вся Европа думает, что восточный вопрос кончен, жители Турции чувствуют, что вопрос этот в существе только изменился и сделался сложнее <…>» [Северная пчела, 1856, № 79, с. 412].

Беспокойство стамбульского населения, уставшего от долгой войны, вызывал не сам факт наступления мира. Истинная причина недовольства была связана с формальным уравнением христианских и мусульманских подданных султана согласно «священному указу» 18 февраля 1856 г., чреватым, по мнению мусульманского большинства, разрушением традиционного государственного устройства [Северная пчела, 1856, № 89, с. 465]. О трудностях проведения в жизнь положений султанского декрета от 18 февраля 1856 г. газеты писали часто. В «Северной пчеле» сообщалось о массовых избиениях христиан в Анатолии (в том числе и в Созополе – болгарском причерноморском городе, расположенном недалеко от порта Бургас). В той же газете обстановка в связи с провозглашением *хатт-и хумаюна*[1] оценивалась следующим образом: «Благодаря присутствию союзных войск здесь (в Стамбуле и его окрестностях – *А. Б.*) все спокойно, и мы надеемся, что европейские гарнизоны долго будут оставаться в Константинополе и в других городах для безопасности нашей (т. е. проживающих в Стамбуле европейцев – *А. Б.*) и самого турецкого правительства. Все сознаются теперь, что обнародование гати-гумаюна есть самая грубая и печальная ошибка для всего Востока[2]. Число христиан в Европейской Турции так значительно, что они могут заставить уважать себя, если только само правительство действительно думает об исполнении обнародованных правил веротерпимости. Посему в этих областях происходили только отдельные убийства, но в Азии христиане находятся в весьма опасном положении. Там безначалие дошло до высшей степени, и хотя начальства довольно благонамеренны, чтобы не присоединяться к фанатизму черни, но для собственного спокойствия должны смотреть сквозь пальцы на все насильства» [Северная пчела, 1856, № 90, с. 477][3]. В русской прессе высказывались опасения, что обострение обстановки в Анатолии может привести к продолжительному пребыванию англо-французских войск в Османской империи под предлогом обеспечения безопасности своих подданных [Московские ведомости, 1856, № 51, с. 273]. Пресса в России рассматривала султанский декрет как заранее подготовленный державами акт, призванный обеспечить долговременную оккупацию страны. Такая точка зрения не соответствовала действительности, однако она показывает, насколько международный статус османского государства упал в глазах русского общества. По этой причине мысль о послевоенном сотрудничестве с Портой не получила развития в

[1] «Священный указ» (*хатт-и хумаюн*) был издан султаном Абдулмеджидом 18 февраля 1856 г. в продолжение программы реформ, декларированной Гюльханейским актом (хатт-и шериф Гюльхане) 1839 г. Указ (фирман) от 18 февраля 1856 г. был условием принятия Османской империи в «концерт» великих держав (ст. 7-я Парижского трактата). В этом документе декларировались равные имущественные и личные права всем османским подданным без различия вероисповедания, допуск немусульман к государственной службе, а также проведение военной, административной и налоговой реформ. Наиболее рьяно вступление оттоманского государства в «европейский концерт» отстаивал британский посол Ч. Редклифф, а также представители Франции и Австрии, т. е. те державы, которые после установления в Османской империи коллективного покровительства над христианским населением рассчитывали усилить свое влияние на политику Стамбула. В результате, несмотря на то что принятие хатт-и хумаюна формально ввело Османскую империю в концерт великих держав, это не спасло империю от восстаний христиан в Боснии и Болгарии и мусульман в Ливане, поскольку каждая из этих конфессий была по-своему не удовлетворена султанским декретом.

[2] Имелась в виду не сама попытка реализации султанского указа, а лишь разглашение Портой (правительством Османской империи) своего намерения это осуществить.

[3] В «Северной пчеле» от 21 апреля 1856 г. сообщалось, что сивасский паша, пытавшийся предотвратить избиение христиан, был убит.

отечественной публицистике несмотря на то, что положение дел вблизи Босфора и Дарданелл рассматривалось ею как весьма тревожное.

После Крымской войны Османская империя отошла от политики баланса между Россией и западными державами в пользу сотрудничества с Европой. В результате, «потеряв армию и флот, государство (Османская империя – *А. Б.*) попало в долговую кабалу к европейским державам. Геополитические же выигрыши были поделены между союзниками» [Сотниченко, 1999, с. 37]. Отбив все попытки османской дипломатии освободиться от капитуляционного режима, дипломаты великих держав обеспечили легальную возможность своего вмешательства во внутренние дела империи [Шеремет, 1986, с. 79–80][4]. Последнее во многом определяло отношение русского общества к внутренним процессам в Османской империи периода второго Танзимата. В России в это время сохранялся повышенный интерес к Востоку, в особенности к традиционному укладу жизни и культуре османских народов. Газета «День», возглавляемая одним из идеологов славянофильского движения И. С. Аксаковым, пользовалась устойчивым спросом не только в России, но и в славянских странах, где имела высокую репутацию [Беляков, 2003, с. 95]. В русском обществе еще до Крымской войны шли активные дискуссии по проблеме российско-азиатских отношений, где Восточный вопрос играл ключевую роль[5]. Более того, в период самой войны российский педагог и просветитель К. Д. Ушинский попытался научно обосновать понятие «колониализм» применительно к практике европейских держав[6]. Однако ни важность, ни приоритеты «восточной» проблемы для русского общества не были однозначны. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XIX в. значение Восточного вопроса было связано с определением места России в системе международных отношений [Нарочницкая, 1989, с. 18–22]. В отношении Ближнего Востока интерес этот даже усилился, однако распространялся, главным образом, на Балканы как ареал компактного проживания православно-славянских народов Османской империи. Это объяснялось не только тем, что Балканы традиционно входили в сферу внимания России, но и тем, что именно балканский регион представлялся русскому обществу единственным средством восстановления позиций России на Ближнем Востоке после неудачной войны. Ввиду этого собственно Турция (т. е. османские владения в Азии) не имела для России того значения, которое она представляла для Великобритании и Франции. Поэтому неудивительно, что именно Балканы русская общественно-политическая мысль рассматривала как сферу реального соперничества России с западными государствами, где ее влияние могло не только конкурировать с европейским, но и превосходить его. Значение Балкан усиливалось еще и тем, что это был регион, сопредельный с Проливами, значение которых для России с конца XVIII в. оставалось неизменным.

После Парижского конгресса османская проблематика стала центральной дискуссионной проблемой. Публицист и известный общественный деятель князь В. А. Черкасский писал, что «Турецкий вопрос <…> заключает в себе ныне и сосредотачивает в себе, как в общем фокусе, все живое содержание всей мировой политики» [Черкасский, 1858, с. 66]. По мысли Черкасского, Османская империя была органически неспособна на реформирование, поэтому ключ к изменению ситуации на Ближнем Востоке содержался в нереализуемости тех статей Парижского трактата, которые гарантировали проведение реформ в Османской империи [Черкасский, 1857, с. 1–2, 18]. Тем самым Черкасский полагал, что ревизия Парижского трактата 1856 г. зависит не столько от великих держав, сколько от естественного хода событий на Ближнем Востоке, который сделает неизбежным пересмотр всей Крымской системы. По сути, Черкасский продолжил тенденцию, которая наметилась в общественной мысли России по итогам Парижского

[4] Подробнее о борьбе османской дипломатии за отмену капитуляционного режима см: [Шеремет, 1986, с. 228–259; Ястржембский, 1905].

[5] Подробнее о дискуссиях в российском обществе по проблемам Востока в дореформенный период см.: [Сопленков, 2000].

[6] Подробнее см.: [Овсянников, 1992, с. 10–22].

конгресса – рассматривать внутренние процессы в Османской империи как выражение европейской политики – и предлагал отказаться от поддержания целостности оттоманского государства, рассчитывая, что его неизбежный распад разрешит Восточный вопрос к пользе России и восстановит ее положение на Черном море.

Представление об Османской империи как о стране, неспособной к самореформированию вследствие косной структуры самого османского общества, было распространенным явлением. В рассматриваемое время в том же ключе высказывался либеральный журнал «Русский вестник», в котором обращалось внимание на необходимость европейского вмешательства в дела Османской империи [Без автора, 1860, с. 282–287]. Автор раздела «Политика» настаивал на европейской опеке Порты, не исключая насилия для внедрения порядка и прогресса. В разделе утверждалось, что сохранение Османской империи «не есть потребность исторического прогресса или европейского равновесия, а чистая игра случая», что это государство «живет около ста лет лишь потому, что европейские державы не могут договориться о ее разделе» [Овсянников, 1992, с. 15].

Несомненна явная предвзятость подобного анализа. Комментируя точку зрения «Русского вестника», современный исследователь В. И. Овсянников отмечает, что «особая позиция “Русского вестника” в конце 1850-х – начале 1860-х гг. состояла в последовательном отстаивании цивилизаторской миссии Европы на Востоке, без критического анализа ситуации, присущего “Современнику” и “Отечественным запискам”, что предопределило апологетический характер публикаций» [Овсянников, 1992, с. 15]. Тем не менее пессимистический прогноз журнала относительно будущего Османской империи разделялся специалистами по Востоку – дипломатами и учеными. Неутешительный итог реформаторской деятельности султана Абдулмеджида [7] подводил в своих «Константинопольских письмах» поверенный в делах России в Османской империи в 1863–1864 гг. Е. П. Новиков. Этот дипломат занимался активной публицистической деятельностью, публикуя свои дневниковые очерки под псевдонимом «С. Н.» В 1860-х гг. Новиков отмечал определенные улучшения в османской экономике, связанные с окончанием Крымской войны. Однако в целом он был склонен оценивать общее экономическое положение оттоманского государства как крайне тяжелое. Подобную ситуацию российский дипломат связывал прежде всего с чрезмерными и необоснованными тратами султанского правительства на восстановление и усиление своего военно-морского флота, что объяснялось желанием Порты закрепить свое фактическое военно-морское преобладание на Черном море. Как следует из записок Е. П. Новикова, выделяемые Великобританией средства, субсидируемые на строительство нового флота, лишь увеличивали долги османского государства [С. Н., 1867, с. 42, 59]. Положение не изменилось и при преемнике Абдулмеджида, его младшем брате Абдулазисе (1861–1876). «Государственный долг, – констатировал Новиков, – это огромная змея, обвившаяся вокруг Турецкой империи» [8].

[7] Абдулмеджид I (1823–1861) – султан Османской империи, старший сын султана Махмуда II. Правил в 1839–1861 гг. В правление Абдулмеджида продолжились начатые его отцом реформы по модернизации Турции, получившие название Танзимата. Несмотря на некоторые успехи, высшей точкой которых стало формальное уравнение мусульманских и христианских подданных, последние годы жизни Абдулмеджида прошли на фоне усиления освободительной борьбы христианских народов и экономической зависимости Османской империи от европейских держав, что сильно подорвало авторитет султана в глазах подданных.

[8] В августе 1854 г. Великобритания и Франция предоставили Османской империи первый заем (3 млн. фунтов стерлингов под 6% годовых). В июне 1855 г. во время осады Севастополя и боев на Кавказе Порта была вынуждена вновь просить новые займы, предоставленные ей Великобританией в августе того же года (5 млн. фунтов стерлингов под 4% годовых). Если в обеспечение первого займа Порту обязали предоставить доходы с Египта, то в обеспечении второго добавились поступления с таможен Сирии и Смирны. Новый этап в истории турецкого долга наступил в 1856 г., когда в результате покрытия огромного бюджетного дефицита правительство Османской империи было вынуждено снова обратиться за финансовой помощью к своим военным союзникам (не покрыв при этом старые долги). В результате в 1856 г. для контроля над выплатой долговых обязательств Порты в Стамбуле был создан Оттоманский банк (преимущественно с английским капталом). В 1863 г. Оттоманский банк получил статус государственного банка. В том же году произошла

Подводя печальные итоги анализа внешне- и внутриполитического состояния Османской империи, Е. П. Новиков считал, что «колеблющееся положение этого увязшего в долгах государства» поддерживают только «хорошие качества турецких подданных: терпение, честность, неутомимое трудолюбие» [Константинопольский хаос, 1866, с. 262].

В рассматриваемое время наиболее полный обзор состояния дел в Османской империи среди специалистов по восточным делам дал известный российский географ, путешественник и публицист, в прошлом – ответственный сотрудник МИД П. А. Чихачев[9]. С 1856 по 1860 гг. он опубликовал ряд статей, где были проанализированы перспективы Восточного вопроса, значение Парижского трактата 1856 г. для России и держав Европы. Прогноз П. А. Чихачева во многом повторял выводы В. А. Черкасского. Главной причиной непрочности Парижской системы Чихачев считал существование Османской империи, искусственный характер которой лишь продлевал ее агонию, но не решал ни одной из накопившихся в этом государстве проблем. Совершив в июле – октябре 1858 г. очередное путешествие по Анатолии, он пришел к выводу о полной неспособности Порты осуществить модернизацию государственной структуры в соответствии с положениями февральского декрета [Чихачев, 1970, с. 112–113]. По его мнению, сам принцип существования мусульманского государства, основанного на вековых традициях, делал невозможным проведение каких-либо решительных реформ, направленных на облегчение положения христианского населения. В результате «нельзя тронуть ни одного звена этой цепи, не разорвав ее всю, пошатнуть хотя бы одну колонку, не разрушив всего здания» [Чихачев, 1970, с. 125]. В этих условиях дальнейшее существование империи зависело в первую очередь от внешних факторов, а именно от степени готовности великих держав приступить к ее разделу. «Великие державы, – заключал Чихачев, – опираясь на право самых сильных, считают себя законными наследниками Турции... Поэтому с тех пор как существует вопрос о безнадежном больном (Османской империи – *А. Б.*), каждая из пяти великих держав озабочена, прежде всего, долей, которая может достаться соперникам, и пока кажется, что соседу достанется больше, они не могли до сих пор и не могут договориться» [Чихачев, 1970, с. 174].

Идея политического равновесия представлялась основной причиной, продлевающей существование османского государства. Именно в этом П. А. Чихачев видел основной изъян Парижского мира, поскольку подобная политика в его представлении лишь отодвигала решение Восточного вопроса во времени, но не могла обеспечить продолжительный мир на Ближнем Востоке. Само существование Османской империи представлялось ему анахронизмом, провоцирующим конфликты между великими державами, в связи с чем он считал, что военная оккупация ими (под предлогом гарантии проведения реформ) была наиболее предпочтительным решением: она создавала международный прецедент, необходимый России для ревизии невыгодных положений Парижского мира [Чихачев, 1970, с. 85].

Таким образом, во второй половине 1850-х и в 1860-х гг. в российском общественном мнении преобладало убеждение, что турецкое правительство неспособно ответить на вызовы времени, так как реформы, требуемые для этого, были несовместимы с самой структурой Османской империи. Подобная точка зрения свидетельствовала о существенном недостатке – стремлении рассматривать соседнее государство применительно к теории и практике европейских стран, не пытаясь вникнуть в особенности развития османского общества. В публикациях того времени не учитывалось мнение таких выдающихся исламоведов, как А. К. Казем-Бек, указывавших на способность османского общества к обновлению, с тем, однако, чтобы изменения проистекали из логики развития самой страны, не будучи привнесенными извне [Казем-Бек, 1985, с. 66–67]. Подвергая тщательному анализу различные

консолидация (объединение) внешнего турецкого долга, составившего в 1863 г. 600 млн. франков, а в 1869 г. – 2,3 млрд. франков. Всего в Крымскую войну Турция получила в качестве займов около 8 млн. фунтов стерлингов, истратив на военные нужды 11 млн. Выплата долгов по займам продолжалась до апреля 1914 г.

[9] Подробнее о деятельности П. А. Чихачева см.: [Цыбульский, 1961].

стороны Восточного вопроса, многие отечественные авторы приходили к выводу, что сохранение Османской империи отвечает в первую очередь интересам европейских держав. Ввиду этого предлагалось не мешать «естественному» процессу дезинтеграции османских владений.

Литература / References

Без автора. Возрождение Турции // *Русский вестник*. 1860. № 23–24. С. 282–287 [Bez avtora. Vozrozhdenie Turcii // *Russkij vestnik*. 1860. 23–24. Pp. 282–287].

Беляков С. С. Южные славяне глазами московского славянофила: путешествие И. С. Аксакова по славянским землям: май-август 1860 // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 95–107 [Belyakov S. S. Yuzhnye slavyane glazami moskovskogo slavyanofila: puteshestvie I. S. Aksakova po slavyanskim zemlyam: maj-avgust 1860 // *Slavyanskij al'manah*. 2002. Moscow, 2003. Pp. 95–107].

Казем-Бек М. *Избранные произведения*. Баку, 1985 [Kazem-Bek M. *Izbrannye proizvedeniya*. Baku, 1985].

Константинопольский хаос (из записок члена посольства) // *Учено-литературное приложение к «Биржевым ведомостям»*. 1866. № 4. С. 262–265 [Konstantinopolskij haos (iz zapisok chlena posol'stva) // *Uchyono-literaturnoe prilozhenie k «Birzhevym vedomostyam»*. 1866. 4. Pp. 262–265].

Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986 [*Mezhdunarodnye otnosheniya na Balkanah*. 1856–1878. Moscow, 1986].

Московские ведомости. 1856. 28 апреля (10 мая). № 51 [*Moskovskie vedomosti*. 1856. 28 aprelya (10 maya). 51].

Нарочницкая Л. И. *Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса*. М., 1989 [Narochnickaya L. I. *Rossiya i otmena nejtralizacii Chyornogo morya. 1856–1871 gg. K istorii Vostochnogo voprosa*. Moscow, 1989].

Овсянников В. И. Проблема «Европа-Азия» в освещении общественно-политических кругов России (40-е – первая половина 60-х годов XIX в.) // *Россия и народы Востока*. Иркутск, 1992. С. 4–15 [Ovsyannikov V. I. Problema «Evropa-Aziya» v osveshchenii obshchestvenno-politicheskih krugov Rossii (40-e – pervaya polovina 60-h godov XIX v.) // *Rossiya i narody Vostoka*. Irkutsk, 1992. Pp. 4–15].

С. Н. Константинопольские письма (1861–1866). // *Русский вестник*. 1867. № 5. С. 1-59 [S. N. Konstantinopol'skie pis'ma (1861–1866) // *Russkij vestnik*. 1867. 5. Pp. 1–59].

Санкт-Петербургские ведомости. 1856. 21 апреля (2 мая). № 88 [*Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1856. 21 aprelya (2 maya). 88].

Санкт-Петербургские ведомости. 1856. 29 марта (10 апреля). № 72 [*Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1856. 29 marta (10 aprelya). 72].

Северная пчела. 1856. 1 (13) марта. № 89 [*Severnaya pchela*. 1856. 1 (13) marta. 89].

Северная пчела. 1856. 25 апреля (7 мая). № 90 [*Severnaya pchela*. 1856. 25 aprelya (7 maya). 90].

Северная пчела. 1856. 6 (18) апреля. № 79 [*Severnaya pchela*. 1856. 6 (18) aprelya. 79].

Сопленков Д. В. *Дорога в Арзрум. Российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.)* М., 2000 [Soplenkov D. V. *Doroga v Arzrum. Rossijskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX v.)* Moscow, 2000].

Сотниченко А. А. Эволюция геополитического пространства Османской империи во второй половине XIX века // *Восточный архив*. 1999. № 2–3. С. 33–40 [Sotnichenko A. A. Evolyutsiya geopoliticheskogo prostranstva Osmanskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka // *Vostochnyj arhiv*. 1999. 2–3. Pp. 33–40].

Цыбульский П. А. *П. А. Чихачев – исследователь и путешественник*. М., 1961 [Tsybulskij P. A. *P. A. Chihachyov – issledovatel' i puteshestvennik*. Moscow, 1961].

Черкасский В. А. Два слова по поводу Восточного вопроса // *Русская беседа*. 1858. Кн. 12. Т. IV. С. 66–92 [Cherkasskij V. A. Dva slova po povodu Vostochnogo voprosa // *Russkaya beseda*. Kn. 12. T. IV. 1858. Pp. 66–92].

Черкасский В. А. Тройственный союз 15 апреля 1856 года // *Русская беседа*. 1857. Кн. 6. С. 1–29 [Cherkasskij V. A. Trojstvennyj soyuz 15 aprelya 1856 goda // *Russkaya beseda*. Kn. 6. 1857. Pp. 1–29].

Чихачев П. А. *Великие державы и Восточный вопрос*. М., 1970 [Chihachyov P. A. *Velikie derzhavy i Vostochnyj vopros*. Moscow, 1970].

Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986 [Sheremet V. I. Osmanskaya imperiya i Zapadnaya Evropa. Vtoraya tret' XIX v. Moscow, 1986].

Ястржембский И. О капитуляциях в Османской империи. Харьков, 1905 [Yastrzhembskij I. O kapitulyaciyah v Osmanskoj imperii. Har'kov, 1905].

УБИЛ СЛУГУ – ЛИШИЛСЯ ТРОНА: КНЯЖЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И БРИТАНСКОЕ НАКАЗАНИЕ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

© 2018

Е. Ю. Ванина*

В основе статьи – документы из Национального архива Индии о предполагаемом убийстве в 1900 г. правителем княжества Бхаратпур Рамом Сингхом его слуги Кидду. Криминальное дело, расследование которого было поручено двум британским офицерам, предоставило колониальным властям возможность лишить раджу престола и таким образом исправить совершенную ими же ранее ошибку с приведением его к власти. Документы раскрывают не только непрофессиональное расследование, но и политику британской колониальной администрации в отношении индийских княжеств.

Ключевые слова: колониализм, княжества, Бхаратпур, Британская империя, престолонаследие, сюзеренитет, вассалитет.

KILLED A SERVANT AND LOST HIS THRONE: THE PRINCELY CRIME AND THE BRITISH PUNISHMENT IN COLONIAL INDIA

Eugenia Yu. Vanina

The paper is based upon archival documents on Ram Singh, the Raja of Bharatpur, allegedly shooting dead his personal servant Kiddu in 1900. This criminal case, investigated by two British officers, provided British colonial authorities with an opportunity to depose the Raja, thus rectifying their own earlier mistake of enthroning him. The documents disclose an inefficient investigation and offer an insight into the British attitudes to Indian native states and policies concerning the succession and deposition of their rulers.

Keywords: colonialism, princely states, Bharatpur, succession, British Empire, suzerainty, vassal.

Это случилось вечером 2 июня 1900 г. В великолепном «Джайпур-хаузе», резиденции джайпурских[1] правителей в Маунт-Абу[2], отдыхал почетный гость: правитель княжества Бхаратпур Рам Сингх, приглашенный хозяином провести жаркое время года в прохладе и тишине горного курорта. Никто не предчувствовал, что в роскошных покоях махараджи в этот вечер разыграется драма, которой суждено определить судьбу как бхаратпурского князя, так и его подданных.

Расположенный чуть более чем в 200 км к югу от Дели, Бхаратпур являлся одним из 600 княжеств, или «туземных государств» – вассалов Британской империи[3]. Своим возникновением это государство было обязано борьбой военно-землевладельческого сообщества джатов против державы Великих Моголов. В результате целой серии кровопролитных восстаний и войн джатским феодалам удалось создать для себя независимое княжество (1724 г.), что явилось одним из наиболее убедительных свидетельств распада

* Евгения Юрьевна ВАНИНА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. VANINA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com

[1] Джайпур – город в 200 км к западу от Дели, в колониальные времена – столица одноименного княжества, в современной Индии – столица штата Раджастхан. «Джайпур-хауз» сейчас является фешенебельным отелем.

[2] Маунт-Абу – горный курорт к западу от Дели.

[3] В последние годы интерес отечественных индологов к тематике княжеств колониальной Индии значительно возрос. См.: [Ванина, 2016; Глушкова, 2016; 2017; Карник, Глушкова, 2017; Черешнева, 2016].

некогда мощной империи Моголов[4]. Во второй половине XVIII в. махараджи Бхаратпура, особенно Сурадж Мал (1707–1763), и поныне почитаемый джатами как величайший герой[5], участвовали практически во всех военных конфликтах в Северной Индии, сражаясь с Моголами, маратхами, соседним Джайпуром и, наконец, с англичанами; с последними субсидиарный договор был подписан дважды – в 1803 и 1805 гг.[6] С этого времени Бхаратпур являлся верным и покорным вассалом сперва Ост-Индской компании, а затем Британской империи. Мало кто из высокопоставленных английских чиновников отказывался от возможности посетить это княжество и поохотиться в прославленном заповеднике, который сейчас называется «Национальный парк Кеоладео», входит в список ЮНЕСКО и является главным туристическим объектом города Бхаратпур[7]; фотографии этих охотничьих выездов британских вице-королей и губернаторов обильно представлены в музеях как самого Бхаратпура, так и Дига – летней резиденции правителей княжества. Рядом с этими фотографиями обычно располагаются выставки великолепного оружия из княжеских коллекций, тем более драматичные, что два выстрела из любимого ружья махараджи Рама Сингха лишили его слугу по имени Кидду жизни, а самого махараджу – трона.

То, что жертвой убийства стал личный слуга Рама Сингха, породило множество вопросов. В Национальном архиве Индии хранится папка под названием «Бхаратпур – убийство махараджей Рамом Сингхом Кидду, личного слуги Его высочества, 2 июня 1900 г. Его отрешение от власти и вступление на престол его сына Кишана Сингха» [Bharatpur, 1900]. Эта папка включает доклады британских офицеров, расследовавших дело, а также иные документы, относящиеся к убийству. Мой интерес к этим документам усилился, когда, ознакомившись с ними, я поняла, что не только сама история, но и то, как ее расследовали – иными словами, что удалось выяснить и что (а главное – почему) не удалось – является ценным материалом по истории колониальной Индии, особенно по проблеме отношений между британской администрацией и «туземными государствами».

Версия без доказательств

Первый из содержащихся в папке документов был отправлен 8 июня 1900 г. правительству Индии майором Чарлзом Хербертом, политическим агентом в Раджпутане[8]: это отчет капитана Минчина (имя не указано), посетившего место преступления вскоре после убийства. Потерпевший указан в отчете как Кидду-*хавасс*. Персидское слово *khavāṣṣ* (буквально «избранные», «особенные», множественное число от *khāṣ*, «особенный») в хиндустани означает просто «слугу», мужчину или женщину, царственной или иной высокопоставленной особы. Чем конкретно занимался Кидду, осталось в документах неясным, и кажется, что следователи интересовались этим вопросом меньше всего. Минчин в своем отчете называл его “bearer” [Bharatpur, 1909, p. 4], и это нисколько не проясняет дело, поскольку данное слово могло обозначать что угодно: носильщика паланкина, официанта, лакея и т. д. Последнее кажется более подходящим, поскольку, согласно отчету, Кидду встретил свою смерть в спальне махараджи. Интересно, что бхаратпурские исторические

---

4 См. о джатских войнах подробнее: [Рейснер, 1961, с. 221–240; Pande, 1970; Dvivedi, 1989; Varma, 2012].

5 Имя Сураджа Мала носят в Бхаратпуре университет и Технологический институт, а также «культурно-просветительская» организация джатов.

6 Субсидиарные договоры подписывались английской Ост-Индской компанией с «туземными княжествами», которые признавали сюзеренитет «благородной Компании» и становились ее вассалами. После поражения во Второй англо-маратхской войне (1804 г.) маратхский князь Яшвант-рав Холкар нашел убежище в Бхаратпуре, махараджа которого, Ранджит Сингх, ответил отказом на требование англичан выдать Яшвант-рава. Бхаратпур был осажден британскими войсками и, потеряв в кровопролитных боях более 3000 солдат, капитулировал. После этого княжество подписало с Компанией второй договор (1805 г.) [Aitchison, 1909, p. 259–262, 274–275].

7 См. подробнее: [Hughes, 2013, p. 142, 185].

8 Раджпутана – в Могольской и Британской Индии название региона, составляющего современный штат Раджастхан и прилегающие территории; название происходит от раджпутов – военно-феодального сословия средневековой Северной Индии.

тексты, которые удалось прочитать, единогласно называют застреленного слугу «цирюльником» (*nāpit* [Sharma, n.d., p. 100] или *nāī* [Singh, 1991, p. 169]).

Как сообщил Минчину сам махараджа, он рассердился на Кидду и, «чтобы напугать его», наставил на слугу свое двуствольное ружье, оно неожиданно выстрелило, так что несчастный погиб из-за роковой случайности, без какой-либо злонамеренности со стороны хозяина. Английский капитан попытался установить причину княжеского гнева. Первая из двух включенных им в отчет версий такова: Кидду находился на службе 35 лет и пользовался доверием господина (одна из бхаратпурских историй также называет его «любимым слугой», *priy sevak* [Singh, 1991, p. 169]). Махараджа, сообщает Минчин, поручил Кидду надзор за другим слугой, по имени Ранга, навлекшим неудовольствие хозяина. За день до убийства Кидду махараджа ударил Рангу, и тот попытался бежать из Маунт-Абу; пойманный и возвращенный, он решил повторить побег, так что гнев господина обрушился на не усмотревшего за ним Кидду.

Вторая версия, включенная в отчет, называет в качестве причины трагедии «туземный алкогольный напиток». Британский офицер особо отметил, что он уже «имел случай» писать махарадже накануне его отъезда в Маунт-Абу и предостерегать бхаратпурского князя от этого напитка, под влиянием которого «Его высочество может стать неистовым и безрассудным» [Bharatpur, 1900, p. 7]. То, что Рам Сингх любил выпить, подтверждают и местные историки, основываясь если не на документах, то на устной традиции [Singh, 1991, p. 163]. В роковой день, согласно отчету Минчина, махараджа лег в постель около полудня и приказал разбудить его в 8 часов вечера, но приказ не выполнили. Если он в это время был пьян, рассуждает Минчин, слуги, «видя его в таком состоянии и не желая, чтобы он появился на публике в подобном облике», ослушались господина, и «он, в мгновенной вспышке гнева, схватил ружье и наставил его на слугу, с роковым результатом» [Bharatpur, 1900, p. 8]. Минчин отметил при этом: махараджа категорически отрицал, что напился в тот день, и в течение всего времени пребывания в Маунт-Абу «Его высочество ежедневно появлялся на глазах джентльменов – гостей курорта и никогда не проявлял никаких симптомов употребления алкоголя» [Bharatpur, 1900, p. 7].

Помимо расследования, Минчин принял ряд мер для предупреждения новых насильственных деяний махараджи: он распорядился убрать из его покоев все оружие, а затем убедил Рама Сингха переехать в другую резиденцию «под наблюдение». Менее важным для следствия, но весьма важным для исторического анализа данного дела стало появление в Маунт-Абу сына убитого слуги, Рамчанда. Он приехал из Бхаратпура, ничего не зная о смерти отца (с какой целью – документ не сообщает), и, как Минчин счел необходимым особо упомянуть, узнал о трагедии от самого князя. Рамчанд заявил, что «не имеет к махарадже претензий» и попросил зачислить его на место отца: занимаемая им должность «являлась в семье наследственной». Махараджа также обещал выплатить ему в качестве компенсации 5000 рупий – по тем временам целое состояние, и свое обещание впоследствии выполнил [Bharatpur, 1900, p. 9]. Капитан Минчин завершил свой отчет предложением лишить махараджу контроля над некоторыми «административными департаментами» бхаратпурского правительства и доверить управление ими государственному совету [Bharatpur, 1900, p. 11–12].

Вслед за Минчином «Джайпур-хауз» посетил еще один британский офицер Р. Хорндл; возможно, правительство не удовлетворилось первым отчетом. Он начал с исследования тела потерпевшего и пришел к выводу, полностью противоречившему сообщениям Минчина о том, что Кидду находился на службе 35 лет: согласно Хорндлу, убитый являлся «мужчиной 35–40 лет». Не менее важным для расследования было заявление о том, что при осмотре тела убитого он обнаружил раны на груди и голове, что невозможно при одновременном вылете пуль из двух стволов. Это опровергало утверждение махараджи о том, что Кидду стал жертвой случайного непреднамеренного выстрела. Далее, Рам Сингх сказал английскому офицеру, что слуга «нанес ему тяжкое оскорбление», но не сообщил

никаких подробностей [Bharatpur, 1900, p. 15–16]. Хорндл «затратил много усилий, чтобы выяснить, не произошло ли со стороны Кидду какой-либо внезапной и серьезной провокации, о которой по частным причинам Его высочество не пожелал рассказать Минчину», но «никаких новых деталей не получено, и даже сделанное махараджей Минчину заявление об использовании Кидду оскорбительных выражений никак не подтверждается» [Bharatpur, 1900, p. 18–19]. Подобно своему предшественнику, Хорндл подверг сомнению версию об том, что бхаратпурский правитель напился, поскольку во время пребывания в Маунт-Абу он «общался с европейцами» и «не обнаруживалось никаких признаков» употребления им алкоголя. После убийства Кидду, по словам Хорндла, «нервная система махараджи полностью разладилась, и его состояние в течение нескольких дней описали мне как жалкое» [Bharatpur, 1900, p. 20].

Городской суд Маунт-Абу открыл уголовное дело, но, по предложению Хорндла, лучшим выходом из ситуации было «обойтись без юридических процедур». Вместо этого, писал британский офицер, махараджу надлежало лишить его 17 салютов[9] и контроля над двумя основными государственными «департаментами» [Bharatpur, 1900, p. 22]. Однако этими предложениями пренебрегли. Окончательное решение, принятое правительством Индии и вице-королем лордом Керзоном, явилось радикальным. Предписывалось «отстранить махараджу Рама Сингха от власти и держать вне Бхаратпура» с титулом «Рао-раджа»[10] и ежемесячной пенсией в 3000 рупий. Как подчеркивало решение вице-короля, «совершив убийство, махараджа лишается права на Бхаратпур» [Bharatpur, 1900, p. 53]; его надлежало держать вне столицы княжества, и даже не в летней резиденции, Диге, а в городке Севар в 14 милях от Бхаратпура, а «если махараджа создаст проблемы, он будет переселен в британские владения». Предписывалось также принять меры к тому, чтобы «противостоять огромному влиянию Ма-джи-сахибы[11] и его двух жен, из них рани Гиррадж Каур, мать наследного принца, пользовалась наибольшим влиянием» [Bharatpur, 1900, p. 90].

Много страниц архивного дела посвящено дискуссиям британских чиновников о том, кто сможет сменить отстраненного князя на троне. Некоторые предлагали младшего брата махараджи, подростка Рагхунатха Сингха, в то время воспитанника Мэйо-колледжа.[12] Это был, как утверждали сторонники данной кандидатуры, «тихий и неагрессивный парень, но вялый, лишенный интересов, бесстрастный», да к тому же «его познания в английском языке невелики», так что его предлагалось отдать под контроль «английского опекуна» [Bharatpur, 1900, p. 56]. Но окончательный выбор все же пал на младенца-сына махараджи Кишана Сингха (ему в тот момент не исполнилось и года) при формальном регентстве его матери рани Гиррадж Каур; реальным управлением княжеством до совершеннолетия принца занимался государственный совет.

Все эти дискуссии и предложения легли в основу официального письма No. 3529 I–A; в отличие от остальных рукописных документов папки, этот текст отпечатан типографским способом. Сэр Уильям Канингем (*так в тексте, с одним «н»*) направил данное письмо «почтенному подполковнику У. Г. С. Уайли, агенту генерал-губернатора в Раджпутане». Письмо начиналось с краткого изложения материалов расследования в следующем виде: «махараджа признал, что застрелил слугу, но упорствовал в несостоятельных заявлениях о том, что ружье – по утверждению Его высочества, направленное на слугу, дабы напугать его в

---

[9] Каждому из индийских княжеств в зависимости от территориальных размеров, политического значения и заслуг правителя полагалось определенное число артиллерийских залпов, коими надлежало приветствовать князя в его владениях и за их пределами. Иерархия «салютности» была выстроена англичанами как система поощрений «туземных принцев» за верность Британской короне. Бхаратпур принадлежал к «17-салютным княжествам».

[10] Титул искусственный, «рао» означает то же, что и «раджа».

[11] *Mā̃jī-sāhibā* (хиндустани) – букв. «Госпожа-матушка», т. е. вдовствующая княгиня, мать правящего махараджи.

[12] Мэйо-колледж в Аджмере – школа-интернат, основанная в 1875 г. вице-королем Индии Ричардом С. Бурком, графом Мэйо (отсюда название), для индийских принцев и отпрысков аристократических фамилий, задуманная как «индийский Итон».

ответ на дерзость – выстрелило случайно. Хотя никто не видел, как это произошло, очевидно, что махараджа потерял самообладание и выстрелил в слугу из обоих стволов своего охотничьего ружья с короткого расстояния, и второй выстрел оказался роковым. Расположение двух ран на расстоянии друг от друга является достаточным для того, чтобы опровергнуть версию случайного выстрела».

Далее письмо напоминало о том, что махараджа Рам Сингх «из-за своей несдержанности» в 1895 г. уже был лишен фактического управления своим княжеством «в обстоятельствах, которые заставили правительство Индии признать, что согласие на унаследование им престола явилось ошибкой» [Bharatpur, 1900, p. 76].

События 1895 г. можно восстановить по бхаратпурским хроникам: они сообщают о том, что через два года после коронации 23-летний Рам Сингх потерял всякий интерес к государственным делам и под влиянием «дурной компании» начал пить и проводить время «в обществе танцовщиц, по обычаю могольских императоров», так что полковнику Фрейзеру, тогдашнему агенту в Раджпутане, пришлось с разрешения правительства Индии «взять управление в свои руки». Поскольку «несдержанность» махараджи, как предполагали, происходила не только от злоупотребления алкоголем, но и из-за некоего нервного или психического расстройства, к нему был приставлен английский врач, который и посоветовал своему пациенту проводить время на курортах, таких, как Маунт-Абу [Singh, 1991, p. 163]. Сэр Уильям Канингем заключил письмо следующим: «Невозможно, чтобы после подобного эпизода он снова стал правителем Бхаратпура. Только эта должность спасает его от судебного процесса» [Bharatpur, 1900, p. 76–77].

27 августа 1900 г. состоялся последний акт драмы. Агент Уайли обратился к бхаратпурскому *дарбару*[13] со следующей речью: «Отец Рама Сингха Джесвант[14] Сингх перед своей смертью в 1893 г. выразил искреннее желание, чтобы Рам Сингх не унаследовал его престол». Однако правительство Индии, «не желая вмешиваться в традиционный порядок престолонаследия и надеясь, что, несмотря на пренебрежение его образованием, махараджа Рам Сингх станет достойным правителем», все же сочло нужным возвести его на трон. Агент Уайли продолжал: «В 1895 г., как вы знаете, из-за своей несдержанности махараджа уже был, по сути, лишен власти, и администрацию передали в руки Совета... После этого, поскольку махараджа проявил растущую тенденцию к пониманию своей ответственности, ему постепенно возвратили часть контроля над княжеством. К несчастью, его недостаток самообладания сделал невозможным для правительства Индии продолжать прежнюю политику». В конце своей речи Уайли объявил о низложении махараджи и признании его сына законным правителем княжества при регентстве его матери до совершеннолетия; реальное управление передавалось в руки государственного совета Бхаратпура [Bharatpur, 1900, p. 134–140].

Как сообщил правительству агент Уайли, махараджа «принял известие о своем отрешении с относительным спокойствием, заметив при этом, что не совершил никакого проступка в отношении британского правительства, которому всегда был верен, и то, что случилось в Маунт-Абу, произошло по воле судьбы». Уайли особо подчеркнул тот факт, что «нигде не наблюдалось даже сколько-нибудь заметного проявления симпатии к экс-правителю» и что народ Бхаратпура рассматривал низложение своего князя как «акт справедливости» [Bharatpur, 1900, p. 147].

Раджу Бхаратпура отправили в Севар, где, согласно Уайли, «ему надлежало жить в строгом уединении» под охраной стражи: ей предписывалось не оказывать экс-князю никакого почета, но обращаться с ним уважительно. Никакие визиты к нему, даже членов семьи, не дозволялись. В своей ссылке Рам Сингх должен был жить «комфортабельно, но не роскошно»; ему строжайше запретили посещать Бхаратпур и даже местные храмы (почему, если, согласно английским заявлениям, никто ему там не сочувствовал?), а также, как особо

[13] *Darbār* (фарси, хиндустани и др. языки) – дворцовый прием, собрание придворных, царский двор вообще.
[14] Так в тексте, правильно – Джасвант.

отмечено Уайли, «осуществлять какой-либо контроль над своим маленьким сыном» [Bharatpur, 1900, p. 148–150].

На этом архивные документы о радже-убийце кончаются. Местные хроники свидетельствуют о том, что ссыльного раджу представили собственным жене и сыну как опасного маньяка. Однажды, когда маленький наследник Кишан Сингх катался в экипаже за городом, его отец встретился с ним на дороге. Экипаж остановился, экс-раджа обнял мальчика, приласкал его, а потом отпустил. Этот инцидент расписали матери принца как попытку убийства ребенка собственным отцом. Насмерть перепуганная рани тут же продиктовала прошение о том, чтобы ссыльный князь, представляющий опасность для нее и наследника, был отправлен как можно дальше от Бхаратпура [Singh, 1991, p. 170]. Так и поступили: Рама Сингха переселили сначала в Дели, а в 1922 г. – в Агру, где он и скончался в 1929 г. [Varma, 2012, p. 86].

Следствие как политический инструмент

Изучение 150-страничной папки архивных документов показывает: преступление, по сути, не было расследовано. Из всех вопросов, на которые должно было ответить следствие (что и как произошло, кто убийца, каковы его мотивы, имелись ли соучастники, являлось ли убийство спонтанным или заранее подготовленным и т. д.), частично прояснен лишь один: слуга по имени Кидду был ранен двумя пулями, рана в грудь оказалась смертельной. Британские офицеры, посланные расследовать убийство, не установили даже возраст потерпевшего и его круг занятий на службе у бхаратпурского князя (последнее могло бы помочь реконструировать преступление и мотивы убийцы). Отношения Кидду с другими слугами и должностными лицами также не заинтересовало следствие. Следователи даже разошлись в установлении времени преступления: Минчин утверждал, что слуги вопреки приказу не разбудили своего господина в 8 часов вечера, и, значит, убийство произошло после 20:00. Хорндл же указал время преступления как 17:00 [Bharatpur, 1900, p. 17].

Оба английских офицера предложили различные версии, как они приходили каждому из них на ум, и их отчеты представляют собой просто набор спекулятивных предположений. Никто из них не подверг допросу всех обитателей дворца; не была проведена криминалистическая экспертиза тела жертвы, предполагаемого орудия убийства, пуль и гильз. Настоящего расследования и не могло быть, поскольку и Минчин, и Хорндл являлись армейскими офицерами, и остается загадкой, почему не привлекли полицейских профессионалов, способных провести следствие более эффективно и, возможно, поставить под вопрос версию убийства слуги махараджей. Признание обвиняемого, как следует из юридической практики, является важным, но не решающим аргументом в объявлении его виновным. История криминальных расследований знает множество случаев, когда человек, не совершавший преступления, признавался в нем под давлением, воздействием интоксикации (такое могло случиться и с раджей-алкоголиком), а также других причин. Весьма часто подлинный преступник наводит следствие на невиновного. Действительно, кроме самого Рама Сингха никто не видел убийства и даже не слышал выстрела. Однако в целях моего «расследования», которое осуществляется не криминалистом, а историком, я допускаю, что правитель Бхаратпура действительно застрелил своего слугу.

Документы молчат о весьма серьезном обстоятельстве: как информация об убийстве достигла британских властей? В отсутствии очевидцев, когда никто даже не слышал выстрелов, что помешало сохранить преступление в тайне? Нет никаких сомнений в том, что у раджи имелось достаточно способов избавиться от трупа и заставить наградами или угрозами молчать всех, кому он поручил бы это дело. Бхаратпурская хроника отвечает на эти вопросы, упоминая имя д-ра Брокмана, английского врача, приставленного к махарадже со времен его «срыва» в 1895 г. Именно он сообщил правительству Индии о трагическом инциденте [Singh, 1991, p. 169]. Административная машина британской колониальной власти немедленно пришла в движение, и меньше чем через три месяца судьба Бхаратпура и его

правителя была решена – весьма быстрая и эффективная операция, в отличие от самого расследования.

С учетом социальной и политической ситуации в колониальной Индии все это порождает целый ряд вопросов. Прежде всего, почему реакция правительства оказалась такой быстрой, а решение столь радикальным? Был ли это единственный криминальный случай с участием «туземных правителей»? На последний вопрос ответ найти несложно с помощью ряда исследовательских работ, анализирующих случаи отрешения индийских князей от власти британской колониальной администрацией после Великого народного восстания (1857–1859). Например, в 1885 г. *наваба* (правителя) княжества Бхопал Сайида Сиддика Хасана обвинили в переводе и распространении в Индии запрещенной ваххабитской литературы, лишили власти и возвратили к прежней позиции принца-консорта, супруга княгини Шах-Джахан-*бегам* – она занимала бхопальский трон до брака с Сайидом Сиддиком Хасаном и была вновь возведена на престол после его отстранения [Khan, 2000, p. 134–137]. В других случаях князей отстраняли от власти по обвинению в «дурном управлении», «жестокостях», «разбойной деятельности» и даже «человеческих жертвоприношениях», как случилось с махараджей Патны в 1871 г. [Ramusack, 2004, p. 113–122; Keene, 2012, p. 142–143]. Махараджу Индора Шиваджи-рава Холкара в 1903 г. обвинили в «неконтролируемом поведении», гомосексуальных связях и открытом продвижении по службе фаворитов, издевательствах и пытках чиновников, брахманов, слуг и прочих подданных. Даже после таких обвинений его не отстранили решением правительства Индии, а принудили отречься от престола в пользу сына [Groenhout, 2007, p. 100–105].

В 1874 г. Малхар-рав Гаеквад, правитель княжества Барода, был обвинен в попытке отравить полковника Роберта Фэйра, британского резидента[15] в княжестве – с этим резидентом отношения у махараджи обострились до предела. Причина состояла в том, что резидент оказывал «постоянное и раздражающее давление» на главного министра Бароды (им являлся никто иной, как Дадабхай Наороджи[16]) и «не жалел усилий, чтобы ослабить его позиции»: помимо этого, Фэйр категорически отказался признать наследником престола Бароды сына, прижитого махараджей от некоей «женщины низкого происхождения и характера», ставшей законной супругой князя. 9 ноября 1874 г. в шербет резидента якобы подсыпали яд. Под сильнейшим давлением английской полиции несколько слуг признались, что отравить Фэйра приказал лично махараджа. Правитель Бароды был временно отстранен от власти и отправлен под «почетное наблюдение». В 1875 г. его публично судил особый трибунал, состоявший из трех английских чиновников и трех индийских представителей (двух князей и одного экс-министра княжества Гвалиор). После изучения всех представленных доказательств английская часть трибунала признала махараджу виновным, а индийская сочла обвинение недоказанным. Несмотря на это, махараджа Бароды был окончательно отстранен от власти и сослан в Мадрас [Thornton, 1898, p. 142–143]. По заявлению лорда Нортбрука, тогдашнего вице-короля Индии, «ни одно преступление... не может расцениваться серьезнее, чем покушение на жизнь британского резидента, предпринятое по наущению правителя туземного государства»[17]. Несмотря на всю тяжесть преступления, подозреваемого князя не сразу же свергли с престола правительственным решением; британские власти предпочли подвергнуть его публичному суду.

Почему же ни адекватное расследование, ни судебное разбирательство не предшествовали отстранению от власти бхаратпурского раджи, которому инкриминировалось «всего-навсего» убийство слуги? С каких пор жизнь простого индийца, тем более принадлежавшего, вероятно, к какой-либо низкой касте, стала столь ценной для

[15] Резидент – представитель британской колониальной администрации в княжестве.
[16] Дадабхай Наороджи (1825–1917) – выдающийся индийский просветитель, экономист, предприниматель и политический деятель, один из основателей Индийского национального конгресса, первый индиец, ставший членом британского парламента.
[17] Цит. по: [Thornton, 1898, p. 176].

британских властей? Помимо миллионов индийцев, погибших от голода, эпидемий, военных действий, полицейских репрессий и иных «побочных явлений», принесенных британцами в свою колонию «прогресса, закона и порядка», сколько туземных слуг, имевших несчастье работать на «белых сахибов», были убиты или искалечены своими хозяевами? Например, как в английских колониальных документах, так и в индийской националистической прессе «ботинок и селезенка» (обозначающие селезенку индийца, чаще всего слуги, разорванную ударом ноги «великодушного» европейца) стали тропом – популярным до такой степени, что, дабы снять обвинение с английских хозяев, английскими политиками и даже учеными была выдвинута теория о «патологической слабости индийских селезенок», неспособных выдержать пинок «цивилизующего» ботинка [Bailkin, 2006, p. 462–493].

Справедливости ради необходимо отметить, что индийские князья выглядели далеко не ангелами, и вряд ли будет возможно установить, сколько таких Кидду лишились жизни из-за жестокости и безнаказанности титулованных господ. И в тех редких случаях, когда информация о подобных инцидентах выходила за стены дворцов, британские власти не рассматривали их как повод для отстранения виновного от власти. Изучение документов по бхаратпурскому делу создает стойкое впечатление, что несчастный слуга был наименее интересен британским офицерам, производившим расследование, а также чиновникам, обсуждавшим данное дело. В документах не фигурируют ни его полное имя (Кидду, очевидно, являлось уменьшительным именем или прозвищем), ни сведения о семье, кастовой принадлежности, дворцовой должности, характере, взаимоотношениях с другими служащими. Эпизод с Рамчандом, сыном потерпевшего, заставляет задуматься. Можно по-разному оценивать высказанное им «отсутствие претензий» к махарадже, но сам факт, что сын жертвы, вместо того чтобы в ужасе бежать прочь от убийцы, претендует на место отца, ставит под сомнение образ Рама Сингха как опасного маньяка, внушающего страх всем окружающим.

Еще один вопрос: почему реакция колониальных властей оказалась именно в данном случае столь быстрой и радикальной? Почему правитель Бхаратпура был лишен престола без адекватного расследования и судебного разбирательства, как это случилось с раджей Бароды, обвиненном в гораздо более серьезном преступлении? Важно отметить, что изначально ни офицеры-следователи, ни пославшие их британские власти не предлагали отстранить Рама Сингха от власти. Они лишь советовали лишить раджу его «17-салютной привилегии» и контроля над государственными учреждениями. И вдруг громом среди ясного неба появляется решение о лишении раджи престола и его изоляции.

Объяснение можно найти в уже процитированной выше речи агента Уайли на *дарбаре*: в ней он особо подчеркнул, что покойный махараджа, отец и предшественник отстраненного правителя, выражал «искреннее желание», чтобы его старший сын Рам Сингх не стал наследником престола. Несмотря на это, правительство Индии, «не желая вмешиваться в традиционный порядок престолонаследия», настояло на коронации Рама Сингха вопреки воле его отца. Трудно определить, чего в данном заявлении больше: невежества или лицемерия. Хорошо известно, что в монархических традициях Индии (древних или средневековых, индусских, мусульманских и т. д.) обязательное для Западной Европы право первородства (майората), предоставлявшее именно старшему сыну монарха или феодала исключительное право на унаследование трона, власти и земель, отсутствовало. В Индии правящему государю надлежало, желательно заранее, объявить своим наследником того из сыновей, которого он считал достойным, что фиксировалось публичной церемонией и присвоением принцу особого титула (Yuvarāj или Mahārāj Kumār, что означало «молодой раджа»). Если бы в Индии существовало право первородства, то завязка эпоса «Рамаяна» была бы иной[18], и история субконтинента не знала бы столько междоусобных войн за престолонаследие.

[18] В «Рамаяне» царь Дашаратха объявил своим преемником Раму, считавшегося старшим (хотя все четыре сына от трех жен царя появились на свет почти одновременно). Кайкейи, вторая жена Дашаратхи, по наущению

Махараджа Бхаратпура Джасвант Сингх имел, кроме Рама Сингха, еще трех сыновей, из них он мог выбрать достойного наследника. Если бы ему позволили такой выбор, это стало бы действительным «невмешательством в традиционный порядок престолонаследия». Но по какой-то причине, будь то незнание британскими чиновниками традиций подвластного народа или их нерушимая убежденность в том, что лишь европейский закон может быть правильным и разумным, Рам Сингх, возможно, страдавший нервным или психическим расстройством или просто неспособный управлять государством (о чем не мог не знать его отец, выражавший поэтому «искреннее желание» найти другую кандидатуру), был провозглашен наследником престола и в 1893 г. стал законным правителем княжества.

Нет сомнений в том, что уже через два года после прихода Рама Сингха к власти англичане осознали свою ошибку: в 1895 г., как отмечалось выше, «несдержанность» князя, его пристрастие к алкоголю и равнодушие к государственным делам заставили британского политического агента взять управление княжеством под свой контроль. Разумеется, англичане никогда не признали бы свою ошибку открыто, да еще перед теми, кого считали людьми низшего сорта, хотя в корреспонденции, адресованной «своим», они отмечали, что, как процитировано выше, «согласие на унаследование им престола являлось ошибкой». Убийство слуги Кидду, раджей или нет, дало хороший повод исправить ошибку, чем англичане и воспользовались. Именно поэтому уголовному делу, открытому городским судом Маунт-Абу, не дали хода и не начали никакого судебного разбирательства.

Несмотря на свой постоянно декларируемый модернизм и характерное пренебрежение к историческому и политическому опыту доколониальной Индии, британские власти строили свои взаимоотношения с «туземными государствами» на типично средневековой, феодальной основе, во многих аспектах следуя «восточно-деспотической» империи Моголов. Собственно британские территории в Индии были сродни могольскому падишахскому домену (*khāliṣa-i sharīfa*): как и Моголы, британцы держали в феодально-вассальной зависимости огромное количество княжеств, а правители тех, признавая британский суверенитет и сеньориальные права, обладали – во многих случаях формально – определенной независимостью во внутренних делах, что зафиксировано в договорах и прочих документах.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что «азиатско-деспотическая» Могольская империя оказалась в отношении своих вассалов более «либеральной», чем «прогрессивная» Британская. Вассалы Моголов в обмен на верность и покорность сюзерену, военную службу под его знаменами и уплату дани (*peshkash,* от нее многие княжества вообще освобождались) пользовались независимостью почти во всех сферах, за исключением взаимоотношений с другими княжествами и иностранными государствами. От суверенных государств они отличались только отсутствием права чеканить собственную монету, вести войны и подписывать договоры. В отношении престолонаследия они были совершенно свободны: могольский центр лишь формально одобрял кандидатуру наследника престола и вмешивался только в случае конфликта между претендентами. Могольские наместники провинций, в которые княжества входили или с которыми граничили, могли вмешиваться во внутренние дела вассальных государств только «неофициально». Это заметили европейские путешественники, советовавшие своим собратьям иметь в виду, что в случае конфликта на территории какого-либо раджи апеллировать к могольским властям бесполезно. Могольский центр наказывал и лишал власти вассальных князей исключительно за неповиновение и мятежи. Вместе с этим, история Моголов свидетельствует о сознательной политике центральных властей по интеграции князей в административную структуру империи. С этой целью вассальные раджи получали военные лены (*джагиры*) и назначались на высокие

своей доверенной служанки Мантхары напомнила царю о данном им некогда обещании выполнить любые два ее желания и потребовала возвести на престол ее сына Бхарату, а Раму отправить на 14 лет в изгнание. Если бы в древней Индии существовало право первородства, то даже монарх не смог бы нарушить закон и посадить на престол Бхарату, пока был жив старший сын.

государственные посты, включая должности наместников провинций, вне собственных владений; их дочери становились женами могольских принцев и матерями падишахов.[19]

Британское правительство действовало по-иному. Несмотря на постоянно декларируемый принцип невмешательства во внутренние дела княжеств[20], вмешательство являлось обычным делом. Британский резидент или политический агент мог лишить князя контроля над тем или иным государственным учреждением, как показали проанализированные в этой статье документы, а также многочисленные примеры из истории других княжеств. Из того же архивного дела видно, что англичане вмешивались и в процесс выбора наследников, будучи уверенными, что знают характеры и способности кандидатов лучше, чем их собственные родители. Княжеским семьям надлежало получать одобрение британских властей даже на брачные союзы, что особенно ярко демонстрируют документы княжества Бхопал, которым в течение четырех поколений правили женщины, совмещавшие обязанности государынь и матерей, устраивавших свадьбы своих детей.[21] Удивительно, что князья даже в своих семейных делах оказались более зависимы, чем беднейшие их подданные, заключавшие браки и завещавшие свою собственность, какой бы она ни была, без согласия «белых сахибов».

Тот факт, что британцы больше вмешивались в дела своих вассалов, чем Моголы, парадоксален лишь на первый взгляд. Вассальные княжества Могольской империи находились в зависимости от средневекового государства с нестабильной территорией и весьма простой системой управления, основанной на военно-ленной системе, служении и личной верности; результатом становились, по определению С. Мишры, «наложение территориальностей» и «наложение суверенитетов» [Mishra, 2011, p. 55]. Туземные княжества Британской империи являлись, наоборот, вассалами высоко централизованного и бюрократизированного государства, стремившегося контролировать по возможности все стороны жизни своих подданных.

Немаловажный аспект проблемы заключался и в расовых предрассудках и чувстве цивилизационного превосходства: они были характерны даже для лучших из британских администраторов и отсутствовали даже у худших могольских. Могольский падишах или вельможа мог не любить индусов как «неверных», но он не считал их «отсталыми» и «нецивилизованными», не смотрел на них как на неразумных детей, «дурное поведение» коих обязаны контролировать и исправлять «взрослые» сахибы. Ничего подобного могольской политике по интеграции князей в имперскую структуру британские власти не осуществляли: ни один раджа не был назначен армейским главнокомандующим или губернатором провинций, как это практиковалось при Моголах; о династических браках не возникало и речи. Поэтому англичане выбрали наследника бхаратпурского престола по собственному усмотрению, игнорируя местные традиции и даже знания предшествующего правителя о собственной семье. Когда они поняли свою ошибку, убийство слуги, виновен ли был в нем Рам Сингх или нет, дало отличный повод посадить на престол другого раджу, годовалого младенца, и снова без консультаций с правящей семьей и министрами княжества.

Нет сомнений в том, что Рам Сингх не был достойным князем; в отличие от своего отца Джасванта Сингха и сына Кишана Сингха, он не оставил добрых воспоминаний в исторической памяти жителей Бхаратпура. В хрониках и историях его правлению посвящены страница или две; местный поэт изложил его историю в следующих строках:

San unnīs sau, nāpit ek bicārau
Nṛp golī saũ tan taj svarg sidhārau.
Mastiṣk vikṛti ke cinh adhik pragṭāye,
Adhikār chine, nṛp dhām devlī dhāye.

---

[19] См. подробнее: [Saran, 1973; Khan, 1977; Zaidi, 1997; Ziegler, 1998; Hasan, 2004; Busch, 2012].

[20] На практике, как показала Б. Н. Рэмьюсэк, этот принцип применялся избирательно, в зависимости от конкретной ситуации [Ramusack, 2004, p. 56, 105–107].

[21] См., например: [Sultan Jahan Begum, 1912, p. 47–50].

В году 1900 некий цирюльник-бедолага
Получил от раджи пулю и отправился в рай.
Поскольку психическое расстройство [раджи. – Е. В.] стало явным,
Он были лишен власти и отправлен в заточение [Sharma, n.d., p. 100].

Несмотря на все это, портреты Рама Сингха в полном княжеском облачении экспонируются в музеях Бхаратпура и Дига. Несчастный слуга Кидду не оставил следа в истории, если не считать хранящейся в архиве переписки английских джентльменов, которые не сочли необходимым указать даже полное имя, происхождение и профессию скромного труженика, чья смерть послужила им политическим орудием.

Литература/References

Ванина Е. Ю. Бхопал: навабство на «пустом месте» // Глушкова И. П. (рук. проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств.* М., 2016. С. 244–276 [Vanina E. Yu. Bhopal: navabstvo na "pustom meste"// Glushkova I. P. (project head), Bochkovskaia A. V. (ed.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Territoriia i prinadlezhnost: geopoliticheskoye konstruirovaniie i sub`ektnost vospriuuatiia obitaemikh prostranstv.* Moscow, 2016. Pp. 224–276].

Глушкова И. П. Два-в-одном: административно-территориальный казус маратхского княжества (Девас) в центре Индии // Глушкова И. П. (рук. проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств.* М., 2016. С. 202–232 [Glushkova I. P. Dva-v-odnom: administrativno-territorialniy kazus marathskogo kniazhestva (Devas) v tsentre Indii" // Glushkova I. P. (project head), Bochkovskaia A. V. (ed.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii. Territoriia i prinadlezhnost: geopoliticheskoye konstruirovaniie I sub`ektnost vospriuuatiia obitaemikh prostranstv.* Moscow, 2016. Pp. 202–232].

Глушкова И. П. От «худшего» к «лучшему»: методики понижения и повышения статусного ранга (дхарский коллаж) // Глушкова И. П (рук. проекта), Ванина Е. Ю. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия.* М., 2017. С. 642–683 [Glushkova I. P. Ot "khudshegp" k "luchshemu": metodiki ponizheniia i povisheniia statusnogo ranga (dharskii kollazh) // Glushkova I. P. (project head), Vanina E. Yu (ed.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii: khula i khvala: kommunikativnye modalnosti istoricheskogo I kulturnogo svoeobraziia.* Moscow, 2017. Pp. 642–683].

Карник М. К., Глушкова И. П. Коммуникативный разлом, или Масштабы социального дисбаланса в историческом портретировании (индорский case-study) // Глушкова И. П (рук. проекта), Ванина Е. Ю. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия.* М., 2017. С. 684–720 [Karnik M. K., Glushkova I. P. Kommunikativniy razlom ili Masshtabi sotsialnogo disbalansa v istoricheskom portretirovanii (indorskii case-study) // Glushkova I. P. (project head), Vanina E. Yu (ed.). *Pod nebom Yuzhnoi Azii: khula i khvala: kommunikativnye modalnosti istoricheskogo I kulturnogo svoeobraziia.* Moscow, 2017. Pp. 684–720].

Рейснер И. М. *Народные движения в Индии в XVII – XVIII вв.* М., 1961 [Reisner I. M. *Narodniye dvizheniya v Indii v XVII – XVIII vv.* M., 1961].

Черешнева Л. А. Географические тяготения, или Ностальгия по суверенитету (Хайдарабадская дилемма) // Глушкова И. П. (рук. проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств.* М., 2016. С. 293–303 [Chereshneva L. A. Geograficheskiie tiagoteniia, ili nostalgia po suverenitetu (Khaidarababskaia dilemma). Moscow, 2016. Pp. 293–303].

Aitchison C. U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Related to India and Neighbouring Countries.* Vol. III. Calcutta, 1909.

Bailkin J. The Boot and the Spleen: When Was Murder Possible in British India // *Comparative Studies in Society and History.* 2006. 48 (2). Pp. 462–493.

Bharatpur – Maharaja Ram Singh Shooting Dead Kiddu, a Personal Attendant of His Highness, on 2nd June, 1900 – His Deposition and Succession of His Son Kishun Singh, National Archive of India, Rajputana Agency, Political Department 1900, Progs. No.164. Bharatpur, 1900.

Busch A. Portrait of a Raja in a Badshah's World: Amrit Rai's Biography of Man Singh // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2012. 55. Pp. 287–328.

Dwivedi G. C. *The Jats: Their Role in the Mughal Empire*. Delhi, 1989.

Groenhout F. Loyal Feudatories or Depraved Despots? The deposition of princes in the Central Indian Agency, c.1880 – 1947 // Ernst W., Pati B. (eds.). *India's Princely States: People, Princes and Colonialism*. London, 2007. Pp. 99–117.

Hasan F. *State and Locality in Mughal India: Power Relations in Western India, C.1572–1730*. Cambridge, 2004.

Hughes J. E. *Animal Kingdoms. Hunting, the Environment and Power in the Indian Princely States*. Harvard, 2013.

Keen C. *Princely India and the British. Political Development and the Operation of Empire*. London, 2012.

Khan A. R. *Chieftains During the Reign of Akbar*. Simla, 1977.

Khan M. S. *The Begums of Bhopal. A Dynasty of Women Rulers in India*. London, 2000.

Mishra S. *Becoming a Borderland: The Politics of Space and Identity in Colonial Northeastern India*. Delhi, 2011.

Pande R. *Bharatpur Upto 1826: a Social and Political History of the Jats*. Jaipur, 1970.

Ramusack B. N. *The Indian Princes and Their States*. Cambridge, 2004.

Saran P. *The Provincial Government of the Mughals, 1526–1658*. Delhi, 1973.

Sharma N. *Gaurav-gāthā. Bharatpur kā kāvyamay itihās*. Jaipur, n.d.

Singh G. *Gyāt-vaṃś. Bharatpur kā itihās*. Bharatpur, 1991.

Sultan Jahan Begum. *An Account of My Life (Gohur-i- Ikbal)*. Tr. by H. C. Paine. London, 1912.

Thornton T. H. *General Sir Richard Meade and the Feudatory States of Central and Southern India. A Record of Forty-three Years' Service as Soldier, Political Officer and Administrator*. London, 1898.

Varma R. S. *Bharatpur kā Itihās*. Bharatpur, 2012.

Zaidi S. I. A. Akbar and the Rajput Principalities: Integration into Empire // Habib I. (ed.). *Akbar and His India*. Delhi, 1997. Pp. 15–19.

Ziegler N. P. Rajput Loyalties During the Mughal Period // Richards J. F. (ed.). *Kingship and Authority in South Asia*. Delhi, 1998. Pp. 242–284.

АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИВИИ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ

© 2018

С. Э. Бабкин*

Статья посвящена соотношению противоборствующих сил в современной Ливии, влиянию зарубежных стран на события в этой стране и роли одного из лидеров восточного «правительства» Ливии маршала Халифа Хафтара, командующего самопровозглашенной Ливийской национальной армии. Автор статьи – специалист в области современных процессов в странах Северной Африки, долго проводивший полевые исследования в зоне Сахеля.

Ключевые слова: Ливия, Хафтар, Тобрук, джихадизм, Киренаика.

SITUATION IN PRESENT DAY LIBYA, AND FURTHER POSSIBLE SCENARIOS

Sergei 'E. Babkin

This article is about one of the leaders of Libya's eastern "government", the commander of the self-proclaimed Libyan National Army, Field Marshal Khalifa Haftar; the interplay of forces in modern Libya; and the influence of foreign countries on Libyan events. The author is an expert on current developments in North Africa, a long-time field researcher in Sahel.

Keywords: Libya, Haftar, Tobruk, jihadism, Kirenaika.

26 апреля 2018 года в Ливию после почти 30-дневного отсутствия возвратился командующий Ливийской национальной армии (ЛНА, подчиняется восточному «правительству» страны) маршал Халифа Хафтар. За время отсутствия маршала его даже успели похоронить, правда, преждевременно: Хафтар оказался не только опытным военачальником, но и искушенным политиком и дипломатом. Однако сценарий, получающий развитие в случае ухода с политической арены фигуры такого масштаба, все-таки требует рассмотрения.

В свою вотчину Бенгази маршал вернулся 26 апреля, его встречал генералитет ЛНА (первым его приветствовал начальник генштаба ЛНА генерал Абдерраззак ан-Надхури, 18 апреля благополучно переживший в том же Бенгази попытку покушения). Официально было объявлено, что маршал Хафтар находился на госпитализации в Париже и вернулся в Ливию в «добром здравии» [1]. Точные даты и причины этой госпитализации остаются неизвестными, но она, безусловно, не была случайной – слишком много врагов он заработал, став фактическим союзником России, Египта, Иордании и ОАЭ, при этом пренебрегая интересами западных стран, Катара и происламистской Турции, поддерживающих Правительство национального единства (ПНЕ) в Триполи (ПНЕ и западные страны рассматривают Хафтара как узурпатора). Тем не менее Хафтар достиг одной из своих

---

* Сергей Эдуардович БАБКИН, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sbab@mail.ru

Sergey 'E. BABKIN, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sbab@mail.ru

[1] A Libyan Strongman Returns Home and Asserts That He's Fit // *New York Times*. 27.04.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/04/27/world/middleeast/libya-hifter-return-hospital.html (дата обращения 28.06.2018).

главных целей: после трех лет боев ЛНА контролирует Бенгази, выбив оттуда джихадистов, в том числе связанных с Исламским государством[2].

О ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И О РОЛИ В ПРОИСХОДЯЩЕМ Х. ХАФТАРА

Поддерживаемое западными странами ПНЕ сформировано по результатам переговоров между сторонами внутриливийского конфликта, проходивших под эгидой ООН в марокканском Схирате в конце 2015 г. Для полной легитимности ПНЕ, согласно Схиратские соглашения, должно быть утверждено международно признанным парламентом, находящимся в Тобруке; однако тот пока предпочитает поддерживать восточное «правительство» Ливии. В самом Триполи на власть также претендует «правительство национального спасения» (ПНС): оно действовало здесь до появления ПНЕ и основывает свою легитимность на старом парламенте – Всеобщем национальном конгрессе (ВНК), в котором были сильны позиции исламистов. В апреле 2016 г. ПНС на время отказалось от власти в пользу ПНЕ, после того как на сторону последнего перешли бригады бывших повстанцев, контролировавшие Триполи. Однако в ноябре того же года ПНС вновь стало претендовать на власть.

Костяк формирований ПНЕ составляют мисуратские бригады бывших повстанцев, ранее входившие в исламистский альянс «Заря Ливии», в то время как на стороне ЛНА воюют остатки прежней ливийской армии: офицеры и солдаты, дезертировавшие в начале восстания против Каддафи в 2011 г.

Тем временем ни Триполи, ни Тобрук никак не контролируют ситуацию на оказавшемся в хаосе юге Ливии, где действует ряд джихадистских группировок, дестабилизирующих ситуацию в соседних с Ливией странах. Однако там сделали свой выбор племенные формирования (представляется, что для решения проблем безопасности на юге Ливии необходимо работать именно с ними): так, арабские племена из Себхи и Куфры поддерживают ПНЕ, туареги пока колеблются, но активно воюют с тубу, последние же поставили на Хафтара.

Х. Хафтар – кадровый военный. Выпускник военной академии в Бенгази [3], в дальнейшем он продолжал специальное образование в одной из военных академий в СССР[4]. После фактического поражения Триполи в вооруженном конфликте между Ливией и Чадом (1986–1987 гг.), вскрывшем неготовность ливийской армии к войне и ее неспособность вести длительные активные боевые действия, Х. Хафтар дезертировал[5] и с 1990-х гг. проживал в США[6]. После начала восстания в Ливии в марте 2011 г. он вернулся на родину и примкнул к повстанцам, тут же получив пост командующего сухопутными войсками.

Первое упоминание о Хафтаре в новой Ливии относится к ноябрю 2011 г., когда бывшие кадровые военные провели совещание при участии около 150 бывших офицеров и унтер-офицеров старой армии. На этом совещании в городе Эль-Бейда на востоке страны единогласным решением на пост начальника Генштаба новой ливийской армии был назначен корпусной генерал Х. Хафтар, а по сути правивший тогда Ливией происламистский Переходный национальный совет (Нацсовет) был поставлен перед фактом (его главе Мустафе Абдель Джалилю оставалось лишь утвердить это решение). Одновременно было объявлено о «возрождении» национальной армии.

---

[2] A Libyan Strongman Looks to Washington, but a Health Crisis Looms // *New York Times*. 12.04.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/04/12/world/middleeast/libya-hifter-benghazi.html (дата обращения 28.06.2018).

[3] خليفة بلقاسم حفتر . *Al-Awsat News*. 13.03.2015. URL: http://www.alwasatnews.com/news/970595.html (дата обращения 28.06.2018).

[4] Saadah A. Khalifah Haftar – A New Al-Sisi in Libya // *Middle East Monitor*. 22.05.2014. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20140520-khalifah-haftar-a-new-al-sisi-in-libya/ (дата обращения 28.06.2018).

[5] Valiente A. Khalifa Haftar: Libyan CIA Asset. Libya // *Libya 360° Archive*. 28.08.2011. URL: https://libyadiary.wordpress.com/2011/08/28/khalifa-haftar-libyan-cia-asset/ (дата обращения 28.06.2018).

[6] Chorin E. The New Danger in Benghazi // *New York Times*. 27.05.2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/05/28/opinion/the-new-danger-in-benghazi.html (дата обращения 28.06.2018).

Среди прочих за назначение Хафтара выступил генерал Сулейман Махмуд (сподвижник бывшего начальника «Генштаба» повстанцев генерала Абдельфаттаха Юнеса аль-Обейди), но были у этого решения и противники; несколько десятков представителей «революционных» бригад вообще покинули совещание. Полевые командиры таких бригад, объединенных в «Союз бывших повстанцев» (СБП) – как и Нацсовет, не утвердивший Хафтара в должности – приняли назначение в штыки, справедливо опасаясь, что кадровый военный постарается покончить с правовым вакуумом и вседозволенностью на подконтрольных территориях, а в итоге добьется и разоружения бригад (так, Хафтар был категорически против интеграции бывших повстанцев в ряды новой армии и полиции), и потребовали не назначать начальника Генштаба вплоть до формирования временного правительства страны. Уполномоченный Союза бывших повстанцев генерал Мунир Мсааед, тоже уроженец Бенгази, заявил, что «мы должны договориться о критериях отбора, прежде чем назначать кого-либо»[7]. Отдельные группы бывших военных выступили выразителями интересов различных территориальных кланов: так, командир бригады «революционеров» из города Зинтан на западе Ливии Усама Джувайли 22 ноября 2011 г. получил пост министра обороны во временном правительстве Ливии, его «коллега» (командир бригады из города Мисурата по имени Фавзи Абдельали) – пост главы МВД.

Оппозиция Хафтару вскоре перешла к делу: 16 декабря 2011 г. стало известно, что его сын Белькасем подвергся нападению зинтанской бригады (примечательной тем, например, что ранее ее боевики удерживали Сейф аль-Ислама Каддафи), был ранен и захвачен в плен. Чуть позже эта же бригада ранила и захватила другого сына Хафтара Саддама. В итоге пост начальника Генштаба решением Нацсовета занял бывший полковник прежней армии Юсеф аль-Мангуш, до этого занимавший пост заместителя министра обороны, а уже 4 января 2012 г. против этого решения выступила одна из группировок бригад бывших повстанцев, обвинившая Нацсовет в игнорировании их кандидатов на этот пост. Участвовавший в СБП Военный совет Киренаики, в который входили бригады повстанцев из одноименного восточного региона Ливии, с готовностью назначил своего «начальника Генштаба» – генерала Салаха Салема аль-Обейди. Однако другие группировки бывших повстанцев, а главное, и бывшие кадровые военные, на сей раз поддержали Нацсовет. Тем не менее через год (7 мая 2013 г.) Ю. аль-Мангуш был назначен ВНК «ответственным» за провал формирования новой ливийской армии и ушел в отставку.

После столь очевидного фиаско Хафтар вновь объявился на политической арене через год. 14 февраля 2014 г. ливийским властям пришлось опровергать слухи о госперевороте, появившиеся сразу после телевыступления отставного генерала, призвавшего к приостановке полномочий парламента и правительства. В заявлении он утверждал, что «командование ливийской армии подготовило инициативу, которую объявит в ближайшие дни». По его словам, эта инициатива предусматривала роспуск ВНК и переходного правительства и формирование некоей Президентской комиссии. «Армия решила действовать не для того, чтобы править, а с тем чтобы создать благоприятные условия для организации выборов», – утверждал он. Его заявление пришлось опровергать даже премьер-министру А. Зейдану, подчеркнувшему, что Хафтар находится в отставке и не имеет никакого отношения к армии[8].

18 февраля 2014 г. несколько мощных группировок бывших повстанцев дали ВНК несколько часов на того, чтобы отказаться от власти. ВНК тут же обвинил в попытке госпереворота укомплектованные преимущественно выходцами из Зинтана бригады «Аль-Каакаа» и «Ас-Савайек», формально находившиеся в ведении минобороны Ливии.

---

[7] Куделев В. В. Ситуация в Ливии: ноябрь 2011 г. // *Институт Ближнего Востока.* 13.12.2011. URL: http://www.iimes.ru/?p=13807#more-13807 (дата обращения 30.04.2018).

[8] Куделев В. В. Ситуация в Ливии: февраль 2014 г. // *Институт Ближнего Востока.* 13.03.2014. URL: http://www.iimes.ru/?p=20239#more-20239 (дата обращения 30.04.2018).

Операция «Достоинство»

16 мая 2014 г. Х. Хафтар вступил в прямое столкновение с исламистами, начав операцию «Достоинство». Его поддержали бывшие военные, сплотившиеся вокруг него в связи с исламистским террором на востоке страны, и через две недели (2 июня 2014 г.) Бенгази оказался в эпицентре боев, начавшихся после того, как формирования исламистов, в том числе из группы «Ансар аш-Шариа», атаковали один из военных городков, где базировались верные Х. Хафтару подразделения сил специального назначения. На помощь этим силам были немедленно направлены боевые вертолеты: группа «Ансар аш-Шариа», уже тогда значившаяся в американском списке террористических организаций, объявила Хафтара врагом ислама (как и «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба») и призвала на помощь союзников с тем, чтобы уничтожить как символ предательства и ереси не только самого Хафтара, но и сторонников Каддафи, которыми он якобы командовал. С другой же стороны и действовавшие власти – если это слово применимо к тем, кто в Ливии так себя называл – обвиняли генерала в попытке госпереворота (Хафтар отвергал эти обвинения, утверждая, что у него нет никаких политических амбиций). Ни один из двух премьер-министров не высказался в поддержку действий генерала и его сторонников.

4 июня 2014 г. в Бенгази на Хафтара было совершено покушение: смертник на заминированной автомашине атаковал виллу в пригороде, где генерал устроил свою штаб-квартиру. При взрыве погибли трое охранников, но ни проводивший в момент теракта совещание Хафтар, ни участники совещания не пострадали. Зато немедленно выяснилось, что многие ливийцы, и не только в Киренаике, поставили на «сильную руку» генерала: 6 июня 2014 г. в центре Триполи вспыхнули столкновения между участниками манифестаций в поддержку и против генерала, столь активных, что полицейские не смогли развести два шествия. Такая поляризация отношения к Хафтару неслучайна: маршал – убежденный противник радикальных исламистов, а формирования ЛНА, вобравшие в свои ряды многих военнослужащих «старой» ливийской армии, уже длительное время ведут бои против исламистских формирований из коалиции «Совет Шуры революционеров Бенгази», куда входит, в частности, близкая к «Аль-Каиде» (запрещена в РФ) группировка «Ансар аш-Шариа», а также отряды из «Исламского государства» (ИГ, запрещено в РФ).

Парламентские выборы и внешние игроки

25 июня 2014 г. в условиях, по-прежнему весьма далеких от безопасности, в Ливии прошли парламентские выборы: ливийцы выбирали 200 депутатов Палаты представителей, которой в будущем предстояло заменить ВНК. 32 места в будущем парламенте были зарезервированы за женщинами. Кандидаты выдвигались индивидуально, списки политических партий были запрещены. Предполагалось, что баланс политических сил в парламенте станет известным только после формирования в нем политических блоков.

На время проведения выборов Хафтар объявил перемирие, однако его противники-исламисты никак не отреагировали на этот жест. Так, изначально было известно, что выборы не состоятся в городе Дерна, находившемся под контролем исламистов, позднее объявили, что и 10 из 15 избирательных участков в городе Куфра на юге страны остались закрытыми «по причинам безопасности», и т.д. Тем не менее по данным избирательной комиссии всего по стране открылось 97% избирательных участков, и на выборах победили реформаторы-либералы.

2 августа в городе Тобрук избранный на выборах новый парламент Ливии собрался на первое неформальное заседание. Можно было констатировать фактический раскол страны. На первом заседании присутствовали 160 из 188 избранных депутатов; депутаты-исламисты, оказавшиеся в очевидном меньшинстве, бойкотировали его в том числе и из-за низкой явки на выборах. Официальный характер заседанию придало присутствие на нем премьер-министра Абдаллы ат-Тани, а также бывших депутатов-либералов из состава прежнего парламента – ВНК. Либералы обвинили своих оппонентов-исламистов в том, что те,

проиграв на выборах, решили погрузить страну в хаос, мешая работе нового парламента и развязывая боевые действия в Триполи и Бенгази, вынудившие практически все западные страны эвакуировать дипмиссии из Ливии.

И действительно, в результате операции «Заря Ливии», развернутой одноименным альянсом практически непосредственно в ответ на исход выборов 25 июня, в обоих городах исламистам и поддерживавшим их бригадам бывших повстанцев было суждено добиться значительного успеха: 23 августа альянс установил контроль над международным аэропортом Триполи, даже несмотря на активное противодействие. (Так, исламисты обвинили Египет и ОАЭ в том, что 18 и 22 августа ВВС этих стран нанесли по позициям боевиков авиаудары, в результате которых только 22-го погибло 13 боевиков, а 20 получили ранения[9].) Таким образом, к исходу августа 2014 г. в Ливии окончательно оформились два центра силы – джихадистский и национал-либерал-реформаторский, причем соотношение сил оказалось явно не в пользу последнего. Однако Хафтар вышел победителем из этой ситуации, а его враги-исламисты и их внешние спонсоры подверглись критике премьер-министра ат-Тани, который обвинил Катар в отправке вооружений ливийским исламистам в нарушение действующего эмбарго (в частности, по данным премьера, в аэропорту Триполи были отмечены по меньшей мере три катарских самолета с оружием); МИД Катара отверг эти обвинения.

22 сентября 2014 г. новый кабинет министров во главе с ат-Тани получил вотум доверия международно признанной Палаты представителей, фактически его узаконивший.

Пока в Тобруке занимались государственным строительством, Хафтар 14 октября 2014 г. заявил в телевизионном выступлении, что подчиненные ему силы готовы освободить Бенгази от засевших там террористов. 15 октября при поддержке авиации и вооруженных местных жителей действительно начался штурм Бенгази в рамках продолжающейся операции «Достоинство» (в Триполи названной военным переворотом). Одна из танковых атак была нацелена на позиции исламистской «Бригады 17 февраля» на западе города. Были атакованы также позиции других участников альянса «Совет шуры революционеров Бенгази», возглавлявшегося главарем «Ансар аш-Шариа» Мохаммедом аз-Зехави. Только за первый день штурма потери сторон составили десятки человек убитыми. И хотя к исходу дня силы Хафтара овладели штаб-квартирой «Бригады 17 февраля», они тут же были вынуждены оставить ее под ответным натиском исламистов. (Уже позднее стало известно, что перед наступлением силы Хафтара получили целое судно с египетским вооружением, включавшем танки, по некоторым данным, приобретенным на средства двоюродного брата М. Каддафи – Ахмеда Каддаф Эддама, проживавшего в Каире. До этого европейские власти разморозили его авуары, оценивавшиеся в несколько миллиардов долларов: эта помощь была политически мотивированным решением европейцев, не знавших, что делать с «освобожденной» ими Ливией.)

18 октября 2014 г. премьер восточного правительства А. ат-Тани заявил, что именно его кабинет координирует действия противников исламистов в Бенгази и Кекле, добавив, что

[9] Действительно, в атаке 18 августа на позиции джихадистов близ ливийской столицы участвовали два самолета, а ответственность за нее первоначально взяли на себя формирования Хафтара. В то же время представители базировавшихся близ Триполи и не примкнувших к силам генерала частей ливийских ВВС заявили, что позиции близкой к джихадистам мисуратской бригады были атакованы иностранными самолетами: уцелевшие ливийские самолеты не имели возможности летать ночью, и если бы они взлетали с баз близ Бенгази, им бы понадобилась дозаправка в воздухе, а такой возможностью ВВС Ливии не обладали. Предлагалось и маловероятное объяснение: Хафтар с помощью России отремонтировал фронтовые бомбардировщики Су-24, способные на рейды такой дальности. Кроме того, боеготовые Су-24 имелись у Алжира, опровергшего, впрочем, все догадки о военном вмешательстве. Не исключено, что главной целью ударов были не позиции исламистов, а авиатехника, захваченная боевиками в ходе боев за аэропорт и приспособленная для совершения терактов, аналогичных удару по США 11 сентября 2001 г. Консенсус-мнение экспертов было озвучено 26 августа: удары были нанесены самолетами ВВС ОАЭ при содействии Египта, предоставившего авиабазы. Предполагалось, что вмешательство помешает исламистам установить контроль над Ливией, а также покажет США решимость этих двух стран защищать свои интересы.

под командование военных перешли зинтанские бригады бывших повстанцев. Премьер обозначил и цель боевых действий к западу от Триполи: освобождение ливийской столицы от формирований «Зари Ливии» – «незаконных исламистских формирований».

К 29 октября 2014 г. в ходе боев за Бенгази наметился перелом – в нескольких кварталах силы Хафтара окружили формирования исламистов, а ат-Тани констатировал, что ситуация на востоке Ливии стабилизировалась. В целом политика правительства в Тобруке по подавлению исламистов, некогда соратников по борьбе против режима Каддафи, имела шансы на успех, поскольку заручалась закономерным союзником – сторонниками прежнего режима, влияние которых нельзя было недооценивать. Либералов и каддафистов сближало неприятие радикальных исламистов и стремление не допустить нового иностранного военного вмешательства.

19 ноября Совбез ООН включил действующую в Ливии и близкую к «Аль-Каиде» исламистскую группировку «Ансар аш-Шариа» в список террористических организаций. Также в черный список попала аффилированная с ней группа «Ансар аш-Шариа – Дерна», которая еще в октябре объявила о присоединении к «Исламскому государству» (ИГ) под новым названием – «Маджлис Шура Шабаб аль-Ислам». В состав группы вошли, в частности, боевики, сражавшиеся на стороне ИГ в Сирии и Ираке в составе бригады «Аль-Баттар», сформированной исключительно из ливийцев. Таким образом, район города Дерна стал единственной территорией вне зоны Ирака и Сирии, контролирующейся ИГ, а новоявленная группировка стала третьим формированием Абу Бакра аль-Багдади в Северной Африке после алжирской «Джунд аль-Халифа» и египетской «Ансар Бейт аль-Макдис».

13 декабря 2014 г. исламистские формирования, удерживавшие город Дерна на востоке Ливии, объявили о создании коалиции под названием «Совет шуры муджахидинов» (СШМ) с задачей не допустить захвата города войсками ЛНА. С 2011 г. Дерна, провозглашенная «исламским эмиратом», регулярно принимала иностранных джихадистов, проходивших там военную подготовку перед отправкой в Ирак и Сирию. На рубеже 2014 и 2015 гг. Дерна была одним из оплотов ИГ.

8 января 2015 г. Хафтар получил определенное международное признание, после того как глава Миссии ООН в Ливии Бернардино Леон, безуспешно пытавшийся усадить за стол переговоров представителей конфликтовавших в Ливии сторон, впервые встретился с представителями военных в правительстве Тобрука. Его собеседниками были Х. Хафтар и командующий ВВС Ливии в ЛНА генерал Сакр аль-Джеруши. Тем временем 19 февраля 2015 г. боевики ИГ установили контроль над городом Сирт, ставшим на время их главным оплотом.

Признание легитимности Х. Хафтара

24 февраля 2015 г. ливийский парламент учредил пост главнокомандующего ЛНА. Существовало мнение, что пост был учрежден для легализации статуса Хафтара, фактически возглавившего отряды своих сторонников и перешедших на его сторону частей регулярной ливийской армии в борьбе против исламистских бригад. 2 марта 2015 г. в Бенгази было объявлено о назначении Хафтара на недавно учрежденный пост главнокомандующего ЛНА[10]. Об этом назначении объявил спикер международно признанного парламента Агила Салах Иса. «Я выбрал генерала Х. Хафтара для занятия поста главнокомандующего армией с одновременным присвоением ему воинского звания «генерал-лейтенант», – заявил спикер.

Назначив Хафтара на пост главнокомандующего армией, правительство и парламент в Тобруке фактически признали статус генерала как главного действующего лица в борьбе с исламистами. 14 марта 2015 г. в Ливии случилось то, что должно было случиться: в Сирте начались бои за контроль над городом между формированиями «Зари Ливии» и ИГ – первые

[10] Al-Warfalli A. Libya's Haftar appointed army chief for recognized government // *Reuters*. 02.03.2015. URL: https://www.reuters.com/article/us-libya-security-army/libyas-haftar-appointed-army-chief-for-recognized-government-idUSKBN0LY1AB20150302 (дата обращения 28.06.2018).

бои подобного рода, продолжившиеся и на следующий день. Правительство в Тобруке отреагировало на эти сообщения намеком на возможность договоренности с «Зарей Ливии» в противостоянии с третьей стороной. Складывалось впечатление, что сложившиеся в Ливии три стороны конфликта (правительство в Тобруке, альянс «Заря Ливии» и ИГ) преследовали одну и ту же меркантильную цель – установление контроля над нефтепромыслами, что затрудняло международные усилия по поиску политического пути урегулирования конфликта. В то же время появлялось все больше сигналов о том, что «Заря Ливии» и правительство в Тобруке могут пойти на мировую перед более опасным врагом в лице ИГ.

13 апреля 2015 г. Хафтар побывал с визитом в Иордании, где его принял король Абдаллла II. Как заявил монарх по итогам переговоров, «Иордания находится на стороне Ливии (читай – правительства в Тобруке) в усилиях по восстановлению безопасности и в борьбе против джихадистов»[11]. К этому времени как-то забылось, что Иордания сделала немало для свержения режима М. Каддафи, поддерживая «повстанцев».

В мае 2015 г. исполнился год с начала операции «Достоинство» по освобождению Бенгази от исламистов. Для сил Хафтара, ставших за это время под знамена правительства в Тобруке, операция развивалась с переменным успехом, и говорить об ее завершении было преждевременно – отдельные кварталы в центральной и южной частях города оставались под контролем исламистов. При этом за год то вялотекущих, то яростных боев погибло больше 1700 человек, и тысячи жителей покинули Бенгази, теперь практически вымерший. Силам Хафтара в Бенгази противостояли формирования входящей в «Зарю Ливии» группировки «Совет революционных сил Бенгази», а также зачисленная Вашингтоном в разряд террористических организаций группировка «Ансар аш-Шариа». Там же появились и формирования ИГ.

9 октября 2015 г. в марокканском Схирате эмиссар ООН в Ливии Бернардино Леон объявил о формировании ливийского правительства национального единства (ПНЕ). Его возглавил Файез ас-Сарradж. Тремя вице-премьерами стали Ахмад Мейтиг, Фатхи аль-Меджбри и Муса аль-Кони. В состав нового кабинета вошли 17 министров. Для вступления соглашения в силу его должны были одобрить оба парламента. 23 декабря 2015 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию в поддержку будущего ливийского ПНЕ, которое было признано в качестве «единственного законного правительства Ливии». Поэтому с этого времени «правительство» в Тобруке стало упоминаться в кавычках, несмотря на то, что никуда не делась его поддержка международно признанным парламентом.

Ключевые министерства были распределены следующим образом: портфель министра обороны достался Аль-Махди аль-Баргати (Киренаика), министра внутренних дел – Аль-Арефу аль-Ходже (Триполитания), министра юстиции – Абдель Саляму Генеди (Феззан), министра иностранных дел – Марвану Абусревилю (Триполитания). Чтобы стать дееспособным, ПНЕ должно было в 16-дневный срок быть одобрено квалифицированным большинством в две трети международно признанного парламента. (Как мы указывали вначале, этого не произошло до сих пор, что позволяет говорить о нелегитимности ПНЕ.) Сразу же было понятно, что Хафтар, за которым стояла реальная военная сила, не признает правительство, в котором ему не нашлось места.

23 февраля 2016 г. силы генерала Хафтара нанесли решающий удар в битве за Бенгази. Они ворвались в центральный квартал города Лити, считавшийся бастионом ИГ, а также вошли в военные городки 319-й и 36-й бригад в юго-восточной части города, захватив штаб-квартиру исламистской бригады «Аш-Шахати» в южной части города. Сразу же поступили данные о том, что военные успехи сил Хафтара не обошлись без участия

[11] Jordan receives Libyan army chief, Amman // *King Abdullah II Official Website*. 13.04.2015. URL: https://kingabdullah.jo/en/news/jordan-receives-libyan-army-chief (дата обращения 20.06.2018).

французского спецназа[12]. До того дня Франция опровергала сообщения СМИ о присутствии французских спецназовцев на территории Ливии, признавая лишь выполнение разведывательных миссий с воздуха. Уже позднее было сообщено, что французы погибли в результате катастрофы вертолета в ходе разведывательной миссии. Однако, судя по всему, погибшие французские военные были «советниками» и погибли, когда их вертолет попал под огневое воздействие в районе Магрун в 65 км к западу от Бенгази. Командующий ВВС ЛНА генерал Сакр аль-Джаруши признал, что на стороне Хафтара действуют военные из Франции, Великобритании и США, базирующиеся на авиабазе Бенина в Бенгази, но утверждал, что эти 20 человек заняты сбором развединформации и не принимают участия в боевых действиях (в частности, в качестве пилотов); по его словам, аналогичные группы также работали в Тобруке, Триполи и Мисурате.

30 марта 2016 г. в Триполи прибыл глава ПНЕ, немедленно поддержанный городами на западе страны и некоторыми бригадами бывших повстанцев. 5 апреля прежние хозяева Триполи сложили полномочия, предоставив тем самым относительную свободу действий ПНЕ.

4 июня 2016 г. ПНЕ укрепило свою власть после того, как два наиболее боеспособных формирования, ранее подчинявшихся Хафтару и «правительству» Ливии на востоке страны, заявили, что отныне подчиняются приказам из Триполи. Ранее на сторону ПНЕ перешли формирования на западе Ливии, а также формирования охраны нефтепромыслов.

Борьба за «нефтяной полумесяц»

10 августа 2016 г. шесть западных стран – Великобритания, Германия, Испания, Италия, США и Франция – в совместном заявлении потребовали, чтобы контроль над всей нефтяной инфраструктурой Ливии «безусловно и безотлагательно» перешел к ПНЕ. Этот демарш стал попыткой упредить совершенно логичные шаги восточного «правительства», которым командовал генерал Хафтар: после укрепления власти его правительство стало брать под контроль один за другим нефтяные терминалы на востоке страны.

Так, 11 сентября 2016 г. силы Хафтара захватили два нефтяных терминала (Ас-Седра и Рас Лануф), ранее находившихся под защитой союзных с ПНЕ формирований охранников объектов нефтяной инфраструктуры. Одновременно они завязали бои за терминал Зуейтина, таким образом впервые вступив в прямую конфронтацию с силами ПНЕ и применив при этом авиацию и артиллерию. 12 сентября терминал Зуейтина перешел под контроль Хафтара. Уже 13 сентября силы Хафтара без боя захватили четвертый и последний терминал «нефтеэкспортного полумесяца» – в Бреге. Потеря терминалов стала серьезным ударом по ПНЕ, рассчитывавшему получить в 2016 г. 4 млрд. долларов дохода от экспорта нефти. Действия сил Хафтара по захвату нефтеэкспортных терминалов осудили США и пять их основных европейских союзников.

18 сентября 2016 г. формирования лояльных ПНЕ охранников объектов нефтяной инфраструктуры атаковали позиции сил Хафтара в районе ранее захваченных ими терминалов Рас Лануф и Ас-Седра, а силы генерала для отражения этих атак использовали авиацию. С этого момента ливийские СМИ начали называть Хафтара «маршалом». 14 февраля 2017 г. в Каире состоялась встреча между Хафтаром и Ф. ас-Сарраджем, по итогам которой, согласно египетским военным, была достигнута договоренность о формировании «совместного комитета», призванного под эгидой ООН модифицировать Схиратские мирные соглашения 2015 г. На встрече присутствовал спикер парламента Агила Салех. По одной из версий, глава ПНЕ и Хафтар напрямую не встречались, лишь «находясь» в египетской

[12] France confirms three soldiers killed in Libya // *Al Jazeera.* 20.07.2016. URL: https://www.aljazeera.com/news/2016/07/france-confirms-soldiers-killed-libya-160720105518216.html (дата обращения 27.06.2018).

столице[13]. По словам главы ПНЕ, Хафтар отказался от встречи с Ф. ас-Сарраджем «без объяснения причин», оценив итоги переговоров как «провальные», несмотря на многообещающие реляции египетских военных.

Известно, что ряд мисуратских бригад был лоялен бывшему премьеру Халифе Гвейлу, уже не раз пытавшемуся оспорить власть в Триполи, объявив о создании ранее упоминавшегося нами «правительства национального спасения» (ПНС). 3 марта 2017 г. джихадисты из «Бригад обороны Бенгази» (БОБ) атаковали терминалы «нефтяного полумесяца», пытаясь разгромить силы Хафтара и установить контроль над краном по экспорту нефти. В атаке участвовали боевики джихадистских формирований и их союзники из племен восточной Ливии. Атака велась от города Аль-Джофра, куда формирования БОБ отошли, будучи выбитыми из Бенгази силами Хафтара. Чтобы парировать наступление, Хафтар использовал авиацию, уцелевшую после падения режима Каддафи, в частности, вертолеты Ми-35 и истребители МиГ-23, атаковавшие автоколонну БОБ. В отражении атаки участвовали и союзные с силами Хафтара формирования «Охраны нефтяной инфраструктуры».

ПНЕ заявило, что не имеет ничего общего с эскалацией боевых действий в районе «нефтяного полумесяца». К 4 марта формирования БОБ продвинулись до аэропорта города Рас Лануф, и Хафтар был вынужден перебазировать авиацию на другой аэродром. По данным защитников нефтяных терминалов, исламисты использовали в боях «современные танки», а также средства ПВО, позволявшие им активно противостоять авиации Хафтара. Это обстоятельство косвенно свидетельствовало о том, что формирования БОБ находились на содержании известных внешних игроков, участвующих в войне за ливийскую нефть, – Хафтар прямо назвал Турцию, Катар и Судан. К исходу 4 марта Рас Лануф и Ас-Седра оказались под контролем отрядов БОБ. 7 марта 2017 г. сидевший в Тобруке международно признанный парламент Ливии обвинил ПНЕ в том, что оно стоит за наступлением отрядов БОБ на «нефтяной полумесяц», и принял решение приостановить участие в политическом диалоге между Триполи и Тобруком. 13 марта 2017 г. Совет племен восточной Ливии дистанцировался от БОБ, обвинив саму эту структуру в связях с «Аль-Каидой», а ПНЕ – в поддержке БОБ[14]. Последовавший захват формированиями БОБ двух нефтяных терминалов свел на нет попытки стран, граничащих с Ливией, посадить за стол переговоров Ф. ас-Сарраджа и маршала Хафтара. (Последний к тому времени потерял немало гражданских сторонников, когда запретил гражданам до 45 лет выезд из страны. Кроме того, Хафтар дважды вызвал недовольство своего основного внешнего партнера – Египта: в первый раз в феврале 2017 г., когда в последний момент отказался от подготовленной Каиром встречи с Ф. ас-Сарраджем, а во второй, когда пошел на сближение с ливийскими салафистами, поддерживаемыми Саудовской Аравией.)

Уже 14 марта силы ЛНА начали контрнаступление на позиции формирований БОБ в «нефтяном полумесяце». Было объявлено, что сухопутные, морские и военно-воздушные силы ведут скоординированную атаку на Рас Лануф. К исходу 14 марта представитель ЛНА сообщил о восстановлении контроля над Рас Лануфом и Ас-Седрой.

В результате на начало апреля 2017 г. в Ливии имелось как минимум четыре центра силы в виде трех правительств и БОБ, и число их легко могло измениться: возможны были любые альянсы, как между ПНЕ и восточным «правительством», так и между последним и Сейфом аль-Исламом Каддафи. В любом случае происходившее в стране все больше отражало борьбу внешних игроков за ливийскую нефть.

5 апреля 2017 г. формирования ЛНА атаковали авиабазу Таменхант близ города Себха

[13] Egypt Chief-of-Staff Mediates between Libyan Rivals in Cairo // *Naharnet*. 15.02.2017. URL: http://www.naharnet.com/stories/en/225477 (дата обращения 28.06.2018).

[14] «Бригады обороны Бенгази» действительно возникли в 2016 г. как альянс джихадистских группировок, не скрывавших связей с «Аль-Каидой» и ИГ. Их объединение произошло по призыву бывшего муфтия Ливии Ас-Садека аль-Гуаруани, имеющего репутацию заклятого врага Хафтара.

(600 км к югу от Триполи), откуда месяцем ранее формирования БОБ повели наступление на терминалы «нефтяного полумесяца» на востоке страны, контролировавшиеся восточным «правительством» Ливии. Операция получила условное наименование «Движущийся песок». ПНЕ немедленно показало свое истинное лицо, осудив «вражескую атаку», хотя ранее всячески отвергало связь с БОБ, где главные роли играли исламисты и мисуратские бригады бывших повстанцев. Как заявили представители ПНЕ, контролировавшим базу формированиям был отдан приказ «отбить новую атаку» в рамках операции под названием «Обещанная надежда». Отныне они назывались «Третья сила».

Силами ЛНА в Феззане командовал генерал Мохаммед бен Найел, служивший в ливийской армии при М. Каддафи. Этот выходец из племени мегри (союзного племени Каддафи) находился при лидере ливийской революции до его гибели. В 1980–90-е гг. он обвинялся в расправах над оппонентами Каддафи, его имя называлось также в связи с «делом Локерби». В апреле 2015 г. он попал в плен к мисуратским бригадам, но в 2016 г. вышел на свободу в результате обмена пленными.

О роли Алжира, России, США и других государств

Первым официальным контактом Ливии с Алжиром можно считать переговоры алжирского министра по делам Магриба, Африканского Союза и ЛАГ Абделькадера Мессахеля с Х. Хафтаром и представителями зинтанских бригад в начале 2017 г. В Москве примерно в то же время впервые побывала делегация мисуратских бригад (фактически «Третьей силы», где главные роли играют исламисты), которая, по имеющимся данным, была принята в МИД и Минобороны.

Уже 2 мая 2017 г. в Абу-Даби все-таки прошла встреча двух главных действующих лиц современной Ливии – главы ПНЕ Ф. ас-Сарраджа и командующего ЛНА маршала Х. Хафтара. Это была вторая встреча двух политиков (первая состоялась в январе 2016 г. сразу после назначения Ф. ас-Сарраджа на пост главы ПНЕ). Как подчеркивалось в сообщении информационного агентства, лояльного «правительству» в Тобруке, новая встреча произошла благодаря международному и арабскому посредничеству. В конце первой декады мая 2017 г. в Каире должна была пройти очередная встреча между Ф. ас-Сарраджем и Х. Хафтаром. Она не состоялась, поскольку против нее выступил альянс «Заря Ливии», уже имевший опыт захвата Триполи в 2014 г. Исламисты пригрозили выгнать премьера вместе с правительством из Триполи, если он отправится на встречу с маршалом с тем, чтобы конкретизировать договоренности, достигнутые в Абу-Даби.

18 мая 2017 г. одна из мисуратских бригад, формально находившаяся в подчинении ПНЕ, атаковала позиции ЛНА в районе авиабазы Брак аш-Шати на юге страны (650 км к югу от Триполи). В результате нападения погибло до 140 человек, в том числе гражданские лица, ставшие жертвой массовых расправ. Большинство же погибших солдат на момент нападения было безоружно. Информацию о числе погибших представило командование ЛНА, что позволяет допустить: погибших было намного больше. В Тобруке нападение расценили как нарушение соглашения о перемирии, заключенном в Абу-Даби. Как заявил в этой связи спикер парламента Агила Салех, он дал указания ЛНА ответить на эту атаку и очистить юг страны от незаконных милицейских формирований. С другой стороны, ПНЕ и подчиненное ему министерство обороны в раздельных коммюнике осудили атаку, заявив, что не имели к ней никакого отношения.

В ночь на 21 мая 2017 г. самолеты ВВС ЛНА нанесли массированный авиаудар по позициям «Третьей силы» на юге Ливии в районах населенных пунктов Хун и Джуфра к северо-востоку от авиабазы Брак аш-Шати. Уже 25 мая формирования ЛНА без боя овладели авиабазой Таменхант. По имеющимся данным, после того как авиабаза была окружена, командование ЛНА предложило боевикам «Третьей силы» – главным образом выходцам с юга страны – оставить позиции без боя, бросив всю тяжелую технику. 3 июля стало известно, что силы ЛНА овладели авиабазой Аль-Джуфра на юге страны, усилив тем самым позиции

восточных властей. Ранее эту авиабазу контролировала «Третья сила». Одновременно формирования ЛНА овладели находящимися поблизости городами Хун и Сукна, таким образом взяв под контроль значительную часть юга Ливии.

В июне 2017 г. заметного успеха добились вооруженные формирования ПНЕ, которые установили контроль над международным аэропортом Триполи после того, как его оставили отряды, остававшиеся верными прежнему премьер-министру страны Х. Гвейлу. Это должно было способствовать прекращению двоевластия в столице, разделенной на сектора, контролировавшиеся формированиями ПНЕ и силами, верными экс-премьеру. (Неделей ранее силы Х. Гвейла попытались восстановить свои позиции в центре Триполи, но их атаки были отбиты, при этом с обеих сторон погибли более 50 человек. После неудачных атак силы экс-премьера постепенно покинули южные кварталы столицы, тем самым позволив формированиям ПНЕ выйти к аэродрому.) Таким образом, оказавшись в Триполи в марте 2016 г., ПНЕ к июлю 2017 г. удалось взять под контроль столицу страны, где ранее действовал десяток различных милицейских формирований.

На фоне этого успеха ПНЕ начало формировать Президентскую гвардию. Эта структура рассматривается как ядро будущей регулярной армии. Предполагается, что она будет состоять из семи бригад. Тренировочные центры для подготовки будущих гвардейцев находятся в Гариане, Триполи и Мисурате. Чтобы привлечь ливийцев в ряды Президентской гвардии, рекрутам были обещаны хорошие зарплаты и премиальные. Первое подразделение гвардейцев численностью 500 человек взяло на себя охрану аэропорта «Митиджа». Они были набраны из числа бывших повстанцев, ранее прошедших срочную службу.

5 июля 2017 г. ЛНА объявила о «неминуемой» победе в боях за Бенгази после того, как ее формирования овладели кварталом Сук аль-Хут. К тому времени в квартале Ас-Сабри джихадисты удерживали лишь больницу «Аль-Джумхурия» и рынок «Аль-Джарид». К исходу того же дня Х. Хафтар объявил о полном освобождении Бенгази, бои за который шли долгих три года.

14 июля 2017 г. стало известно, что Х. Хафтар встретился с командующим Африканским командованием Пентагона генералом Томасом Вальдхаузером. Это могло свидетельствовать о том, что США пересматривали отношение к силам, действовавшим в Ливии, и готовили возвращение в страну, из которой ушли после убийства американского посла в Бенгази. В первую очередь речь шла о некоем американском координационном центре, где будут заняты до 50 американских военных. Ранее США оказали военную поддержку силам ПНЕ, когда те штурмовали ставший на время оплотом ИГ в Ливии город Сирт.

Уже 24 сентября Африканское командование Пентагона сообщило о нанесении шести «высокоточных ударов» в Ливии, в результате которых были уничтожены свыше 80 боевиков ИГ. Один из ударов наносился по тренировочному лагерю ИГ в 240 км к юго-востоку от приморского города Сирт. Он использовался террористами для нанесения ударов как внутри Ливии, так и за ее пределами. Там же находились склады боеприпасов ИГ. 24 марта 2018 г. представитель ПНЕ Мохаммед Эль Саллак сообщил, что американские военные нанесли очередной удар по целям джихадистов в Ливии. На сей раз удар наносился по совещанию полевых командиров на юге страны в районе Убари в 1000 км к югу от Триполи. В результате акции были уничтожены двое из них. По его словам, американский удар был согласован с ПНЕ.

25 июля 2017 г. близ Парижа под патронажем президента Франции Эммануэля Макрона состоялась встреча между Х. Хафтаром и Ф. ас-Сарраджем. (Напомним, предыдущая встреча двух главных фигур в современной Ливии состоялась в мае 2017 г. в Абу-Даби без каких-либо заметных результатов.) Как следовало из проекта совместного заявления, заранее распространенного канцелярией президента Франции, оба политика по итогам встречи должны были объявить о прекращении огня между подчиненными им воинскими

формированиями и скорейшей организации всеобщих выборов. Прекращение огня не касалось борьбы против джихадистских формирований.

Тем временем в сентябре 2017 г. на базе НАТО в Неаполе был введен в строй Специальный военный центр Североатлантического альянса с численностью персонала около 100 человек. Согласно командованию НАТО, главная миссия центра – координирование действия сил блока на южном фланге Альянса, в частности, организация разведки за ситуацией в Ливии и в зоне Сахеля. Предполагалось, что разведывательные беспилотники НАТО будут осуществлять полеты с авиабазы Сигонелла на Сицилии.

17 сентября 2017 г. глава ливийского правительства в Тобруке А. ат-Тани в очередной раз призвал мировое сообщество признать его кабинет, обосновывая этот призыв тем, что подчиненная ему ЛНА контролирует большую часть страны, в отличие от сил ПНЕ.

2 апреля 2018 г. ПНЕ объявило о начале операции против формирований ИГ на западе страны. Операция получила условное наименование «Шторм Родины». Ее возглавил глава ПНЕ Ф. ас-Сарраджж как верховный главнокомандующий сил, лояльных Триполи. При объявлении этой операции впервые прозвучало новое название «Силы по борьбе с терроризмом» (FLA, Force de lutte antiterroriste), которым, судя по всему, отводилась главная роль в этом действе. Подчеркивалось, что операция будет проводиться в районах городов Мисурата, Бани Валид, Тархуна, Мсиллата, Аль-Хомс, Злитан. Известно, что FLA были созданы еще в январе 2017 г. Их основные формирования базируются в районе Аль-Хомса, прибрежного города, находящегося в 100 км к востоку от Триполи. Командует этим формированием «маршал» Мохаммед аз-Зиин.

Параллельно развитиям событий у ПНЕ у Хафтара и правительства в Тобруке в противостоянии джихадистам сложились тесные отношения с Москвой. Так, еще 15 апреля 2015 г. в России побывал глава правительства Ливии в Тобруке Абдалла ат-Тани. В ходе встречи с главой МИД РФ Сергеем Лавровым он обратился к России за содействием в вопросе отмены эмбарго на поставки оружия в Ливию для правительственных сил. По его оценке, западные страны участвовали в свержении режима М. Каддафи, но они также и уничтожили потенциал ливийской армии и сил безопасности, оставив народ без государственных институтов. 23 декабря 2015 г. в столице РФ с визитом побывал глава непризнанного правительства Ливии Халифа аль-Гвейл, тоже встречавшийся с Сергеем Лавровым. Для Х. аль-Гвейла это был международный контакт самого высокого уровня с марта 2015 г., когда он занял эту должность. 11 января 2017 г. Х. Хафтар побывал на тяжелом авианесущем крейсере (ТАВКР) «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» Северного флота, выполнявшем дальний поход в Средиземном море. «После небольшой экскурсии по кораблю состоялась видеоконференция маршала Х. Хафтара с министром обороны РФ генералом армии Сергеем Шойгу. Были обсуждены актуальные вопросы борьбы с международными террористическими группировками на Ближнем Востоке», – отмечалось в официальном сообщении от российских военных[15].

Возможно, истинную цель визита Хафтара раскрыла базирующаяся в Лондоне газета «Аль-Араб». По ее данным, на борту авианосца маршал подписал с правительством России соглашение о реализации оружейных контрактов на сумму в 2 млрд. долларов, которые в 2008 г. Москва подписала с Муамаром Каддафи. Речь тогда шла о поставках вертолетов, истребителей, о ремонте имевшейся техники. Но так как эмбарго ООН на поставки оружия в Ливию, введенное еще в 2011 г., сохранялось, и МИД РФ подтвердило, что Россия не собирается нарушать его, подобная ситуация предполагала, что Москва предпримет в Совбезе усилия, чтобы либо снять его, либо частично отменить. Поскольку последнее уже давно утратило смысл – зарубежные спонсоры каждого из трех «правительств» Ливии не стеснялись в поставках оружия своим подопечным – можно предположить, что командующий ЛНА

[15] Министр обороны России и глава армии Ливии обсудили по видеосвязи борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке // *Минобороны России*. 11.01.2017.
URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12108145@egNews (дата обращения 28.06.2018).

вообще обратился к России с прямой просьбой содействовать снятию оружейного эмбарго. Важно, что ранее (ориентировочно – в мае 2016 г.) Хафтар уже побывал в Москве, но об итогах того визита ничего не сообщалось. 2 февраля 2017 г. представитель ЛНА Мохаммед Ганем сообщил, что несколькими днями ранее около 70 солдат ЛНА, получивших ранения в боях с джихадистами, отправились на лечение в Россию. По его данным, в общей сложности Россия собиралась принять на лечение до 500 раненых. Он же сообщил, что первая партия раненых была доставлена двумя российскими самолетами.

11 августа 2017 г. в Москве было объявлено о предстоящем прибытии в российскую столицу Ф. ас-Сарраджа и Х. Хафтара. Таким образом, Москва в очередной раз подтвердила свое намерение содействовать примирению между Триполи и Тобруком. Заранее не объявлялось, состоится ли прямая встреча между ливийцами, или они будут общаться через посредника. 14 августа 2017 г. глава МИД РФ Сергей Лавров принял Х. Хафтара. При этом было заявлено, что Россия поддерживает усилия маршала, направленные на поиск путей урегулирования ситуации между Тобруком и Триполи. Хафтар же заявил о получении гарантий того, что «Россия останется нашим ближайшим другом и не откажет нам в помощи»[16]. Нет сведений о том, что Ф. ас-Саррадж в августе 2017 г. побывал в Москве, но очередной визит в российскую столицу Х. Хафтара показал, на кого делает ставку Москва в Ливии при том, что диалог с ПНЕ также поддерживается. Эта ставка, очевидно, продиктована сугубо прагматическим подходом – именно Х. Хафтар и его ЛНА быстро расширяли подконтрольные им территории. Вероятно, главным вопросом (и для Москвы тоже) была корректировка Схиратских мирных соглашений с тем, чтобы они учитывали интересы восточного правительства и лично маршала.

Зато 12 декабря 2017 г. в Москве побывал глава МИД ПНЕ Мохаммед Таха Сиала. По итогам встречи с главой МИД РФ Сергеем Лавровым он получил заверения Москвы в том, что РФ «сделает все» для того, чтобы добиться согласия между Триполи и Тобруком относительно путей выхода страны из кризиса[17].

17 декабря 2017 г. Х. Хафтар сделал важное заявление. Он объявил утратившим силу соглашение от 17 декабря 2015 г., подписанное двумя годами ранее в марокканском Схирате, а также напомнил, что первоначальный мандат ПНЕ ограничивался всего лишь двумя годами, так что теперь, два года спустя, «правительство национального единства» окончательно потеряло легитимность: базирующийся на востоке страны международно признанный парламент не признал легитимности ПНЕ, однако поддерживает правительство в Тобруке. Тогда же маршал заявил, что поддерживает идею проведения выборов в Ливии. Одновременно он пригрозил, что возьмет власть, если политический процесс не приведет к организации голосования.

Возможные сценарии

В начале февраля 2017 г. Хафтар дал большое интервью французскому еженедельнику «Журналь дю Диманш», где подверг ООН, «плохо знающую ситуацию в Ливии», критике за поддержку ПНЕ. Он высоко отозвался о сотрудничестве с Россией, одновременно оставив открытой дверь для сотрудничества с новой администрацией США, заявив о готовности к совместным действиям в борьбе с джихадизмом. Хафтар также заявил, что готов встретиться с главой ПНЕ Ф. Ас-Сарраджем[18]. При этом после нескольких визитов маршала Хафтара в российскую столицу и на авианосец «Адмирал Кузнецов» 2 марта 2017 г.

---

[16] Лавров и Хафтар // *Интерфакс-АВН*. 14.08.2017.
URL: /http://militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=458803&SStr=Лавров Хафтар/ (дата обращения 28.06.2018).

[17] Пресс-конференция С. Лаврова и М. Сиялы по итогам переговоров // *Newsvideo*. 12.12.2017. URL: /http://newsvideo.su/video/8017917/ (дата обращения 30.06.2018).

[18] Libye: Le maréchal Haftar loue le soutien militaire que lui fournit la France // *Opex360.com*. 06.02.2017. URL: http://www.opex360.com/2017/02/06/libye-marechal-haftar-loue-soutien-militaire-fournit-france/ (дата обращения 30.06.2018).

глава ПНЕ также побывал в Москве. Его визит состоялся после заключения «Роснефтью» и ливийской нефтяной компанией «NOC» соглашения об инвестиционном сотрудничестве по добыче углеводородов в Ливии. Ранее сообщалось, что в Триполи действует клон NOC, а все нефтяные терминалы в «нефтяном полумесяце» страны с сентября 2016 г. контролировались силами Хафтара.

В результате Москва оказалась перед сложным выбором, но по прошествии времени в ее отношении к ливийским правительствам – сбалансированном и многовариантном – можно, несомненно, констатировать предпочтение, отданное Тобруку. Закономерен вопрос: насколько сильны позиции Москвы в Тобруке, и готова ли она к смене в верхушке ЛНА? То, что эта смена не за горами, нетрудно предположить, вспомнив почтенный возраст Х. Хафтара (ему 75 лет), и в диалоге с Ливией в любом случае необходимо убедить Триполи в необходимости внесения в Схиратские соглашения изменений, предусматривающих достойное место Хафтару и его возможному преемнику.

Москве стоит пристальнее присмотреться к начальнику генштаба ЛНА генералу Абдерразzаку Надхури. Он был назначен на этот пост новым парламентом в августе 2014 г., и его влияние растет. А. Надхури родился в 1960 г. в городе Аль-Мардж (Киренаика), ему 58 лет. В 1982 г. Надхури окончил Военную академию в Триполи, занимал ряд должностей в военной полиции и военной разведке. В 1993 г., уже будучи полковником, принял участие в попытке заговора против М. Каддафи, после чего был приговорен к смерти. В 2004 г. вышел на свободу, лишившись всех прав. В 2011 г. принял активное участие в революции, сформировав в Мисурате бригаду «Аль-Авфия». С 2012 г. командовал 115-й пехотной бригадой в Аль-Мардже. Прослыл убежденным противником джихадистов, и именно исходя из таких взглядов, встал на сторону Х. Хафтара. В ходе операции «Достоинство» в боях против исламистов погиб его сын Рамзи. Генерал – противник предлагавшегося ООН и некоторыми странами региона диалога с исламистами.

Следует также учитывать, что в Ливии появился новый-старый игрок в лице сына М. Каддафи Сейф аль-Ислама, которого 8 марта 2017 г. выпустили на свободу зинтанские бригады. Сейчас трудно предсказывать, забудет он или нет фактическое самоустранение России от ливийских дел в 2011 г. До этого Международный уголовный суд (МУС) выписал ордер на арест Сейф аль-Ислама по обвинению в совершении преступлений при подавлении восстания в 2011 г. Суд Триполи в июле 2015 г. заочно приговорил его к смертной казни, а суд в Тобруке – амнистировал. Освобождение Сейф аль-Ислама было произведено на основании решения суда Тобрука, что открывает перед ним определенные перспективы взаимодействия с Хафтаром. Освобождение 45-летнего Сейф аль-Ислама Каддафи означает появление в Ливии мощного и влиятельного политика, который, без сомнения, сыграет свою роль в событиях, определяющих будущее этой страны. Также нет сомнений в том, что, исходя из логики событий, он, скорее всего, примкнет к силам, контролирующим восток и значительную часть юга Ливии, то есть к восточному «правительству». Это придаст дополнительные силы ЛНА, возглавляемой маршалом Х. Хафтаром.

Наконец, 19 марта 2018 г. весьма значительная, хоть и противоречивая информация поступила из Туниса: некий человек, утверждавший, что представляет интересы Сейф аль-Ислама Каддафи, сообщил, что последний будет выставлять свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Одна из зинтанских бригад бывших повстанцев – фаланга «Абу Бакр ас-Седдик» – объявила, что на следующий день контактировала с Сейф аль-Исламом и тот заявил, что никому не доверял делать заявления от его имени; но в самом Зинтане тут же сообщили, что этой бригады не существует, так как она была распущена около года назад.

В любом случае понятно, что если намерение Сейф аль-Ислама подтвердится, и если состоятся сами выборы, его шансы на успех велики – по стабильной жизни при прежнем

режиме ностальгируют многие ливийцы, а значит, все, кто опасается победы Сейф аль-Ислама, будут так или иначе пытаться сорвать выборы.

Можно констатировать, что Ливия, как и Сирия и некоторые другие страны, все больше становится жертвой в борьбе крупных нефтяных корпораций (вне зависимости от их принадлежности) за преференции в доступе к углеводородам. Кроме того, тем, кто сделал ставку на Х. Хафтара, следует помнить, что маршал, хоть и контролирует большую часть Ливии, практически не имеет влияния на западе страны, находящемся под контролем сильных в военном отношении группировок бывших повстанцев.

Подытоживая, заметим: маловероятно, что в 2018 г. в Ливии состоятся выборы. На это указывает разношерстность присутствующих здесь вооруженных формирований, а также низкая прогнозируемость их взаимодействий. Так, ПНЕ пользуется поддержкой не менее трех влиятельных милицейских формирований: «Первая сила» контролирует восточные и центральные районы Триполи; на востоке столицы окопались формирования «Силы устрашения», в котором представлены салафисты, формально не являющиеся джихадистами, выполняющие роль городской полиции и полиции нравов и борющиеся со всеми от продавцов алкоголя и наркотиков до подозреваемых в причастности к ИГ; бригада «Абу Слим» контролирует одноименный квартал на юге столицы. Тройка этих формирований ранее выдавила из столицы мисуратские бригады, входившие в исламистский альянс «Заря Ливии», который поддерживал прежнее правительство Ливии во главе Х. Гвейлом. Этот альянс в целом не признает ни ПНЕ, ни восточное правительство, но часть мисуратских бригад все же поддерживает ПНЕ. Другая их часть находится под контролем Х. Гвейла и религиозного лидера Садека аль-Гариани. Зинтанские бригады были изгнаны из Триполи в 2014 г., ряд из них перешел на сторону Х. Хафтара, кроме того, они контролируют районы нефтедобычи на западе Ливии и должны также учитываться как реальная сила. Среди других периферийных игроков, чей потенциал может быть использован в различных коалициях и сценариях, – отряды берберов – выходцев из городов Джадо, Налут и Зуара, которые контролируют границу с Тунисом (в частности, пограничные переходы в Рас Джедир и Джехиба) и альянс «Бригады обороны Бенгази», которые, как и раньше, включают некоторые мисуратские бригады и исламистские формирования. Близкая к «Аль-Каиде» «Бригада мучеников Абу Слим» контролирует Дерну. В Феззане правят боевые формирования туарегов и тубу: первые контролируют границу с Алжиром и западную часть границы с Нигером; вторые – границы с Нигером, Чадом и частично – с Суданом. Последние являются союзниками ЛНА.

Литература / References

Электронные ресурсы

Лавров и Хафтар // *Интерфакс-АВН*. 14.08.2017. URL: /http://militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=458803&SStr=Лавров Хафтар/ (дата обращения 28.06.2018).

Министр обороны России и глава армии Ливии обсудили по видеосвязи борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке // *Минобороны России*. 11.01.2017. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12108145@egNews (дата обращения 28.06.2018).

Пресс-конференция С. Лаврова и М. Сиялы по итогам переговоров // *Newsvideo*. 12.12.2017. URL: /http://newsvideo.su/video/8017917/ (дата обращения 30.06.2018).

A Libyan Strongman Looks to Washington, but a Health Crisis Looms // *New York Times*. 12.04.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/04/12/world/middleeast/libya-hifter-benghazi.html (дата обращения 28.06.2018).

A Libyan Strongman Returns Home and Asserts That He's Fit // *New York Times*. 27.04.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/04/27/world/middleeast/libya-hifter-return-hospital.html (дата обращения 28.06.2018).

Al-Warfalli A. Libya’s Haftar appointed army chief for recognized government // *Reuters*. 02.03.2015. URL: https://www.reuters.com/article/us-libya-security-army/libyas-haftar-appointed-army-chief-for-recognized-government-idUSKBN0LY1AB20150302 (дата обращения 28.06.2018).

Chorin E. The New Danger in Benghazi // *New York Times*. 27.05.2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/05/28/opinion/the-new-danger-in-benghazi.html (дата обращения 28.06.2018).

Egypt Chief-of-Staff Mediates between Libyan Rivals in Cairo // *Naharnet*. 15.02.2017. URL: http://www.naharnet.com/stories/en/225477 (дата обращения 28.06.2018).

France confirms three soldiers killed in Libya // *Al Jazeera*. 20.07.2016. URL: https://www.aljazeera.com/news/2016/07/france-confirms-soldiers-killed-libya-160720105518216.html (дата обращения 27.06.2018).

Jordan receives Libyan army chief, Amman // *King Abdullah II Official Website*. 13.04.2015. URL: https://kingabdullah.jo/en/news/jordan-receives-libyan-army-chief (дата обращения 20.06.2018).

Libye : Le maréchal Haftar loue le soutien militaire que lui fournit la France // *Opex360.com*. 06.02.2017. URL: http://www.opex360.com/2017/02/06/libye-marechal-haftar-loue-soutien-militaire-fournit-france/ (дата обращения 30.06.2018).

Saadah A. Khalifah Haftar – A New Al-Sisi in Libya // *Middle East Monitor*. 22.05.2014. URL: https://www.middleeastmonitor.com/20140520-khalifah-haftar-a-new-al-sisi-in-libya/ (дата обращения 28.06.2018).

Valiente A. Khalifa Haftar: Libyan CIA Asset. Libya // *Libya 360° Archive*. 28.08.2011. URL: https://libyadiary.wordpress.com/2011/08/28/khalifa-haftar-libyan-cia-asset/ (дата обращения 28.06.2018).

خليفة بلقاسم حفتر. *Al-Awsat News*. 13.03.2015. URL: http://www.alwasatnews.com/news/970595.html (дата обращения 28.06.2018).

ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В АФГАНИСТАНЕ

© 2018

М. О. Нессар*

Формирование правительства национального единства (ПНЕ) в 2014 г. стало, с одной стороны, выходом из острой фазы политического кризиса, с другой – новой ступенью эволюции политической системы Афганистана. Несмотря на то, что компромисс между двумя претендентами на пост главы государства позволил остановить движение страны в сторону острого кризиса с непредсказуемыми последствиями, в итоге работы ПНЕ ситуация в различных сферах только усугубилась. Статья ставит задачу проанализировать дальнейшее развитие внутриполитической ситуации в Афганистане, исходя из возможностей различных сил получить достаточный контроль над властью.

Ключевые слова: Афганистан, ПНЕ, выборы, конфликт, Талибан, НАТО, США, Пакистан.

THE NATIONAL UNITY GOVERNMENT IN AFGHANISTAN

Mohammad Omar Nessar

Formation of the National Unity Government (NUG) in 2014 led the way out of an acute political crisis, and signified a new stage in the evolution of Afghan political system. But while the compromise between the two contenders for the presidential post originally helped the country to avoid a political turbulence with unpredictable consequences, more recently the situation in different areas deteriorated as a result of NUG's activities. The article intends to analyse further developments in Afghanistan's domestic policy based on the likelihood of various actors' wielding sufficient power.

Keywords: Afghanistan, NUG, elections, conflicts, NATO, USA.

Скандальные президентские выборы 2014 г., по итогам которых один из кандидатов Абдулла Абдулла отказался принять результаты подсчета голосов, привели Афганистан к острому политическому кризису, грозившему перерасти в вооруженный конфликт. Затянувшееся противостояние удалось разрешить при внешнем посредничестве со стороны США, НАТО и миссии ООН, а также действующего президента Хамида Карзая, оказавших содействие переговорам между кандидатами. После длительных дискуссий сторонами был достигнут компромисс о признании победы Ашрафа Гани в качестве президента на условиях предоставления А. Абдулле поста главы исполнительной власти и равного с президентом права назначения министров в будущем правительстве[1]. В результате 21 сентября 2014 г. между Гани и Абдуллой было подписано соглашение о формировании Правительства национального единства, ПНЕ [2]. В это соглашение, в частности, входили следующие положения:

- равный раздел власти;
- созыв Всеафганского съезда народов (Лойя Джирги) в целях реформы конституции страны;
- проведение реформы избирательной системы;
- создание Совета исполнительной власти (аппарата премьер-министра)[3].

* Мохаммад Омар НЕССАР, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; omar.nessar@gmail.com

Mohammad Omar NESSAR, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; omar.nessar@gmail.com

[1] The 'government of national unity' deal // *Afghanistan Analysts Network*. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/ (дата обращения 01.05.2018).

[2] توافق نامه حکومت وحدت ملی امضا شد. هشت صبح. 22.09.2014. Кабул.

[3] متن موافقتنامه تشکیل دولت وحدت ملی در افغانستان // *BBC*. 09.09.2014 URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2014/09/140921_k04_afghan_election (дата обращения 06.04.2017).

В заявлении незадолго до инаугурации А. Гани пообещал, что новое правительство будет сформировано на компромиссной основе, чтобы отражать интересы всех политических сил. «Мы не будем следовать политике исключения, – подчеркнул он. – Те, кто вчера был нашим соперником, сегодня – наши коллеги»[4].

Таким образом, формирование ПНЕ стало, с одной стороны, выходом из острой фазы политического кризиса, с другой – новой ступенью эволюции политической системы Афганистана. Беспрецедентным шагом стало введение должности главы исполнительной власти, фактически соответствующей посту премьер-министра. Права и обязанности второго лица страны не были регламентированы действующей конституцией, в связи с чем возникла необходимость внесения изменений в основной закон [Afghanistan Election, 2015, p. 44–46].

Предполагалось, что необходимые преобразования законодательства будут осуществлены по итогам Лойя Джирги. В соответствии с положением соглашения о формировании ПНЕ съезд народных представителей предполагалось организовать в течение двух лет – до 8 августа 2016 г.[5], но на данный момент эти планы так и не были осуществлены, впрочем, как и большинство других договоренностей. Очевидно, составители текста соглашения либо сильно торопились, либо преднамеренно упустили из вида некоторые крайне важные моменты. В частности, речь идет о легитимности Лойя Джирги – собрания, обладающего полномочиями для внесения поправок в Основной закон страны[6]. Согласно Конституции Афганистана, Лойя Джирга предполагает участие глав 381 уезда[7], но лица, которые должны занимать эти посты, до сих пор не избраны. Отсутствие столь значительного количества делегатов ставит под вопрос легитимность собрания в целом: формально Лойя Джирга возможна только после избрания глав уездов, которое в соответствии с планами правительства должно проходить одновременно с парламентскими выборами. В свою очередь, проведение выборов зависит от реализации другого пункта соглашения – реформы избирательной системы, также до сих пор не завершенной.

Таким образом, проведение Лойя Джирги является не единственным невыполненным пунктом соглашения: одна из главных причин разногласий между Гани и Абдуллой вместе с их сторонниками – назначение членов кабинета.

Несмотря на то, что компромисс между двумя претендентами на пост главы государства позволил остановить движение страны в сторону острого кризиса с непредсказуемыми последствиями, в правовом отношении система государственного управления требует дальнейших преобразований. Промедление в решении данного вопроса по-прежнему вызывает опасения афганской общественности [Byrd, 2015, p. 13].

Параллельно с усилиями по урегулированию тяжелейшего внутреннего кризиса в Исламской республике Афганистан американская сторона желала подписания договора с Кабулом, который определил бы статус ВС США и предусмотрел сохранение присутствия ограниченного воинского контингента на территории исламской республики после вывода основных сил НАТО. Ранее Хамид Карзай по политическим соображениям долгое время избегал собственноручного подписания этого документа. В 2013 г. по инициативе Карзая была созвана совещательная Лойя Джирга, рекомендовавшая президенту подписать соглашение с американцами. Однако вопреки этому глава государства отказался от

[4] Ашраф Гани Ахмадзай обозначил ключевые принципы деятельности нового правительства // *Afghanistan.ru*. 23.09.2014. URL: http://afghanistan.ru/doc/78280.html (дата обращения 03.05.2018).

[5] The ‘government of national unity’ deal // *Afghanistan Analysts Network*. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/ (дата обращения 01.05.2018).

[6] В этом отношении одной из главных целей предстоящей Лойя Джирги должна стать легитимация статуса главы исполнительной власти.

[7] *Конституция ИРА*. Ст. 110. URL: http://moj.gov.af/content/files/Pages/OfficialGazetteIndex_D-header.html (дата обращения 10.07.2018)

подписания документа, и лишь после того как победителем на выборах 2014 г. был признан Ашраф Гани, Кабул и Вашингтон достигли долгожданных договоренностей[8].

Весомую роль в придании легитимности ПНЕ сыграли западные страны, вероятно, действовавшие согласованно. В начале работы правительства лидеры ПНЕ в большинстве случаев вместе посещали важные международные мероприятия, проводимые в западных странах, чтобы подчеркнуть значимость как президента, так и главы исполнительной власти[9]. Безусловно, это обстоятельство не могло не оказать влияния на представителей внутренних политических сил, внимательно следивших за мнением внешних игроков.

В числе других государств Россия поприветствовала формирование ПНЕ, выражая надежду, что данный шаг поможет афганцам стабилизировать ситуацию в стране[10]. Тем не менее уже после первого года работы ПНЕ уровень двухсторонних отношений между Москвой и Кабулом под воздействием целого ряда глобальных и региональных факторов постепенно начал снижаться[11]. Несмотря на внешнюю поддержку, недовольство проводимой ПНЕ политикой возрастало и внутри страны. Оппозиция неоднократно иронично отзывалась о «двухголовом правительстве», подвергая критике разделение ведомств между сферами влияния первых лиц[12].

Примечательно, что в августе – сентябре 2016 г. сам Абдулла Абдулла, ставший объектом подобной критики наряду с Ашрафом Гани, в свою очередь в публичных выступлениях возлагал ответственность за промедление в выполнении соглашения на президента, требуя проведения реформ, а по факту – расширения своего участия в решении государственных вопросов[13].

На данный момент у власти в Афганистане по-прежнему находится Правительство национального единства. Несмотря на то, что по итогам переговоров осенью 2016 г. Абдулле и Гани удалось частично уладить взаимные противоречия и достичь нового компромисса, Лойя Джирга до сих пор не проведена. А. Абдулла является фактическим премьер-министром, и гарантией его пребывания на посту главы исполнительной власти является соглашение о формировании Правительства национального единства [Barnett, Gagnon, 2016, p. 10–12].

Тем не менее, в сложившейся ситуации положение Абдуллы позволяет ему периодически выступать в качестве «пострадавшей стороны», подвергая критике деятельность президента и правительства и выдвигая обвинения в невыполнении условий соглашения, одновременно снимая с себя ответственность за сложившуюся ситуацию. В различных ситуациях Абдулла обладает возможностью играть роль как одного из первых лиц страны, так и лидера оппозиции, чего не может позволить себе А. Гани. Таким образом, в случае очередного политического кризиса Абдулла может вновь, как в предшествующем противостоянии, занять позицию противника и критика главы государства, способствуя понижению авторитета президента, чтобы укрепить свою власть [Нессар, 2018].

---

8 New leader, new chapter for U.S. in Afghanistan // *CBS News*. 30.09.2014. URL: https://www.cbsnews.com/news/afghanistan-ashraf-ghani-ahmadzai-bsa-us-troops-training-advising-taliban/ (дата обращения 20.05.2018).

9 سفر های رسمی سران حکومت وحدت ملی در 100 روز نخست کارشان URL: https://www.tolonews.com/fa/afghanistan/ (дата обращения 10.10.2017).

10 Сергей Лавров рассчитывает на успешность работы Правительства национального единства // *Afganistan.ru*. 30.10.2014. URL: http://afghanistan.ru/doc/79332.html (дата обращения 10.10.2017).

11 См. подробнее: [Россия и афганский вопрос, 2018].

12 Омар Даудзай: Правительство национального единства не смогло преодолеть кризис власти // *Afganistan.ru*. 08.10.2015. URL: http://afghanistan.ru/doc/90440.html (дата обращения 10.10.2017); Анвар уль-Хак Ахади: Уступки в отношении талибов грозят Афганистану двоевластием // *Afganistan.ru*. 29.02.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/95123.html (дата обращения 09.11.2017).

13 Абдулла Абдулла подверг резкой критике политику президента Ашрафа Гани // *Afganistan.ru*. 12.08.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/100900.html (дата обращения 05.11.2017); Абдулла Абдулла представил аудитории своё главное требование к президенту // *Afganistan.ru*. 15.08.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/100984.html (дата обращения 09.11.2017).

Перспектива изменения системы государственного управления в связи с выборами 2014 г. и ранее рассматривалась как вероятный вариант развития событий, но эти ожидания были связаны прежде всего с фигурой Хамида Карзая, на тот момент еще занимавшего пост главы государства. В частности, не исключалось, что, оставив президентское кресло, Карзай останется у власти на правах премьер-министра – подобный вариант даже получил неофициальное название «путинского сценария» по аналогии с прецедентом в РФ[14].

Вопреки ожиданиям, после ухода в отставку Х. Карзай не продолжил свою деятельность на государственной службе, хотя ранее обозреватели не исключали вероятности назначения его на пост советника президента. Однако бывший глава государства по-прежнему продолжает активное участие в политической жизни страны, регулярно выступая с публичными заявлениями. Экс-президент подвергает резкой критике прежнюю политику США на афганском направлении, демонстрирует заинтересованность в развитии сотрудничества с Россией, а также в продвижении переговоров с Талибаном. Несмотря на то, что Карзай неоднократно подвергался критике за проталибские высказывания, вопреки протестам он по-прежнему остается достаточно влиятельным политиком. В одном из интервью Карзай заявил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру на пост президента на выборах 2019 г.[15], но фактически его слова прозвучали как признание намерения по-прежнему участвовать в политической деятельности.

Тем не менее, авторитет бывшего президента неизбежно ослабевает. Нынешний уровень влияния Хамида Карзая не идет в сравнение с первые годами деятельности ПНЕ. Кроме того, частично правы оказались некоторые афганские обозреватели, прогнозировавшие, что позицию Карзая пошатнет возвращение на легальную политическую сцену Гульбеддина Хекматьяра, главы Исламской партии Афганистана[16].

Ашрафу Гани предстояло начать свою деятельность на посту главы государства в сложных условиях, связанных как с выводом войск западной коалиции, так и с серьезным изменением баланса политических сил в ИРА. К ослаблению роли президента привело появление в государственной иерархии поста премьер-министра, а также рост политической активности парламента и представленных там партий, заинтересованных в усилении роли национального собрания. Ярким свидетельством указанной тенденции в конце 2016 г. стала инициатива парламента по отстранению от постов семи министров. Решение вопроса об утверждении импичментов было отложено руководством страны на неопределенный срок, что послужило поводом для критики в адрес как президента, так и правительства. Между тем главы ведомств, получившие вотум недоверия, продолжили службу на прежних постах, а противостояние между правительством и парламентом приняло вялотекущий характер; в целом же сложившаяся ситуация нанесла урон не только авторитету главы государства, но и имиджу парламента, решение которого президент долгое время игнорировал[17].

Проблема легитимности стояла перед афганским правительством начиная еще с 2001 г., и из года в год эта проблема принимает все более острый характер. Сложно не согласиться с тем, что, пожалуй, показатель легитимности ПНЕ находится на самом низком уровне за весь пост-талибский период. Это обусловлено тем, что нынешнее правительство Афганистана было сформировано не на выборной основе, а на базе политического

[14] Замминистра Ирана: Хамид Карзай собирается последовать «путинскому сценарию» // *Afganistan.ru*. 04.12.2013. URL: http://afghanistan.ru/doc/66510.html (дата обращения 10.10.2017).

[15] Karzai urges US, Russia to work jointly on Afghanistan // *Pajhwok*. 24.01.2017. URL: http://www.pajhwok.com/en/2017/01/24/karzai-urges-us-russia-work-jointly-afghanistan (дата обращения 09.07.2017).

[16] См.: امید به صلح پس از امضای تفاهم نامه با حزب اسلامی. URL: http://www.farsi.ru/doc/13021.html (дата обращения 23.05.2018).

[17] Депутаты Волуси Джирги ждут от Верховного суда утверждения решения об импичменте министров // *Afganistan.ru*. 23.12.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/105806.html (дата обращения 06.10.2017); Афганские СМИ обеспокоены отсутствием новостей по разрешению министерского кризиса // *Afghanistan.ru*. 06.01.2017. URL: http://afghanistan.ru/doc/106411.html (дата обращения 05.04.2017).

соглашения между двумя сторонами при активном участии внешних сил. Еще одной причиной снижения уровня внутренней легитимности послужил фактический выход участников соглашения из двух действующих команд: ключевые члены команды Гани узбек Абдул Рашид Дустум и таджик Ахмад Зия Масуд, сыгравшие важную роль в избирательной кампании как влиятельные представители национальных меньшинств, более не входят в лагерь президента. Ситуация в команде Абдуллы также остается непростой: после того как испортились отношения главы исполнительной власти с бывшим губернатором Балха Атта Мохаммадом Нуром, Абдулла Абдулла больше не пользуется полной поддержкой партии Исламского общества Афганистана (ИОА), одним из лидеров которой является экс-губернатор. Ряд афганских авторов отмечает, что за исключением ограниченного количества губернаторов большинство глав провинций являются членами команды Гани, что сокращает влияние А. Абдуллы и идет вразрез с положениями соглашения о формировании ПНЕ[18]. В итоге афганские политики сегодня все чаще ставят под вопрос легитимность ПНЕ или напрямую называют его незаконным[19].

В начале 2018 г. кризис легитимности достиг нового этапа. Продолжительные трения в отношениях между президентом и Атта Мохаммадом Нуром, на тот момент действующим губернатором северной провинции Балх, привели к появлению признаков **сепаратизма**, когда сначала глава Балха, а затем и другие чиновники отказались подчиняться указаниям центральных властей в лице президента[20]. Хотя в середине 2018 г. после ухода Нура в отставку кризис удалось урегулировать, вероятность роста сепаратистских настроений среди афганских политиков по-прежнему сохраняется.

Безусловно, внутренняя легитимность ПНЕ зависит и от уровня контроля официальной власти над территорией страны, иными словами, от ситуации в сфере **безопасности**. Динамика здесь также негативна: в 2014 г. силы НАТО резко снизили уровень военного присутствия, что не могло не привести к усугублению обстановки в стране; помимо этого, именно после 2014 г. в Афганистане заявили о себе сторонники ИГИЛ[21]. В результате сложившейся ситуацией вкупе с политическим кризисом воспользовались талибы, резко усилившие свое влияние на территории страны. Впервые за много лет нестабильность переместилась с юга и востока Афганистана на север: северная провинция Кундуз за годы правления ПНЕ дважды попадала под контроль антиправительственных вооруженных формирований. Количество уездов, перешедших под контроль талибов, постоянно растет. В конце 2017 г. специальный генеральный инспектор США по восстановлению Афганистана (SIGAR) предупреждал о том, что уровень контроля официального Кабула над территорией страны достиг рекордно низкого показателя. Согласно отчету этой организации, под контролем или влиянием правительства на тот момент находилось около 56,8% от общего числа уездов. По данным ежеквартального исследования, за два года афганские власти потеряли контроль над 15% территории. Из общего количества уездов страны по данным на август 2017 г. под контролем или влиянием правительства находился 231 уезд, а сил вооруженной оппозиции – 54 уезда. По-прежнему значительной остается доля спорных территорий – в случае с 122 уездами авторам отчета не представилось возможным определить преобладающую сторону. В число афганских провинций с наибольшим числом подконтрольных боевикам уездов вошли Урузган и Гельманд на юге страны, а также Кундуз на севере[22].

18 М. Кадири. آیا «حکومت وحدت ملی» پایان یافته است؟ URL: http://farsi.ru/doc/15168.html (дата обращения 05.04.2017).

19 Р. Д. Спанта: ПНЕ потеряло свою легитимность // *Farsi.ru*. 26.11.2017. URL: http://www.farsi.ru/doc/14891.html (дата обращения 05.04.2017).

20 سخنرانی «داغ» عطامحمدنور در بلخ. *Sputnik*. 23.12.2017. URL: https://af.sputniknews.com/afghan/201712231933807/ (дата обращения 05.06.2018).

21 Запрещено в России.

22 *SIGAR. Quarterly Report to the United States Congress*. 30.10.2017. P. 106–107. URL: https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2017-10-30qr.pdf (дата обращения 05.04.2017).

В последние два года растет количество терактов, особенно в крупных городах страны, в т. ч. в Кабуле. Об ухудшении ситуации в сфере безопасности в целом свидетельствует рост **потерь среди афганского населения** – как среди мирных жителей, так и в рядах сотрудников правоохранительных органов (*табл. 1*).

Табл. 1. Потери среди мирного населения
(по: [Afghanistan Annual Report, 2017; Afghanistan Protection, 2018])

Год	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018 (янв.-март)*
Погибшие	3701	3565	3510	3438	763
Раненые	6834	7469	7924	7015	1495

В 2018 г. число потерь, ответственность за которые несут антиправительственные группировки, возросло. Потери афганских правоохранительных структур в 2017–2018 гг. также достигли высоких показателей – по данным SIGAR, за 2017 г. численность армии и полиции сократилась более чем на 35 тысяч человек[23].

Социально-экономическая ситуация в стране за годы работы ПНЕ также ухудшилась. По данным совместного исследования Центральной статистической организации Афганистана (ЦСОА) и американской финансовой компании "ICON International", опубликованного в мае 2018 г., на момент публикации отчета за чертой бедности проживало 54% афганского населения. Только в период 2016–2018 гг. уровень бедности возрос на 15,7%. 70% населения Афганистана страдают от плохих жилищных условий, а 44% вынуждены проживать в стесненных обстоятельствах в переполненных домах. В отчете содержится прогноз о том, что в 2018–2019 гг. уровень роста афганской экономики составит всего 2,5% с учетом по-прежнему низкого уровня безопасности и политической нестабильности. Общий уровень безработицы в стране на момент публикации доклада составлял 24%[24].

Примечательно, что в условиях ухудшающегося социально-экономического положения и роста безработицы, несмотря на беспрецедентно высокие показатели потерь афганских силовых структур, национальные армия и полиция фактически стали главным источником рабочих мест для населения[25], поскольку львиная доля выделяемой США финансовой помощи расходуется на нужды силовых структур.

В апреле 2017 г. западные эксперты отметили «определенный прогресс» ПНЕ в отдельных сферах экономики. В частности, обозреватели обратили внимание на повышение эффективности сбора налогов и, соответственно, увеличение внутренних доходов [Afghanistan: The Future, 2017, p. 2–5]. Тем не менее авторы доклада из "International Crisis Group" полагают, что дальнейшие успехи ПНЕ в плане сбора налогов возможны только при условии стабилизации ситуации с безопасностью, политической стабильности и борьбы с коррупцией.

Ухудшение ситуации в сфере безопасности, обострение социально-экономических проблем и межэтнических противоречий при Правительстве национального единства естественным образом привели к недовольству граждан, что проявилось в росте уровня **протестных настроений**. Так, 2015–2017 гг. отличались ростом числа демонстраций и

---

23 Afghan Security Forces See Drop In Numbers // *Tolo News*. 01.05.2018. URL: https://www.tolonews.com/afghanistan/afghan-security-forces-see-drop-numbers (дата обращения 09.06.2018).

24 54 Percent of Afghans Live Below Poverty Line: Survey. Sayed Haidar Shah Omid // *Tolo News*. 06.05.2018. URL: https://www.tolonews.com/business/54-percent-afghans-live-below-poverty-line-survey (дата обращения 10.06.2018); Более 50% населения Афганистана проживает за чертой бедности // *Afganistan.ru*. 08.05.2018. URL: http://afghanistan.ru/doc/120502.html (дата обращения 01.06.2018).

25 См. интервью автора статьи в материале: Победа за горами: почему афганская армия не может уничтожить «Талибан» // *RT*. 30.03.2017. URL: https://russian.rt.com/world/article/373612-afganistan-armiya-taliban-unichtozhenie (дата обращения 23.06.2018).

митингов, большую активность в ходе которых проявили афганские конфессиональные и национальные меньшинства. В ноябре 2016 г. в афганской столице прошла протестная акция, собравшая около 70 тыс. человек, в основном хазарейцев-шиитов[26]. Причиной акции протеста послужили трагические события в южной провинции Забуль, где боевики группировки «Исламское государство» (запрещено в РФ) убили семерых заложников из числа хазарейцев-шиитов, среди которых были три женщины и 9-летняя девочка. Еще одна демонстрация, состоявшаяся за полгода до этих событий, носила беспрецедентный характер, поскольку ее участники руководствовались экономическими мотивами. В мае 2016 г. тысячи хазарейцев-шиитов, сторонников оппозиционного движения «Роушнаи», потребовали пересмотра решения правительства о маршруте проекта по строительству ЛЭП из Туркменистана в Афганистан[27].

Еще одна протестная акция, состоявшаяся в июне 2017 г., послужила предпосылкой для серьезного обострения политического кризиса. В ходе демонстрации, причиной которой стало недовольство ситуацией в сфере безопасности[28], произошло приведшее к жертвам столкновение с полицией. Когда демонстранты приблизились к президентскому дворцу, полицейские попытались остановить их с помощью водометов, когда же это не помогло, по участникам акции был открыт огонь на поражение. По некоторым данным, стреляли в демонстрантов бойцы Кабульского военного гарнизона. В результате обстрела и потасовок погибли до 8 человек, в том числе Салим Изидьяр, сын одного из влиятельных политиков севера Афганистана[29]. Впоследствии боевики-смертники произвели нападение на церемонию похорон Салима, в которой принимали участие А. Абдулла, а также политики-оппозиционеры, в частности, Салахуддин Раббани, Юнус Кануни и другие. Атака послужила поводом для обвинений команды президента со стороны политиков-таджиков. Впоследствии Исламское общество Афганистана, членами которого является Раббани и в прошлом являлся Изидьяр-старший, выдвинуло ультиматум президенту, потребовав увольнения руководителей силовых ведомств, в т. ч. секретаря Совета безопасности Мохаммада Ханифа Атмара.

Во время очередной демонстрации в кабульском районе Дехмазанг произошел взрыв, в результате которого погибли около 80 участников акции. Ответственность за теракт, направленный против демонстрантов, взяла на себя группировка ИГИЛ, в то время как движение «Талибан» выступило с осуждением теракта[30]. Афганские политические деятели, в т. ч. президент Ашраф Гани, также осудили теракт, однако организаторы санкционированного митинга обвинили в трагедии команду президента, в частности, Атмара, и призвали подключить к расследованию инцидента международные организации[31].

Тем не менее, несмотря на рост общественного недовольства, для афганского протестного движения, активизировавшегося после прихода к власти ПНЕ, взрыв в Дехмазанге стал своего рода переломным моментом. Опасение активистов за себя и своих

26 تظاهرات گسترده در کابل در اعتراض به تغییر مسیر برق توتاپ // *DW*. URL: http://www.dw.com/fa-af//a-19259937 (дата обращения 05.05.2018).
27 تظاهرات کابل در اعتراض به تغییر مسیر خط انتقال برق پایان یافت // *BBC*. 16.05.2016. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/05/160516_k05_kabul_protest_roshnayee_movement (дата обращения 05.05.2018).
28 Причиной демонстрации стал резонансный террористический акт, совершенный смертником 31 мая в кабульском районе Чахар-Раи Замбак. В результате взрыва автоцистерны, груженной полутора тоннами взрывчатых веществ, погибли около 150 человек.
29 Afghan police kill 8 protesters amid angry Kabul rally: MP // *PressTV*. 02.06.2017. URL: http://www.presstv.com/Detail/2017/06/02/523950/Afghanistan-unrest-protest-truck-bomb-Ashraf-Ghani (дата обращения 12.05.2018).
30 حمله انتحاری به راهپیمایی 'جنبش روشنایی' در کابل ۸۰ کشته به جا گذاشت // *BBC*. 16.07.2016. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/07/160723_kk_kabul_power_demo_blast_death_toll (дата обращения 03.05.2018).
31 سازمان دهندگان حادثهٔ دهمزنگ باید تحت پیگرد و محاکمه قرار گیرند. URL: https://www.pajhwok.com/dr/2016/08/07/ (дата обращения 06.04.2017); Ахмад Бехзад: Запад поддерживает кабульский режим в ущерб принципам демократии // *Afghanistan.ru*. URL: http://afghanistan.ru/doc/112450.html (дата обращения 28.05.2018).

соратников послужило предпосылкой к резкому сокращению числа уличных протестов. Таким образом, действие ИГИЛ фактически привело к уменьшению давления на президента Гани. Впрочем, вопрос о безрезультативности антиправительственных протестных движений остается открытым. Зависимость ПНЕ от иностранной помощи как в финансовом, так и в военном плане делает степень его подотчетности перед собственным населением минимальной. Таким образом, влияние гражданского общества на важные государственные решения сводится к нулю.

Нестабильная ситуация с безопасностью в стране и угроза новых атак по-прежнему остаются сдерживающим фактором для протестных настроений, но в долговременной перспективе подпитывают общественное недовольство, что может усугубить проблемы, связанные с кризисом общественного доверия в отношении Правительства национального единства. Очевидно, что дальнейшее противостояние различных «лендлордов» в командах президента и главы правительства будет усугубляться по мере подчинения новых территорий Талибану. С военными успехами растет и политическое влияние талибов как реальной оппозиционной силы, с которой придется договариваться, что признается как Пакистаном, так и Россией. В частности, глава российского МИДа С. Лавров в феврале 2018 г. впервые назвал талибов афганской оппозицией. «Многолетнее военное присутствие США и НАТО не принесло афганцам мира и стабильности. Более того, недавно представленная американской администрацией стратегия по Афганистану сфокусирована на наращивании военно-силового давления на вооруженную оппозицию, хотя бесперспективность такого подхода Москве, как и Исламабаду, очевидна», – сказал С. Лавров на брифинге по итогам переговоров с главой пакистанского МИДа[32].

Литература / References

Нессар М. О. *Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.).* М., 2018 [Nessar O. *Politicheskoe razvitie Afganistana: otsenki i progozy (2001–2014 gg.).* Moscow, 2018].

Россия и афганский вопрос. Под. ред. М. О. Нессара. М., 2018 [*Rossiya I afganskiy vopros*. Pod red. M. O. Nessara. Moscow, 2018].

Afghanistan: The Future of the National Unity Government // *International Crisis Group*. Brussels, 2017.

Barnett R., Gagnon G. *The U.S. Presence and Afghanistan's National Unity Government: Preserving and Broadening the Political Settlement*. New York, 2016.

Byrd W. A. *Understanding Afghanistan's 2014 Presidential Election*. Washington, 2015.

Afghanistan Election Observation Mission 2014. Final Report // *Democracy International*. January 2015. Pp. 1–71.

Электронные ресурсы

Afghan police kill 8 protesters amid angry Kabul rally: MP // *PressTV*. 02.06.2017. URL: http://www.presstv.com/Detail/2017/06/02/523950/Afghanistan-unrest-protest-truck-bomb-Ashraf-Ghani (дата обращения 12.05.2018).

Afghan Security Forces See Drop In Numbers // *Tolo News*. 01.05.2018. URL: https://www.tolonews.com/afghanistan/afghan-security-forces-see-drop-numbers (дата обращения 09.06.2018).

Karzai urges US, Russia to work jointly on Afghanistan // *Pajhwok*. 24.01.2017. URL: http://www.pajhwok.com/en/2017/01/24/karzai-urges-us-russia-work-jointly-afghanistan (дата обращения 09.07.2017).

New leader, new chapter for U.S. in Afghanistan // *CBS News*. 30.09.2014. URL: https://www.cbsnews.com/news/afghanistan-ashraf-ghani-ahmadzai-bsa-us-troops-training-advising-taliban/ (дата обращения 20.05.2018).

[32] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х. М. Асифом, Москва, 20 февраля 2018 года // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3086927 (дата обращения 30.06.2018).

54 Percent of Afghans Live Below Poverty Line: Survey. Sayed Haidar Shah Omid // *Tolo News*. 06.05.2018. URL: https://www.tolonews.com/business/54-percent-afghans-live-below-poverty-line-survey (дата обращения 10.06.2018)

SIGAR. Quarterly Report to the United States Congress. 30.10.2017. URL: https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2017-10-30qr.pdf (дата обращения 05.04.2017).

The 'government of national unity' deal // *Afghanistan Analysts Network*. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/ (дата обращения 01.05.2018).

Абдулла Абдулла подверг резкой критике политику президента Ашрафа Гани // *Afganistan.ru*. 12.08.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/100900.html (дата обращения 05.11.2017).

Абдулла Абдулла представил аудитории своё главное требование к президенту // *Afganistan.ru*. 15.08.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/100984.html (дата обращения 09.11.2017).

Анвар уль-Хак Ахади: Уступки в отношении талибов грозят Афганистану двоевластием // *Afganistan.ru*. 29.02.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/95123.html (дата обращения 09.11.2017).

Афганские СМИ обеспокоены отсутствием новостей по разрешению министерского кризиса // *Afghanistan.ru*. 06.01.2017. URL: http://afghanistan.ru/doc/106411.html (дата обращения 05.04.2017).

Ахмад Бехзад: Запад поддерживает кабульский режим в ущерб принципам демократии // *Afghanistan.ru*. URL: http://afghanistan.ru/doc/112450.html (дата обращения 28.05.2018).

Ашраф Гани Ахмадзай обозначил ключевые принципы деятельности нового правительства // *Afghanistan.ru*. 23.09.2014. URL: http://afghanistan.ru/doc/78280.html (дата обращения 03.05.2018).

Более 50% населения Афганистана проживает за чертой бедности // *Afganistan.ru*. 08.05.2018. URL: http://afghanistan.ru/doc/120502.html (дата обращения 01.06.2018).

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Х. М. Асифом, Москва, 20 февраля 2018 года // *МИД РФ*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3086927 (дата обращения 30.06.2018).

Депутаты Волуси Джирги ждут от Верховного суда утверждения решения об импичменте министров // *Afganistan.ru*. 23.12.2016. URL: http://afghanistan.ru/doc/105806.html (дата обращения 06.10.2017).

Замминистра Ирана: Хамид Карзай собирается последовать «путинскому сценарию» // *Afganistan.ru*. 04.12.2013. URL: http://afghanistan.ru/doc/66510.html (дата обращения 10.10.2017).

Конституция ИРА. Ст. 110. URL: http://moj.gov.af/content/files/Pages/OfficialGazetteIndex_D-header.html (дата обращения: 10.07.2018).

М. Кадири. آیا «حکومت وحدت ملی» پایان یافته است؟ URL: http://farsi.ru/doc/15168.html (дата обращения 05.04.2017).

Омар Даудзай: Правительство национального единства не смогло преодолеть кризис власти // *Afganistan.ru*. 08.10.2015. URL: http://afghanistan.ru/doc/90440.html (дата обращения 10.10.2017).

Победа за горами: почему афганская армия не может уничтожить «Талибан» // *RT*. 30.03.2017. URL: https://russian.rt.com/world/article/373612-afganistan-armiya-taliban-unichtozhenie (дата обращения 23.06.2018).

Р. Д. Спанта: ПНЕ потеряло свою легитимность // *Farsi.ru*. 26.11.2017. URL: http://www.farsi.ru/doc/14891.html (дата обращения 05.04.2017).

Сергей Лавров рассчитывает на успешность работы Правительства национального единства // *Afganistan.ru*. 30.10.2014. URL: http://afghanistan.ru/doc/79332.html (дата обращения 10.10.2017)

امید به صلح پس از امضای تفاهم نامه با حزب اسلامی. URL: http://www.farsi.ru/doc/13021.html (дата обращения 23.05.2018).

پاتوت قرب ریسم ریغت هب ضارتعا رد لباک رد هدرتسگ تارهاظت // *DW*. URL: http://www.dw.com/fa-af//a-19259937 (дата обращения 05.05.2018).

تفای نایاپ قرب لاقتنا طخ ریسم ریغت هب ضارتعا رد لباک تارهاظت // *BBC*. 16.05.2016. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/05/160516_k05_kabul_protest_roshnayee_movement (дата обращения 05.05.2018).

توافق نامه حکومت وحدت ملی امضا شد. صبح هشت. 22.09.2014. Кабул.

حمله انتحاری به راهپیمایی 'جنبش روشنایی' در کابل ۸۰ کشته به جا گذاشت // *BBC*. 16.07.2016. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/07/160723_kk_kabul_power_demo_blast_death_toll (дата обращения 03.05.2018).

سازمان دهندگان حادثهٔ دهمزنگ باید تحت پیگرد و محاکمه قرار گیرند. URL: https://www.pajhwok.com/dr/2016/08/07/ (дата обращения 06.04.2017).

سخنرانی «داغ» عطامحمد نور در بلخ. *Sputnik*. 23.12.2017. URL: https://af.sputniknews.com/afghan/201712231933807/ (дата обращения 05.06.2018).

سفر های رسمی سران حکومت وحدت ملی در 100 روز نخست کارشان URL: https://www.tolonews.com/fa/afghanistan/ (дата обращения 10.10.2017).

متن موافقتنامه تشکیل دولت وحدت ملی در افغانستان // *BBC*. 09.09.2014 URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2014/09/140921_k04_afghan_election (дата обращения: 06.04.2017).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2018

А. Б. Подцероб*

В работе рассматриваются определенные положения Корана и других источников мусульманской религии, которые имеют отношение к исламизму, а также положения основных политических течений ислама. В фокусе статьи концепции салафизма; детально проанализирована программа сепаратистов из Чечни и ХАМАС.

Ключевые слова: ислам, Коран, исламизм, салафизм.

POLITICAL ISLAM AND THE MODERN WORLD

Alexey B. Podtserob

The article deals with certain notions in the Quran and other authorities of the Muslim religion, concerning Islamism, as well as the notions of main political currents of Islam. The author focuses his research on the concept of Salafism, in the meantime analyzing the programme of Chechen separatists and HAMAS.

Keywords: Islam, Koran, Islamism, Salafism.

Уже при жизни пророка Мухаммеда и в период Арабского халифата, а затем при Омейядах и Аббасидах политика обращалась к нормам ислама. Османская империя превратила его в государственную религию, создав клерикальную бюрократию. В Египте выдающаяся роль в этом принадлежит Джамаль ад-Дину аль-Афгани (1838–1879) – одному из родоначальников «исламского социализма». Он призывал делиться с бедными и необеспеченными и тем самым достичь гармонии между имущими и неимущими. Мухаммед Абдо (1849–1905) считал, что мусульманская религия выступает основой просветительской программы, но выдвигал в своем учении принцип частичного перераспределения богатств в пользу бедных. Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849–1903) полагал, что следует вернуться к организации, установленной исламом, в соответствии с которой для мусульман характерна забота о всех членах общества, пожертвования бедным и демократическое правительство. Там, где нет основанной на принципах справедливости социальной организации, шаги к устранению неравенства и бедности должны предприниматься в том числе и религиозными деятелями.

Позже традиционное представление о религии размывается примером стран, прежде других получивших независимость – Египтом и Ираком. Идеи «исламского социализма» получили развитие в середине XX в. Так, Мустафа ас-Сибаи, идеолог группы, сформировавшейся вокруг издаваемого в Париже журнала «Орьян», писал, что социализм гарантирует рабочим уверенность в завтрашнем дне; людям, обладающим капиталом, он открывает общие горизонты производства под государственным контролем и применим для всех религий [Мартышин, 1972, с. 124–135]. Позже религия играла мобилизующую роль в революционной борьбе народов. Например, Амар Узеган писал о национально-освободительном движении, что «в союзе с улемами, реформатами, религия была заново истолкована в соответствии с алжирским патриотизмом. Исламизм снабдил идеологической структурой революционный национализм, покончивший с марабутизмом, орудием колонизации и полуфеодальной земельной собственности» [Ousegan, 1962, p. 132]. Но, учитывая широкую популярность религии, антимусульманские силы в арабском мире

* Алексей Борисович Подцероб, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; podtserob@yandex.ru

Alexey B. Podtserob, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; podtserob@yandex.ru

пытаются отколоть действующих политиков от масс. Об этом свидетельствует происшедшее между Первой и Второй мировыми войнами и после Второй мировой войны столкновение ислама с проблемой марабутизма[1]. Таким образом, проблема религии превращается в вопрос связи политиков с массами, и отрицать ее политическое значение невозможно. Задача исследовать вопросы использования ислама в политических целях и находится в центре настоящей статьи.

Конечно, мусульманская религия знала взлеты и падения. До начала 1960-х гг. современный политический ислам не обладал большим влиянием в арабском мире, где шел конфликт между националистами, придерживавшимися панарабизма и получавшими поддержку от Советского Союза, и консервативными режимами, поддерживаемыми Западом. Политические течения в исламских странах стали опираться на ислам во второй половине XX в. Переломными моментами стали поражение арабов в Шестидневной войне 1967 г., исламская революция в Иране 1979 г., Ирано-иракская война 1980–1988 гг., начало гражданской войны в Афганистане, а также война в Персидском заливе в 1990–1991 гг., давшие толчок превращению мусульманской религии в международную силу. При этом исламизм использовался Соединенными Штатами и их союзниками для дестабилизации ориентированных на СССР режимов и самого советского присутствия на Ближним Востоке и в Магрибе.

После краха Советского Союза радикальные приверженцы ислама стали врагом Запада номер один. Более того, в исламских странах не забыли того, что Запад стремился и стремится установить господство над мусульманским Востоком и в постколониальную эпоху. Процессы политизации ислама носят мировой характер. В настоящее время политизированная мусульманская религия превратилась в важную составляющую мирового порядка и будет в какой-то степени предопределять будущее развитие человечества.

В современном исламе представления о политическом и социальном устройстве основываются на Коране, сунне, фикхе и шариате. При этом следование по «правильному пути» может не только обеспечить спасение себя самого, но и отвратить гнев Бога от целых народов. Правильный путь понимается как праведный. Но здесь возникают разночтения и конфликты, наложившиеся как на межконфессиональные непонимания (шиитско-суннитское противостояние), так и на споры о путях и средствах (салафизм, ваххабизм).

В Коране вопросы устройства общество описаны слабо. По существу, речь идет о халифе и шуре, но сторонники ислама делают в своих изысканиях совершенно противоположные выводы. Часть салафитов, например, призывает к халифату, а реформаторы – к демократической республике.

Вместе с тем особое внимание в Коране уделяется войне. Очень подробно описывается, как вести себя в бою, значение воинской дисциплины, предопределенность смерти. При этом подчеркивается, что смерть в бою приводит к вознесению в рай до дня Страшного суда. Придается значение необходимости держать наготове конницу, чтобы отразить возможную атаку противников. Очень большое внимание уделяется трофеям, которые находятся в распоряжении Бога и пророка. Подчеркивается важность хорошего отношения к пленным, которых после окончания войны отпускают свободно либо за выкуп. Таким образом, в самих основах мусульманской религии закладывается идея распространения исламской матрицы, через которую вера и образ существования ее носителей распространяется (расширяется), в случае сопротивления – защищается, а враг – сокрушается.

Относительно экономики в Коране сказано немного. Есть запрет на рибу (ростовщичество) [Коран, айяты 276, 277, 279, сура 2, айят 131, сура 3, айят 40, сура 30]; отсрочка долга, если тот, кто является должником, испытывает тягость, рассматривается как дело богоугодное. Коран признает и законность торговли [Коран, айят 276, сура 2]. Следовательно, сторонники политического ислама в поисках указаний на интересующие их

[1] Марабуты – мусульманские святые, представители своего рода народной религии [Ислам, 1983, с. 76–77].

вопросы обращаются к другим, помимо Священной книги, источникам, и приходят к самым различным выводам.

Социальным аспектам в Коране уделяется достаточно большое внимание. В частности, выделяется принцип закята (взимание налога в пользу нуждающихся единоверцев), который распространяется на бедных, выкуп пленных, выплаты долгов тем, кто разорен, и держит дальний путь [Коран, айят 60, сура 9, айят 79, сура 22, айят 57, сура 24, айят 74, сура 73].

В исламе детализированно разработано семейное право. Мусульманин имеет право жениться четыре раза, не может брать замуж родственниц, калым выплачивается и остается после развода, мужчины обладают правом развода, дети в случае развода остаются с матерью до двух лет, причем отец обеспечивает их питанием и одеждой. В Коране не содержится ничего, что оправдывало бы негативное отношение к захваченным в плен женщинам, включая пленных девочек.

В Коране дается подробное описание того, как приверженцам ислама следует относиться к «людям писания» (в современном мире к ним причисляются христиане и иудеи). Он говорит, что «ниспослал людям Тору и Евангелие как наставление людям» [Коран, аяйт 4, сура 3]. С точки зрения мусульман, ислам установил все основные законы, которые Бог дал основным пророкам. Но в мусульманской религии насчет «людей писания» содержатся довольно противоречивые рецепты. В частности, в Коране говорится, что из-за беззакония иудеев, распявших Христа, Бог лишил христиан того чистого, что было им позволено, но в другом месте подчеркивает, что Бог возвеличил евреев над другими народами [Коран, айят 48, сура 2, айят 161, сура 4]. По нормам закона в Османской империи христиане и иудеи не служили в армии, но зато выплачивали особый налог. Однако на практике права «людей писания» были защищены плохо, хотя теоретически у них сохранялась возможность занимать высшие посты вплоть до поста министра и даже великого визиря.

Следование по «верному пути» применимо и к отношениям мусульман друг к другу: приверженцы ислама относятся к единоверцам как братья, не предают, не оставляют без помощи. Однако подобный подход сталкивается с неизбежными противоречиями в межгосударственных интересах мусульманских стран.

В современном исламе существует несколько политических течений. Исламизм охватывает все страны арабского мира, государства Сахеля и страны, находящиеся к югу от него, Турцию, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезию, Филиппины, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. В России существуют исламистские организации на Северном Кавказе и в Поволжье.

Одним из первых политически оформившихся политических течений был салафизм. Его история начинается с 1928 г., с момента создания в Египте Ассоциации Братьев-мусульман, которая до сих пор остается значительной политической силой. Его сторонники заявляют, что ислам представляет собой то, что призвано спасти человечество. С их точки зрения, Коран попадает в узкое пространство интегристского проекта. Фундаменталисты основывают свои воззрения на Коране, хадисах и на богословско-юридических текстах. На их взгляд, дело следует вести к созданию исламского государства, где существует «мусульманская социальная солидарность». При этом они ссылаются на 135 айят суры 4 Корана, гласящий: «вы должны блюсти справедливость. Будь против вас направлена она, Иль против ваших матерей, отцов иль братьев, Против богатого иль бедняка».

По мнению салафитов, капитализм не решил проблему развития человечества, а принес в мир борьбу всех против всех. Равным образом и социализм не решил эту проблему при ликвидации частной собственности. Исламская экономика, по салафитам, должна основываться на трех принципах – закяте; праве на наследование, в котором каждому из прямых и косвенных наследников определяется равная доля; и запрещении ростовщичества.

Происходящее сейчас в мире является джахилийей (то есть состоянием неведения, первобытной грубостью и невежеством, предшествующими принятию ислама; в более

широком смысле это аналог «естественного состояния», т. е. беззаконие и жестокость), и путь к выходу из нее представляет строительство исламского государства и мусульманской экономики, которые позволят искоренить социальную несправедливость, безнравственность и коррупцию, устранить неправедных правителей, защититься от чуждых поведенческих и культурных моделей Запада. Не только салафизм, но все политические течения в исламе считают западные страны и Израиль злом, с которым надо вести борьбу. Естественно, за построение исламского государства следует бороться. Враждебные исламу силы, как считают фундаменталисты, сплотились и противостоят мусульманской религии.

Призывы салафитов к использованию силы находят отклик среди населения арабских стран. Если часть арабо-мусульманских вождей сочтет, что насилие под религиозными лозунгами даст им возможность сохранить или упрочить свою власть, то они пойдут по этому пути. Сторонников салафизма вдохновляет то, что мусульман около 1,5 млрд. человек, и этого, по их мнению, достаточно, чтобы навязать свою волю остальному миру. Достижение единства мусульман провозглашается одной из важнейших обязанностей приверженцев ислама. Глобализация предопределяет необходимость объединения сторонников мусульманской религии. Но на этом пути много проблем. Исламская умма разделена на партии, джамааты и противоречия по религиозному принципу. Следовательно, объединяться нужно на основе ислама, каким он дан в писании, сунне и согласном мнении. Существует, подчеркивают они, несколько сотен айятов и хадисов, призыващих мусульман к объединению. Если этого не сделать, ислам будет побежден неоколониализмом.

В истории пророка Мухаммеда многое политизируется за счет интерпретации состояния современного мира. Значительная часть салафитов – фанатики, уничтожающие тех (в том числе среди приверженцев ислама), кто с ними не согласен. При этом салафиты часто цитируют мусульманского теолога Таки ад-Дин ибн Теймийю (1263–1328) и ссылаются на айят 49 суры 5 Корана, гласящий, что те, которые не судят по тому, что ниспослал Аллах, – законопреступники. Они заявляют, что имеют право на джихад для вооруженной борьбы с богоотступническими режимами.

С точки зрения фундаменталистов ислам представляет собой воплощение жизни первых трех поколений, принявших мусульманскую веру. Вслед за ним началась трансформация ислама, попытки приспособить его к меняющимся условиям, попытки навязать мусульманской религии новшества. Следовательно, задача салафитов состоит в том, чтобы мир вернулся к первоначальному исламу. Вместе с тем все попытки построения исламского государства салафитов (и вообще суннитов) провалились либо проваливаются. Приспособить мусульманскую общину, созданную в VII в., к современным условиям возможно лишь теоретически. Даже в таком изолированном случае, как афганское движение талибан, не удалось восстановить все нормы шариата и исламские ценности, истребив при этом «скверну» современной цивилизации.

При этом существуют разные точки зрения на то, что представляет собой исламское государство, но большинство фундаменталистов сходится на том, что мусульманская страна является организацией, в которой контроль над законодательной и исполнительной властью осуществляет Меджлис аш-шура (Исполнительный совет). Таким образом, фундаменталисты заявляют, что они нашли третий путь, альтернативный как капитализму, так и социализму.

Дольше всего салафитский режим существует в Иране, куда он пришел после победы исламской революции 1979 г. Верховный религиозный правитель (факих) осуществляет контроль (велаят) над всей системой власти и страной в целом. Ему дано право назначать командующих вооруженными силами, а также право объявлять войну и заключать мир. Он назначает членов Совета попечителей, призванного гарантировать, что все принятые нормы отвечают принципам ислама. Высшая исполнительная власть принадлежит президенту, а законодательная – Национальному одномандатному консультативному собранию (меджлис-е-шура-е-мелли). Кроме того, был создан Высший совет национальной безопасности, работающий под председательством президента, но контролируемый Правителем.

В России сторонники чистой истинной веры не оставляют попыток построить исламское государство (халифат) на территории Чечни и в целом Северного Кавказа. Среди чеченцев был распространен ваххабизм. Рассчитывая на получение денег, фундаменталисты ориентировались на арабские фонды. Ваххабиты и их вооруженные силы составляли, по разным данным, до 26 тыс. человек. Всего в первую чеченскую войну погибло 120 тыс. человек, а во вторую – 180 тыс. чел. Среди лиц, выступавших против центральной власти, находились и приехавшие в Чечню ваххабиты, получившие деньги из-за границы. Ваххабиты сражались с муллами. При этом необходимо учитывать, что вплоть до вмешательства ваххабитов большую часть чеченцев составляли суфисты, объединенные в несколько суфистских вирдов (братств). Большая сплоченность характерна для вирдов до сих пор. Часть вирдов после начала войны эмигрировала в соседнюю Ингушетию, но затем вернулась обратно. Вирды обладают большим влиянием, чем официальный муфтият и муллы, и они ближе к людям, чем официальный джамаат, собирающийся вокруг мечети.

Особняком среди салафитских организаций стоит Движение исламского сопротивления, считающее своей целью освобождение Палестины от сионистов. В 2005 г. ХАМАС победил на выборах на Палестинских территориях, но военным путем захватил власть в Газе в июне 2007 г. Движение пользуется поддержкой большинства населения в Газе и обладает там преобладающим влиянием. Сионизм объявлен главной угрозой для ислама, Палестины и мира вообще. Сионистская оккупация Палестины объявляется третьим великим вторжением на эту землю после Крестовых походов и попытки монгольского завоевания. Единственным решением палестинской проблемы является, по мнению ХАМАСА, джихад. В Сирии руководство ХАМАС выступало против режима президента Башара Асада. Однако не все члены Движения придерживаются радикальных взглядов. В частности, премьер-министр ХАМАС Абд ас-Салям Хания заявил, что намерен сделать все возможное для прекращения конфронтации с Израилем. Кстати, в 2008 г. Дж. Картер заявил, что руководство ХАМАС допустило возможность признания Израиля и мирного сосуществования с ним[2]. Говорить о модели политического ислама, созданной ХАМАС, вряд ли возможно.

Тем не менее фундаменталисты являются в мусульманском мире меньшинством. Бóльшая часть политической элиты и арабских стран и всего исламского мира придерживается реформаторского устройства мусульманского общества, корни которого восходят к XIX в. Его сторонники выступают за адаптацию мусульманской религии к современности. С точки зрения реформаторов салафитский ислам создан Западом в противовес советскому влиянию [Подцероб, 2016, с. 75–84]. Они отвергают террор и готовы вести пропагандистскую работу, иметь собственные газеты и журналы, избираться в парламенты. Ими созданы ряд реформаторских партий, общественно-политических, благотворительных и реформаторских организаций. Сторонники реформаторства считают, что необходимость мыслить является цивилизационной обязанностью мусульманина, и проповедуют сохранение мусульманских ценностей в качестве дальнейшего условия развития общества.

Обращает на себя внимание приход к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), возглавляемой Р. Т. Эрдоганом. Он ввел специальное собеседование для желающих поступить на службу в государственный аппарат, во время которого кандидату задают вопрос, является ли он религиозным человеком и соблюдает ли пост в Рамадан. Уже руководя страной, он заявил, что выступает против абортов, в результате только три из 37 государственных клиник согласились их делать. Одновременно имеющиеся в стране светские школы стали переделываться в школы для подготовки имамов-хатыбов. Аналогичных школ насчитывалось в 2004 г. 73 тыс., но в 2014 г. их количество возросло уже до 546 тыс.; в настоящее время в них обучаются 1,6 млн. человек. С 2014 г. в стенах турецких университетов стали активно строиться мечети, и Управление по делам религии тогда же анонсировало

[2] «Хамас» готов признать Израиль государством и жить в мире, заявляет Картер // *NEWSru.com*. 21.04.2008. URL: http://www.newsru.com/world/21apr2008/hamas.html (дата обращения 28.06.2018).

строительство 80 мечетей внутри университетских кампусов. В 2008 г. ПСР добилась отмены запрета на ношение хиджаба в общественных местах. Руководство во главе с Р. Т. Эрдоганом пользуется возрастающим доверием масс. В частности, после попытки неудавшегося переворота его рейтинг вырос более чем на 20%: с 47% в июне до 68% в сентябре[3]. Р. Т. Эрдоган резко выступает против тех руководителей, пусть даже близких к нему по взглядам, которые могут составить ему конкуренцию в борьбе за массы. Так, он заявил, что Ф. Гюлен явился чуть ли не организатором переворота, хотя знакомство с его книгами показывает, что он является сторонником реформаторства и выступает за мирные методы борьбы [Гюлен, 2006].

В суннитской части исламского мира существуют два более умеренных течения, порожденных вопросом о необходимости модернизации ислама, сравнимые с противостоянием реформаторов с салафитами. Речь идет прежде всего о традиционалистах, преобладающих среди руководства в Марокко и Саудовской Аравии. В Саудии, в частности, ваххабизм после разгрома «ихванов» в 1930 г. превратился из учения, которое проповедовал ряд племен, в учение традиционалистской направленности, в которой в последнее время начали происходить реформаторские изменения. Саудовцы выступают за нетерпимость к убийству «неверных и лицемеров» [Васильев, 1967]. Правда, фундаменталисты, называющие себя ваххабитами, не приносили клятвы ханбалистскому мазхабу, т. е. религиозно-правовой школе, отрицающей свободу мнений в религии, отличающейся строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата. Речь идет также о традиционалистах, не приветствующих внесение каких-либо изменений в мусульманскую религию, выступающих против пересмотра всех взглядов, обрядов и догм ислама. Но эти течения не пользуются такой же популярностью, как два вышеназванных.

Салафитам удалось организовать войны или террористические акции во многих городах арабского мира, Среднего Востока, зоны Сахеля, а также среди жителей Юго-Западной Азии. Реформаторы же вступают в конфронтацию с властями только в случаях самообороны, как это и произошло, например, с Братьями-мусульманами Египта и Сирии. Конечно, основная борьба будет происходить между реформаторами и фундаменталистами. Исход этой борьбы во многом будет зависеть от того, удастся ли справиться лицам, находящимся у руководства страной, с экономическими трудностями.

Литература/References

Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. М., 2001 [Baranov H. K. *Arabsko-russkiy slovar'*. Moscow, 2001].

Васильев А. М. *Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818)*. М, 1967 [Vasiliev A. M. *Puritane islama? Vahhabism i pervoe gosudarstvo Saudidov (1744/45–1818)*. Moscow, 1967].

Гюлен Ф. *Очерки, перспективы, мнения*. М., 2006 [Gulen A. *Ocherki, perspektivy, mnemiya*. Moscow, 2006].

Ислам. Краткий справочник. М., 1983 [*Islam. Kratkiy spravochnik*. Moscow, 1983].

Мартышин О. В. *Социализм и национализм в Африке*. М., 1972 [Martyshin O. V. *Sotsializm i natsionalizm d Afrike*. Moscow, 1972].

Подцероб А. Б. Политические моменты в современном исламе // *Международная жизнь*. 2016. № 11. С. 75–84 [Podtserob A. B. Politicheskie momenty v sovremennom islame // *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2016. 11. Pp. 75–84].

Ousegan Amar. *Le meilleur combat*. Paris, 1962.

Электронные ресурсы

Чулковская Е. Ислам и Эрдоган: как в Турции навязывают консервативные ценности // *Forbes*. 24.10.2016. URL: http://www.forbes.ru/mneniya/mir/331267-islam-i-erdogan-kak-v-turtsii-navyazyvayut-konservativnye-tsennosti (дата обращения 28.06.2018).

«Хамас» готов признать Израиль государством и жить в мире, заявляет Картер // *NEWSru.com*. 21.04.2008. URL: http://www.newsru.com/world/21apr2008/hamas.html (дата обращения 28.06.2018).

[3] Чулковская Е. Ислам и Эрдоган: как в Турции навязывают консервативные ценности // *Forbes*. 24.10.2016. URL: http://www.forbes.ru/mneniya/mir/331267-islam-i-erdogan-kak-v-turtsii-navyazyvayut-konservativnye-tsennosti (дата обращения 28.06.2018).

ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛИТИКЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКОЙ АРАВИИ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ КОРОЛЯ САЛМАНА БЕН АБДЕЛЬ АЗИЗА И УТВЕРЖДЕНИЯ НАСЛЕДНИКОМ ПРИНЦА МУХАММЕДА ИБН САЛМАНА

© 2018

У. З. Шарипов*

Статья посвящена переменам во внутренней политике Королевства Саудовской Аравии (КСА), направленным на повышение экономической устойчивости и возможности финансировать внешнюю политику. Анализируя изменения во внешней политике, автор оценивает возможности Эр-Рияда противостоять интересам Ирана как во внутренних конфликтах в Йемене, Сирии и Ираке, так и в случае открытого вооруженного столкновения.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Иран, нефть, шииты.

CHANGES IN SAUDI ARABIAN POLICY AFTER KING SALMAN BEN ABDEL AZIZ'S ASCENSION TO THE THRONE AND PRINCE MUHAMMAD IBN SALMAN'S BECOMING HEIR APPARENT

Ural Z. Sharipov

The article deals with the changes in the internal policy of the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) designed to increase economic stability and leverage foreign policy financing. While analyzing changes in foreign policy, the author estimates Riyadh's potential in resisting Iran's interests both in domestic conflicts in Yemen, Syria, and Iraq, and in case of an open military clash.

Keywords: Saudi Arabia, Iran, oil, Shiites.

Первые перемены во внутренней политике Саудовской Аравии были вызваны экономическими проблемами, а именно недостатком государственных средств для продолжения текущей политики. К 2014 г. на мировом нефтяном рынке появились американские производители сланцевой нефти, которые стали вытеснять саудовскую нефть со своего внутреннего рынка. КСА ответило демпингом в надежде разорить производителей сланцевой нефти, однако резкое снижение цен на углеводороды вызвало их задержку на самых низких отметках за последние 10 лет, что, в свою очередь, привело к серьезному падению поступлений в саудовский бюджет [1]. Экономика КСА вступила в один из самых тревожных этапов за современную историю, причем проблемы приняли комплексный характер и угрожали стать системными. На встрече стран ОПЕК в Алжире (26–28 сентября 2016 г.) Саудовская Аравия согласилась на снижение квоты суточного производства нефти до 32,5 млн. баррелей, заявив, однако, что на пути

* Урал Зиятудинович ШАРИПОВ, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; charipoff@yandex.ru

Ural Z. SHARIPOV, DSc (Politology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; charipoff@yandex.ru

[1] Saudi Arabia reveals cuts plan to shrink $98bn budget deficit // *The Guardian*. 28.12.2015. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/dec/28/saudi-arabia-spending-cuts-oil-prices-budget-deficit (дата обращения 04.07.2018).

договоренности есть проблема: Иран, другой ключевой игрок на нефтяном рынке, отказался сдерживать добычу углеводородов[2].

В 2015 г. дефицит бюджета КСА достиг отметки в 14,8% ВВП (около 100 млрд. долларов), и, по прогнозам МВФ, в 2017 г. мог еще больше вырасти – до 22% ВВП[3]. Саудовское правительство было вынуждено пойти на сокращение финансирования многих текущих проектов и отказаться от ряда планов, что болезненно сказалось на социальной сфере. Падение нефтяных доходов привело к масштабным увольнениям рабочих, технических кадров и служащих. Среди части коренного населения Королевства возникли массовые недовольства, а волнения постепенно приобретали системный характер. Если в 2012 г. безработица составляла 10,5%, то в 2017 она выросла до 12,5%[4]: до двух третей местного населения занято в государственном секторе Королевства; на их жалованье и другие выплаты уходило до 45% расходной части бюджета[5].

Таким образом, правительству Саудовской Аравии пришлось перейти к политике снижения расходов и поиску дополнительных источников пополнения бюджета. В сентябре 2016 г. впервые в истории страны согласно указу короля была значительно сокращена зарплата государственных служащих, а затем уже и министров – на 20%[6]. Не лучшая ситуация сложилась и в банковском секторе. Вера в стабильность была утрачена, что привело к росту межбанковских ставок; правительство просрочило выплаты своим подрядчикам и стало сокращать субсидии на топливо.

В текущий период в Королевстве стали наблюдаться сравнительно радикальные «перестроечные» действия «сверху» – администрация решилась на них под руководством нового (с 23.01.2015) короля Салмана. Утвержденный при нем в качестве наследника принц Мухаммед ибн Салман начал радикальное наступление на ряд авторитетных представителей обширной королевской семьи. В ноябре 2017 г. 11 принцев были арестованы и для начала заключены в тюрьму Аль-Хайер за отказ платить за коммунальные услуги (электричество и воду) в резиденциях. По поздним расширенным данным, было арестовано 30 бывших и действующих министров и других деятелей (всего около 1300 человек). Местом заточения принцев сделали роскошный отель “Ritz Carlton”[7]. Однако даже столь жесткие меры не гарантируют, что проблема недовольных курсом нового короля и его наследника (с которым эта политика связывается в первую очередь) в королевском семействе разрешилась раз и навсегда.

Союзники КСА

В то время как убывали возможности финансирования внешней политики, нарастала необходимость противодействия покушениям на интересы КСА. Одним из главных инструментов политики КСА в регионе является Совет сотрудничества арабских государств

---

[2] OPEC reaches agreement to cut oil production to 32.5 million barrels a day // *CNBC*. 30.11.2016. URL: https://www.cnbc.com/2016/11/30/opec-reportedly-reaches-agreement-to-cut-oil-production.html (дата обращения 04.07.2018).

[3] Saudi Arabia Government Budget 1969–2018 // *Trading economics*. URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/government-budget (дата обращения 04.07.2018).

[4] Unemployment in Saudi Arabia growing // *Al-Bawaba*. 19.12.2012. URL: https://www.albawaba.com/business/saudi-arabia-unemployment-457845 (дата обращения 04.07.2018); Saudi Arabia unemployment rate climbs to 12.7 percent // *Al Jazeera*. 12.07.2017. URL: https://www.aljazeera.com/news/2017/07/saudi-arabia-unemployment-rate-climbs-127-percent-170730163025234.html (дата обращения 04.07.2018).

[5] Балмасов С. С. Алжирские источники о росте социальных протестов в Саудовской Аравии // *Институт Ближнего Востока*. 01.05.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=34438 (дата обращения 04.07.2018).

[6] Saudi Arabia slashes pay for top officials by 20% // *CNN Money*. 27.09.2016. URL: http://money.cnn.com/2016/09/27/news/economy/saudi-arabia-officials-pay-cut/index.html (дата обращения 04.07.2018).

[7] How Saudi elite became five-star prisoners at the Riyadh Ritz-Carlton // *The Guardian*. 06.11.2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/how-saudi-elite-became-five-star-prisoners-at-the-riyadh-ritz-carlton (дата обращения 04.07.2018).

Персидского залива (ССАГПЗ), способный помочь саудитам в достижении основной цель политики КСА в регионе – воспрепятствовать развитию влияния Ирана через шиитские общины. Наиболее близкие антииранские взгляды Эр-Рияд находил в ОАЭ, так как Эмираты имеют претензии к Тегерану из-за захваченных им трех островов в Персидском заливе (Абу-Даби полагает их своей территорией). Схожие взгляды по воспрепятствованию «иранской экспансии» на Ближнем Востоке Эр-Рияд имеет и с Каиром. Египет – крупнейшая арабская страна, обладающая сильными армией и ВМС. Египетские военные подразделения выступают неплохим подспорьем для соседних арабских стран в случаях возникновения у них шиитских проблем, а помощь египетского союзника хорошо оплачивается. В марте 2015 г. Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты выделили Египту по 4 млрд. долларов США каждая в виде инвестиций и помощи. В дальнейшем Эр-Рияд предложил Каиру еще 8 млрд. долларов с выплатой в течение пяти лет – совсем не малую сумму для египетской экономики[8].

Вместе с тем инициативы принца-реформатора во внешней политике в рамках ССАГПЗ оказались не менее масштабными, чем внутренние. Они обострили противоречия с элитами других арабских стран и способствовали расширению круга оппонентов и противников Королевства на Ближнем Востоке[9]. Ярким свидетельством этому явился политический кризис вокруг Катара, нарушивший единство внешнеполитической линии ССАГПЗ из-за контактов с рядом террористических организаций в регионе. Обострение отношений КСА и Катара (дело дошло до угрозы блокады со стороны КСА) усугубили США, поддержавшие катарского эмира в надежде расширить американскую военную базу в Дохе. Американская поддержка не только усилила обострение отношений Катара с КСА, ОАЭ и Египтом, но и повлияла на перемены в отношениях Катара с Ираном и Турцией. После переговоров с лидерами этих двух государств Тегеран и Анкара пообещали Катару помощь в ослаблении блокады со стороны просаудовских арабских режимов[10].

Одновременно Эр-Рияд занялся созданием собственного расширенного регионального военного альянса, включающего кроме членов ССАГПЗ ряд других стран. Идея такого просуннитского военного блока в составе арабских, а также некоторых других мусульманских стран стала актуальна после заключения «Венского соглашения» шестерки мировых держав с Тегераном, когда международные санкции отменялись в обмен на сворачивание иранской ядерной программы. В декабре 2015 г. король КСА Салман провозгласил создание «Исламской военной коалиции для борьбы с терроризмом» (ИВКБТ) со штаб-квартирой в Эр-Рияде. В качестве основной цели была заявлена борьба с экстремистами на территории Сирии, Ирака, Йемена и Ливии. В альянс вошли 34 государства. Однако в ходе боев в Йемене выяснилось, что многие члены уклонились от выполнения своих обязательств, а посланный египетский малочисленный контингент оказался неспособным сколько-нибудь повлиять на ход боевых действий в этой стране. Таким образом, саудовцам преимущественно самим пришлось бороться с проиранскими хуситами в Йемене[11].

Однако КСА сохранила свое лидирующее положение среди аравийских монархий, а также влияние в Лиге Арабских Государств (ЛАГ). В феврале-марте 2016 г. Эр-Рияд провел

[8] Саудовская Аравия наращивает помощь Египту // *UNIPATH – United States Central Command (CENTCOM).* 01.08.2016. URL: http://unipath-magazine.com/ru/саудовская-аравия-наращивает-помощь/ (дата обращения 04.07.2018).

[9] Архитектор саудовской «перестройки» разрушает статус-кво // *EurAsia*. 04.12.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/12/04/arhitektor-saudovskoy-perestroyki-razrushaet-status-kvo (дата обращения 04.07. 2018).

[10] Turkey, Iran help wealthy Qatar thrive, 1 year into blockade // *Foxbusiness*. 05.06.2018. URL: https://www.foxbusiness.com/markets/turkey-iran-help-wealthy-qatar-thrive-1-year-into-blockade (дата обращения 04.07. 2018).

[11] Саудовская Аравия наращивает помощь Египту // *UNIPATH – United States Central Command (CENTCOM).* 01.08.2016; URL: http://unipath-magazine.com/ru/саудовская-аравия-наращивает-помощь/ (дата обращения 04.07.2018).

показательные учения «Северный гром» с участием войск из 20 стран ИВКБТ. По заявлению короля Салмана, это было проверкой готовности борьбы с исламскими экстремистами в регионе[12].

Что же до нефтяного вопроса, то Саудовская Аравия, ОПЕК, Россия и ряд других стран в декабре 2016 г. договорились сократить добычу нефти суммарно еще на 1,8 млн. баррелей в сутки. Сделка способствовала балансировке рынка и росту цен на нефть до 75 долларов по сравнению с 27 долларами в начале 2016 г.[13] Таким образом, Эр-Рияд и Москва стимулировали удержание мировых цен на углеводороды на удовлетворительном для сторон уровне. Это можно считать точкой позитивного поворота в отношениях КСА с Россией.

Ирак и Сирия

Оказавшись после падения режима Саддама Хусейна под властью администрации шиитов и курдов, Ирак продолжил сближение с Исламской Республикой Иран. Иранское влияние в Ираке нарастало с каждым годом. Действуя через мощную шиитскую группировку во главе с Масудом ас-Садром, Тегеран не давал иракскому правительству Хасана аль-Абади возможности наладить сколько-нибудь серьезное сотрудничество с США и их арабскими суннитскими союзниками. Растущее давление со стороны проиранских сторонников в Ираке, прежде всего Масуда ас-Садра, при видимом нейтралитете главного духовного иракского шиитского религиозного лидера аятоллы Ас-Систани привело к тому, что авторитет правительства Аль-Абади среди шиитской элиты сильно ослаб[14].

Сирия рассматривается КСА как один из передовых плацдармов иранской политики. В декабре 2015 г. на межарабском совещании в Эр-Рияде без помощи Саудовской Аравии не произошло бы объединения сирийской оппозиции, выступавшей против президента Башара Асада. Особое значение при этом приобрел визит саудовского наследного принца Мухаммеда бин Салмана 13–17 июня 2016 г. в США. В ходе переговоров было выявлено общее мнение о необходимости создания в Сирии переходного правительства без участия Башара Асада. Принц Мухаммед бин Салман призвал Вашингтон значительно увеличить военную помощь сирийской вооруженной оппозиции.

Иран и Йемен

Йемен является, пожалуй, главным плацдармом иранской политики, наиболее приближенным к границам КСА. Иран активно обучает, вооружает и поддерживает йеменских хуситов всеми средствами. Попытки саудовского руководства в лице Мухаммеда бин Салмана выстроить систему «коллективной безопасности» под эгидой ЛАГ, то есть создать под своим началом, без США, некое подобие ближневосточного НАТО, не увенчались успехом. Причем ОАЭ высказались за возможность вывода своего военного контингента из состава войск аравийской коалиции, задействованной в Йемене. В Эр-Рияде пришли к выводу, что для гарантирования безопасности от внешней угрозы в лице Ирана и его шиитских союзников нет другой опоры, кроме США. Поэтому весной 2017 г. делегация королевства, возглавляемая Мухаммедом бин Салманом, уже воспользовавшись приглашением администрации нового президента Д. Трампа, срочно отправилась с официальным визитом в США, где среди прочего поставила вопросы о сотрудничестве в Йемене.

---

12 Saudi Arabia concludes North Thunder exercises // *Al Arabiya English*. 10.03.2016. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/03/10/Saudi-Arabia-concludes-North-Thunder-exercises-.html (дата обращения 04.07. 2018).

13 ОПЕК и Россия договорились, Саудовская Аравия обещает «заметный» рост добычи нефти // *Reuters*. 23.06.2018. URL: https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1JJ0W9-ORUTP (дата обращения 04.07.2018).

14 Ирано-саудовская конфронтация и безопасность России // *Иран.ру. Тегеран*. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/100972/Irano_saudovskaya_konfrontaciya_i_bezopasnost_Rossii (дата обращения 22.06.2016).

Вместе с тем руководство КСА в целом уверовало в то, что антииранский курс Вашингтона будет работать в их пользу повсюду, где им мешает Тегеран[15]. Дело в том, что администрация президента Д. Трампа подтвердила новый подход к войне в Йемене, в соответствии с которым США решили перейти к более агрессивному противостоянию Ирану и в первую очередь ограничить иранскую активность в Йемене. Так, министр обороны США Джеймс Мэттис внес в Белый дом предложение санкционировать военную операцию США по вытеснению повстанцев-хуситов из йеменского порта Ходейда на Красном море, через который, по его утверждению, Тегеран под видом гуманитарной помощи осуществляет поставки оружия[16]. Несмотря на все усилия по внутрийеменскому урегулированию в рамках переговоров в Кувейте в июне 2016 г., противостоявшие стороны даже не смогли сколько-нибудь сблизить позиции. В отсутствие прогресса на переговорах хуситы в одностороннем порядке начали формировать переходное правительство, объявив себя единственным законным правительством страны. Глава делегации хуситов Мухаммед Абдель Салям сделал заявление, что любые предложения ООН по выходу из кризиса будут отвергнуты, если в ООН не учтут требования хуситов. Провал же подопечных Эр-Рияда в Йемене означает поражение КСА и победу хуситов с Ираном.

Пути, средства и возможности КСА в достижении внешнеполитических целей

В настоящий момент основные фронты в военном противостоянии иранскому влиянию – йеменский и сирийский. Кроме того, Иран может развить наступление на интересы КСА на дипломатических фронтах. Негативным для Эр-Рияда будет сотрудничество Тегерана с Катаром и Оманом. Остается возможность дестабилизации важного для Саудовской Аравии Бахрейна через значительную шиитскую часть населения. Эр-Рияд, по сути, стоит перед классической дилеммой безопасности (security dilemma) [Mearsheimer, 2014, p. 3]. С точки зрения теории неореализма в международных отношениях решить эту дилемму можно через наступательную и оборонительную стратегии изменения баланса сил в свою пользу.

С 2017 г. становятся все более регулярными обстрелы хуситами городов Саудовской Аравии баллистическими ракетами. Пока это довольно примитивные ракеты, поставляемые из Ирана, и они чаще всего перехватываются саудовской ПВО[17]. Однако с ростом числа запусков, особенно одновременных, военные возможности шиитских проиранских сил в Йемене могут создать для Эр-Рияда серьезную угрозу. Ответом может быть расширение наземного военного вмешательства в Йемене с целью изоляции территорий, контролируемых хуситами, а также блокада морских путей доставки ракет из Ирана.

Скорее всего, Эр-Рияд проиграет противостояние с прокси-иранскими силами в Сирии. Отряды шиитской милиции и Хезболлы продолжат действовать в совместных операциях с сирийской правительственной армией до раздела Сирии на правительственную, «курдскую» и «турецкую» части. Как президенту Асаду, так и Москве жизненно необходимо, чтобы в боях на сирийской земле участвовали проиранские шиитские силы. Единственный побочный эффект возникает, когда отряды Хезболлы направляют свою активность к

[15] Бобкин Н. Иран в фокусе ближневосточной игры Трампа // *Иран.ру. Тегеран*. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/105097/Iran_v_fokuse_blizhnevostochnoy_igry_Trampa (дата обращения 05.04.2017).

[16] Pentagon chief presses for end to Yemen war in meeting with Saudi prince // *Al-Monitor*. 22.03.2018. URL: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/pentagon-mattis-press-end-yemen-war-mbs-saudi-arabia.html дата обращения 04.07.2018); Саудовская Аравия запросила у США помощь для проведения операции в Йемене // *Военное обозрение*. 08.005.2017. URL: https://topwar.ru/142579-saudovskaya-araviya-zaprosila-u-ssha-pomosch-dlya-provedeniya-operacii-v-yemene.html (дата обращения 04.07.2018).

[17] Saudi Arabia intercepts two Houthi missiles fired over Riyadh // *Al Arabiya English*. 25.06.2018. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2018/06/24/Saudi-air-defenses-intercept-missile-fired-by-Houthi-militias-over-Riyadh.html (дата обращения 04.07.2018).

сирийско-израильской границе. Но Эр-Рияду не удастся этим воспользоваться, т. к. в данном случае проблемы у Москвы и Асада возникают из-за реакции Израиля. И Москва продемонстрировала, что может решать эту проблему именно с Израилем[18]. Саудовская Аравия может продолжить поддерживать сирийскую оппозицию против алавитского режима Асада, но правительство Сирии и Россия активно работают на раскол сирийской оппозиции, и некоторые ее части даже переходят на сторону Дамаска[19].

В противостоянии с Ираном у Эр-Рияда есть возможность выбирать способы смещения баланса сил в свою пользу. Можно идти через внешнюю перебалансировку сил (external balancing) путем создания и разрушения союзов или наращивать собственный потенциал силы (internal balancing of power). Пока ресурсов КСА достаточно, чтобы использовать оба способа. Но большего эффекта Эр-Рияд может добиться через внешнее балансирование. Мы видим, какими шагами развивается сотрудничество Саудовской Аравии с Россией. В отличие от прежнего правительства при короле Салмане Эр-Рияду и Москве удалось договориться с ОПЕК о совместных действиях на нефтяном рынке – сначала о сокращении, а потом и о повышении производства. Даже после повышения добычи нефть марки Brent подорожала на 3,4% до 75,55 доллара за баррель.[20]

Самым большим событием в перебалансировке сил в пользу Саудовской Аравии стало восстановление американских санкций против Ирана. 8 мая 2018 г. президент США объявил о выходе из «венской сделки» по ядерной программе Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД; англ. Joint Comprehensive Plan of Action, сокр. JCPOA; перс. مشترک برنامه جامع اقدام). Сделка была заключена в 2015 г. между Ираном с одной стороны и США, Россией, КНР, Великобританией, Францией, Германией с другой с целью ограничения иранской ядерной программы в обмен на отказ мирового сообщества от санкций против Ирана. Несмотря на то, что из «венской сделки» вышел только Вашингтон, европейские компании, несмотря на сопротивление, скорее всего, присоединятся к санкционному режиму из опасения попасть под вторичные санкции Минфина США.

Хотя основные группы интересов, подтолкнувшие Трампа к разрыву договоренностей с Ираном, по сути произраильские, а не просаудовские, Эр-Рияд старается держаться за спиной у Израиля на почтительном расстоянии из опасений ассоциироваться с его интересами. Однако именно КСА является одним из главных бенефициаров американского и израильского противостояния с Ираном.

КСА снижает возможности Ирана, активно сотрудничая с Россией и в военно-технической области, а также финансируя Египет, который является одним из основных покупателей российского оружия на Ближнем Востоке. Здесь можно говорить как о внешней балансировке сил, так и наращивании собственного потенциала. Москва и Эр-Рияд продолжают двигаться к реализации крупнейшего контракта по поставке российского комплекса ПВО С-400. Сумма сделки сравнима с аналогичным турецким контрактом на ту же систему ПВО в 2,5 млрд. долларов[21]. Власти КСА собираются использовать С-400 в первую очередь для обороны от запускаемых хуситами иранских ракет, конструкция которых совершенствуется. Также Саудовская Аравия желает приобрести у России противотанковые ракетные комплексы «Корнет-ЭМ», тяжелые огнеметные системы ТОС-1А «Буратино», гранатометы АГС-30 и автоматы Калашникова АК-103. Но большая часть наращивания

[18] Сирия и Иран договорились с Израилем благодаря РФ: проиранские отряды отведены – ход за Тель-Авивом // *Федеральное агентство новостей*. 7.06.2018. URL: https://riafan.ru/1064843-siriya-i-iran-dogovorilis-s-izrailem-blagodarya-rf-proiranskie-otryady-otvedeny-khod-za-tel-avivom (дата обращения 04.07.2018).

[19] Крупная группировка ССА перешла на сторону Асада // *РИА «Новости»*. 22.06.2018. URL: https://ria.ru/syria/20180622/1523255195.html (дата обращения 04.07.2018).

[20] ОПЕК и Россия договорились, Саудовская Аравия обещает «заметный» рост добычи нефти // *Reuters*. 23.06.2018. URL: https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1JJ0W9-ORUTP (дата обращения 04.07.2018).

[21] Bryen S. Russia's S-400 Is a Game Changer in the Middle East (and America Should Worry) // *The National Interest*. 17.10.2017. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/russias-s-400-game-changer-the-middle-east-america-should-22760 (дата обращения 04.07. 2018).

саудовского военного потенциала приходится на закупки американского оружия. После визита президента Трампа в КСА в 2017 г. было объявлено о планах Эр-Рияда закупить у США единовременно оружия на 110 млрд. долларов и еще на 350 млрд. в ближайшие 10 лет[22]. Эти беспрецедентные суммы могут свидетельствовать как о степени благодарности Эр-Рияда за антииранскую политику Вашингтона, так и о готовности КСА к переходу конфликта с Ираном в открытую вооруженную фазу.

Литература / References

Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, 2014.

Электронные ресурсы

Архитектор саудовской «перестройки» разрушает статус-кво // *EurAsia*. 04.12.2017. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/12/04/arhitektor-saudovskoy-perestroyki-razrushaet-status-kvo (дата обращения 04.07. 2018).

Балмасов С. С. Алжирские источники о росте социальных протестов в Саудовской Аравии // *Институт Ближнего Востока*. 01.05.2017. URL: http://www.iimes.ru/?p=34438 (дата обращения 04.07.2018).

Бобкин Н. Иран в фокусе ближневосточной игры Трампа // *Иран.ру. Тегеран*. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/105097/Iran_v_fokuse_blizhnevostochnoy_igry_Trampa (дата обращения 05.04.2017).

Ирано-саудовская конфронтация и безопасность России // *Иран.ру. Тегеран*. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/100972/Irano_saudovskaya_konfrontaciya_i_bezopasnost_Rossii (дата обращения 22.06.2016).

Крупная группировка ССА перешла на сторону Асада // *РИА «Новости»*. 22.06.2018. URL: https://ria.ru/syria/20180622/1523255195.html (дата обращения 04.07.2018).

ОПЕК и Россия договорились, Саудовская Аравия обещает «заметный» рост добычи нефти // *Reuters*. 23.06.2018. URL: https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1JJ0W9-ORUTP (дата обращения 04.07.2018).

Саудовская Аравия запросила у США помощь для проведения операции в Йемене // *Военное обозрение*. 08.005.2017. URL: https://topwar.ru/142579-saudovskaya-araviya-zaprosila-u-ssha-pomosch-dlya-provedeniya-operacii-v-yemene.html (дата обращения 04.07.2018).

Саудовская Аравия наращивает помощь Египту // *UNIPATH – United States Central Command (CENTCOM)*. 01.08.2016. URL: http://unipath-magazine.com/ru/саудовская-аравия-наращивает-помощь/ (дата обращения 04.07.2018).

Сирия и Иран договорились с Израилем благодаря РФ: проиранские отряды отведены – ход за Тель-Авивом // *Федеральное агентство новостей*. 7.06.2018. URL: https://riafan.ru/1064843-siriya-i-iran-dogovorilis-s-izrailem-blagodarya-rf-proiranskie-otryady-otvedeny-khod-za-tel-avivom (дата обращения 04.07.2018).

Bryen S. Russia's S-400 Is a Game Changer in the Middle East (and America Should Worry) // *The National Interest*. 17.10.2017. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/russias-s-400-game-changer-the-middle-east-america-should-22760 (дата обращения 04.07. 2018).

How Saudi elite became five-star prisoners at the Riyadh Ritz-Carlton // *The Guardian*. 06.11.2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/how-saudi-elite-became-five-star-prisoners-at-the-riyadh-ritz-carlton (дата обращения 04.07.2018).

OPEC reaches agreement to cut oil production to 32.5 million barrels a day // *CNBC*. 30.11.2016. URL: https://www.cnbc.com/2016/11/30/opec-reportedly-reaches-agreement-to-cut-oil-production.html (дата обращения 04.07.2018).

Pentagon chief presses for end to Yemen war in meeting with Saudi prince // *Al-Monitor*. 22.03.2018. URL: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/pentagon-mattis-press-end-yemen-war-mbs-saudi-arabia.html дата обращения 04.07.2018)

[22] أعلن مسؤول في البيت الأبيض، السبت، عن عقود عسكرية بين المملكة العربية السعودية والولايات المتحدة، بقيمة 110 مليارات دولار، وذلك في اليوم الأول لزيارة الرئيس الأميركي دونالد ترامب إلى الرياض. أبوظبي – سكاي نيوز عربية السبت 20 مايو 2017 بتوقيت أبوظبي URL: https://www.skynewsarabia.com/world/950250-كوريا-الشمالية-تعرض-شرطها-للحوار-الولايات-المتحدة (дата обращения 04.07.2018).

Saudi Arabia concludes North Thunder exercises // *Al Arabiya English*. 10.03.2016. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/03/10/Saudi-Arabia-concludes-North-Thunder-exercises-.html (дата обращения 04.07. 2018).

Saudi Arabia Government Budget 1969–2018 // *Trading economics*. URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/government-budget (дата обращения 04.07.2018).

Saudi Arabia intercepts two Houthi missiles fired over Riyadh // *Al Arabiya English*. 25.06.2018. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2018/06/24/Saudi-air-defenses-intercept-missile-fired-by-Houthi-militias-over-Riyadh.html (дата обращения 04.07.2018).

Saudi Arabia reveals cuts plan to shrink $98bn budget deficit // *The Guardian*. 28.12.2015. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/dec/28/saudi-arabia-spending-cuts-oil-prices-budget-deficit (дата обращения 04.07.2018).

Saudi Arabia slashes pay for top officials by 20% // *CNN Money*. 27.09.2016. URL: http://money.cnn.com/2016/09/27/news/economy/saudi-arabia-officials-pay-cut/index.html (дата обращения 04.07.2018).

Saudi Arabia unemployment rate climbs to 12.7 percent // *Al Jazeera*. 12.07.2017. URL: https://www.aljazeera.com/news/2017/07/saudi-arabia-unemployment-rate-climbs-127-percent-170730163025234.html (дата обращения 04.07.2018).

Turkey, Iran help wealthy Qatar thrive, 1 year into blockade // *Foxbusiness*. 05.06.2018. URL: https://www.foxbusiness.com/markets/turkey-iran-help-wealthy-qatar-thrive-1-year-into-blockade (дата обращения 04.07. 2018).

Unemployment in Saudi Arabia growing // *Al-Bawaba*. 19.12.2012. URL: https://www.albawaba.com/business/saudi-arabia-unemployment-457845 (дата обращения 04.07.2018)

أعلن مسؤول في البيت الأبيض، السبت، عن عقود عسكرية بين المملكة العربية السعودية والولايات المتحدة، بقيمة 110 مليارات دولار، وذلك في اليوم الأول لزيارة الرئيس الأميركي دونالد ترامب إلى الرياض. أبوظبي – سكاي نيوز عربية السبت 20 مايو 2017 بتوقيت أبوظبي URL: https://www.skynewsarabia.com/world/950250-كوريا-الشمالية-تعرض-شرطها-للحوار-الولايات-المتحدة [aelan maswuwl fi albayt al'abyadi, alsabti, ean euqud easkariat bayn almamlakat alearabiat alsaeudiat walwilayat almutahadati, biqimat 110 milyarat dular, wdhlk fi alyawm al'awal liziarat alrayiys al'amirkii dawnalid taramib 'iilaa alrayad. 'abuzabi – skay niuz earabiat alsabt 20 mayu 2017 bitawqit 'abuzabi. URL: https://www.skynewsarabia.com/world/950250-kurya-alshamalita-terd-shrtha-llhwar-alwlayat-almutahida]. (дата обращения 04.07.2018).

ДВА ОБРАЗА ГОРОДА В ПАЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

© 2018
Е. Г. Вырщиков*

Чрезвычайно важной категорией древнеиндийской культуры является *лес*. Для палийского канона лес имеет особую значимость: именно там живет Будда со своей сангхой. Однако эта категория аморфна, и исследование ее противопоставления населенным пунктам в палийском каноне – эффективный способ выявления ее качеств, значимых для культуры Древней Индии. Исходя из этого, статья посвящена проблеме типологии населенных пунктов в палийских текстах. Эти населенные пункты являются социальным каркасом особой окультуренной территории – *джанапады*, противостоящей дикому лесу. Маркированным населенным пунктом при этом является город, который противостоит не только лесу, но и джанападе. Однако представление о городе в палийских текстах не оставалось некой константой. Напротив, оно претерпело удивительные метаморфозы, которые прослеживаются в данной статье.

Ключевые слова: буддизм, палийский канон, Древняя Индия, поселения, лес, джанапада.

TWO IMAGES OF *CITY* IN THE PALI TEXTS: CULTURAL REPRESENTATION IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Ye. G. Vyrschikov

The forest is a very important category in ancient Indian culture. For the Pali Canon, the forest holds a special significance, as it is there that the Buddha with his Sangha live. However, this category is amorphous, and the study of its opposition to human settlements in the Pali Canon is an effective way to identify those characteristics of it that are important to the culture of Ancient India. Based on this, the article is devoted to the problem of settlement typology in Pali texts. These settlements are the social framework of a special cultivated area – *janapada*, which opposes the wild forest. A demarcated settlement, at the same time, is a city, which opposes not only the forest, but also the *janapada*. However, the idea of a city in Pali texts was not constant. On the contrary, it underwent extraordinary metamorphoses, some of which are traced here.

Keywords: Buddhism, Pali Canon, Ancient India, settlements, forest, *janapada*.

Палийский канон – это организованное особым образом собрание раннебуддийских сутр (*сутт*), где каждая палийская *сутта* – не только буддийский доктринальный текст школы *тхеравада*, но и литературное произведение, созданное по свойственным только для этого круга текстов литературным шаблонам, и конечно, в соответствии с индийской традицией, на искусственном литературном языке (в данном случае – *пали*).

Повествовательное действие палийских *сутт* содержит три основных локуса символического пространства, в котором это действие протекает. Это в первую очередь лес – место, где подвизаются шраманы и прочие аскеты-паривраджаки. Естественный антипод леса – это город, источник «культурной» жизни и аккумулятор всего мирского, противного аскезе и противостоящего ей. Не случайно Будда с сангхой, приблизившись к городу, обычно не входят в него, а останавливаются в роще где-нибудь в предместье, а то и вовсе далеко за городом. Медиатором между этими двумя полюсами служит сельская местность – *джанапада* (пал. скр. janapada). Джанапада начинается сразу за городом и по мере удаления от него

* Евгений Геннадиевич ВЫРЩИКОВ, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; bimbisara@yandex.ru
Yevgeniy G. VYRSCHIKOV, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; bimbisara@yandex.ru

постепенно перетекает в лес. Статус джанапады двойственный. С одной стороны, она четко отделяется от леса; подчеркивается ее «культурный» характер, в отличие от «дикого» леса (пал. arañña = скр. araṇya). С другой стороны, джанапада противопоставляется и городу, причем социальный статус города и «городских» неизменно выше. Тут посредником служат городские предместья и их поселки, парки, храмы, пруды и т. д. И, наконец, слово «джанапада» означает в числе прочего «страна, царство» в целом (janapada, mahājanapada). Чтобы распутать этот клубок ассоциаций и противопоставлений, необходимо тщательно рассмотреть соответствующие термины, контексты их употребления, и сопоставить их между собой.

В свете сказанного возникает вопрос: каким же именно термином обозначался город в палийских текстах? Таких терминов три, и значения их не совпадают, хоть и пересекаются; во избежание недоразумений это несовпадение надо всегда иметь в виду при чтении и переводе. Для понимания ситуации в целом имеет смысл рассмотреть все типы поселений, упоминающиеся в палийском каноне.

Типы поселений в палийском каноне и их статус

Расположим перечень типов населенных пунктов по мере их удаления от леса и приближения к городской черте:

1. ārāma – «*выселок или единичное строение в “ближнем” лесу или саженой роще*»;
2. gama – «*деревня*»;
3. sannivesa, sannivesana – «*городское предместье или поселок*»;
4. nigama – «*город*»;
5. pura – «*город, крепость*»;
6. nagara – «*город*».

Арама (= скр. ārāma) как тип населенного места располагается на границе двух миров – джанапады и леса. Более того, данный термин указывает прежде всего на рощу как на обитаемое место, а потом уже на хижины (хижину), навесы и беседки, служащие местом обитания, все это вместе и составляет эту араму. Роща часто саженая, в основном манговая. Но это может быть и лесопарк, принадлежащий царю, частному лицу или общине. В этом случае арама прямо отождествляется с *вана* (пал. vana, «*“ближний” лес, лесопарк*»). Арамы часто служат прибежищем для париврaджаков в их странствиях в повествованиях палийского канона.

Палийская *гама* (= скр. grāma) – обычная деревня, правда, часто большая и укрепленная, нередко с развитым ремесленным производством и торговлей. В иных случаях ее размеры и организация (или стратегическое положение) достигают таких масштабов, которые позволяют царю своим указом превратить ее в город. Такой сюжет содержит «Махапариниббана-сутта» [DN, II, 3.86], где по указу царя Аджаташатру в деревне Паталигама строится город Паталипутра; однако из контекста сутры ясно, что строятся в первую очередь ритуальные и фортификационные сооружения, собственно же людской ресурс будущего города составляет поначалу все та же Паталигама. Впрочем, джайнские источники говорят, что *гамой* могли называть и *пур*, причем достаточно большой [Law, 1924, p. 38–39]. На древнем Цейлоне, судя по «Махавамсе», *гамы* разрастаются в города – административные центры, но по традиции сохраняют свои прежние названия.

Контексты, связанные с *саннивеса* (= скр. saṃniveśa, saṃniveśana), в палийских источниках столь бедны, что не позволяют судить о типе этого населенного пункта. На их основе можно утверждать лишь, что такое поселение было очень небольшим. Этимология также малоинформативна и указывает только на компактное расположение нескольких домовладений, составляющих некое сообщество (nivesa, nivesana). Привлечение джайнских источников добавляет важную деталь к характеристике *саннивеса* – так назывались городские предместья [Law, 1924, p. 38–39].

Нигама представлял собой городок, торговый и ремесленный центр округи, возникший вокруг *торговой площади* (собств. nigama), в отличие от *пуров* (= скр. pur) – старых племенных центров, выросших в города, небольшие городки или просто большие укрепленные деревни. Но хотя *нигама* – не *нагара*, по статусу это город. Дело в том, что в стандартных клишированных эпизодах палийского канона, где городские группы населения при перечислении противопоставляются деревенским по своему статусу, для обозначения первых используется именно термин *нигама* как обобщающий само понятие *горожанин*:

...negamā ceva jānapadā ca...

...горожане ли, сельчане ли...

Данное клише чрезвычайно распространено в Сутта-питаке, оно встречается в основном тексте по крайней мере трех никай («Дигха-никае», «Маджхима-никае» и «Ангуттара-никае»), причем только в «Кутаданта-сутте» оно встречается 22 раза [DN, I, 5]. Схожая фраза встречается и в цейлонской «Махавамсе», но в ином варианте [Mh V, 51.16]):

Tadā jānapadā ceva, nāgarā ca balāni ca...

Тогда и сельчане, и горожане, и войско...

Здесь маркером горожанина выступает не *нигама*, а *нагара*; подобная смысловая взаимозаменяемость говорит о том, что *нигама* – безусловно, город.

Проблему представляет собой отличие *нагары* (= скр. nagara) от *нигамы* и *пура*. *Пур* (скр. pur) – слово индоевропейского происхождения, однако в «Ригведе» пуры воспринимаются как нечто чуждое, враждебное, подлежащее уничтожению; и одна из функций Индры как воинского божества – это сокрушение пуров, а укрепление их – в буквальном смысле слова «тело» демона Вритры[1]. Естественно, для полукочевых ариев взятие и разграбление принадлежащего аборигенам поселения-пура сулило немалую добычу. Однако в период формирования Гангской цивилизации, когда произошла массовая ассимиляция племен долины Ганга и в старых пурах сидели уже «новые арии» (которых некоторые брахманы даже не признавали ариями), данная оппозиция перестала быть жизненной и стала чисто филологической. К тому же буддизм, как и прочие шраманские учения, изначально возник и сформировался в рамках культуры племен Восточной Индии, не признававших брахманского авторитета и брахманистского ритуала-*яджни*. Что же собой представлял нагара и чем отличался от пура в представлениях классической древности (не считая тех случаев, когда эти понятия смешивали)? Палийский канон содержит эпизод, проливающий свет на этот вопрос. Это уже упоминавшийся эпизод из «Махапариниббана-сутты» [DN, II, 3.86].

Tena kho pana samayena sunidhavassakārā magadhamahāmattā pāṭaligāme nagaraṃ māpenti vajjīnaṃ paṭibāhāya. Tena samayena sambahulā devatāyo sahasseva pāṭaligāme vatthūni pariggaṇhanti. Yasmiṃ padese mahesakkhā devatā vatthūni pariggaṇhanti, mahesakkhānaṃ tattha raññaṃ rājamahāmattānaṃ cittāni namanti nivesanāni māpetuṃ. Yasmiṃ padese majjhimā devatā vatthūni pariggaṇhanti, majjhimānaṃ tattha raññaṃ rājamahāmattānaṃ cittāni namanti nivesanāni māpetuṃ. Yasmiṃ padese nīcā devatā vatthūni pariggaṇhanti, nīcānaṃ tattha raññaṃ rājamahāmattānaṃ cittāni namanti nivesanāni māpetuṃ.

А тем временем Сунидха [и] Вассакара, главные советники царя Магадхи, в Паталигаме город (нагара) строят для противодействия ваджам. Тогда многочисленные божества, просто-таки тысяча [числом], в Паталигаме васту-мандалы** занимают. В каком месте высшие божества васту-мандалы занимают, там сердца*** главных советников царя поклонение совершают [дабы] жилища [тех] высших возвести. В каком месте срединные божества васту-мандалы занимают, там сердца главных советников царя поклонение совершают [дабы] жилища [тех] срединных возвести. В каком месте низшие божества васту-мандалы занимают, там сердца главных советников царя поклонение совершают [дабы] жилища [тех] низших возвести.*

[1] Подробный доклад по этой теме делала В. В. Вертоградова на конференции «Рериховские чтения – 2017».

Комментарий:

* *Ваджи* (пал. vajjī) – мощный союз восточноиндийских племен, живших севернее Ганга, доминирующее положение в котором занимало племя личчхавов; паринирвана Будды, согласно канону, пришлась на подготовительный этап ваджийской войны, когда царь Аджаташатру только замыслил нападение на ваджей.

** *Васту-мандала* (пал. vatthu) – символическая фигура в виде прямоугольника, сооружавшаяся на месте предстоящего строительства в соответствии с правилами *васту-видьи* – традиционной науки о строительном ритуале.

*** Почитание божеств (глагол nam-) тут совершается не внешним жестом, а про себя, в духовном сердце (citta).

Что описано в переведенном отрывке? На месте возведения будущих построек закладываемого города устраиваются *васту-мандалы*, посвященные соответствующим божествам. Привлеченные божества или, точнее, их эманации «божественности» (devatā) занимают соответствующие им васту-мандалы, после чего царские главные советники «в своем сердце» совершают им поклонение, дабы успешно возвести на этом месте «жилище» для этой «божественности», т. е. храм или иное культовое здание, или сооружение, связанное с *локапалами* – божествами-стражами сторон света, и т. д.

Из всего вышесказанного понятна важная особенность нагары как населенного пункта. Это не просто поселение, возникшее вокруг удачного места (перекресток дорог, торговая площадь, речной порт и т. д.), или имеющее стратегическое значение, или существующее с незапамятных времен. Город-нагара возводится «культурно», по всем правилам дисциплины *васту-видья*[2], с прямой санкции царя, при участии особых специалистов, называемых *вастука* (подобное упоминается в «Артхашастре» при описании строительства столицы царства [Aś, II.3, 3]).

В переведенном отрывке упоминается также, что город строится в интересах предстоящей войны. Это значит, что строящиеся культовые сооружения так быстро, как только возможно, будут окружены фортификационными постройками, скорее всего – цитаделью.

Если же вернуться к задаче, которую мы поставили в начале статьи, и взглянуть внимательно на перечень типов населенных пунктов и их статус, нетрудно видеть, что его нельзя воспринимать буквально, как историческую реальность. Реальность, как показывает опыт, была еще разнообразнее. Этот перечень представляет собой культурное клише: список поселений-посредников между «культурным» городом и «диким» лесом как между двумя полюсами бытия (и симпатии Будды, конечно, на стороне последнего). *Арама* предельно приближена к лесу и представляет собой его «культурный» вариант, *нигама* – уже город, но еще не город-*нагара*.

Ставит этот небольшой отрывок и еще одну проблему, решать которую лучше, как представляется, уже на санскритском материале, однако для ее постановки палийский материал даже предпочтительнее. Дело в том, что создатели палийских текстов свободны не только от многих социальных стереотипов, которые движут брахманами – создателями текстов на санскрите, но, что еще важнее, от тех смысловых клише, которые должны быть употреблены, чтобы санскритский текст был «хорошо связанным» (*самьяк-праюкта*) культурным текстом. Палийский канон прямо указывает на такие явления, которые в санскритских текстах мы обнаруживаем лишь в виде косвенных указаний (или не обнаруживаем вовсе).

В данном случае речь о следующем. Что превращает Паталигаму (то есть гаму, часть джанапады) в Паталипутру, город-нагару? Из текста ясно, что превращение произошло одномоментно, в реальности Паталигама как была, так и осталась деревней. Лишь из последующих пророчеств Будды мы узнаем, что перед нами – будущий огромный

[2] Подробнее о *васту-видья* см. [Тюлина, 2012].

столичный город. А сейчас это просто пограничная крепость, заложенная по случаю предстоящей войны. Но заложенная цитадель резко меняет социально-культурную ситуацию. С одной стороны, цитадель господствует над Паталигамой, но, с другой стороны, Паталипутра сама господствует над всей окружающей джанападой. Тщательный анализ шастр и эпоса не дают возможности для разночтений: каждая крепость – это непосредственная проекция силы царя в ипостаси как *царя-карателя*, так и *царя – «поедателя царства»*. Это применение силы тотально, направлено как вовне, так и внутрь царства. К сожалению, формат и объем статьи не дают возможность рассмотреть это проблему подробнее. Но что из себя представляет идеальная джанапада с точки зрения авторов канона? Любопытную иллюстрацию этого дает поздний текст. Правда, он успевает уже усвоить некоторые представления, которые ранним создателям канона были чужды; тем интереснее, что же осталось неизменным.

Конечно, история культуры не стоит на месте, и как в процессе сложения палийского канона, так и в постканонический период образы-клише в культуре продолжают развиваться и в определенный момент могут принять вовсе неожиданную форму. Как мы уже видели, город-*нагара* является средоточием и источником царской власти, и в этом качестве он противостоит всей остальной *джанападе* (собственно *джанападе*) и господствует над ней, об этом косвенно и прямо говорят санскритские источники: эпос, дхармашастры и «Артхашастра». Однако в процессе эволюции этого клише в палийской литературе картина вдруг переходит в свою противоположность: город сливается с *джанападой* в один гигантский город-*нагара*, сам же город (как таковой) будто блекнет, теряется, перестает быть фокусом географического пространства. Так появляется новый образ страны – страны-города.

Образ страны-города в палийских источниках

Образ большой страны в древности неизбежно связан с вопросом: а как вообще в данной культуре представлялось географическое пространство? Сама проблема представлений о географическом пространстве в древнеиндийской культуре – это проблема соотношения пространства географического и пространства сакрального. Это касается равно и палийских, и санскритских источников. Рассмотрим для примера отрывок из позднего палийского текста «Симависодхани» [Sv, 1]:

Raṭṭhasīmā nāma kāsikosalādikā soḷasa mahājanapadā. "Soḷasamahānagara" ntipi tesaṃ nāmaṃ. Tattha soḷasa mahājanapadāni nāma. Aṅgaraṭṭhaṃ, magadharaṭṭhaṃ, kosalaraṭṭhaṃ, vajjiraṭṭhaṃ, cetiyaraṭṭhaṃ, kururaṭṭhaṃ, pañcālaraṭṭhaṃ, majjharaṭṭhaṃ, surasenaraṭṭhaṃ, assakaraṭṭhaṃ, avantiraṭṭhaṃ, gandhālaraṭṭhaṃ, mallaraṭṭhaṃ, kambojaraṭṭhanti imāni soḷasamahājanapadāni nāma.

Границы страны, называемой Каши-Кошала, включают в себя шестнадцать махаджанапад. Великий город «шестнадцати» – воистину, [таково] его имя. Там [находящуюся страну] «шестнадцать махаджанапад» именуют. Страна Анга, страна Магадха, страна Кошала, страна Ваджи, страна Четья, страна Куру, страна Панчала, страна Madджха**, страна Шурасена, страна Ассака, страна Аванти, страна Гандхара, страна Малла, страна Камбоджа – это имена шестнадцати махаджанапад.*

Комментарий:

* *Шестнадцать махаджанапад* – далее в перечне «шестнадцати» перечислено только четырнадцать махаджанапад; по-видимому, число перечисленных махаджанапад в перечне было нерелевантно, значимо было само названное число «шестнадцать»;

** страна *Мадджха* – здесь, очевидно, пал. majjha означает не скр. madhya, как должно бы, а искаженное «за древностию лет» пал. maccha, то есть скр. matsya; отсутствие племени *матсья* среди упомянутых *куру, панчала* и *шурасена* выглядело бы странно. Эту гипотезу подтверждают и аналогичные фрагменты с перечислениями из основного корпуса палийского канона.

Отчего мы выбрали для примера именно этот отрывок? Перечисление племен и стран популярно в древнеиндийской литературе, известнейшие из них рассматривались Б. Ч. Лоу в его «Географии раннего буддизма» [Law, 1932]. Но в разных памятниках разнится и число стран: в палийском каноне их то шестнадцать, то четырнадцать, а то и десять; в «Карнапарва» Махабхараты их двенадцать; в джайнской Бхагавати-сутре их снова шестнадцать, но состав сильно отличается от буддийских, в прочих перечнях несовпадений тоже хватает [Law, 1932]. Но главное все же не в несовпадениях. Рассмотрим подобный перечень в палийской «Джанавасабха-сутте» [DN, II, 5.199] и сравним с «Симависодхани» [Sv, 1]:

Evaṃ me sutaṃ – ekaṃ samayaṃ bhagavā nātike viharati giñjakāvasathe. Tena kho pana samayena bhagavā parito parito janapadesu paricārake abbhatīte kālaṅkate upapattīsu byākaroti kāsikosalesu vajjimallesu cetivaṃsesu kurupañcālesu majjhasūrasenesu – «asu amutra upapanno, asu amutra upapanno...».

Так мною услышано – некогда Бхагаван в Натике остановился, в Гинджакавасатхе. Однажды Бхагаван разъяснял умершим слугам всех окрестных стран, [пребывавшим] в смерти [и процессе] перерождений – [в] Каши-Кошала, Ваджджи-Малла, Чети-Вамса, Куру-Панчала, Матсья-Шурасена**: «[Ты] таким образом в этом месте [пребываешь] переродившийся, [а ты] этаким образом в том месте переродился...».*

Комментарий:

* Племя Ceti в иных источниках (в том числе в других редакциях канона в этом месте) называется Cetiya, а в некоторых Cedi;

** В ряде редакций канона вместо majjhasūrasenesu в этом месте стоит macchasūrasenesu, то есть «*в Матсья-Шурасена*» (см. выше комментарий к [Sv, 1]).

Из контекста данной сутры «Дигха-никая» видно, что количество перечисленных стран и царств не имеет никакого значения. Это перечисление призвано указывать на некую большую страну как на целое, а конкретные махаджанапады, входящие в нее, – это лишь знаки, ее знаменующие. Их число не обязано быть точным: на приблизительность указывает выражение parito parito janapadesu «*во всех-всех окрестных странах*», хотя число перечисленных (десять) на «все-все» явно не тянет. То же касается прочих перечислений, исследованных в [Law, 1932]. Их число меняется от памятника к памятнику, разнится и «номенклатура». Б. Ч. Лоу полагал, что общее число махаджанапад – шестнадцать (он, по-видимому, считал, что авторы описывают синхронные им исторические реалии и относился к количеству джанапад очень серьезно), однако и в палийских текстах, и в комментариях их число сильно различается и может даже достигать семнадцати. Контекст при этом не меняется, неизменен и общий смысл: это указание на области Гангской цивилизации, к этому времени расширившейся далеко за пределы долины Ганга и даже за указанные в дхармасутрах пределы Арьяварты.

Схоже по смыслу, но все же иначе к делу подходят в «Симависодхани» [Sv, 1]. Им-то как раз важнее всего, что махаджанапад именно шестнадцать, а страна-*раштра* (пал. raṭṭha) – едина. Это подчеркивается всячески: большая *раштра* уподобляется гигантскому городу, который называется «Великий город "шестнадцати"» (пал. "Soḷasamahānagara"); при этом «шестнадцать» – это метафора, обозначающая большую раштру, знак ее целостности. И не беда, что перечисленных махаджанапад только четырнадцать, авторов это не заботит ничуть, ведь страна едина, значит, их шестнадцать. Что бы это значило?

Вряд ли в данном случае дело в «строительном плане» города. Число шестнадцать кратно восьми, а восьмерка в палийском каноне сама по себе свидетельствует об устойчивости, завершенности. Роль «восьмерки» как сакрального знака в палийской (да и буддийской культуре вообще) очень велика (что мы и покажем чуть ниже). «Шестнадцать» репрезентирует «восьмерку» в ее усиленном варианте. Перед нами определенно древний субстрат, возможно, даже добуддийский. Это небрахманистское представление, по-видимому,

заимствованное шраманами, в частности буддистами, из мифо-ритуальных представлений тех племен, среди которых и произошло зарождение буддизма.

Для иллюстрации этой мысли обратимся к «Махапариниббана-сутте», к тому самому месту, где представители восточноиндийских племен и царств требуют от маллов-косинараков свою долю останков (пал. sārīra) Будды [DN, II, 3.164-166]:

Bhagavāpi khattiyo mayampi khattiyā...

Как Бхагаван – кшатрий, так и мы – кшатрии…

Кто же эти кшатрии? Перечислим их. Это (1) rājā māgadho ajātasattu vedehiputto *«царь Магадхи Аджатасатту, сын видехийки»*, (2) vesālikā licchavī *«личчхавы из Весали»*, (3) kapilavaṭṭhuvāsī sakyā *«шакьи из Капилаваттху»*, (4) allakappakā bulayo *«були из Аллакаппы»*, (5) rāmagāmakā koliyā *«колии из Рамагамы»*, (6) pāveyyakā mallā *«маллы из Павы»*.

Седьмым претендентом был брахман *Веттхадипака* (veṭṭhadīpako brāhmaṇo). Вряд ли здесь *Веттхадипака* – личное имя брахмана: dīpa (скр. dvīpa) – это «*остров, континент*», букв. «*то, что окружено водой*», соответственно, veṭṭhadīpako означает «*обернутый [как в одежду] в окружающий континент*», то есть голый (аналогично самоназванию старейшей ветви джайнов-*дигамбаров* «*одетые в стороны света*»). Мирянин вряд ли мог носить такое имя в древности; мы имеем дело с париврадлжаком. Значит, veṭṭhadīpako brāhmaṇo – это или монашеское прозвище брахмана-париврадлжака, или просто указание на его принадлежность к париврадлжакам, не носившим одежды.

Соответственно, восьмым обладателем своей доли реликвии стали маллы-косинараки. Восемь – знак цельности, завершенности, что интересно в свете гипотезы В. В. Вертоградовой о военно-кшатрийском истоке культа реликвий и связанных с ними сооружений в буддизме [Вертоградова, 2007]. Подтверждением предположения о такой функции числа восемь в этом эпизоде служит то, что несколько опоздавшие (девятый и десятый) претенденты – брахман *Дона* (Doṇo brāhmaṇo) и *мории из Пиппаливаны* (pippalivaniyā moriyā), также восточноиндийское племя, – остаются без доли и вынуждены довольствоваться в качестве реликвии: Дона – прахом Будды в сосуде (пал. kumbha), мории, как пришедшие позже – лишь углями от погребального костра (пал. aṅgāra). Сказанное выше – не домысел исследователя, а знаковая ситуация в тексте, возникшая случайно. Авторы канона сознательно вводили в действие эту числовую символику (значит, она имела бытование без пояснений). Повторение этого сюжета со всей присущей ей символикой содержится в «Кхуддака-никая», где в «Дхатубхаджания-катха» этот сюжет обрисован более выпукло и лаконично, чем в «Дигха-никая» [KhN, 12.68].

1.
Mahāgotamo jinavaro, kusināramhi nibbuto;
Dhātuvitthārikaṃ āsi, tesu tesu padesato.

2.
Eko ajātasattussa, eko vesāliyā pure;
Eko kapilavatthusmiṃ, eko ca allakappake.

3.
Eko ca rāmagāmamhi, eko ca veṭhadīpake;
Eko pāveyyake malle, eko ca kosinārake.

4.
Kumbhassa thūpaṃ kāresi, brāhmaṇo doṇasavhayo;
Aṅgārathūpaṃ kāresuṃ, moriyā tuṭṭhamānasā.

5.
Aṭṭha sārīrikā thūpā, navamo kumbhacetiyo;
Aṅgārathūpo dasamo, tadāyeva patiṭṭhito.

1.
Великий Готама, доблестный победитель, у кусинаров упокоился;*
Телесная [его] оболочка рассеяна была, всем тем [племенам] дарованная:

2.
*Одна [доля] Аджатасатту**, одна [жителям] Весали, [их] городу;*
Одна [жителям] Капилаваттху, и одна [жителям] Аллакаппы.

3.
И одна [жителям] Рамагамы, и одна Веттхадипаке;
Одна – маллам из Павы, и одна – [маллам] из Косинары;

4.
*Ступу с сосудом [с прахом] изготовил брахман по имени Дрона***;*
Ступу с углями изготовили мории, удовлетворившие [свое] намерение;

5.
*Восемь ступ с останками, девятая – чайтья**** с сосудом;*
Ступа с углями десятая – [именно] таким образом
в то время были [они] установлены.

Комментарий:
* *Победителем* (пал. jina) Будду называют в текстах неоднократно, что совпадает с прозвищем Джины Махавиры; несомненен его военно-кшатрийский источник. Не исключено, что это доджайнское шраманское прозвище, обозначавшее просветленного отшельника, аскеза здесь символически приравнивается к битве, просветление – к победе;
** Далее идет перечень, в основном совпадающий с перечнем в «Махапариниббана-сутте», см. выше;
*** *Дрона*: doṇasavhayo, букв. «по имени doṇa (= скр. droṇa)», думается, брахман носил именно санскритское имя;
**** *Чайтья* (пал. cetiya) – контекст указывает, что в данном случае имеется в виду ступа; однако обычно это святилище или просто культовое сооружение со священным деревом как сакральным фокусом.

Здесь надо отметить, что перечисленные в этих эпизодах племена напоминают уже упомянутые перечни махаджанапад в палийских текстах с одной важной разницей: все восемь племен (племен снова *восемь*, ведь двое из десяти получивших реликвии – брахманы) – восточноиндийские племена, во времена Будды и Махавиры (да и в более поздние) не признававшие абсолютности брахманского авторитета в вопросах дхармы (а то и вовсе, как шакьи, его не признававшие ни в каких вопросах) и жившие «своей дхармой». «Номенклатура» данного перечня, думается, не столь важна, хотя есть и племена знаковые, такие как маллы, шакьи, личчхавы и магадхи, непопадание которых в перечень невозможно. Главное здесь лишь то, что они относятся к одному культурному кругу и перечислением некоторого их числа обозначается вся эта культурная область как целое. «Восьмерка» здесь важна для выражения этой целостности. Однако изучение культуры области «восьми племен» – отдельная тема, слишком большая для формата данной статьи.

Итак, нетрудно видеть, что произошли серьезные изменения в образе города между «Махапариниббана-суттой» и «Симависодхани». Если в сутре «Дигха-никая» город – явление не просто реальное, там попутно, как нечто всем известное, прямо упоминаются детали закладки города, которые воспроизводятся лишь в строительных трактатах и отчасти до сих пор дискуссионны (значит, эти ритуалы в момент создания сутры широко практиковались, их смысл был известен и людям посторонним). В «Симависодхани» город – явление абсолютно мифологическое. Это, в сущности, не образ города как такового, а образ идеальной джанапады, организованной как сакральная территория, как город-*нагара* в момент своей закладки (см. отрывок из «Махапариниббана-сутты» в начале статьи, [DN, II, 3.86]). То есть в

основе и того, и другого лежит *васту-мандала* – это вытекает из факта употребления термина *нагара* и всей логики повествования. С никаями Сутта-питаки и особенно с повествованием «Дигха-никаи» его объединяет самое очевидное: племенная организация Индии, которая существовала во времена Будды, но которой в помине уже не было не только во времена создания «Симависодхани», но даже во времена оформления палийского канона. Это своего рода утопия, существующая вне пространства и времени: в «Великом городе “шестнадцати”» место находится только шестнадцати племенам, среди которых бродил и проповедовал Будда. И ничего, что племен этих нет в помине – они существуют вечно, как вечно существует буддийская дхарма.

В итоге произошло «отрицание отрицания» – объединив в своем воображении всю Северную Индию в единый город, авторы аннулировали город как явление, превратив все в огромную сельскую местность, организованную по древнему племенному принципу. Писали этот памятник, несомненно, монахи, и понять их мотив нетрудно: места, где не бывал Будда, не имеют никакого сакрального статуса и, следовательно, никакой значимости. Согласно же палийскому канону, Будда никогда не бывал в городах.

Сокращения:

скр. – санскритский
пал. – палийский
Aś – Arthaśāstra [Kangle, 1986]
DN – Dīgha Nikāya [Rhys Davids, Carpenter, 1995]
KhN – Khuddaka Nikāya [Smith, 1978)]
MhV – Mahāvaṃsa [Geiger, 1958]
Sv – Sīmavisodhanī [Chattha Sanghayana Tipitaka. URL: http//www.tipitaka.org/chattha (дата обращения 23.06.2018]

Литература / References

Вертоградова В. В. *Изображение и текст в лингвокультурной компетенции древней Индии* (рукопись, 2007) [Vertogradova V. V. Izobrazheniye i tekst v lingvokul’turnoy kompetentsii drevney Indii (manuscript, 2007)].

Тюлина Е. В. Пространство, его «испытание» и почитание в обрядах освящения скульптуры и архитектуры // *Индия – Тибет: текст и феноменология культуры*. М., 2012 [Tyulina E. V. Prostranstvo, yego “ispytaniye” i pochitaniye v obryadakh osvyashcheniya skul’ptury i arkhitektury // *Indiya – Tibet: tekst i fenomenologiya kul’tury*. Moscow, 2012].

Dīgha Nikāya. Vol. II. Eds. T.W. Rhys Davids and J.E. Carpenter. Oxford, 1995.

The Kautiliya Arthasastra. Part I. Ed. R.P. Kangle. Delhi, 1986.

Khuddakapāṭha with Commentary (Paramatthajotikā I). Ed. Helmer Smith. Oxford, 1978.

Law B. Ch. *Some kshatriya tribes of Ancient India*. Calcutta, 1924.

Law B. Ch. *Geography of Early Budhism*. London, 1932.

Mahāvaṃsa. Ed. W. Geiger. Oxford, 1958.

Электронные ресурсы

Sīmavisodhanī // *Chattha Sanghayana Tipitaka*. URL: http//www.tipitaka.org/chattha (дата обращения 23.06.2018).

САКАБЭ МЭГУМИ О МИМЕЗИСЕ, МОДОКИ И НЕЛИЧНОСТНОСТИ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2018

Е. Л. Скворцова*

Статья посвящена анализу воззрений известного японского философа Сакабэ Мэгуми (1936–2009), развивавшего традиционную эстетику Дальнего Востока, основанную на даосско-буддийском и конфуцианском фундаменте. Сакабэ обращает особое внимание на специфику японского типа мимезиса – *модоки*, в котором, в отличие от его западного аналога, нет того объекта, которому в той или иной форме подражает субъект. Сакабэ полагает, что «истинной личности» не существует и есть лишь игра отражений и теней как в жизни, так и в искусстве. В статье делается попытка показать логику рассуждений Сакабэ, считающего, что эстетика Запада и эстетика Востока опираются на принципиально различное понимание истинной реальности: Бытие и Ничто соответственно.

Ключевые слова: Сакабэ Мэгуми, мимезис, *модоки*, японская культура, эстетика Небытия, японская художественная традиция, театр *Но*, японская философия.

SAKABE MEGUMI ON MIMESIS, MODOKI AND IMPERSONALITY OF THE JAPANESE CULTURE

Elena L. Skvortsova

The article analyses the views of Sakabe Megumi (1936–2009), an eminent Japanese philosopher widely known both in Japan and in the West. In his works, he elaborates on traditional Eastern aesthetics rooted in Taoist-Buddhist and Confucian thought. He attracts our attention to *modoki*, a specific form of Japanese mimesis, which, as he sees it, lacks an object to be imitated by the subject. He argues there is only a play of mirrors, of shades and reflections – both in life and in art. Sakabe also explains that there is no "true personality", only "temporal faces", or masks as "facial surfaces", because only Nothingness is the only genuine reality determining our lives. The author attempts to show how Sakabe's logic aims to posit a fundamental difference between Western and Japanese aesthetics, one based on completely opposite comprehension of the true reality: Being and Nothingness accordingly.

Keywords: Sakabe Megumi, mimesis, *modoki*, Japanese culture, aesthetics of Nothingness, Japanese art tradition, *No* theatre, Japanese philosophy.

БОРЬБА С ЕВРОПОЦЕНТРИЗМОМ

Особенностям национальной культуры Японии посвящено огромное количество научных исследований как в самой стране, так и за рубежом. Внимание исследователей особенно привлекают воззрения Сакабэ Мэгуми (1936–2009), автора многочисленных трудов по различным проблемам японской художественной традиции [Сакабэ, 1979; 1989]. Будучи великолепным знатоком западной философской мысли, Сакабэ тем не менее не стал слепым апологетом Запада, более того, он занял непримиримую позицию по отношению к соотечественникам, некритически воспринявшим западные теории. В своей программной статье «Расставаясь с Западом» Сакабэ так размышляет о природе прекрасного: «Когда я задумываюсь о красоте, то чувствую благоговение… <…> Во мне естественным образом пробуждаются ассоциации с картиной принесения монашеской клятвы юношей, еще далеким от смерти. Он прислонился головой к скале на фоне захватывающего дух пейзажа, открывающегося глазам путника, идущего по

* Елена Львовна СКВОРЦОВА, доктор философских наук, ведущий научный Института востоковедения РАН, Москва; squo0202@mail.ru

Elena L. SKVORTSOVA, DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; squo0202@mail.ru

горной дороге, или, как это выразил один западный поэт, "красота – это преддверие ужаса"[1]. Красота тесно связана со смертью или даже с тем, что превосходит смерть. Не с внешней для нас смертью, а со смертью, тесно сплетенной с нашим существованием. Это – область экстаза, она востребована нами как область сердечная. О красоте можно сильно говорить только скупыми словами» [Сакабэ, 1985б, с. 190].

Говоря о «расставании с Западом», пишет Сакабэ, следует учитывать, что до сих пор средний японец, утратив со времен эпохи Мэйдзи базовые основания китайской науки, «повис» примерно на равном расстоянии от Запада и Востока. К счастью, сегодняшние японцы, в отличие от своих предшественников мэйдзийского периода, не испытывают тогдашнего напряжения, возникшего из-за слишком быстрого восприятия западных идей. «По меньшей мере начиная с эпохи Мэйдзи, – констатирует Сакабэ, – в японских научных и интеллектуальных кругах набрали силу бессмысленный европоцентризм и поклонение Западу, что нанесло нам немалый ущерб; немалый ущерб нанесли и эстетические исследования, оторванные от родной почвы» [Сакабэ, 1985б, с. 193].

По мнению Сакабэ, прекрасное – это не то, что можно познать и чем можно овладеть. С ним можно только соприкоснуться, но нельзя сделать объектом. Красота несовместима с научностью, считает ученый, она по своей сути противоречит самому понятию науки. В области эстетики по отношению ко многим аспектам эстетического сознания и эстетической деятельности *употребляется язык, связанный с пустыми понятиями, которые описывают трансцендентный слой бытия.* Но именно эстетика претендует на знание красоты, на обладание ею, поэтому Сакабэ не видит прямой связи между «владеющей» красотой эстетикой и творчеством художников, находящих каждый в своей сфере деятельности высшие смыслы эмоциональной и духовной жизни.

Ученый рассматривает вопрос восприятия и ассимиляции философии Запада в мэйдзийской Японии, характеризуя этот процесс духовной модернизации как «стремительный и суетливый». Попытки подкрепить западные категории традиционными буддийскими и конфуцианскими понятиями приводили к смысловым ошибкам в трудах японских мыслителей. Их количество накапливалось, и в результате между прозападным языком японской философии и языком повседневной жизни японского общества (привыкшего оперировать гораздо более конкретными понятиями из арсенала восточной мысли) пролегла глубокая трещина. Обычные граждане не понимали прозападный философский дискурс, при этом они постоянно ощущали его давление. Нужны были немалые усилия, чтобы противостоять этому давлению с национальных позиций, сохраняя автономность традиционных мировоззренческих установок.

Предельные понятия

Сакабэ указывает, в частности, на особую остроту, которую приобрела проблема человеческой субъектности. Со времен Декарта на Западе мыслящий субъект (*ego cogito*) противопоставлялся протяженной субстанции [Декарт, 1950, с. 369, 448], однако подобный дуализм был совершенно чужд японскому типу мышления, склонному к пантеизму и даже анимизму. Не менее важной была сформировавшаяся на Западе под влиянием стоицизма и христианства проблема автономности социального индивидуума, обладающего неотъемлемыми правами. В Японии подобная идея широкого распространения не получила. В концепциях известных японских философов, таких как Нисида Китаро, Куки Сюдзо и Вацудзи Тэцуро, субъект не противопоставлялся миру, а, напротив, хоть и противоречиво, был вписан в него. В частности, работа Вацудзи «Маска и личность», теоретически осмысляющая национальную художественную традицию, перекликается с исследованием Сакабэ Мэгуми «Маска и тень в японской культуре». Сакабэ разделяет мысль Вацудзи о том,

[1] Сакабэ имеет в виду строки австрийского поэта Рильке (1875–1926): «С красоты начинается ужас. Выдержать это начало еще мы способны; мы красотой восхищаемся, ибо она погнушалась уничтожить нас. Каждый ангел ужасен» [Рильке, 1977, с. 516].

Японские маски *Но* (по: Rutherston, Marvin, 2012)

что неэмоциональные маски *Но* с их стертыми чертами выражают неличностный характер японской культуры. В этом они солидарны с Нисидой Китаро, прокламировавшим небытийственность, а, следовательно, неличностность дальневосточной и, в частности, японской цивилизации: «Не только японское искусство, но и весь корпус эстетики Востока основывается на идее Ничто и использует форму для выражения бесформенного» [Нисида,1965, с. 446]. На это же указывают современные исследователи: «Изначальные смыслы японской культуры сакральны, непроявлены, принадлежат Небытию, поэтому на них можно только намекать, суггестировать их некоторым образом… Отсюда – форма выражения смыслов в языке, которая предполагает богатство лексики, описывающей эмоции и эстетическое состояние; в то же время практическое отсутствие лексики, обозначающей интеллектуальную деятельность. <…> Развитие культур мира можно рассматривать как их особую «судьбу». Избрав в "юные годы" некое специфическое отношение к миру, культуры создают важнейшие для них понятия (предельные понятия), природа которых определяется этим изначальным отношением к миру» [Снитко, 2014, с. 168, 233].

Эмоциональная невыраженность, «пустотность» маски *Но* обеспечивает актеру максимальную свободу выразительности и в то же время подчиняет себе его тело. Такая пустотная основа, полагают Нисида и Вацудзи, а вслед за ними и Сакабэ Мэгуми, есть неоспоримое свидетельство особенности, инаковости японской культуры. Нисида Китаро видел в бесформенности, темпоральности, эмоциональности и неличностности своей национальной культуры как ее силу, так и слабость, которую следует компенсировать через полномасштабное усвоение достижений западной цивилизации [Нисида, 1995, с. 319–320]. Сакабэ же был нацелен на «возврат к корням», на провозглашение автономности национальной эстетики Небытия, как нельзя лучше воплотившейся в традиционном искусстве Японии.

Вацудзи Тэцуро, который, как и Нисида, указывал на подвижность границы между «*Я*» и «другим», поднял вопрос о невыраженности, неопределенности границ личности на примере маски *Но*, демонстрирующей тем большее количество эмоциональных состояний индивидуума, чем менее определенно запечатлено их выражение в маске. При этом «пустотная» маска, личина как бы «надевает на себя» тело актера, руководя его поведением, а не наоборот – это следствие небытийственной основы мира, которая создает возможность свободы выражения Абсолюта через индивидуальность. «Маска – всего лишь поверхность лица (*гаммэн*[2]), оставшаяся после удаления у изначального лица черепной коробки и тела. Но

[2] *Гаммэн* (яп.) – слово, состоящее из двух иероглифов, означающих «лицо» (*ган/као*) и «маска», «лицо» (*мэн/цура, омотэ*).

маска способна вновь обрести тело. Личности для самовыражения достаточно редуцироваться до лицевой поверхности, причем такое усеченное лицо обладает возможностью свободно достраивать себя, телесно восстанавливаться. С этой точки зрения лицевая поверхность имеет ключевое значение для бытия индивидуума. Это не просто одна из частей физического тела, но не что иное, как основание субъектности, подчиняющей себе физическое тело и являющейся основанием личной идентичности (*дзинкаку*). <…> Такова великая сила маски. Мы можем выразить это по-другому: маска управляет приобретенным телом, поскольку тело актера стало телом маски и все его телодвижения воспринимаются как движения маски. То, что выражает тело актера, становится образом маски» [Вацудзи, 1962, т. 17, с. 293]. Согласно логике Вацудзи, *persona* античного театра, «просочившись» в обыденную жизнь, постепенно превратилась в «личность», субъект, наделенный автономностью и юридическими правами, соответствует японской «маске» (*мэн/цура*), тоже стремившейся стать личностью, но так и не достигшей этого. Однако для Сакабэ Мэгуми важна не данная констатация Вацудзи Тэцуро, а его мысли о подвижности границы между маской (*цура*) и индивидуальностью актера *Но*, а также мысли о проницаемости границы между искусством и жизнью.

«Я» И «ДРУГОЙ»

Последние тезисы Сакабэ развивает в статье «Маска и тень в японской культуре»[3]. Здесь японский эстетик позиционирует себя как представителя постепенно уходящей японской художественной традиции. Отправной точкой его рассуждений стал фильм «Осень семьи Кохаягава», снятый Одзу Ясудзиро, за которым «закрепилась слава “самого японского кинорежиссера”. Жизненная философия Одзу глубоко традиционна, она опиралась на моральные и этические нормы буддизма, на конфуцианские истины и выражалась средствами, выработанными национальной художественной системой. <…> Намек, недосказанность, пауза, краеугольные камни художественной системы японцев, – характерные приемы режиссерской манеры Одзу» [Генс, 1988, с. 17–18]. По словам знатока японского кино И. Ю. Генс, «знаменитый нижний ракурс в картинах Одзу составляет главное своеобразие его стиля. Он придавал изображению плоскостность, характерную для традиционного изобразительного искусства. Одзу использовал этот прием, чтобы, выдвинув человека на переднюю нижнюю кромку кадра, иметь возможность как можно внимательнее его разглядеть, проникнуть в мир его мыслей и чувств. <...> Время и пространство существуют в редкостном единстве. Ритм замедленный. Время течет в фильмах Одзу по своим законам. И зрители забывают о том времени, которое отсчитывают их часы. Оно перестает для них существовать» [Генс, 1988, с. 18].

Этот кинофильм поразил Сакабэ своим тонким психологизмом, характерным для бесследно уходящего так называемого «осеннего лиризма». В последнем явственно ощущается утрата исконно японского чувства непостоянства *мудзе*, выражающего взаимоперетекание жизни и искусства, природы и культуры. Ученый связывает проблемы уходящей традиционной культуры с забвением важных мировоззренческих понятий, отражающих общинность традиционного уклада жизни, в котором весьма зыбки границы «*Я*» и «*другого*».

Сакабэ обращает внимание на тот факт, что в японском языке существует принципиально важное для него понятие *омотэ*, обозначающее одновременно и человеческое лицо, и маску театра *Но*: «Есть и другое чрезвычайно важное измерение, которое включает в себя понятие “*омотэ*”. Как мы уже видели, *омотэ* имеет значение “маска”,

[3] Впервые этот текст был напечатан по-французски: [Sakabe, 1982, p. 335–343], и лишь затем появились его японский и английский варианты.

"лицо", но в то же самое время оно означает "поверхность"[4]. Но что удивляет меня, так это то, что *омотэ* с коннотацией "поверхность" вовсе не означает в японском языке и мышлении "явления" как противоположности "идеальной сущности" (в случае платонизма) и "реальной сущности" (в случае кантианской вещи-в-себе). Однако правда, что слово *омотэ* иногда употребляется для обозначения экстерьера, противополагаемого интерьеру (например, *омотэ* как внешний облик дома). Но понятие *омотэ* как этимологически, так и семантически противоположно понятию *уратэ*. *Омо-тэ* и *ура-тэ*, таким образом, по крайней мере in principle всегда резко противоположны и в то же время комплементарны» [Sakabe, 2002, p. 245–246].

С понятием *омотэ* тесно связаны два других – *омодзаси* и *манадзаси*: «Есть одно очень древнее выражение – *омодзаси,* означающее черты, особенно черты лица. *Дзаси* (*сасу*, *саси* – указывать на/целиться в/протыкать ч.-л.) имеет значение "направление", или, я бы сказал, "интенция" (подразумевающее, если угодно, феноменологическую интенцию в понимании Гуссерля). Сегодня мы обычно пользуемся выражением *манадзаси*. Иероглиф "*мана*" значит "глаз", соответственно, "*манадзаси*" означает "пристальный взгляд, уставиться, пялиться". Итак, вероятно, есть заметная разница между выражениями *манадзаси* и *омодзаси*. Какого рода эта разница? Думаю, она состоит в том, что *омодзаси* (выражение лица, умысел, намерение) включает в себя комплекс многомерной интенциональности, тогда как в *манадзаси* интенциональность одномерная, или, если точнее, однонаправленная. <…> Другими словами, *омодзаси* – то, что видит "*другой*", и в то же самое время – это то, что вижу я сам, а также может быть и то, что "*видит сам как другой*". Это все равно что сказать: этот мир включает себя-в-себе, так же как и "*другого*", и, более того, "*себя как другого*". Иначе говоря, он уже включает в себя структуру взаимности и обратимости» [Sakabe, 2002, p. 244].

Здесь философ, акцентируя внимание на японской взаимоперетекаемости моего «*Я*» и «*другого*», между которыми отсутствует непроходимая граница, подчеркивает коренное отличие традиционной культуры Японии от индивидуалистической культуры Запада, для которой характерен односторонний взгляд на другого – *манадзаси*. Последнее обстоятельство как нельзя лучше выразил экзистенциалист Ж.-П. Сартр: «*Другой* – это феномен, расположенный вне всякого возможного для меня опыта» [Сартр, 2000, с. 252]. Поэтому «*другой*» с точки зрения французского философа является для моего «*Я*» радикальным отрицанием, неким объектом особого рода, дезорганизующим мой мир. «*Другой*» – тот, кто видит меня. «Быть увиденным *другим*», по Сартру, есть факт, никак не связанный с моим собственным существованием. Будучи объектом видения «*другого*», «*Я*» становится и объектом его оценки, его критических суждений, таким образом, отрицательные оценки «*другого*» ограничивают мою свободу. И мое «*Я*» для «*другого*» – не более чем пространственно-временной объект; моя реакция на взгляд «*другого*» – тревога и страх, поэтому Сартр и приходит к сакраментальному выводу: *другой* – это ад[5]. Что и комментирует Сакабэ: «Как ясно писал Сартр, его *манадзаси* (пристальный взгляд) включает в себя лишь то, что он видит в одном направлении. Поэтому, согласно Сартру, совершенно невозможно преуспеть в выстраивании истинной взаимности на основе только этого пристального взгляда» [Sakabe, 2002, с. 244].

Сакабэ Мэгуми недвусмысленно обвиняет французского экзистенциалиста в пагубном влиянии его авторитета на современных японских эстетиков, отвернувшихся от национальной традиции и занявших бесплодную позицию индивидуализма. «Лично я люблю выражение *омодзаси*, поскольку оно очень элегантное и изящное и прямо указывает на истинно должное, т. е. неэгоистическое устройство человеческого общества, – рассуждает Сакабэ. – В современной Японии, к сожалению, это слово полностью вышло из употребления. Предполагаю, что это по крайней мере отчасти произошло вследствие негативного влияния Сартра на японских философов, которые предали забвению это прекрасное, богатое смыслами выражение. В любом случае, из анализа его структуры *омо* –

[4] В современном японском языке *омотэ* как «лицо» (*мэн/омотэ*) и *омотэ* как «внешняя сторона, поверхность» (*хе/омотэ*) – это скорее омонимы, для написания которых используются разные иероглифы или их сочетания. Однако словосочетание «внешняя поверхность» (*хемэн*) состоит из обоих этих иероглифов.

[5] *L'enfer, c'est les autres: «Ад – это другие».*

дзаси (то, что видит "*другой*", есть и то, что вижу я сам, и то, что вижу "себя как *другого*") следует естественный вывод, что и *омотэ* обладает той же структурой» [Sakabe, 2002, p. 245].

Красноречивым примером многомерного видения-понимания (когда речь идет о всей телесно-ментальной полноте восприятия субъектом «*другого*» и «себя как *другого*») может служить процесс творческого преображения актера *Но* в комнате с зеркалами: «Когда в зеркальной комнате "*кагами-но ма*" актер надевает маску, он видит в зеркалах либо свое собственное лицо, либо маску. В то же самое время он сам видим маской, и, наконец, он видит себя, превратившегося в божество или демона. Затем актер выходит на сцену в образе божества или демона, либо он является демоном или божеством, воплотившимся в этого актера. Иначе говоря, актер выходит на сцену, став "*другим*", или как "*другой*", превратившийся в него самого. Здесь мы наблюдаем типичное проявление структуры *омотэ*, о которой говорилось ранее» [Sakabe, 2002, p. 244]. Рассматривая концепцию Сакабэ, мы приходим к выводу, что лицо – это, во-первых, объект наблюдения «*другого*», во-вторых, это объект самонаблюдения, и, в-третьих, объект наблюдения «за собой как за *другим*»[6].

Противостояние личностного и неличностного

Японский эстетик неслучайно анализирует особенности театра *Но*. Театральные подмостки в концентрированном виде наглядно представляли формы повседневного быта средневековой Японии, где отношения добрососедства, взаимной приязни ценились среди жителей той или иной общины гораздо выше возможности самореализации и самоутверждения отдельного индивидуума. Сакабэ обращается к мировой истории и отмечает, что на Западе во времена господства христианской теологии личность гипостазировалась как основополагающее понятие, а в период Нового времени обрела черты автономности и независимости. Декартовское *ego-cogito* являлось несомненной онтологической сущностью, находившейся в центре познавательного (и всякого другого) процесса. В истории же японской культуры отсутствовала такая отправная точка развития, как личность (*persona*). **Поэтому ученый характеризует эту культуру как неличностную.**

Чертами неличностности отмечена и японская эстетика, играющая в духовной традиции Японии роль онтологии. Она принципиально отличается от культуры Запада, где основания Бытия признаются существующими в сугубо объективном мире, а эстетика представляет собой подчиненную часть философии. Для японской традиционной культуры характерно эмоциональное восприятие мира, в котором не присутствуют твердые, неизменные личностные основания. Сердце-разум (*кокоро*) – не только познавательный, но и чувствующий орган человека, – постоянно изменяется вместе с изменениями универсума и отражает его динамику. Вот почему понятие *мудзе* (эфемерность, зыбкость, преходящесть всего сущего) – это одновременно онтологическое и психологическое краеугольное понятие традиционной японской эстетики. При анализе последней Сакабэ указывает на некую неопределенность и многозначность многих японских слов и выражений.

Ученый опирается на филологические особенности японского языка, в котором одно и то же слово может служить для обозначения противоположных смыслов: «Слово "*кагэ*", обозначающее тень, в то же самое время означает и "свет". Мы говорим *цуки-кагэ* (лунный свет) или *хо-кагэ* (свет огня). В связи с этим вспоминается мистическое видение Иоанна Креста[7], подчеркивавшего взаимодействие тени и света. Это напоминает, например, и факт

[6] Это некая бесконечная игра отражающихся друг в друге поверхностей, не имеющих никакой бытийственной подложки, а точнее, имеющих в качестве подложки Небытие, Ничто; об этом ниже.

[7] Св. Иоанн Креста, или Св. Хуан де ла Крус (1542–1591) – христианский мистик, писатель и поэт, реформатор ордена кармелитов. Подвергался гонениям со стороны римского папы, несколько лет провел в тюрьме города Толедо. Де ла Крус – автор поэмы «Темная ночь души», пояснения к которой содержатся в трактате «Восхождение на гору Кармель» (1582–1588), в соответствии с которыми «ночь души» – это совершенно необходимый начальный этап восхождения души к Богу, имеющий три стадии: 1) стадию изгнания сатаны, привязывающего нас к земным вещам; тьма, в которой эти вещи не видны, есть условие избавления от вожделений души; 2) стадию «тьмы веры», на этой стадии происходит общение со Святыми патриархами; 3)

прозрачной бутылочной тени, которая указывает (символически или метафорически) на способ существования всего земного мира. Лично я думаю, что существует гораздо больше совпадений между мистическим созерцанием Иоанна и прозрениями японской традиционной мысли относительно *хонгаку* – исконной просветленности тэндайского буддизма[8].

Вспоминается и другая примечательная особенность слова *кагэ*: кроме значения тени, света оно также имеет значение образа, силуэта. Так, мы говорим *хито-кагэ* (силуэт человека), а также употребляем словосочетание *омо-кагэ* (черты, выражение лица: *омо*, *омотэ*). *Омо-кагэ* означает примерно то же, что и *омо-дзаси*, которое я упоминал ранее. Теперь, приняв во внимание все значения слова *кагэ*, мы можем сказать, что весь наш мир представляет собой не что иное, как *кагэ*. Ведь в самом деле, в мире существуют одни только отражения. Нет ничего, кроме отражений: это означает, что не существует ничего, что не являлось бы отражением в последовательности или взаимности; не существует ничего, кроме перемен, кроме событий; ничего, что не менялось бы бесконечно. В японском языке есть глагол *уцуру* (быть отраженным) и глагол *уцусу* (отражать). Но что поражает, так это факт, что *уцуру* также означает «проходить, меняться» (как в выражении *токи га уцуру* – время проходит). Есть выражение *уцуцу*, означающее «осознавать свое присутствие в реальном мире, бодрствовать» (*уцуцу-гокоро* – осознание реальности, живой контакт с реальностью). Я не уверен в прямой лингвистической связи между словами *уцуцу* и *уцуру*. Но думаю, однако, что между этими словами потенциально существует близкое родство. Тем не менее состояние сознания *уцуцу* всегда считалось отчетливо неотделимым от состояния сна или безумия, хотя формально и семантически оно противоположно сну и безумию.

Замечу, что мы часто используем выражение *юмэ-уцуцу* (то ли сон, то ли явь) для обозначения своего рода экстатического чувства или чувства крайнего замешательства в нашей повседневной жизни. Можно сказать, что под сознанием яви-*уцуцу* мы постоянно подразумеваем обширную сферу мечтаний, снов или онейрических состояний[9], которая отражается в мире яви. Допускаю, что мы не можем точно сказать, какой из этих миров является отражением, а какой оригиналом (что отмечает даосская философия, имевшая огромное влияние на традиционную японскую культуру[10]).

В любом случае это то же самое, что и медитация на берегу глубокого водоема, в котором отражается мир, как это впечатляюще описал Гастон Башляр[11] в «Воде и снах». «Мы не можем различать, что есть более истинная и глубокая реальность: то ли образ, то ли его отражение в глубокой воде» [Sakabe, 2002, p. 248–249].

Одной из фундаментальных проблем эстетических воззрений Сакабэ Мэгуми является проблема мимезиса, которой он посвятил свою работу «Модоки, или о традиции мимезиса в японской культуре» [Sakabe, 1985a]. Мимезис, или подражание, – понятие, широко используемое в современных исследованиях в области массовых коммуникаций, природы и функционирования власти, в психоанализе и психотерапии, в социологии, культурологии и

стадию рассвета. Однако Сакабэ заблуждается, думая, что Иоанн Креста отождествлял тьму со светом. Так, в четвертой главе «Восхождения» Иоанн пишет, что поскольку темнота, или привязанность души к тварным вещам, и свет, или Бог, являются противоположностями, никакого сближения или подобия нет между ними, ибо «что же общего у света и тьмы?» – вопрошает Св. Павел [2 Коринф. 6, 14]». Тот факт, что тьма у Иоанна есть необходимая предпосылка для восхождения к Свету истины, отнюдь не является отождествлением света и тьмы.

8 Подробнее об учении *хонгаку* см.: [Трубникова, 2010].

9 Онеирические состояния – состояния бреда.

10 Здесь Сакабэ намекает на знаменитую даосскую притчу о бабочке. Однажды даосу Чжуанцзы приснилось, что он бабочка, весело порхающий мотылек. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но вдруг проснулся и очень удивился тому, что он Чжуанцзы, и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он бабочка, или бабочке снится, что она Чжуанцзы?

11 Гастон Башляр (1884–1962), крупнейший французский философ-эстетик и искусствовед. Считал, что воображение, вопреки этимологии этого слова, не есть способность строить образы реальности; оно есть способность создавать образы, превосходящие реальность. По Башляру, поэтический образ обладает собственным динамизмом и раскрывается в непосредственной онтологии.

этологии. Можно выделить три типа миметических отношений: 1) инстинктивное или спонтанное подражание; 2) социализированное подражание, связанное с сознательным выбором наличных в культуре образцов; 3) индивидуальное подражание. В эстетике мимезис как подражание и воспроизведение есть один из основных принципов выразительности, форм соотношения реального мира и мира художественного. В западной эстетической традиции содержание понятия мимезис зависело от того, что именно считать истинной реальностью. До конца XX в. искусство то сближалось, то отдалялось от образов окружающего мира, но никогда с ним не порывало окончательно. По мнению Сакабэ, эстетика Запада при исследовании миметических форм недостаточно внимания уделила динамической паре «трагического и комического».

Эти эстетические категории, полагает Сакабэ, следует изучать во взаимодействии, неразрывно одну от другой, для чего необходимо вернуться к Аристотелю, посвятившему им свою «Поэтику». Греческий философ писал: «И вот, так как подражание свойственно нам по природе, <…> с самого начала одаренные люди, постепенно развивая [свои способности], породили из своих импровизаций (*autoschediasmata*) поэзию. Распалась же поэзия /на два рода / сообразно личному характеру [поэтов]. А именно, более важные из них подражали прекрасным делам подобных себе людей, а те, что попроще, – делам дурных людей; последние сочиняли сперва ругательные песни, как первые – гимны и хвалебные песни» [Аристотель, 1984, с. 649].

Аристотель, указывает Сакабэ, делает акцент на воспитательной, образовательной и назидательной функции греческой трагедии как завершенного в себе миметического целого: «Трагедия есть подражание (мимезис) действию страстей – важному и законченному, имеющему определенный объем, производимому речью, по-разному уснащенной в различных ее частях. Трагедия производится в действии, а не в повествовании, где посредством сострадания и страха достигается очищение – катарсис – подобных страстей» [Sakabe, 1985a, p. 95]. При этом японский философ подчеркивает необходимость признания «неразлучности» комического и трагического: «В конце концов, не вернуться ли нам к Аристотелю как к отправному пункту при рассмотрении этой пары – комедии и трагедии – именно как пары?» [Sakabe, 1985a, p. 96]. В истории человечества повсеместно, пишет Сакабэ, в сфере театра комическое и трагическое существуют в неразрывной связи. В Древней Греции, например, постановка трагедий всегда сопровождалась созданием и сатирических композиций. В Японии представления театра *Но* в течение долгих лет сочетались с разновидностью фарса – *кёгэном*. В Корее также существовал обычай перемежать серьезными драматическими фрагментами комические части танцевальных представлений в масках.

Миметический первообраз

Какой же общий знаменатель может быть подведен в качестве основания при исследовании природы комического и трагического? – задается вопросом Сакабэ Мэгуми. «Следует начать с пересмотра нескольких базовых понятий, среди которых (поскольку мы находимся в концептуальных рамках западной мысли) – мимезис. Здесь, однако, я хотел бы сделать отступление, подвергнув анализу японское понятие *модоки*, практически соответствующее понятию мимезиса» [Sakabe, 1985a, p. 96]. Во-первых, указывает Сакабэ, *модоки* почти всегда употребляется как суффикс, имитирующий некое действие, форму, внешность или атмосферу. Например, *ган-модоки* – сорт жареного паштета из соевых бобов-*тофу,* употребляемого в вегетарианской кухне как имитация мяса дикого гуся. Или выражение: «*Карэ ва сибай модоки-ни сябэру*» («Он говорит так, будто находится на сцене»). Во-вторых, это слово означало упрек (позор, срам, укор) или критику в чей-то адрес. Сакабэ приводит отрывок из одного из величайших произведений японской классической литературы эпохи Хэйан, «Гэндзи моногатари»: «*Е наки фурумаи-но цуморитэ хито-но модоки во ован то суру кото то обосэдо*» («Он совершил столько нелепостей, хотя и опасался стать мишенью светской критики»). Третье значение *модоки*, пародийность, Сакабэ видит в народной традиции,

сохранившейся до сегодняшних дней. Ее воплощает персонаж популярных представлений, который играет комические роли, пародирующие главных героев пьесы. Корни этого персонажа эстетик усматривает еще в сакральных танцах японского синтоизма, как и в древних корейских танцах в масках, где *модоки* присутствует как изначальная пародия на божеств и демонов.

Сакабэ анализирует этимологию слова *модоки*, не принимая варианты, утверждающие, что это существительное происходит от того же корня, что и глагол *модору* (возвращаться), или является транзитивной глагольной формой от *модору*. Также ученого не устраивает происхождение *модоки* от слова *модоритоку* (возражать в ответ). По мнению Сакабэ, гораздо более подходящим будет предположение, что корнем *модоки* является слово *мото* (происхождение, исток) и что *мото-токи* (толкование оригинала) и есть изначальный смысл понятия *мото-доки*. Значения же «упрек» или «ответная критика» являются производными от этой исходной формы. Сакабэ апеллирует к авторитету выдающегося знатока фольклора и поэта Орикути Синобу (1887–1953), который именно в стиле *модоки* находил прототип традиционных японских исполнительских искусств. Орикути считал, что смысл слова *модоки* первоначально не ограничивался значениями «упрек» или «насмешка». И хотя сегодня все, как и Орикути, видят значение *модоку* в смысле «представить оппозицию чему-то» или «упрекать», в древности это слово, вероятно, имело более широкое значение. К примеру, в истории исполнительских искусств оно означало «истолковывать», «перетолковывать чье-то имя» и имело изначальный смысл «передразнивать», «подвергаться чьим-то насмешкам над тем, чего ты не можешь не стыдиться».

Сквозь призму *модоки* Сакабэ Мэгуми анализирует персонажей театра *Но*, в частности одного из главных действующих лиц по имени Окина. По мнению японского исследователя, белая маска этого персонажа не всегда была главной. Впрочем, еще задолго до создания театра *Но* в различных средневековых мистериях и ритуалах она могла оказаться одной из интерпретаций – *модоки* черной маски персонажа по имени Самбасо. Более того, феномен *модоки* присутствовал не только на театральных подмостках, но и в самой жизни, когда, например, реальный обряд очищения *о-хараи*, проводившийся Нэги, жрецом из рода Накатоми, без всякой почтительности подвергался вышучиванию актерами бродячих трупп древности *саругаку* и *дэнгаку*. В рамках последних иерархия главных и пародируемых героев никак не соблюдалась, они постоянно менялись местами, демонстрируя относительность всего сущего.

Сакабэ ищет смысл: «Что означает данная прототипическая оппозиция главной роли и *модоки*, серьезности и шутовства, значительности и пустяковости, покорности и непослушания? То, что такая оппозиция имеет широкое объясняющее поле, включающее общий регистр человеческого существования, начиная с возвышенного и спускаясь все ниже и ниже. Динамическая структура этой оппозиции предлагает нам что-то вроде мимезиса, который одновременно интерпретативен и герменевтичен; эта схема позволяет нам понять глубинные структуры человеческого существования даже до того, как сформировался так называемый уровень индивидуальной и сознательной личности. Две крайности жизни индивидуума обнаруживают друг друга в прямом неразрывном равенстве так же, как в их динамическом противостоянии» [Sakabe, 1985a, p. 103]. Данный динамизм у Аристотеля позволяет определять трагедию как мимезис наиболее благородного, а комедию – как мимезис наиболее вульгарного воплощения типа личности. Сакабэ предлагает использовать миметическую пару «*модоки* – главное божество», чтобы обогатить понятие «мимезис» и распространить его не только на сферу антропологического (как у Аристотеля), но и на сферу сакрального, где также наличествует оппозиция святости и загрязнения.

Тогда, пишет Сакабэ, следует понимать мимезис как некое стремление стать трансцендентным бытием, которое и есть Бог. Но поскольку японская духовная традиция зиждется на небытии, то мимезис есть отражение пустоты; того, что есть Ничто. «Каково общее основание каждого, чье бытие отражается во всех существах, но, вероятно, само по себе не отражается нигде? Мы не можем различать, что есть более истинная реальность – то

ли образ, то ли его отражение в глубокой воде, – рассуждает Сакабэ. – Без всякого сомнения, следуя традиционной японской мысли, мы можем описать общее основание (подложку бытия) только косвенно и метафорически. Такое общее основание называлось по-разному, например, в даосской традиции – это путь или пустота, ничто» [Sakabe, 2002, p. 250]. При этом японский философ постоянно подчеркивает амбивалентность миметического первообраза, в качестве которого может выступать любой образ. Это наглядно демонстрируется в традиционной эстетике, где жизнь подражает искусству, а искусство – жизни, и вместе они представляют собой некую игру зеркальных отражений или игру теней.

Субъект-объектное небытие

Сакабэ радикален: западная философия, и эстетика в частности, имеет иное, бытийственное, основание для своего мимезиса, в то время как японская традиционная эстетика «надстраивается и парит» над небытием, отрицая образную иерархию и исповедуя некий образный номинализм. Поэтому японцам, по мнению Сакабэ, никак не следовало воспринимать западные образцы эстетической науки, имеющей принципиально иные основания для творческой активности субъекта-художника, нежели основания японской художественной традиции, с ее отсутствием первообраза, стертостью границ между повседневной жизнью и искусством, где не существовало субъект-объектных отношений и бытие легко оборачивалось небытием, уравновешивающим все явления между собой.

Завершая наше исследование, еще раз отметим тезис Сакабэ Мэгуми о пустотном основании культуры Востока, делающем практически неразличимыми понятия «сущности» и «явления», «жизни» и «искусства». Феноменальный мир в интерпретации японского эстетика не имеет выраженной ценностной иерархии, а искусство и жизнь являются зеркальными отражениями друг друга. При этом Сакабэ обращает внимание на особенности японского языка, заключающиеся в неопределенности и размытости образующих его понятий, в полной мере демонстрирующих характер культуры носителей этого языка. Этот японский ученый стал примером подлинно национального исследователя, опирающегося на принципы художественной традиции и плодотворно использующего их для создания оригинальной эстетической концепции.

Литература / References

Аристотель. Поэтика // Аристотель. *Сочинения в 4 т.* Т. 4. М., 1984 [Aristotel'. Poetika // Aristotel'. *Sochineniia v 4 t.* T. 4. Moscow, 1984].

Вацудзи Тэцуро. *Дзэнсю (Полное собрание сочинений).* Т. 17. Токио, 1962 [Vatsudzi T'etsuro. *Dzensiu.* T. 17. Tokyo, 1962].

Генс И. Ю. *Бросившие вызов. Японские кинорежиссеры 60–70 годов.* М., 1988 [Gens I. Yu. *Brosivshie vyzov. Yaponskie kinorezhissyory 60–70 godov.* Moscow, 1988].

Декарт Р. *Избранные произведения.* М.–Л., 1950 [Dekart R. *Izbrannye proizvedeniia.* Moscow, Leningrad, 1950].

Нисида Китаро. Кэйдзидзёгакутэки татиба кара мита тодзай кодай-но бунка кэйтай (Формы культур Востока и Запада классического периода с метафизической точки зрения) // Нисида Китаро. *Дзэнсю (Полное собрание сочинений).* Т. 7. Токио, 1965 [Nisida Kitaro. Keidzidzegakuteki tatiba kara mita todzai kodai-no bunka keitai // Nisida Kitaro. *Dzensiu.* T. 7. Tokyo, 1965].

Нисида Китаро. Нихон бунка-но мондай (Проблемы японской культуры) // *Тэцугаку кодза сю. Рэкиситэки синтай то гэндзюцу-но сэкай (Собрание лекций по философии. Историческое тело и реальный мир).* Киото, 1995 [Nisida Kitaro. Nikhon bunka-no mondai // *Tetsugaku kodza siu. Rekisiteki sintai to gendziutsu-no sekai.* Kyoto, 1995].

Рильке. Дуинские элегии (пер. В. Микушевича) // Р. М. Рильке. *Новые стихотворения.* М., 1977 [Ril'ke. Duinskie 'elegii (perevod V. Mikushevicha) // R. M. Ril'ke. *Novye stihotvoreniya.* Moscow, 1977].

Сакабэ Мэгуми. *Камэн-но кайсякугаку (Герменевтика маски).* Токио, 1976 [Sakab'e M'egumi. *Kamen-no kaisiakugaku.* Tokyo, 1976].

Сакабэ Мэгуми. *Пэрусона-но сигаку. Катари, фурумаи, кокоро (Поэтика лица. Нарратив, манеры, сердце).* Токио, 1989 [Sakab'e M'egumi. *Perusona-no sigaku. Katari, furumai, kokoro.* Tokyo, 1989].

Сакабэ Мэгуми. Сэйё то но хэдатари, би то но хэдатари (Расставаясь с Западом, расставаясь с красотой) // *Бигаку (Эстетика).* Т. 5. Токио, 1985б [Sakab'e M'egumi. S'eie to no x'edatari, bi to no h'edatari // *Bigaku*. T. 5. Tokyo, 1985].

Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто. Опыт феноменальной онтологии.* М., 2000 [Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenal'noi ontologii.* Moscow, 2000].

Снитко Т. Н. *Запад – Восток: предельные понятия лингвокультур.* М., 2014 [Snitko T. N. *Zapad – Vostok: predel'nye ponyatiya lingvokul'tur.* Moscow, 2014].

Трубникова Н. Н. *Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли.* М., 2010 [Trubnikova N. N. *Traditsiya "iskonnoi prosvetlyonnosti" v yaponskoi filosofskoi mysli.* Moscow, 2010].

Rutherston M., Marvin S. E. *Japanese Masks: An Exhibition of Noh, Kyôgen and Kagura Masks, 14 May – June 2012.* London, 2012.

Sakabe Megumi. "Modoki" – Sur la tradition mimetique au Japon // *Acta Instituationis Philosophiae et Aestheticae.* 1985a. 3. Pp. 95–105.

Sakabe Megumi. Le masque et l'ombre dans la culture Japonaise. Ontologie implicite de la Pensee Japonaise // *Revue metaphysique et le Morale.* 1982. 83.3. Pp. 335–343.

Sakabe Megumi. Mask and Shadow in Japanese Culture: Implicit Ontology in Japanese Thought // Marra M. (ed.). *Modern Japanese Aesthetics. A Reader.* Honolulu, 2002. Pp. 245–246.

ОБ ОБРАЗЕ «СЕРОГО МОРСКОГО КОНЯ» В ТЮРКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2018

Т. А. Аникеева*

Статья посвящена образу «серого морского коня» в тюркском фольклоре на материале огузского эпоса и турецкой народной повести.

Ключевые слова: эпос, Турция, огузы, сказание об Алпамыше, конь богатыря.

ABOUT THE IMAGE OF THE "GRAY SEA HORSE" IN TURKIC FOLKLORE

Tatyana A. Anikeeva

The article looks at the image of the "gray sea horse" in the Turkic folklore based on the material of the Oghuz epic and the Turkish folk story.

Keywords: epics, Turkey, the Oghuz Turks, the story of Alpamysh, heroic horse.

Вплоть до самого недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к циклу огузского книжного эпоса «Книга моего деда Коркута», продолжали бытовать на территории современной Турции и Закавказья. К ним относится прежде всего сказание о Бамси-Бейреке («Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры»). Оно является одной из самых древних частей «Китаб-и дедем Коркут», будучи в то же время генетически связанным с эпосом «Алпамыш» – данный сюжет известен во многих версиях и относится к числу самых распространенных среди тюркских народов. В свою очередь, в основе эпического сказания об Алпамыше[1] лежит архаическая богатырская сказка, элементы сюжета которой широко распространены в сказочном эпосе тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии: ее герой, имеющий сверхъестественное происхождение, отправляется за своей невестой в далекие страны[2]. В сказании о Бамси-Бейреке присутствует ряд архаических, древних элементов этой богатырской сказки.

Сказание о Бейреке продолжало свое дальнейшее бытование в рамках совершенно иного, гораздо более позднего жанра турецкой традиционной словесности – жанра народной

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tatiana.anikeeva@gmail.com

[1] Алпамыш – главный герой эпического сказания, распространенного у многих народов Центральной Азии, Западной Сибири, Алтая и Поволжья и известного в различных версиях и редакциях. Датировать начало их сложения довольно сложно, так как в основе сказания об Алпамыше «лежит древняя богатырская сказка, отдельные элементы которой имеют широкое распространение в сказочном эпосе тюркских и монгольских народов южной Сибири и Центральной Азии. Герой этих сказок обычно имеет чудесное происхождение, рождается по предстательству свыше у бездетных родителей, растет "не по дням, а по часам", отличается сверхчеловеческой силой и магической неуязвимостью» [Жирмунский, 1962, с. 202]. В то же время оформление отдельных версий эпоса об Алпамыше, например, кунгратской, принято относить к XV–XVI вв. Что касается «Книги моего деда Коркута», то обе рукописи (Дрезденская и Ватиканская), которыми располагают исследователи, относят к XVI в., однако процесс циклизации сказаний данного памятника начался приблизительно в первой половине XI в., когда часть огузских племен начала свое продвижение на Запад из Средней Азии через Закавказье, Иран и Малую Азию.

[2] См.: [Жирмунский, 1962].

повести[3] в той его разновидности, которую называют «героической» (*kahramanlık*) повестью. На сегодняшний день исследования, посвященные сказанию о Бамси-Бейреке в виде народной повести, практически отсутствуют. Различные версии повестей о Бейреке, бытовавшие в том или ином виде в Турции, были собраны в издании Турецкого лингвистического общества (Türk dili kurumu) 1939 г. знаменитым фольклористом Пертевом Наили Боратавом (1907–1998) и с тех пор не переиздавались: ныне даже само это издание [Boratav, 1939] представляет собой библиографическую редкость[4]. В это издание вошли: так называемые «Бейшехирская повесть» (*Beyşehir rivayeti*) и «Мейданская повесть» (*Meydan rivayeti*), представляющие собой записанные соответственно в Бейшехире и в Мейдане близ Коньи от информантов различные варианты повести о Бейреке; два рукописных текста повести о Бейреке, хранящиеся в библиотеке Стамбульского университета под одним инвентарным номером (№ 239), а также несколько небольших текстов, обнаруженных П. Н. Боратавом в *джонках* – антологиях турецкой народной песенной поэзии.

Основу сюжета турецкой народной повести о Бейреке составляют приключения сына «падишаха Огузского иля» Бея Бейрека (тур. *Bey Bira*, *Bey Beyri, Bey Böyre, Bey Böyrek*): в сопровождении своего коня он преодолевает множество препятствий, борется с коварными врагами и добывает себе невесту по имени Ал Кавак Кызы (тур. *El Kavak Kızı,* диалект. *Dalgavaq Gızı*). Иными словами, фабула повести является достаточно традиционной и типичной для турецкого *хикайата*. В то же время народная повесть о Бейреке сохраняет ряд сюжетных особенностей, которые позволяют возводить ее к эпическому прототипу сказания о Бамси-Бейреке. Прежде всего, главный герой повести, Бейрек, появляется на свет одновременно с жеребенком, который станет его волшебным конем. Здесь можно увидеть реализацию древнейшего мотива тюркского эпоса: спутником богатыря Алпамыша является его крылатый конь *тулпар* Байчибар, а Бамси-Бейрек в «Книге моего деда Коркута» ездит на «сером [морском] жеребце» (*bir deniz kulunu boz aygır*), который был приобретен ему в детстве («купцы отправились в путь, (шли) днем и ночью, прибыли в Стамбул, купили хорошие дары из редких и ценных товаров; для сына Бай-Буры они взяли серого морского жеребца»). *Тулпар* – в мифологии различных тюркских народов (у башкир, казахов, татар, киргизов) волшебный крылатый конь, фигурирующий в эпосе и волшебных сказках; в эпосе об Алпамыше «способный на превращения и наделенный сверхчеловеческим разумом» [Жирмунский, 1962, с. 207]; образ богатырского коня, в свою очередь неразрывно связан с культом лошади у древних тюрков (о нем см., например: [Roux, 2015, p. 36–39]).

В Бейшехирской повести, а также в рукописных вариантах и в Мейданском варианте коня Бейрека зовут Бенли-Боз, или Бенги-Боз (*Benli Boz* / *Bengi Boz*), что, скорее всего, напрямую восходит к *Boz Aygır* Бамси-Бейрека в «Книге Коркута»[5]. Характерно, что и свое имя конь получает тогда же, когда именем нарекают его хозяина, сына падишаха Бея Бейрека.

---

[3] Турецкая народная повесть (*hikaye, хикайат*) – жанр турецкой народной словесности, занимающий пограничное место между устной и литературной традицией. Это прозаические тексты новеллистического или фантастического содержания, некогда бытовавшие исключительно в устной форме; генетически они связаны с устной эпической традицией, а также со сказочным фольклором (волшебной сказкой), так как зачастую представляют собой фольклоризованные версии известных на Ближнем Востоке литературных сюжетов или же – как в случае с повестью о Бейреке – часть большего эпического цикла (см.: [Аникеева, 2011]). К подобным повестям относят рассказы прозаической версии известного на Кавказе, Ближнем Востоке и Средней Азии огузского эпического сказания о Кёр-оглу, получившей широкое распространение в Малой Азии, а также ряд других сюжетов, как, например, «Ильбейлиоглу» («İlbeylioğlu»), повесть о Шах-Исмаиле («Şah-Ismail») и др. Документально подтвержденные свидетельства устного исполнения городской повести относятся приблизительно к периоду с XVIII по середину XX в.

[4] Известно также и о некоей армянской версии повести «из Кесарии», которая опубликована в: *Macler N.* Contes, legendes ot epopee de l'Armenie. Paris, 1928, p. 150–158 [Жирмунский, 1962, с. 209]. Кроме того, «в Байбурте существует легендарная могила Бей-Бейрека. Имя Бёйрек было широко распространено у жителей деревень, окружавших Байбурт. Среди армян, живших до первой мировой войны в деревне Алмышка, расположенной в этом районе, некоторые семьи считали себя потомками Бейрека и армянской княжны, властительницы Байбурта» [Жирмунский, 1962, с. 209].

[5] См., например: [Gökyay, 2000, p. 331].

Интересно, что и святой Хызыр[6] турецких волшебных сказок и хикайатов также иногда предстает всадником на сером коне [Gökyay, 2000, p. 331]. Надо отметить, что и в относительно поздних турецких исторических преданиях о мусульманских святых и знаменитых дервишах, записанных В. Гордлевским в Конье уже в 1928 г., также фигурируют волшебный «серый конь» и таинственный всадник, помогающий путникам:

«№ 214. Мухиэддин Араби. Дервишем бродил Мухиэддин Араби по Анатолии. Он направлялся пешком из Малатьи в Конью. Дорогой попалась ему «высокая гора»; выбившись из сил, *он размечтался о «сером коне» и воззвал к Аллаху о помощи* (курсив мой. – *Т. А.*). От усталости он заснул и слышит, кто-то его будит. Он проснулся, а *перед ним всадник на сером коне*. Незнакомец расспросил, кто он и куда идет, и, сжалившись, приказал ему взять лошадь под уздцы и идти вперед. Мухиэддин повиновался, а всадник подстегивал его коня и все подгонял. Когда они спустились с высокой горы, наводившей на Мухиэддина ужас, всадник остановил лошадь и сказал: "Теперь ты иди сзади, вот впереди деревня, там тебе помогут". И только сказал это, как исчез…» [Гордлевский, 1960, с. 467].

Что касается «серого жеребца» (*Boz Aygır*) «Книги Коркута», то этот образ не до конца ясен, в особенности его связь с водой/морем. Если сама масть богатырского коня достаточно очевидна[7], то не вполне понятна природа его связи с водой/морем. В. В. Бартольд в примечании к своему переводу «Книги Коркута» отмечает: «Как мне указал П. М. Мелиоранский, здесь, вероятно, имеется в виду мифическая "водяная" или "морская лошадь"» [Книга Коркута, с. 266]. «Водяная лошадь» (перс. *асп-и аби*) встречается в фольклоре сартов[8], в частности, зафиксированном Н. П. Остроумовым[9]. Согласно поверьям, *асп-и аби* имеет голову, похожую на лошадиную, «копыта – на копыта рогатого скота, а хвост на хвост свиньи»; «изображение водяной лошади находится в сочинении "Аджаибуль-Махлюкат". У арабов эта лошадь называется "морской лошадью". В сочинении "Хаяту-ль-Хайван" говорится, что эта лошадь водится в Египетской реке» [Остроумов, 1905, с. 169]. Интересно, что фольклорная традиция сартов-тюрков в данном случае довольно четко апеллирует к арабо-персидской книжной традиции, а именно к указанным сочинениям[10].

Вполне вероятно, что этот образ «водяной лошади» (возможно, дракона?) в целом имеет нетюркское происхождение, и еще в сказаниях «Книги моего деда Коркута» контаминируется с традиционным для тюркского эпоса древним образом волшебного богатырского (серого) коня-помощника главного героя, наделенного волшебными свойствами. Этот же образ получает свое дальнейшее развитие и переосмысление в более поздних жанрах турецкого фольклора – в народной повести и исторических легендах.

---

[6] Хыдыр, Хызыр (Хызр, Хизр) – персонаж мусульманской мифологии, вобравший в себя черты различных мифологических персонажей доисламского Ближнего Востока и имеющий широкое распространение и в мусульманском книжном предании, и в фольклоре. Его считают покровителем путешествующих по морю, защитником от пожаров, наводнений и краж и т. д. Образ Хызыра в тюркской мифологии появился под влиянием ислама. В турецком фольклоре (сказка, народная повесть) образ Хызыра часто сливается с образом Дервиша; он наделен магической, сверхъестественной силой и/или волшебными предметами (см.: [Стеблева, 2002, с. 17–19]).

[7] В то же время и ее обозначение может вызвать вопросы. См., например, у Махмуда Кашгарского: « بُوز *буз ат* – «серая, пепельная лошадь» – не совсем правильно. Этим словом описывают любое животное цвета между белым и рыжим…» (5192), см.: [ал-Кашгари, 2005, с. 831].

[8] Сарты – общее название преимущественно оседлого и отчасти тюркоязычного населения Центральной Азии в XV–XIX вв. («название туземных оседлых жителей городов и селений обл. Сырдарьинской и части Ферганской и Самаркандской», по Брокгаузу и Ефрону).

[9] В. В. Бартольд в примечании к своему переводу ссылается на другую работу: *Остроумов Н. П.* Сарты. Этнографические материалы. Вып. II. Ташкент, 1892, с. 175.

[1010]*«Аджа'иб-уль-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат»* – «Чудеса творений и диковинки существующего» – знаменитое космографическое сочинение Захарии б. Мухаммада Казвини (1203–1283) – арабского ученого и литератора, пользовавшееся большой популярностью в персидском варианте. Казвини приводит описание ряда морских существ в *«Аджа'иб-уль-махлукат»*; одно из них изображено на миниатюре соответствующей рукописи (собрание музея Топкапы, TSM A.3632): царь Ануширван смотрит на хвостатое существо с телом дракона и руками человека (см.: [And, 2010, p. 274–275]). *«Хайат ал-хайаван»* – сочинение Камал ад-Дина Дамири (1344–1405).

Литература / References

Аникеева Т. А. *Турецкая городская повесть XIX в.* М., 2011 [Anikeeva T. A. *Turetskaia gorodskaia povest' 19 v.* Moscow, 2011].

Гордлевский В. А. Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926 и 1928 гг. (серия четвертая) // Гордлевский В. А. *Избранные сочинения.* Т. 1. М., 1960. С. 403–490 [Gordlevskii V. A. Skazaniia i legendy, sobrannye v Turtsii v 1926 i 1928 gg. (seriia chetvertaia) // Gordlevskii V.A. Izbrannye sochineniia. T. 1. Moscow, 1960. Pp. 403–490].

Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Серия Литературные памятники.* М., Л., 1962. С. 131–258 [Zhirmunskii V.M. Oguzskii geroicheskii epos i "Kniga Korkuta" // *Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos. Seriya Literaturnye pamiatniki.* Moscow, Leningrad, 1962. Pp. 131–258].

Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Серия Литературные памятники. М., Л., 1962 [*Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos. Seriya Literaturnye pamiatniki.* Moscow, Leningrad, 1962].

Махмуд ал-Кашгари. *Диван лугат ат-турк.* Пер. и предисл. З.-А. М. Ауэзовой, индексы Р. Эрмерса. Алматы, 2005 [Makhmud al-Kashgari. *Divan lugat at-turk.* Per. i predisl. Z.-A. M. Auezovoi, indeksy R. Ermersa. Almaty, 2005].

Остроумов Н. П. *Сказки сартов в русском изложении.* Ташкент, 1906 [Ostroumov N. P. *Skazki sartov v russkom izlozhenii.* Tashkent, 1906].

Стеблева И. В. *Очерки турецкой мифологии.* М., 2002 [Stebleva I. V. *Ocherki turetskoi mifologii.* Moscow, 2002].

And M. *Miniatürlerle Osmanlı-İslam Mitologyası.* İstanbul, 2010.

Boratav P. N. *Bey Böyrek hikayesine ait metinler.* Ankara, 1939.

Dedem Korkudun Kitabı. Haz. Orhan Şaik Gökyay. İstanbul, 2000.

Roux J.-P. *Eski Türk mitolojisi.* Çev. Sağlam M. E. Ankara, 2015.

ЛЕГЕНДА О МОНАХЕ БАХИРЕ, ПРЕДСКАЗАВШЕМ БУДУЩНОСТЬ ПРОРОКА МУХАММАДА, В *СИРЕ* ИБН ИСХАКА – ИБН ХИШАМА (VIII–IX ВВ.) И У ИСТОРИКА X В. АЛ-МУКАДДАСИ

© 2018

Д. В. Микульский*

Один из важных эпизодов жития Мухаммада – легенда о встрече с монахом Бахирой, предсказавшим ему великое будущее. Легенда зафиксирована в *Сире* («Житии Посланца Аллаха») Ибн Исхака – Ибн Хишама, а также у историка X в. ал-Мукаддаси (ал-Макдиси), произведение которого принадлежит к династийной историографии. Поставив задачу сравнить обе версии легенды на основе собственных академических переводов, автор показывает, что историк X в. опирался на всю совокупность доступного предания о Пророке и шел по пути отбора ключевых эпизодов и компоновки из них более краткого, но цельного и занимательного повествования.

Ключевые слова: пророк Мухаммад, *Сира* пророка Мухаммада, арабо-мусульманская династийная историография, монах Бахира, предсказания, средневековые источники, Ибн Исхак – Ибн Хишам, ал-Мутаххар ал-Мукаддаси (ал-Макдиси).

THE LEGEND OF MONK BAHIRA, WHO PREDICTED THE FATE OF PROPHET MUHAMMAD, IN *SIRA* BY IBN ISHAK – IBN HISHAM (8TH–9TH CENTURIES) AND IN AL-MUKADDASI'S TEXT

Dimitry V. Mikulski

A prominent episode of Muhammad's life is told in a legend about his encounter with a monk Bahira, who prophesied a glorious future for the Prophet. This legend is registered in *Sira* ("The Life of the Apostle of the God") by Ibn Ishak – Ibn Hisham, and in a dynastic chronicle written by a 10th-century historian and geographer al-Mukaddasi (al-Makdisi). Having compared the two versions of the legend in the author's own academic translation, the author shows that al-Mukaddasi relied on the entirety of the tradition available about the Prophet, selecting key episodes of the primary legend to construct a more concise narration, at once holistic and compelling.

Keywords: Prophet Muhammad, *Sira* of Muhammad, Arab-Muslim dynastic chronicles, monk Bahira, predictions, Medieval narrative sources, Ibn Ishak – Ibn Hisham, al-Mutahhar al-Makdisi (al-Mukaddasi).

Одним из важных эпизодов раннего этапа биографии основателя ислама является легенда о встрече Мухаммада с неким сирийским монахом по имени Бахира, разглядевшим в отроке пророка и предрекшим ему великое будущее. Легенда зафиксирована в первом связном жизнеописании Мухаммада. Первое житие Пророка было составлено в середине VIII в. видным мединским ученым-факихом Ибн Исхаком (704–767) и дошло до нас в редакции египетского факиха Ибн Хишама (начало IX в.), давшего сочинению заглавие *Сират Расул Аллах* («Житие посланца Аллаха», далее – **СН**) [СН, дж.1, с. 191–195]. Как отмечал выдающийся отечественный арабист и исламовед О. Г. Большаков, *Сира* была написана в то время, когда вокруг жизни и деяний основателя ислама уже сложилось много легенд агиографического характера, сформировавшихся под влиянием христианской и иудейской житийных традиций [Большаков, 1989, с. 62][1]. Рассказ же о Бахире относится к тому периоду жизни будущего пророка, о котором вообще мало что

* Дмитрий Валентинович МИКУЛЬСКИЙ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmitrimikulski@mail.ru

Dimitry V. MIKULSKI, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmitrimikulski@mail.ru

[1] Об этом памятнике и истории его формирования см. также: [Куделин, 2009, с. 90–100].

известно [Большаков, 1989, с. 65]. Тем не менее, подобная легенда – предвестие будущей великой судьбы – весьма характерна для античной и средневековой словесности, в том числе и арабо-мусульманской[2].

В IX в. стали формироваться связные арабо-мусульманские исторические сочинения, в которых излагалась история мусульманской общины. Большинство подобных сочинений принадлежит к жанровой разновидности арабо-мусульманской историографии, именуемой династийной историографией, где история общины излагается в соответствии с правлениями государей-халифов. В таких сочинениях раздел, содержащий биографию Пророка, сделался необходимым структурно-композиционным элементом, предваряющим всю арабо-мусульманскую историю.

Среди сообщений, составляющих текстовую ткань всех доступных нам арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв., внесенных нами в базу данных тем и сюжетов таких исторических сочинений[3], имеется один случай включения в житие Пророка предания о встрече с Бахирой. Этот эпизод приводит известный историк и географ ал-Мукаддаси (другой вариант его нисбы – ал-Макдиси; ум. в конце X в.) в *Китаб ал-бад' ва-т-та'рих* («Книге начала и истории»; далее – **КБТ**)[4].

Ниже мы приводим переводы версий легенды в СН и КБТ.

Сират Расул Аллах (СН)	***Китаб ал-бад' ва-т-та'рих (КБТ)***[5]
История Бахиры[6] Сказал Ибн Исхак: После выступил Абу Талиб[7] с караваном торговать в Сирии. Когда же приготовился он к отъезду и собрался уезжать, приник к нему, как утверждают, Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. Тут сжалился над ним Абу Талиб и сказал: «Ей-Богу, только с ним поеду, не расстанется он со мной, и я никогда не расстанусь с ним» – или примерно так сказал он. И взял [Абу Талиб Мухаммада] с собой.	Когда достиг [Посланец Аллаха] двенадцати лет, случилось Абу Талибу выехать в Сирию с товаром. Взял он с собой Пророка из любви и приязни к нему.
И вот, остановился караван в Бусре (Босре)[8], что в Земле Сирийской. А [был] там монах по имени Бахира, [обитавший] в келье (*саума'а*) своей. Обладал он знаниями последователей [религии] христианской. Пребывал он в той келье с тех пор, как [сделался] монахом. Приходило к нему знание [христиан] из книги, что [находилась] в [келье]. И [книгу эту], как утверждают, наследовали они – старый от старого. Когда же остановились [караванщики] в тот год у Бахиры, а прежде они часто проезжали мимо него, а он не говорил с ними и не показывался им	Сказали: Когда прибыли они в Бусру (Босру), взглянул на них [из кельи своей] монах по имени Бахира и увидел некий признак из признаков пророчества.

[2] См. об этом: [Микульский, 1990, с. 50–51].

[3] База данных доступна на сайте ИВ РАН. – Микульский Д. В. *База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.* URL: http://book.ivran.ru/book?id=178&from=1061 (дата обращения 8.07.2018).

[4] Об ал-Мукаддаси и его труде см.: [Крачковский, 2004, с. 226–229].

[5] [КБТ, с. 134]; объем – 11,0 строки.

[6] [СН, дж. 1, с. 191–194]; объем – 54,0 строки.

[7] Абу Талиб (его собственное имя – 'Абд Манаф; ум. ок. 619 г.) – дядя Мухаммада, брат родителя Пророка по отцу и матери. После кончины деда пророка 'Абд ал-Мутталиба сделался старейшиной родного клана, бану хашим. Заботился о Мухаммаде после смерти родителя последнего [Montgomery Watt, 1997, p. 152–153].

[8] Бусра (Босра) – древний город на юге Сирии. В древности и средневековье – важный пункт караванной торговли. В нынешней Босре сохранился ряд археологических и архитектурных памятников мирового значения [Abel, 1986, p. 1275–1277].

– пока не настал тот год. [Так вот,] когда остановились они с [Посланцем Аллаха] неподалеку от кельи [Бахиры], приготовил он для них обильную трапезу. [Произошло же] это, как утверждают, из-за некоего [видения], что узрел он, [пребывая] в келье своей. Утверждают, что увидел [монах, пребывая] в келье своей, Посланца Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, среди каравана, когда подъезжали они, и облако осеняло его среди [прочих] людей.

Сказал [Ибн Исхак]: Потом подъехали они и остановились в тени дерева, неподалеку от [Бахиры]. Посмотрел он тогда на облако, осенившее дерево, а ветви дерева склонились над Посланцем Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, так что укрылся он под ними. Когда же увидел это Бахира, спустился с кельи своей; после же послал к ним и сказал: «Приготовил я для вас трапезу, о сообщество курайш. Хочется мне, чтобы пришли вы все, от велика до мала, и раб, [что среди] вас, и свободный, [что среди] вас». Сказал тогда ему [некий] муж из них: «Ей-Богу, Бахира, истинно, у тебя сегодня [к нам] важное дело! Ведь не поступал ты с нами таким образом [прежде], а мы часто проезжали мимо тебя. Каково же сегодня важное дело твое [к нам]?». Сказал Бахира: «Истинно сказал ты. Именно такое и произошло. Однако вы гости, и пожелал я уважить вас и приготовить для вас трапезу, дабы все вы вкусили ее». Тогда собрались у него [курайш], а Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, не пошел вместе с [прочими] людьми в силу младости возраста своего, [оставшись] под деревом с верховыми животными спутников [своих]. Когда же посмотрел Бахира на [пришедших] людей и не увидел признака, который был ему известен и [который] обнаружил он у [Мухаммада], сказал: «О сообщество курайш! Да не воздержится никто из вас от трапезы моей». Сказали они ему: «Не воздержался от [прихода] к тебе никто, кому

Устроил он трапезу и пригласил к себе [тех] караванщиков.

Пришли они и оставили Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, на стоянке своей из-за юного возраста его.

Сказал тут Бахира: «Не лишайте никого трапезы моей».

[9] Ал-Лат – одно из древних семитских божеств, считавшееся покровителем скотоводов. В наибольшей степени почитание ал-Лат было распространено в племени сакиф. Согласно историческому преданию, культ ал-Лат был установлен в Мекке по инициативе вождя курайш Кусаййа (сер. V в.) [Fahd, 1986, p. 692–693].

[10] Ал-ʻУзза – древнее доисламское божество. Имя этой богини означает «Всемогущая», однако функции ее неясны. Античные авторы порой отождествляли ал-ʻУззу с Афродитой. Согласно арабо-мусульманским источникам, культ ал-ʻУззы прочно утвердился в Мекке к VII в. [Macdonald, Nehme, 1997, p. 967–968].

[11] В оригинале этот пассаж довольно невнятен. Смысл уточнен по переводу СН на немецкий язык, выполненному одним из крупнейших немецких арабистов Г. Вейлем (1808–1889): [Das Leben Mohammed's, 1864, S. 88].

[12] [СН, дж.1, с. 194–195]; объем – 6,0 строки.

[13] Ал-Джахилиййа (также встречается написание *ал-джахилийа*; «неведение») – эпоха язычества, предшествовавшая наступлению эпохи ислама. Эта эпоха, согласно мусульманскому вероучению, характеризовалась не только неверием в истинного Бога, но и подчинением человека низменным страстям и необузданным желаниям [Пиотровский, 1991].

[14] Изар – целый кусок ткани, покрывающий нижнюю часть туловища от пояса до середины голени [Гиргас, 2006, с. 17].

полагалось прийти к тебе, кроме [некоего] отрока – он самый младший возрастом среди людей, и остался он [стеречь] их верховой скот». Сказал тогда [Бахира]: «Не поступайте [таким образом]. Позовите его – пусть он будет на этой трапезе вместе с вами». Сказал [Ибн Хишам]: Сказал тогда [некий] муж из курайш, [бывший] среди [тех] людей: «[Клянусь] ал-Лат[9] и ал-‘Уззой[10], [значит справедлив] нам упрек, что не пришел Ибн ‘Абдаллах б. ‘Абд ал-Мутталиб (то есть, Мухаммад – *Д. М.)* на трапезу вместе с нами».

Потом поднялся [тот муж, приветствуя Мухаммада], обнял его и усадил вместе с [прочими] людьми. Когда же увидел Бахира [Посланца Аллаха], принялся внимательно его рассматривать и глядеть на части тела его, в которых ожидал найти [должные] признаки [пророческого дара].

А когда завершили люди трапезу свою и разошлись, встал Бахира перед [Мухаммадом] и сказал ему: «Отрок, прошу тебя во имя ал-Лат и ал-‘Узза, дабы непременно сообщил ты мне о том, о чем спрошу я тебя». Бахира же сказал [Пророку] такое, ибо слышал он, что спутники [Мухаммада] клялись [двумя этими божествами]. Утверждают, что сказал Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, [монаху]: «Не спрашивай меня [именем] ал-Лат и ал-‘Узза, ибо ничего не ненавижу я более, нежели [эти два божества]». Сказал тогда ему Бахира: «Тогда непременно сообщи мне о том, что спрошу я у тебя, ради Бога». И сказал ему [Мухаммад]: «Спрашивай о том, что заблагорассудится тебе». Тогда принялся [монах] спрашивать [Мухаммада] о том, что происходит с ним во сне, о характере [сна] и обстоятельствах его. Что до Посланца Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, то стал он рассказывать [монаху], и соответствовало это [тем] признакам, которые [были ведомы] Бахире [относительно Пророка]. После посмотрел [Бахира] на спину [отрока] и увидел между плечами его печать пророчества в том [самом] месте, которое [соответствовало пророческим] признакам, что у него [имелись].

Сказал Ибн Исхак: была [печать эта] подобна следу от банки для пускания крови.

Сказал Ибн Исхак:

Когда же завершил [Бахира дело это], пришел он к дяде [Мухаммада] Абу Талибу и сказал: «Кем [приходится] тебе этот отрок?». Сказал [Абу Талиб]: «[Он] сын мой». Сказал ему Бахира: «Не сын он тебе. У отрока этого отец не может быть жив». Сказал тогда [Абу Талиб]: «Он племянник мой». Сказал [Бахира]: «Что же сделал отец его?». Сказал [Абу Талиб]: «Он умер, а мать [отрока этого была] беременна им». Сказал [Бахира]:

Тогда позвали они [Мухаммада].

Когда посмотрел на него Бахира, разглядел на нем знаки пророчества и узнал указания касательно него.

Тогда обнял [Бахира Мухаммада], прижал к себе и сказал Абу Талибу: «Кем [приходится] тебе отрок этот?». Сказал [Абу Талиб]: «Это сын мой». Сказал [Бахира]: «Не должен отец его быть в живых». Сказал [Абу Талиб]: «Племянник мой».

«Правду сказал ты. Возврати же племянника твоего в селение его и опасайся иудеев, [что могут навредить] ему. Ведь они, ей-Богу, если увидят его и узнают о нем то, что узнал я, понаделают ему зла. Ведь произойдет с этим твоим племянником великое дело. Так что скорее [вези] его на родину его.

Тогда поспешил дядя [Мухаммада] Абу Талиб выехать с ним и привез его в Мекку, совершив торговые дела в Сирии.

Утверждали, как передают люди, что Зурайр, Таммам и Дарис, а это трое других ученых мужей из Людей Писания [11], увидели в Посланце Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, подобное тому, что увидел в нем Бахира во [время] того путешествия, в котором был он вместе с дядей своим Абу Талибом, и пожелали [подчинить] его [себе], однако защитил его от них Бахира. Напомнил он им о Боге и о том, что сказано в Писании касательно упоминания о [Пророке] и признаках его, и что если решатся они [совершить] желаемое, то не добьются этого. И не отставлял их [Бахира], пока не поняли они сказанного им и не поверили тому, что он сказал. Тогда оставили они [Бахиру] и ушли от него.

Что же до Посланца Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, то стал он юношей, а Аллах Всевышний упасал его, оберегал и оборонял от нечистоты *ал-джахилиййи*, ибо желал благородства его и посланнического служения его. Так что возмужал [Мухаммад] и сделался мужем, превосходнейшим среди сородичей своих доблестью, наилучшим нравом, наиблагороднейшим родословием, наидобрейшим как сосед, наивеличайшим кротостью, наиправдивейшим беседой, наикрепчайшим надежностью, наиудаленнейшим среди [своих соплеменников] от порока и нравов, что оскверняют мужей, наиболее воздержанным и достойным. Так что было прозванием [Мухаммада] среди сородичей его Надежный (*ал-Амин*) в силу тех праведных черт, что соединил в нем Аллах. [12]

[Бывало], рассказывал Посланец Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, как мне (Ибн Исхаку – *Д. М.*) передали, о том, как хранил его Аллах в [пору] малолетства его от дел *ал-джахилиййи* [13]. Сказал [Пророк]: Увидел бы ты меня с [прочими] отроками из курайш, как таскали мы камни для некоей игры, которой занимаются отроки. Обнажился каждый из нас, взял *изар*[14] свой и повязал его у себя на шее, нося в нем камни. Я же вместе с прочими [пареньками] ходил туда-сюда. Вдруг пребольно ударил меня некто, кого я не видел, после сказал: «Повяжись *изаром* твоим!». Сказал [Пророк]: Взял я [*изар*] и

Сказал [Бахира]: «Возврати племянника твоего [восвояси] и береги его от иудеев, ибо предстоит племяннику твоему дело великое».

И вот, совершил Абу Талиб торговлю свою и поспешил с [Мухаммадом] в Мекку.

Говорит [Абу Талиб] о [Мухаммаде]:

Разве не было для курайш чуда удивительного, о котором говорят Бахира и ‘Аддас?

повязал его на себе. После принялся я носить камни на шее своей вместе с сотоварищами своими, а *изар* мой [был] на мне.

Приведенный нами перевод обоих текстов наглядно показывает, насколько и в каких отношениях повествование ал-Макдиси является более сокращенной версией по сравнению с рассказом Ибн Исхака – Ибн Хишама, причем дело не только в объемах обоих текстов (в СН – 54,0 строки, а в КБТ – 11,0 строки), но и в том, что ал-Мукаддаси воспроизводит лишь отдельные эпизоды повествования о встрече Мухаммада с Бахирой:

1. Мухаммад отправляется вместе с Абу Талибом в торговую экспедицию в Сирию; подробности того, как племянник просит дядю взять его с собой, опущены;
2. Монах Бахира, увидев Мухаммада, зрит в нем некий признак божественного пророческого дара;
3. Бахира устраивает трапезу для караванщиков, спутников Пророка;
4. Караванщики приходят, не взяв с собой слишком юного Мухаммада;
5. Бахира велит прийти всем сочленам караванной «дружины»;
6. Караванщики зовут юного Пророка;
7. Бахира еще раз разглядывает Посланца Аллаха и яснее видит в нем пророческие знаки;
8. Монах, обладая даром провидения, выясняет, кем Мухаммад приходится Абу Талибу;
9. Бахира велит Абу Талибу поскорее вернуть Мухаммада в Мекку и беречь его от происков иудеев;
10. Завершив торговые дела, Абу Талиб возвращается с Мухаммадом домой.

Как видно из приведенного перевода, эти эпизоды представляют собой сокращенные версии соответствующих эпизодов повествования СН.

Особняком стоит стихотворный отрывок, якобы сочиненный Абу Талибом о Мухаммаде. Ему мы не находим соответствия в повествовании СН. По всей видимости, ал-Мукаддаси почерпнул этот стихотворный отрывок из не дошедших до нас версий материалов о житии основателя ислама. Интересно в связи с этим, что в стихотворном отрывке упомянут некто ‘Аддас – раб-христианин, который опознал в Мухаммаде пророка [СН, дж. 2, с. 62–63]. Согласно преданию, зафиксированному в СН, их встреча произошла много позже предполагаемого знакомства с Бахирой. Поэтому упоминание ‘Аддаса в стихах Абу Талиба – явный анахронизм. Как нам представляется, ал-Мукаддаси завершает рассказ о встрече Пророка с Бахирой, с одной стороны, следуя древней арабской традиции завершения прозаических рассказов стихами, а с другой стороны, ради беллетризации повествования[15].

В комплекс материалов СН о Бахире и Пророке включен еще один небольшой рассказ, вводимый в текст памятника со слов самого Посланца Аллаха. Это повествование о том, как Божество воспитывало в Своем избраннике стыдливость, оберегая его таким образом от пороков, которые, согласно арабо-мусульманскому историческому преданию, были присущи людям доисламской эпохи. Со всей очевидностью, цель автора-составителя СН заключалась в том, чтобы этим рассказом еще раз подчеркнуть богоизбранность своего главного героя.

Итак, как нам представляется, приведенные материалы выявляют методы работы ал-Мукаддаси с материалами жития мусульманского Пророка. Историк X в., опираясь на всю совокупность доступного ему историко-биографического предания, шел по пути отбора ключевых эпизодов и компоновки из них более краткого, но цельного и занимательного повествования.

[15] Стихотворные отрывки, завершающие прозаическое повествование, весьма характерны для доисламской арабской прозы. См. [Аййам ал-‘араб, б.г.].

Литература/References

Аййам ал-‘араб фи-л-джахилиййа. Б.м., б.г. [*Ayyam al-‘arab fi-l-djahiliyya*. S. l., s.a.].

Ас-Сира ан-набавиййа ли-Ибн Хишам (**СН**). Хаккакаха ва дабатаха ва шарахаха ва вада‘а фахарисаха Мустафа ас-Сака… Ибрахим ал-Абйари… ‘Абд ал-Хафиз Шалаби… Такдим у. а. Хусайн Нассар. Дж. 1–4. Каир, 2012 [Al-Sira al-nabawiyya li-Ibn Hisham. Hakkakaha wa dabataha wa wada‘a faharisaha Mustafa al-Saka… Ibrahim al-Abyari… ‘Abd al-Hafiz Shalabi… Takdim u.a. Husayn Nassar. Dj. 1–4. Cairo, 2012].

Большаков О. Г. *История Халифата*. 1. *Ислам в Аравии (570–633)*. М., 1989 [Bol’shakov O. G. *Istoriya Khalifata*. 1. *Islam v Aravii (570–633)*. Moscow, 1989].

Гиргас В. Ф. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. М., СПб, 2006 [Girgas V. F. *Arabsko-russkiy slovar’ k Koranu i hadisam*. Moscow, Saint Petersburg, 2006].

Крачковский И. Ю. *Арабская географическая литература*. М., 2004 [Krachkovskiy I. Yu. *Arabskaya geograficheskaya literatura*. Moscow, 2004].

Куделин А. Б. «Ас-Сира ан-набавиййа Ибн Исхака – Ибн Хишама» (к истории текста и проблеме авторства) // *Письменные памятники Востока*. 2009. № 2. С. 90–100 [Kudelin A. B. “As-Sira an-nabaviyya Ibn Ishaka – Ibn Hishama” (k istorii teksta i probleme avtorstva) // *Pis’mennye pamyatniki Vostoka*. 2009. 2. Pp. 90–100].

Микульский Д. В. Пророчества в арабо-мусульманских династийных хрониках // *Бартольдовские чтения*. М., 1990 С. 50–51 [Mikulski D. V. Prorochestva v arabo-musul’manskih dinastiynyh hronikah// *Bartol’dovskiye chteniya*. Moscow, 1990. Pp. 50–51].

Пиотровский М. Б. Ал-Джахилийа // *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 63–64 [Piotrovskiy M. B. Al-Djahiliya // *Islam. ‘Entsyklopedicheskiy slovar’*. Moscow, 1991].

Abel A. Bosra (Bostra) // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition (EI2). Vol. I. Leiden, 1986. Pp. 1275–1277.

Das Leben Mohammed’s nach Mohammed Ibn Ishak. Bearbeitet von Abd el-Melik Ibn Hischam. Aus Arabischen übersetzt von Dr. Gustav Weil… In zwei Bänden. Erster Band. Von Mohammed’s Geburt bis zum Feldzug gegen die Benu Suleim. Stuttgart, 1864.

Fahd T. Al-Lat // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition (EI2). Vol. V. Leiden, 1986. Pp. 692–693.

Macdonald M. C. M., Nehme L. Al-‘Uzza // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition (EI2). Leiden, 1997. Vol. X. P. 967–968.

Montgomery Watt W. Abu Talib // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition (EI2). Vol. IV. Leiden, 1997. Pp. 152–153.

The Book of Creation and History (**КБТ**). By Motahhar b. Tahir al-Maqdisi, sometimes regarded as the work of Abu Zaid Ahmad B. Sahl al-Balkhi. Ed. by Prof. Cl. Huart. Offset reproduction from the Publications de l’École des langues orientales vivantes, Paris, 1899. Vol. 4. Teheran, 1962.

Электронные ресурсы

Микульский Д. В. *База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.* URL: http://book.ivran.ru/book?id=178&from=1061 (дата обращения 8.07.2018).

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В МОН-КХМЕРСКИХ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

© 2018

Т. Г. Погибенко*

Статья посвящена проблеме аномального употребления дейктических глаголов движения в мон-кхмерских языках. Описывается ряд семантических и прагматических параметров, которые объясняют аномальное поведение глаголов.

Ключевые слова: мон-кхмерские языки, дейктические глаголы движения, семантика, прагматика.

DEICTIC VERBS OF MOVEMENT IN MON-KHMER LANGUAGES: SEMANTIC PARADOXES

Tamara G. Pogibenko

The paper investigates the problem of anomalous usage of deictic verbs of movement in Mon-Khmer languages. The author describes a number of semantic and pragmatic factors which cause the anomalous behavior of the verbs.

Keywords: Mon-Khmer languages, deictic verbs of movement, semantics, pragmatics.

Мон-кхмерские (МК) языки – это одна из трех (по некоторым классификациям – двух) ветвей австроазиатской (АА) семьи, насчитывающей более сотни языков, разбросанных на огромной территории от восточных штатов Индии до Вьетнама, от китайской провинции Юньнань до южной оконечности полуострова Малакка, а также на ряде островов Индийского океана. Число говорящих на АА языках, по разным оценкам, – от 84 до более 90 млн. человек. Из всех АА языков только два – кхмерский и вьетнамский являются государственными. Остальные АА языки – это языки национальных меньшинств, проживающих на территории Индии, Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Малайзии. Монский и кхмерский языки имеют эпиграфические памятники: монский – с VI по XVI вв., кхмерский – с начала VII по XIV вв.

МК языки изучены мало, в особенности в плане грамматики, синтаксиса и семантики. В 1979 г. в Институте востоковедения РАН начала работу советско-вьетнамская лингвистическая экспедиция по изучению языков народов Вьетнама под руководством В. М. Солнцева и Хоанг Туэ. За время существования экспедиции было проведено десять полевых сезонов и обследовано 22 языка. В данной статье используются материалы, собранные в этих экспедициях.

В статье рассматриваются аномальные случаи употребления в МК языках дейктических глаголов движения ‘идти, ехать от/к’, выражающих перемещение в пространстве в направлении от/к ориентиру, и ‘приходить, приезжать’, выражающих перемещение по направлению к ориентиру, т. е. глаголов типа английских *go* и *come*. В МК языках функционирование этих глаголов имеет свои специфические особенности, незнание которых приводит к порождению семантически и прагматически неправильных высказываний. Аномальными считаются такие случаи, когда глаголы употребляются не в соответствии со своим словарным значением, т. е. когда вместо глагола типа “come”

* Тамара Григорьевна ПОГИБЕНКО, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e-mail: t.pogibenko@mail.ru

Tamara G. POGIBENKO, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; e-mail: t.pogibenko@mail.ru

употребляется глагол типа “go” и наоборот. Такая аномалия не редкость в МК и других языках Восточной и Юго-Восточной Азии. При изучении европейских языков также приходится отмечать особые случаи употребления дейктических глаголов движения, как, например, выбор глагола *come* при переводе на английский язык предложений типа *Пошли! Пошли с нами*.

В подтверждение того, что дейктические глаголы движения имеют непростое, лингвоспецифическое поведение, укажем на ошибку, содержащуюся в работе [Пейрос, 2004], которая посвящена классификации АА семьи языков лексикостатистическим методом. Там в диагностическом списке слов на значение “come” для вьетнамского языка дается глагол *đi* ‘идти, уходить’ [Пейрос, 2004, с. 49] вместо ожидаемого *đến* ‘идти к, приходить’, при этом *đi* дается и на значение “go” тоже [Пейрос, 2004, с. 83]. В списке “come” парадоксально выглядят и глаголы языка ксингмул. Они были взяты из двух источников: из тематического словаря [Язык ксингмул, 1990] и списка слов, собранных вьетнамским лингвистом Та Ван Тхонгом специально для проекта Пейроса. В первом источнике на значение ‘приходить’ дается *pleh* (№ 811) и *dzu: pleh* (№ 812), а во втором – *ʔɔ:m*, который в первом источнике дается на значение ‘возвращаться’ (№ 813). Причины этих разночтений будут рассмотрены ниже.

Парадоксы употребления, которые мы рассмотрим, возникают прежде всего оттого, что в наивной картине мира понятие механического движения включает в себя сразу несколько параметров: движение – это (1) изменение положения тела (2) относительно других тел, которое происходит (3) во времени, причем существует (4) начальная точка движения и (5) конечная точка движения. С этими параметрами связаны известные парадоксы о движении, например, парадокс летящей стрелы древнегреческого философа Зенона (V в. до н. э.), состоящий в том, что, если движущееся тело в каждый момент находится в некоторой точке, то нет такого момента, когда оно движется. Он созвучен парадоксу летящей стрелы древнекитайского ученого Гунсунь Луна (ок. 325 – 250 гг. до н. э.), в котором говорится, что в стремительном полете стрелы есть момент отсутствия и движения, и остановки.

Дейктические глаголы движения естественного языка могут выражать различные аспекты движения, поскольку они присутствуют в семантической структуре этих глаголов в конкретной иерархической конфигурации. В предложении под влиянием контекста и прагматических факторов семантическая структура может перестраиваться таким образом, что одни компоненты уходят на задний план, а другие помещаются в фокус.

Дейктические компоненты в семантике глаголов движения

Дейксис – использование языковых выражений и других знаков, значение которых может быть раскрыто только при помощи обращения к координатам коммуникативного акта – его участникам, месту и времени. Категории слов, имеющих в своей семантической структуре дейктический компонент, могут быть разные: местоимения, термины родства, глаголы движения. Дейксис как один из способов референции противопоставляется номинации. Дейктичности английских глаголов *come* и *go* посвящены известные работы Филмора, в частности, [Fillmore, 1971].

Дейктический компонент в глаголах движения в разных языках проявляет себя по-разному, и характер его проявления зависит от многих факторов. Сравнение английского *come* с русским *прийти* обнаруживает целый ряд различий. На эти различия указал Ю. Д. Апресян в [Апресян, 1986]. Он отметил, что, если в случае глагола *come* наличие обстоятельства места означает, что говорящий будет в этом месте, то для глагола *прийти* это не обязательно.

У русских глаголов движения есть свои парадоксы. У глагола *прийти* форма несовершенного вида *приходить* не может иметь значения актуально протекающей (т. е. происходящей в данный момент) деятельности/процесса. Е. В. Падучева пишет, что разгадку дает понятие акцента или фокуса внимания: «В семантике *прийти* в фокусе Конечная точка; тем самым глагол *прийти* описывает не движение, а наступление состояния, когда

движущийся объект находится в конечной точке своего движения. Несовершенный вид в значении актуальной деятельности требует акцента на "срединной" временной точке описываемой глаголом ситуации» [Падучева, 2004, с. 373].

Итак, у глаголов движения есть начальная точка, конечная точка и срединная точка. Особенности употребления этих глаголов и семантические парадоксы связаны с тем, в какой из этих точек находится фокус и дейктический центр. Далее мы покажем, что выбор фокуса и дейктического центра в МК языках зависит от ряда параметров.

Правило композиции значений

Одним из факторов, приводящих к аномальному использованию дейктического глагола движения, является характер находящихся при нем модификаторов. Как показала Е. В. Падучева, сирконстанты могут существенно изменять не только коммуникативную структуру, но и семантическую структуру высказывания вплоть до изменений в толковании глагола. Пример из [Падучева, 2004, с. 121]:

(1) *Он поцеловал ее на прощанье* (=один раз)
Он поцеловал ее трижды

Во втором предложении при соединении с модификатором *трижды* меняется толкование глагола: зачеркивается семантический компонент «один раз». Правило зачеркивания при композиции смыслов ввел Ю. Д. Апресян в [Апресян, 1974, с. 81].

Рассмотрим предложение из кхмерского языка, в котором влияние модификаторов при дейктических глаголах движения распространяется еще дальше: модификаторы вызывают изменения в самом языковом концепте ситуации, и в лексико-семантической структуре предложения вместо глагола прибытия *mò:k* 'приходить, приезжать' употребляется глагол *tɯw* 'идти, ехать (от/к)'. В этом предложении есть два случая аномального употребления глагола *tɯw* 'идти, ехать (от/к)' и один случай аномального употребления глагола *mò:k* 'приходить, приезжать'.

(2) *doucneh haəj ba:n ciə lò:k srej nɯŋ botrej trəw cih tu:k dɒ: nih daəmbej srout* ***tɯw$_1$*** *dɒl ptĕəh chap haəj daəmbej* ***tɯw$_2$*** *prap aoj kè: jɔ:k ka:nout* ***mò:k*** *tɔtuəl lò:k proh phɒ:ŋ dael bɒŋʔɒŋ sɒmnak nə̀w kroŋ kɒmpɔŋ ca:m sən*
«Поэтому госпожа и ее дочь вынуждены были сесть на паром, чтобы быстрее **доехать** (*tɯw$_1$*) до дома, чтобы **приехать** (*tɯw$_2$*) и распорядиться **послать** (*mò:k*) лодку за господином, который на некоторое время задержался в Кампонгчаме» (Soth Polin, 1965, p. 10).

Аномальное употребление глагола *tɯw$_1$* 'идти, ехать от/к' вместо ожидаемого глагола прибытия *mò:k* 'приходить, приезжать' связано со смещением фокуса со значения «достижение конечной точки движения» и переноса его на срединный отрезок движения. Это происходит под влиянием контекста: сирконстанты *srout* 'спешный' и *chap* 'спешный, скорый' находятся в реме, они актуализируют параметр «скорость движения». Однако в семантической структуре глагола прибытия *mò:k* его нет, потому что, как и русский глагол *прийти*, кхмерский глагол *mò:k* описывает не движение, а наступление состояния, когда движущийся объект находится в конечной точке своего движения. Тем самым возникает конфликт композиции смыслов: у состояния нет скорости. Следует признать, что и кхмерский, и русский языки преодолевают этот конфликт, например, семантически правильными являются высказывания:

(3) *Он пришел быстро*
koət ba:n mò:k ja:ŋ lɯən
(букв. '3SG – PRF – приходить – ADV – быстрый')

Но в нашем примере говорящий (писатель), видимо, решил избежать этого конфликта смыслов в соответствии со своими представлениями о хорошо оформленном предложении. Быстрота – это скорость, а скорость измеряется не в конечной точке. Таким образом, можно заключить, что при выборе дейктического глагола движения здесь используется принцип «семантически хорошо оформленного высказывания».

Аномальное употребление глагола *tɯw*$_2$ ‘идти, ехать от/к’ вместо глагола прибытия *mò:k* ‘приходить, приезжать’ может быть связано с тем, что *tɯw*$_2$ входит в координативную синтагму с *tɯw*$_1$. Они являются вершинными предикатами симметричных придаточных клауз цели, соединенных сочинительным союзом *haəj* ‘и’, каждая из которых вводится союзом *daəmbej* «чтобы»: ‘*чтобы P, и чтобы Q*’. В силу свойства симметричности частей координативной конструкции употребление *tɯw*$_2$ может быть мотивировано тем же фактором, что и употребление *tɯw*$_1$. Иначе говоря, смысл «быстрота» распространяется и на *tɯw*$_2$ тоже, что можно попытаться отразить в переводе: ‘чтобы быстрее доехать (*tɯw*$_1$) до дома и как можно скорее доехать (*tɯw*$_2$) и распорядиться’.

Правило социального дейксиса

Есть еще один фактор, который вызывает аномальное употребление глагола *tɯw*$_2$ ‘идти, ехать (от/к)’ в примере (2). Этот же фактор связан с аномальным употреблением глагола прибытия *mò:k* ‘приходить, приезжать’ в том же предложении. Назовем его правилом социального дейксиса. Оно заключается в следующем. В повествовательном тексте возможность ориентации на участника описываемой ситуации, находящегося в конечной точке движения, зависит от его социального статуса. Выбор одного из участников описываемой ситуации в качестве «дейктического центра» зависит от соотношения социальных статусов участников описываемой ситуации.

Употребление вместо *tɯw*$_2$ глагола прибытия *mò:k* ‘приходить, приезжать’ активировало бы параметр «дейктический центр», т. е. ориентацию на участника ситуации, находящегося в конечной точке движения. В описываемой ситуации это слуги, которым будет отдано распоряжение выслать лодку за господином. Для референции к слугам писатель использует *kè:* – личное местоимение в анафорической функции. Однако в данном случае участник ситуации «слуги» не годится на роль «дейктического центра» в силу того, что его социальный статус ниже социального статуса участника ситуации «госпожа Яром и дочь госпожи».

Правило социального дейксиса диктует и аномальное употребление глагола достижения *mò:k* ‘приходить, приезжать’ вместо глагола *tɯw* ‘идти, ехать (от/к)’. Глагол *mò:k* задает ориентацию на конечную точку движения. Участник ситуации, находящийся в этой точке, – муж госпожи Яром. Глагол *tɯw* задает ориентацию на исходную точку движения, в которой находятся слуги. Выбор глагола прибытия *mò:k* ‘приходить, приезжать’ позволяет концептуализировать ситуацию как прибытие в конечную точку движения, в которой находится участник описываемой ситуации, имеющий более высокий социальный статус.

Правило статуса пропозиции

Еще одно правило, позволяющее объяснять аномальное употребление дейктических глаголов движения в МК языках, связано со статусом пропозиции. Оно заключается в том, что в предложениях со снятой утвердительностью компонент «достижение» может не выражаться. Это правило действует в вопросительных и отрицательных предложениях, а также в предложениях с косвенной модальностью.

Рассмотрим пример из корпуса предложений в [Язык ксингмул, 1990]. В русских и вьетнамских предложениях компонент «достижение» выражен и в вопросе, и в ответе, а в предложениях на языке ксингмул он выражен только в ответе, в вопросе вместо глагола достижения *pleh* ‘приходить’ используется глагол *daw* ‘идти к’.

(4)	русск.	*Можно* ***войти****?* – ***Входите****.*					
	вьет.	***Vào***	*được*	*không*	*ạ?*	*Mời*	***vào***	*đi*
		входить	мочь	NEG	INTER	просить	входить	INC
	ксм.	***daw***	*khe:*	*bo:* –	*mə:j*	***ŋɔ:m***	*ʔi:*	
		идти	мочь	INTER	просить	входить	здесь	

(Язык ксингмул, 1990, МОД 30)

Подробно это правило будет рассмотрено в следующем разделе.

Семантические особенности дейктических глаголов движения в языке ксингмул

Язык ксингмул относится к кхмуической группе МК языков. Он был обследован в ходе советско-вьетнамской экспедиции 1979 г. Результаты работы были опубликованы в [Язык ксингмул, 1990], где содержится грамматический очерк, тематический словарь (1348 слов) и диагностические анкеты (917 предложений). Каждое предложение записано на трех языках – русском, вьетнамском, ксингмул – и проглоссировано на русском и вьетнамском языках. Такой представительный корпус материалов дает возможность выявить особенности поведения дейктических глаголов, используя, в частности, метод контрастивного анализа.

Выше было упомянуто, что в работе [Пейрос, 2004] на значение “come” для языка ксингмул приведены разные глаголы, взятые из разных источников: *pleh*, *dzu: pleh* и *ʔɔ:m*, при этом последний в тематическом словаре языка ксингмул дается не на значение ‘приходить’, а на значение ‘возвращаться’. Как представляется, такая путаница связана с лингвоспецифическими особенностями членения соответствующего семантического поля в МК языках. В книге [Язык ксингмул, 1990] по этой же причине в ряде случаев были допущены ошибки при глоссировании глаголов движения *ʔɔ:m* ‘идти к’ и *pleh* ‘приходить’. Поэтому покомпонентный перевод примеров, приведенных ниже, в некоторых случаях может не совпадать с тем, который дается в указанной книге.

В языке ксингмул компоненты «достижение конечной точки движения» и «движение к конечной точке» распределены между двумя глаголами: *pleh* ‘приходить’ и *ʔɔ:m* ‘идти к’ [Погибенко, 2012, с. 23–24]. У глагола *pleh* в фокусе «достижение», а у глагола *ʔɔ:m* в фокусе «движение к». Семантические параметры глаголов движения в языке ксингмул в сравнении с вьетнамским языком приводятся в *Табл. 1*.

Табл. 1. Семантические параметры глаголов движения в языке ксингмул и во вьетнамском языке

	достижение конечной точки	движение к конечной точке	движение из исходной точки	ненаправленное движение
ксингмул				
pleh	+			
ʔɔ:m		+		
dzu:			+	+
вьетнамский				
đến	+			
đi		+	+	+

Примеры:

(5) ксм. *ʔaɲ hiəŋ pleh ʔi: laŋ plok* ‘Я пришел сюда утром’ (Язык ксингмул, 1990, СКД 46, Т) – достижение конечной точки

ксм. *ʔɔ:m ʔi:* ‘Иди сюда’ (Язык ксингмул, 1990, МОД 13) – движение к конечной точке

ксм. *ʔaɲ koʔ ʔɔ:m bi: ɲa:j* ‘Я не хожу (к нему) в гости’ (Язык ксингмул, 1990, МОД 84) – движение к конечной точке

ксм. *dzu: ʔi:* 'Уходи отсюда' (Язык ксингмул, 1990, МОД 13, Т) – движение из исходной точки

ксм. *noh dzu: de:* 'Кто идет?' (Язык ксингмул, 1990, МОД 14, Т-1) – ненаправленное движение

В языке ксингмул отмечаются аномальные случаи употребления глаголов *ʔɔ:m* и *pleh*, когда они употребляются не в соответствии со своим словарным значением. Рассмотрим эти случаи.

Значение «достижение конечной точки» не выражается, если ориентир является не конечной, а промежуточной точкой движения. При описании таких ситуаций глагол достижения *pleh* 'приходить' не употребляется, а значит, он не может использоваться как переводной эквивалент русского глагола *доходить*. При описании ситуации достижения промежуточной точки движения используется глагол *dzu:* 'идти', выражающий в этом случае ненаправленное движение, как в следующем примере:

(6) русск. *Он* ***дошел*** *до ручья и сел отдыхать*

вьет. *Nó* ***đi đến*** *bên suối và ngồi nghỉ*

ксм. *ʔɯn* ***dzu:*** *khe:m lo:ŋ hɔ:t ʔɯn khliən təne:ɲ* (Язык ксингмул, 1990, ОМВ 28).

Во вьетнамском переводе используется лексический комплекс «глагол ненаправленного движения + глагол достижения конечной точки» *đi đến* 'доходить', букв. 'идти – приходить' (о лексических комплексах в МК языках см. [Еловков, 2006, с. 107–147, Погибенко, 2012, с. 199–209]. Это эффективный способ разрешить композиционный конфликт, возникающий при выражении достижения не конечной, а промежуточной точки движения. В составе этого лексического комплекса у глагола *đến* зачеркивается компонент «конечная точка», но остается компонент «достижение».

Значение «движение к конечной точке» в языке ксингмул может не выражаться, если движение описывается в момент нахождения в промежуточной точке. Например, в предложении *Я иду домой* (МОД 27, Т-2) выступает глагол *dzu:* 'идти', а не глагол *ʔɔ:m* 'идти к'. В переводе на вьетнамский язык используется лексический комплекс *đi về*, букв. 'идти – возвращаться'. И в этом случае использование лексического комплекса позволяет устранить композиционный конфликт: указание на достижение конечной точки движения (домой), с одной стороны, и нахождение в срединной точке движения – с другой. Это осуществляется при помощи компонента *về* 'возвращаться; приходить, приезжать; идти к' (НБВРС), который указывает, что движение направленное, но не указывает на достижение конечной точки.

Поскольку в семантической структуре глагола *pleh* главным является результативный компонент «достижение ориентира», значение 'приходить' нормально выражается результативным глагольным комплексом *ʔɔ:m pleh*, букв. 'идти к – приходить', как, например, в предложениях *Хорошо, что ты сегодня пришел* (СЛЖ 54, Т-3), *Она скоро придет* (ВИД 10), *Только он ушел, ты пришел* (ВИД 39, С), *Мне сообщили, что завтра привезут рис и ткань* (МОД 40).

Однако возможна редукция результативного комплекса до одного из его компонентов. Она происходит в следующих случаях.

В предложениях со снятой утвердительностью, а именно: вопросительных, отрицательных и предложениях с косвенной модальностью, комплекс *ʔɔ:m pleh* редуцируется до компонента *ʔɔ:m*, другими словами, значение «достижение ориентира» в таких случаях не выражается. Во вьетнамских предложениях такого ограничения нет, в примерах (7), (8), (9), (10), (11) используется глагол достижения *đến* 'приходить', либо его синоним, многозначный глагол *về* 'возвращаться; приходить, приезжать; идти к'. Это говорит о том, что правила употребления дейктических глаголов движения лингвоспецифичны и не совпадают даже в родственных языках. При этом они достаточно жесткие, т. к. информанты при переводе вьетнамского диагностического предложения на язык ксингмул не калькировали вьетнамскую лексему. В следующих примерах в вопросительном предложении употребляется *ʔɔ:m*, а в утвердительном – *ʔɔ:m pleh*.

(7) ксм.

ne:	*lɔ:*	*dzak*	*le:l*	*ʔɔ:m*	*koʔ*	*ʔɔ:m*
3PL	скоро	брать	соль	идти к	NEG	идти к

‘Скоро ли привезут (букв. ‘везут’) соль?’ (Язык ксингмул, 1990, ВПР 64).

(7а) ксм.

hʔal	*sɔ:ŋ*	*tɯ:*	*ʔɔ:m*	*pleh*
оставаться	два	день	идти к	приходить

‘Еще два дня и привезут’ (Язык ксингмул, 1990, ВПР 64, Т).

В следующих предложениях с отрицательной полярностью употребляется *ʔɔ:m.*

(8) ксм.

tɯ:	*di:*	*ʔaɲ*	*kuj*	*dziəŋ*	*ta:ŋ*	*tɯ:*
день+	асем.=сегодня	1SG	иметь(ся)	дом	весь	день

bap	*koʔ*	*diə*	*ɯn*	*ʔɔ:m*
но	NEG	видеть	3SG	идти к

‘Сегодня я находился дома весь день, но не видел, как он приходил’ (букв. ‘шел к’) (Язык ксингмул, 1990, ВИД 11, Т).

(9) ксм.

ʔaɲ	*koʔ*	*ʔɔ:m*	*bi:*	*ɲa:j*
1SG	NEG	идти к	делать	играть

‘Я не хожу (к нему) в гости’ (Язык ксингмул, 1990, МОД 84).

В следующем предложении с потенциальной модальностью условия употребляется *ʔɔ:m.*

(10) ксм.

zi:	*ʔal*	*həltoh*	*to:*	*ne:*	*khun*	*ge:k*	*ʔɔ:m*
1PL	DUR	ждать	только	3PL	везти	кирпич	идти к

sə:	*dziəŋ*	*kho:*	*ʔi:*	*tuəh*	*blɯəŋ*	*ʔi:*	*han*
тогда	дом	амбар	этот	кончаться	месяц	этот	FUT

taŋ	*lew*
строить	REZ

‘Мы только ждем, чтобы привезли (букв. ‘везли’) кирпич, тогда построим амбар к концу месяца’ (Язык ксингмул, 1990, СЛЖ 108, Т-1).

В следующих примерах в предложении с запретительной модальностью употребляется *ʔɔ:m*, а в предложении с утвердительной модальностью – *ʔɔ:m pleh.*

(11) ксм.

pe:	*dɯk*	*ʔɔ:m*	*pa:*	*zi:*	*sa:k noh*	*dɯk*
IMPER	IMPER	идти к	к	1PL	никто	IMPER

‘Никогда больше не приходите к нам’ (Язык ксингмул, 1990, МОД 37).

(11а) ксм.

met	*səp*	*tɯ:*	*tʔɯəj*	*kɯh*	*ʔɔ:m*	*pleh*
один	момент	еще	ст. сестра	тот	идти к	приходить

‘Она скоро придет’ (Язык ксингмул, 1990, ВИД 10).

Выше были рассмотрены случаи редукции лексического комплекса *ʔɔ:m pleh* ‘приходить’ (букв. ‘идти к – приходить’), когда устраняется компонент *pleh*, выражающий достижение. Теперь рассмотрим случаи, когда этот лексический комплекс редуцируется за счет устранения компонента *ʔɔ:m*. Это происходит в предложениях, где в фокусе не движение к конечной точке, а н а х о ж д е н и е в ней.

(12) ксм.

ʔaɲ	*hiəŋ*	*pleh*	*ʔi:*	*laŋ*	*plok*
1SG	DUR	приходить	здесь	время	утро

‘Я только что пришел сюда утром (т. е. нахожусь здесь недавно)’ (Язык ксингмул, 1990, СКД 46, Т).

(13) ксм. *səlmoh ʔaɲ pleh ʔɯn naʔ thaj səlmoh*
когда 1SG приходить 3SG PTCL пахать когда
ʔaɲ koʔ pleh ʔɯn koʔ thaj
1SG NEG приходить 3SG NEG пахать
‘Когда я прихожу (т. е. когда я нахожусь здесь), он пашет, когда меня нет, то он не пашет’ (Язык ксингмул, 1990, ВИД 8, Т).

(14) ксм. *cu: ɲiəm hiəŋ pleh ʔo:*
председатель DUR приходить PTCL
‘Председатель уже идет (т. е. уже здесь)’ (Язык ксингмул, 1990, ВИД 12, Т)

Отличие (11а) от (14) заключается в том, что в первом описываемая ситуация концептуализируется как близкое достижение результата, поэтому употребляется результативный лексический комплекс *ʔɔ:m pleh*, во втором предложении описываемая ситуация концептуализируется как почти нахождение в конечной точке.

Примеры (12–14) суть свидетельство того, что семантическая структура дейктического глагола движения *pleh* под влиянием контекста может перестраиваться таким образом, что компонент «достижение конечной точки движения» уходит на второй план, а компонент «нахождение в конечной точке движения» актуализируется и помещается в фокус внимания. В (12) и (14) значение нахождения в конечной точке активируется показателем длительности *hiəŋ*.

В языке ксингмул также есть случаи аномального употребления глаголов движения, связанные с параметром дейктического центра. На выбор дейктического центра «исходная точка движения vs. конечная точка движения» могут влиять как правила композиции в предложении, так и эмпатия говорящего. Это особенно хорошо видно при сравнении с вьетнамским языком: при переводе диагностических предложений с русского языка на вьетнамский язык и на язык ксингмул нередко обнаруживаются различия в выборе дейктического глагола движения.

В конкретных речевых актах, когда описывается перемещение с выходом из сферы говорящего, компонент «достижение» может становиться более приоритетным, нежели компонент «движение из дейктического центра». Таким способом манифестируется эмпатия говорящего. Например, при переводе предложения *Он уехал далеко* (РЕЧ 183) приоритетным является компонент «движение из дейктического центра», поэтому в переводах выступают глаголы со значением ‘уходить, уезжать’ – ксм. *dzu:*, вьет. *đi*. Однако при переводе предложения *Он уехал в далекую деревню* (РЕЧ 182) мы получили глагол со значением ‘приходить, приезжать’ *đến* при переводе на вьетнамский язык и глагол *dzu:* ‘уходить, уезжать’ при переводе на язык ксингмул. В первом случае на выбор дейктического центра оказал влияние формальный фактор – наличие сирконстанта *далекая деревня*, выражающего конечную точку движения, а во втором выбор был мотивирован исключительно эмпатией говорящего, находящегося в исходной точке движения. Аналогичная ситуация с предложением *Вам лучше сходить к врачу* (МОД 23). Во вьетнамском переводе используется глагол *đến* ‘приходить’, а в предложении на языке ксингмул – глагол *dzu:* ‘идти к’. Причины те же: формальная при переводе на вьетнамский и неформальная (эмпатия) при переводе на язык *ксингмул*.

В языке ксингмул выбор дейктического центра может быть мотивирован его большей значимостью. Например, в предложении *Тебе необходимо выучить язык мео, чтобы (поехать) успешно вести обучение в горных районах* (МОД 71) в зависимой клаузе используется глагол *ʔɔ:m* ‘идти, ехать к’, выражающий движение к конечной точке, куда переносится дейктический центр. Тем самым подчеркивается социально-политическая важность деятельности, о которой идет речь.

Сравнивая выбор дейктических глаголов движения в одних и тех же диагностических предложениях, записанных на разных языках, мы сталкиваемся с тем, что при переводе с

русского на вьетнамский и далее с вьетнамского на язык-объект используются разные глаголы. Их выбор, надо думать, зависит от того, чем руководствовался говорящий при выборе дейктического центра.

При переводе следующих предложений во вьетнамском переводе используется глагол достижения конечной точки движения *đến* ‘приходить’, в предложении на языке ма – лексический результативный комплекс, выражающий достижение конечной точки движения *lờt tùs* ‘приходить’, букв. ‘идти – приходить’, в предложении на языке ксингмул выступает глагол *dzu:* ‘идти’, в данном случае выражающий движение из исходной точки (*табл. 1*).

(15) русск. Мы **пойдем** на то озеро?
вьет. *Chúng ta sẽ **đến** cái hồ đó à?* (букв. ‘придем’)
ма *bul haj **lờt tùs** tờm hù ne ʔờʔ* (букв. ‘придем’) (Язык ма, ВПР 4)

(16) русск. Мы ведь **пойдем** в этот дом?
вьет. *Chúng ta sẽ **đến** nhà này phải không?* (букв. ‘придем’)
ксм. *biŋ ʔaɲ **dzu:**dziəŋ ʔi:* (Язык ксингмул, 1990, ВПР 7)

При переводе на язык ксингмул в примере (16) в качестве дейктического центра была выбрана исходная точка движения, что следует из ответа на этот вопрос: в ответе эксплицитно, при помощи слова *ksaj* выражается намерение участников ситуации, находящихся в исходной точке:

(16a)	ксм.	*biŋ*	*ʔaɲ*	*ksaj*	*dzu:*
		PL +	1SG = 1PL INCL	намереваться	идти
		Мы пойдем (Язык ксингмул, 1990, ВПР 7, Т-2)			

Дейктические глаголы движения в языках Восточной и Юго-Восточной Азии – это малоизученная, но обширная и многообещающая область исследования. В данной статье были предложены лишь некоторые принципы анализа, полученные на материале мон-кхмерских языков.

Сокращения и условные обозначения / Abbreviations and conventions

АА австроазиатские (языки)
асем. асемантичный
букв. буквально
ВИД анкета «Значения вида и времени»
вьет. вьетнамский язык
ксм. язык ксингмул
МК мон-кхмерские (языки)
ОМВ анкета «Обстоятельства времени и места»
МОД анкета «Модальность»
РЕЧ анкета «Части речи»
русск. русский язык
С спонтанное (предложенное информантом предложение)
СКД анкета «Сказуемое – дополнение»
СЛЖ анкета «Сложное предложение»
ст. старший
Т трансформация
ADV показатель адвербиальной функции
DUR дуратив, показатель длительности
FUT показатель будущего времени
IMPER императив
INC побудительный

INCL	инклюзивный
INTER	вопросительный
NEG	негация
PL	множественное число
PRF	перфектив
PTCL	частица
REZ	показатель результата
SG	единственное число

Литература / References

Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка.* М., 1974 [Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka.* Moscow, 1974].

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика.* Вып. 28. М., 1986. С. 5–33 [Apresyan Yu. D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira // *Semiotika i informatika.* Vol. 28. Moscow, 1986. Pp. 5–33].

Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика.* СПб., 2006 [Elovkov D. I. *Struktura khmerskogo yazyka. Fonetika. Fonologiya. Grammatika. Leksika. Semantika.* Saint-Petersburg, 2006].

НБВРС – *Новый большой вьетнамско-русский словарь.* М., 2012 [*Novyi bolshoj v'etnamsko-russkij slovar'.* Moscow, 2012].

Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики.* М., 2004 [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki.* Moscow, 2004].

Пейрос И. И. *Генетическая классификация австроазиатских языков. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук.* М., 2004 [Peiros I. I. *Geneticheskaya klassifikatsiya avstroaziatskih yazykov. Dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskih nauk.* Moscow, 2004].

Погибенко Т. Г. *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции.* М., 2012 [Pogibenko T. G. *Avstroaziatskie yazyki: problemy grammaticheskoi rekonstruktsii.* Moscow, 2012].

Погибенко Т. Г. Глагольный лексический комплекс в кхмерском языке // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X международной конференции.* М., 2012. С. 199–209 [Pogibenko T. G. Glagolnyi leksicheskij kompleks v khmerskom yazyke // *Yazyki stran Dalnego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii i Zapadnoi Afriki. Materialy X mezhdunarodnoi konferentzii.* Moscow, 2012. Pp. 199–209].

Язык ма – Погибенко Т. Г., Ефимов А. Ю. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ма.* (Рукопись) [Yazyk Ma – Pogibenko T. G., Efimov A. Yu. *Materialy sovetsko-v'etnamskoi lingvisticheskoi ekspeditsii. Yazyk Ma.* (Manuscript)].

Язык ксингмул – *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул.* М., 1990 [Yazyk Ksingmul – *Materialy sovetsko-v'etnamskoi lingvisticheskoi ekspeditsii 1979 goda. Yazyk Ksingmul.* Moscow, 1990].

Fillmore Ch. How to know whether you're coming or going // *Linguistic.* Athenäum, 1971. Pp. 369–379.

Soth Polin. *A Meaningless Life.* Phnom Penh, 1965.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ИНДИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИНДОЛОГОВ-МЕДИЕВИСТОВ

© 2018
А. А. Столяров[*]

В статье дан обзор публикаций отечественных индологов-медиевистов, посвященных изучению источников по социально-экономической истории Индии, как Северной, так и Южной, а также истории Индии в эпоху раннего средневековья (IV-XII вв.) – от империи Великих Гуптов до мусульманского завоевания. В основном анализируются труды Е. М. Медведева, Л. Б. Алаева, Д. Н. Лелюхина и А. А. Столярова.

Ключевые слова: историография, Северная Индия, Южная Индия, эпиграфические источники, надписи, социально-экономическая история раннесредневековой Северной Индии, социально-экономическая история раннесредневековой Южной Индии.

EARLY MEDIAEVAL HISTORY OF INDIA AS REFLECTED IN THE WORKS OF RUSSIAN INDOLOGISTS MEDIAEVALISTS

Alexander A. Stolyarov

The article surveys the publications by Russian Indologists dedicated to the study of sources for socioeconomic history of both Northern and Southern India, and also for the history of India in mediaeval times (4th–12th cc.), beginning from Great Gupta Empire till Muslim invasion. Mainly analyzed are the works of Eugene M. Medvedev, Leonid B. Alaev, Dmitry N. Lelyukhin, and Alexander A. Stolyarov.

Keywords: historiography, Northern India, Southern India, epigraphic sources, inscriptions, socioeconomic history, mediaeval India.

Настоящая статья является продолжением двух статей, опубликованных в предыдущих выпусках «Вестника Института востоковедения РАН» [Столяров, 2018а; Столяров, 2018б]. Сразу оговоримся, что в отечественной историографии практически нет трудов, за исключением работ автора, посвященных истории Бенгалии и Бихара второй половины I – начала II тыс. н. э. Более того, изучением раннесредневековой истории как Северной, так и Южной Индии как раньше, так и сейчас занимались и занимаются считанные единицы специалистов, чем и объясняется относительно малая изученность периода. Достаточно сказать, что в известном труде К. А. Антоновой, Г. М. Бонгард-Левина и Г. Г. Котовского «История Индии: Краткий очерк» [Антонова, 1973] на освещение истории Индии в VI–XII вв. было отведено 20 страниц из 558. Ситуация практически не изменилась четыре десятилетия спустя, когда в 2010 г. вышел в свет учебник «История Индии» [Алаев, Вигасин, Сафронова, 2010], в котором написанная Л. Б. Алаевым глава 6 – «Индия в эпоху раннего средневековья (500–1200 гг.)» – заняла 34 страницы из 542. В результате об истории древней и позднесредневековой (мусульманской) Индии нам известно из трудов российских историков больше, чем о раннесредневековой. В силу этого обстоятельства приходится ограничиться обзором общих проблем раннесредневековой истории Индии, содержащихся в работах отечественных историков.

Первые серьезные труды по истории древней и раннесредневековой Индии стали печататься с конца 1940-х гг. Так, в 1948 г. появились сразу две работы, освещающие

[*] Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент ФМО и ЗР ИАИ РГГУ, Москва; astol007@gattamelata.com
Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; astol007@gattamelata.com

историю Индии в средние века. Одна из них так и называлась: «История Индии в средние века. Часть первая». Ее автором был Алексей Алексеевич Пронин, доцент Московского института востоковедения [Пронин, 1948]. Отпечатанная на машинке через один интервал на страницах журнального формата, она была издана на правах рукописи под редакцией Е. А. Беляева, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока МИВ, и распечатана стеклографическим способом тиражом 150 экз. Другая работа принадлежала перу Александра Михайловича Осипова (1897–1969), доцента МГУ, и называлась «Краткий очерк истории Индии до X в.» [Осипов, 1948]. Ответственным редактором ее был Г. А. Новицкий (1896–1981), в ту пору – декан Исторического факультета МГУ, который в том же 1948 г. не поддержал создания в МГУ восточного факультета с переводом туда некоторых подразделений факультета исторического. С точки зрения современного академического читателя книга Пронина оставляет более благоприятное впечатление: в ее начале есть довольно большой раздел с характеристикой источников, в первую очередь сочинений классиков марксизма-ленинизма, но также и дидактической и художественной литературы, надписей, записок путешественников и британских исследователей, а в конце – примечания на 18 страницах. В книге Осипова нет ни обзора источников и литературы, ни даже оглавления, хотя внутри текста разделы обозначены, есть восемь ссылок на произведения Маркса и Энгельса, две на краткий курс Истории ВКП(б), в частности, при описании социально-экономического строя державы Маурьев, а также причин ее распада, и одна на Ричарда Джонса. Это дает некоторое представление об условиях, в которых развивалась историческая наука в первые послевоенные годы; можно лишь восхититься мастерством автора и редактора. Тем не менее оба автора при изложении материала широко использовали и записки пилигримов, и труды мусульманских историков, и данные эпиграфики. В обеих работах были заложены основы подхода практически ко всем основным проблемам индийского раннего средневековья. Но после расформирования МИВ в 1954 г. книга Пронина, отпечатанная крайне малым тиражом, была предана забвению, и следующие поколения индологов воспитывались на труде Осипова.

Значительным вкладом в изучение проблем раннесредневековой Индии следует считать статью К. А. Антоновой (1910–2007) «К вопросу о развитии феодализма в Индии», появившуюся в 1952 г. [Антонова, 1952], где впервые давался обобщенный анализ индийской эпиграфики применительно к изучению процессов социально-экономической истории. К. А. Антонова исследовала надписи, содержавшиеся в “Epigraphia Indica”, полная на то время подборка которой хранилась в библиотеке Ленинградского филиала ИВ АН СССР, попытавшись «кавалерийским набегом» [Алаев, 2013, с. 288] решить вопрос об этапах становления феодального землевладения в домусульманской Индии и путях его дальнейшего развития. Будучи специалистом по истории Могольской Индии, Кока Александровна работала не с текстами самих надписей, а с их переводами, к тому же в подтверждение своих идей привлекала материал из надписей как Северной, так и Южной Индии, не делая между ними принципиального различия. В итоге процесс развития феодализма на территории всей Индии оказался представлен в «усредненном» виде, без территориальных различий. И все же, несмотря на это, работу К. А. Антоновой можно считать пионерской: она первая привлекла внимание отечественных исследователей к эпиграфике как важнейшему историческому источнику эпохи раннего средневековья, при этом рассматривая ее как комплексный, массовый источник.

Ученик А. М. Осипова Евгений Михайлович Медведев прожил недолгую, но очень плодотворную жизнь (1932–1985). Анализируя эпиграфику Северной Индии, он с особым вниманием относился к каждой изучаемой надписи, исследовал ее с максимальной скрупулезностью, до последнего знака, любил говорить, что если бы вдруг весь огромный корпус индийских надписей исчез и до нас дошла только вот эта надпись, то и тогда это было бы большой удачей для человечества, и мы многое могли бы извлечь полезного для понимания тех процессов, которые проходили в раннесредневековой Индии. Ему удалось

значительно углубить и уточнить существующие представления о ходе социально-экономического развития индийского общества в рассматриваемый период. Так, он по-новому решил вопрос о состоянии частной собственности и государственной феодальной собственности в это время, отдав предпочтение частной [Медведев, 1959], дал анализ социально-экономического положения низших слоев населения [Медведев, 1965], а также привлек внимание индологов к проблеме раннесредневековой общины, вскрыв ее структуру на материале топонимики, встречающейся в надписях [Медведев, 1964]. Большое внимание уделял Медведев и проблемам изучения надписей. Он проследил общие закономерности развития эпиграфики, а также эволюцию составных частей жалованных грамот [Медведев, 1965]. Основные труды Е. М. Медведева собраны в книге «Очерки истории Индии до XIII века» [Медведев, 1990]. Он же был автором двух первых глав – «Возникновение феодальных отношений» и «Северная Индия в VII–XII веках» в коллективной монографии «История Индии в средние века», вышедшей в свет под редакцией Л. Б. Алаева, К. А. Антоновой и К. З. Ашрафян в 1968 г. [История, 1968].

В многочисленных монографиях и статьях Леонида Борисовича Алаева (р. 1932), который так же, как и Е. И. Медведев, был учеником А. М. Осипова, большое внимание уделено анализу эпиграфических источников [Алаев, 1981; 1982; 1992; 1998; 2000; 2006; 2011]. Л. Б. Алаев использовал комплексный подход к изучению надписей, относясь к ним как к массовому источнику, что повышало ценность результатов. В частности, по утверждению самого Леонида Борисовича, он применил метод формульного анализа «для изучения адресных формул (или формул оповещения о дарении) в надписях Северной Индии и Декана и получил нетривиальные выводы» [Алаев, 2013, с. 291]. В частности, эпиграфика стала, по сути, основным источником при написании монографии «Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков» [Алаев, 2011]. На основе ее скрупулезного анализа Л. Б. Алаев проанализировал социально-экономические отношения в четырех основных регионах Южной Индии: Тамилнаду, Карнатаке, стране Андхра и в Малабаре (территория Кералы), представив детальную характеристику различных типов общин, государства как формы власти и описав формы отношений как внутри этих структур, так и между ними. Эта монография, а также ранняя работа об основных этапах эволюции североиндийской общины [Алаев, 1981] были использованы исследователем при написании фундаментального труда «Сельская община: “Роман, вставленный в историю”» [Алаев, 2016].

Следующее поколение индологов, учеников Е. М. Медведева и Л. Б. Алаева, изучавших и изучающих историю древней и раннесредневековой истории Индии по данным эпиграфики, также немногочисленно. Оно представлено единственной работой Натальи Петровны Ивановой по тамильской эпиграфике [Иванова, 1976] и работами Д. Н. Лелюхина, Я. В. Тарасюка и А. А. Столярова.

Рано ушедший Дмитрий Николаевич Лелюхин (1956–2014) был очень плодовитым автором. Его творчество условно можно разделить на две связанные между собой части: до конца 1990-х гг. он работал в области изучения древней Индии [Лелюхин, 1989; 1993; 1995; 1997; 1998а; 1998б; Вигасин, Лелюхин, 1996], а начиная с конца 1990-х гг. обратился к исследованию раннего средневековья, причем не только Индии, но и Непала [Лелюхин, 1998в; 2001; 2004; 2006; 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; 2009в; 2011а; 2011б; 2013; 2014а]. Много работ Дмитрия Николаевича посвящено исследованию проблем становления и укрепления государства и государственных институтов в древнеиндийском и древненепальском обществе [Лелюхин, 1989; 1993; 1997; 1998б; 2009; 2013; 2014б; Вигасин, Лелюхин, 1996]. Он стремился быть исследователем широкого профиля, изучая не только надписи Южной, Центральной и Северной Индии, но и тексты других жанров, такие как «Артхашастра», «Лекхападдхати», «Гопалараджавамщавали». Не подвергая сомнению тезис о том, что эпиграфика относится к разряду массовых источников, он тем не менее исследовал каждую надпись в отдельности. От этого его работы порой читались с трудом. В последние годы он много усилий прилагал к исследованию ранненепальской эпиграфики, что нашло отражение как во множестве статей,

так и в подготовленной им монографии [Лелюхин, 2014б].

Бо́льшая часть публикаций Александра Александровича Столярова (р. 1946) посвящена изучению санскритских надписей Северной Индии, прежде всего жалованных грамот [Столяров, 1977; 1992; 1998; 2006; Stolyarov, 2000; 2010; 2015]. Он собрал полную базу данных североиндийских раннесредневековых жалованных грамот, названную DIDB (Diplomatica Indica DataBase), разместив ее в интернете в ограниченном доступе[1]. В нее входят 1350 основных записей и более чем 3700 библиографических. Основные записи включают информацию о практически всех опубликованных на сегодняшний день жалованных грамотах IV–XIII вв., относящихся к Северной Индии. Каждая запись состоит из набора полей, таких как уникальное название, место обнаружения / дарения, дата, имя правителя, имя дарителя, имя / имена одариваемого, описание предмета дарения, количество табличек, их размеры, число строк, комментарий и проч. Количество полей может варьироваться в зависимости от целей исследования. Количество полей библиографической записи ограничено шестью. Это название журнала или сборника, фамилия автора публикации, год издания, том / выпуск, номер и страницы (первая и конечная).

Будучи своеобразным итогом изысканий за последние 20 лет, база данных стала основой для проведения многих исследований – как общеиндийских [Столяров, 2013], так и региональных [Столяров, 2004], в первую очередь – посвященных изучению истории Бихара и Бенгалии в раннее средневековье.

Завершающим в ряду индологов-медиевистов, изучающих эпиграфику, следует назвать Ярослава Викторовича Тарасюка (р. 1973), талантливого представителя относительно молодого поколения исследователей, выдвинувшего ряд продуктивных идей [Тарасюк, 1998; 2001], но на сегодняшний день временно оставившего научное поприще. Последующие поколения российских специалистов пока не проявляют интереса к изучению индийской эпиграфики.

Завершая тему, приходится с сожалением констатировать, что, несмотря на многие достижения, изучение раннесредневековой (как, впрочем, и древней, и в целом средневековой) истории Индии относится к отмирающим направлениям научной деятельности в России.

Литература / References

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2013 [Alaev L. B. *Istoriografia istorii Indii*. Moscow, 2013].

Алаев Л. Б. О методике содержательного анализа индийской эпиграфики // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. М., 2006. С. 6–29 [Alaev L. B. O metodike soderzhatelnogo analiza indiiskoi epigrafiki // *Teoria i metody issledovania vostochnoi epigrafiki*. Moscow, 2006. Pp. 6–29].

Алаев Л. Б. *Община в его жизни (История нескольких научных идей в документах и материалах)*. М., 2000 [Alaev L. B. *Obshchina v ego zhizni (Istoriya neskol'kih nauchnyh idei v dokumentah i materialah)*. Moscow, 2000].

Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М., 1982. С. 6–59 (Alaev L. B. Opyt tipologii srednevekovyh obshchestv Azii // *Tipy obshchestvennyh otnosheniy na Vostoke v srednie veka*. Moscow, 1982. Pp. 6–59].

Алаев Л. Б. *Сельская община в Северной Индии: основные этапы эволюции*. М., 1981 [Alaev L. B. *Sel'skaya obshchina v Severnoi Indii: osnovnye 'etapy 'evolyutsii*. Moscow, 1981].

Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств её развития и роли в стратифицированном обществе*. М., 2016 [Alaev L. B. *Selskaya obshchina: "Roman, vstavlennyi v istoriyu". Kriticheskiy analiz teoriy obshchiny, istoricheskih svidetelstv eyo razvitia i roli v stratifitsirovannom obshchestve*. Moscow, 2016].

Алаев Л. Б. Система прав на землю в Южной Индии X–XIII вв. // *Восток*. 1992. № 6. С. 18–27 [Alaev L. B. Sistema prav na zemlyu v Yuzhnoi Indii 10–13 vekov // *Vostok*. 1992. 6. Pp. 18–27).

Алаев Л. Б. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии // *Частная собственность на Востоке*. М., 1998. С. 94–119 [Alaev L. B. Chastnaya sobstvennost na zemlyu v

[1] *Diplomatica Indica DataBase*. URL: http://didb.info/ (дата обращения 3.07.2018).

drevnei I srednevekovoi Indii // *Chastnaya sobstvennost' na Vostoke*. Moscow, 1998. Pp. 94–119].
Алаев Л. Б. *Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков*. М., 2011 [Alaev L. B. *Yuzhnaya India. Obshchestvenno-politicheskiy stroi 6–13 vekov*. Moscow, 2011].
Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии: Учебник для вузов*. М., 2010 [Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. *Istoria Indii: Uchebnik dlya vuzov*. Moscow, 2010].
Антонова К. А. К вопросу о развитии феодализма в Индии // *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР*. М., 1952. Вып. 3. С. 23–32 [Antonova K. A. K voprosu o razvitii feodalizma v Indii // *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. Moscow, 1952. 3. Pp. 23–32].
Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. *История Индии: Краткий очерк*. М., 1973 [Antonova K. A., Bongard-Levin G. M., Kotovskiy G. G. *Istoria Indii: Kratkiy ocherk*. Moscow, 1973].
Вигасин А. А., Лелюхин Д. Н. Общеиндийская держава Маурьев и проблема древневосточного государства // *Гуманитарная наука в России (Соросовские лауреаты)*. М., 1996. С. 38–44 [Lelyuhin D. N. Derzhava Mauryev i problema drevnevostochnogo gosudarstva // *Gumanitarnaya nauka v Rossii (Sorosovskie laureaty)*. Moscow, 1996. Pp. 38–44].
Иванова Н. П. К вопросу о землевладении храмов в Южной Индии в X–XIII вв. (по данным эпиграфики) // *Страны Южной Азии: история и современность*. М., 1976. С. 52–74 [Ivanova N. P. K voprosu o zemlevladenii hramov v Yuzhnoi Indii v 10–13 vv. (po dannym 'epigrafiki) // *Strany Yuzhnoi Azii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, 1976. Pp. 52–74].
История Индии в средние века. Ред.: Алаев Л. Б., Антонова К. А., Ашрафян К. З. М., 1968. [*Istoria Indii v srednie veka*. Red.: Alaev L., Antonova K., Ashrafyan K. Moscow, 1968].
Лелюхин Д. Н. *Государство в древней Индии*. М., 1997 (Рукопись депонирована в ИНИОН РАН) [Lelyuhin D. N. *Gosudarstvo v drevnei Indii*. Moscow, 1997 (Rukopis deponirovana v INION RAN)].
Лелюхин Д. Н. Государство, администрация и политика в Артхашастре Каутильи // *Вестник древней истории*. 1993. № 2. С. 4–24 [Lelyuhin D. N. Gosudarstvo, administratsiya i politika v Arthashastre Kautilyi // *Vestnik drevnei istorii*. 1993. 2. Pp. 4–24].
Лелюхин Д. Н. Грамоты Амшувармана из Харигаона: Изменения во внутренней и фискальной политике Личчхавов в VII–VIII вв. по сведениям надписей // *Эпиграфика Востока*. М., 2009а. Вып. 28. С. 131–154 [Lelyuhin D. N. Gramoty Amshuvarmana iz Harigaona: izmenenia vo vnutrennei I fiskalnoi politike Licchavov v 7-8 vv. po svedeniyam nadpisei // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2009. 28. Pp. 131–154].
Лелюхин Д. Н. Коллективные органы управления и их роль в структуре индийского государства // *История и современность*. М., 2009б. № 1. С. 56–72 [Lelyuhin D. N. Kollektivnye organy upravlenia i ih rol v structure indiiskogo gosudarstva // *Istoria I sovremennost'*. Moscow, 2009. 1. Pp. 56–72].
Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства // *Государство в истории общества (К проблеме критериев государственности)*. М., 1998б [Lelyuhin D. N. Koncepcii idealnogo carstva v "Arthashastre" Kautilyi I problema struktury drevneindiiskogo gosudarstva // *Gosudarstvo v istorii obshchestva (K probleme kriteriev godudarstvennosti)*. Moscow, 1998].
Лелюхин Д. Н. Надпись из Дудхпани. Проблема интерпретации санскритской «политической» терминологии // *ALAICA: Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летнему юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева*. М., 2004. С. 167–174 [Lelyuhin D. N. Nadpis' iz Dudhpani. Problema interpretacii sanskritskoi "politicheskoi" terminologii // *ALAICA: Sbornik nauchnyh trudov rossiiskih vostokovedov, podgotovlennyi k 70-letnemu yubileyu professora, doctora istoricheskih nauk L. B. Alaeva*. Moscow, 2004. Pp. 167–174].
Лелюхин Д. Н. Надпись царя Кадамбов Равивармана из Гуднапуры // *Эпиграфика Востока*. М., 2001. Вып. 26. С. 99–107 [Lelyuhin D. N. Nadpis carya Kadambov Ravivarmana iz Gudnapury // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2001. 26. Pp. 99–107].
Лелюхин Д. Н. Некоторые особенности структуры древнеиндийского государства по «Артхашастре» Каутильи // *Вестник МГУ*. Серия 8. История. № 2. М., 1989. С. 69–78 [Lelyuhin D. N. Nekotorye osobennosti struktury drevneindiiskogo gosudarstva po "Arthashastre" Kautilyi // *Vestnik MGU*. Seria 8. Istoriya. 2. Moscow, 1989. Pp. 69–78].
Лелюхин Д. Н. Нитисара Камандаки и Артхашастра Каутильи // *Стхапакашраддха (Сборник статей памяти Г. А. Зографа)*. СПб, 1995. С. 428–441 [Lelyuhin D. N. Nitisara Kamandaki i Arthashastra Kautilyi // *Sthapakashraddha (Sbornik statei pamyati G.A. Zografa)*. Saint-Petersburg, 1995. Pp. 428–441].
Лелюхин Д. Н. Новый клад дарственных грамот гуптского времени на медных табличках из Багха //

Эпиграфика Востока. М., 1998в. Вып. 25. С. 69–81 [Lelyuhin D.N. Novyi klad darstvennyh gramot guptskogo vremeni na mednyh tablichkah iz Bagha // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 1998. 25. Pp. 69–81].

Лелюхин Д. Н. Особенности социального и государственного устройства Непала и Индии VI–VIII веков по сведениям эпиграфики. Организация управления // *Эпиграфика Востока*. М., 2013. Вып 30. С. 64–106 [Lelyuhin D. N. Osobennosti socialnogo i gosudarstvennogo ustroistva Nepala i Indii 6-8 vekov po svedeniyam epigrafiki. Organizacia upravlenia // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2013. 30. Pp. 64–106].

Лелюхин Д. Н. Особенности социально-политической структуры раннего Непала по сведениям надписей Личчхавов // *Эпиграфика Востока*. М., 2011а. Вып 29. С. 133–147 [Lelyuhin D. N. Osobennosti socialno-politicheskoi struktury rannego Nepala po svedeniyam nadpisei Licchavov // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2011. 29. Pp. 133–147].

Лелюхин Д. Н. Особенности структуры раннего государства в Непале и Индии. Адхикараны в контексте надписей Гуптов и непальских Личчхавов // *Вопросы эпиграфики*. М., 2014а. Вып. 7.1. С. 299–343 [Lelyuhin D. N. Osobennosti struktury rannego gosudarstva v Nepale i Indii. Adhikarany v kontekste nadpisei Guptov i nepalskih Licchavov // *Voprosy 'epigrafiki*. Moscow, 2014. 7.1. Pp. 299–343].

Лелюхин Д. Н. Проблема интерпретации специальной санскритской терминологии // *Зографовский сборник*. Вып. 2. СПб, 2011б [Lelyuhin D.N. Problema interpretacii specialnoi sanskritskoi terminologii // *Zografovskiy sbornik*. 2. Saint-Petersburg, 2011].

Лелюхин Д. Н. Пути переселения клана Личчхавов в долину Катманду и история становления их государства в Непале // *Вопросы эпиграфики*. Вып. 2. М., 2008а. С. 14–23 [Lelyuhin D. N. Puti pereselenia klana Licchavov v dolinu Kathmandu i istoria stanovlenia ih gosudarstva v Nepale // *Voprosy 'epigrafiki*. 2. Moscow, 2008. Pp. 14–23].

Лелюхин Д. Н. *Ранняя история Непала по сведениям эпиграфики*. М., 2014б (Рукопись депонирована в ИНИОН РАН) [Lelyuhin D. N. *Rannyaya istoriya Nepala po svedeniyam 'epigrafiki*. M., 2014 (Rukopis deponirovana v INION RAN)].

Лелюхин Д. Н. Родословие царей Гопалов («Гопалараджавамшавали») – источниковедческая характеристика // *Восточный архив*. Вып. 2 (20). М., 2009в. С. 4–13 [Lelyuhin D. N. Rodoslovie carei Gopalov (“Gopalarajavamshavali”) – istochnikovedcheskaya harakteristika // *Vostochnyi arhiv*. 2 (20). Moscow, 2009. Pp. 4–13].

Лелюхин Д. Н. Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // *Вестник древней истории*. 1998а. 2. С. 115–129 [Lelyuhin D. N. Struktura derzhavy Mauryev po svedeniyam ediktov Ashoki // *Vestnik drevnei istorii*. 1998. 2. Pp. 115–129].

Лелюхин Д. Н. Термин «*котта*» в ранней непальской эпиграфике // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. М., 2006. С. 237–243 [Lelyuhin D. N. Termin “kotta” v rannei nepalskoi epigrafike // *Teoria i metody issledovaniya vostochnoi 'epigrafiki*. Moscow, 2006. Pp. 237–243].

Лелюхин Д. Н. Традиция литературы «о политике» в надписях ранних Кадамбов // *Эпиграфика Востока*. Вып. 27. М., 2008б. С. 177–191 [Lelyuhin D. N. Tradicia literatury “o politike” s nadpisyah rannih Kadambov // *'Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2008. 27. Pp. 177–191].

Медведев Е. М. Karmakara и bhṛtaka (К проблеме формирования низших каст) // *Касты в Индии*. М., 1965. С. 133–149 [Medvedev E. M. Karmakara i bhṛtaka (k probleme formirovaniya nizshih kast) // *Kasty v Indii*. Moscow, 1965. Pp. 133–149].

Медведев Е. М. К вопросу о формах землевладения в Северной Индии // *Проблемы востоковедения*. № 1. М., 1959. С. 49–61 [Medvedev E. M. K voprosy o formah zemlevladeniya v Severnoi Indii // *Problemy vostokovedeniya*. 1. Moscow, 1959. Pp. 49–61].

Медведев Е. М. Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики // *Индия в древности*. М., 1964. С. 218–230 [Medvedev E. M. Opyt issledovaniya drevneindiiskoi obshchiny po dannym toponimiki // *Indiya v drevnosti*. Moscow, 1964. Pp. 218–230].

Медведев Е. М. *Очерки истории Индии до XIII века*. М., 1990 [Medvedev E. M. *Ocherki istorii Indii do 13 veka*. Moscow, 1990].

Медведев Е. М. Эволюция формы индийских дарственных грамот и их происхождение (III–XII вв.) // *История и культура древней Индии*. М., 1963. С. 177–188 [Medvedev E. M. Evolyucia formy indiiskih darstvennyh gramot i ih proishozhdenie (3–12 vv.) // *Istoria i kul'tura drevnei Indii*. Moscow, 1963. Pp. 177–188].

Осипов А. *Краткий очерк истории Индии до 10 в*. М., 1948 [Osipov A. *Kratkiy ocherk istorii Indii do 10 v.*

Moscow, 1948].

Пронин А. А. *История Индии в средние века. Часть первая.* Под ред. Е. А. Беляева. М., 1948 [Pronin A. A. *Istoria Indii v srednie veka. Chast pervaya.* Pod red. E. A. Belyaeva. Moscow, 1948].

Столяров А. А. Возможности компьютерной обработки североиндийских раннесредневековых актов // *Базы данных по истории Евразии в средние века.* М., 1992. Вып. 1. С. 64–69 [Stolyarov A. A. Vozmozhnosti kompyuternoi obrabotki severoindiiskih rannesrednevekovyh aktov // *Bazy dannyh po istorii Evrazii v srednie veka.* Moscow, 1992. 1. Pp. 64–69].

Столяров А. А. Зарубежная историография политической истории Бенгалии и Бихара в VIII–XII вв. (династии Палов, Сенов и их ближайших соседей) // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. 1. С. 182–187 [Stolyarov A. Foreign Historiography of Political History of Bengal and Bihar in 8th–12th Centuries (Pala and Sena Dynasties, and their Close Neighbours) // *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS.* 2018a. 1. Pp. 182–187].

Столяров А. А. Зарубежная историография социально-экономической истории Бенгалии и Бихара в VIII–XII вв. // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. 2. С. 194–198 [Stolyarov A. A. Foreign Historiography of Socioeconomic History of Bengal and Bihar in 8th–12th Centuries // *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS.* 2018б. 2. Pp. 194–198].

Столяров А. А. Некоторые черты социально-политического развития государства Палов (Северная Индия, VIII–XII вв.). Опыт системного анализа эпиграфики // *Народы Азии и Африки.* 1977. № 4. С. 80–94 [Stolyarov A. A. Nekotorye cherty sotsial'no-politicheskogo razvitiya gosudarstva Palov (Severnaya India, 8–12 vv.). Opyt sistemnogo analiza 'epigrafiki // *Narody Azii i Afriki.* 1977. 4. Pp. 80–94].

Столяров А. А. Политические центры и культурные регионы в раннесредневековой Северной Индии (предварительные замечания) // *ALAICA: Сб. науч. тр. российских востоковедов, подготовленный к 70-летнему юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева.* М., 2004. С. 190–195 [Stolyarov A. A. Politicheskie tsentry i kulturnye regiony v rannesrednevekovoi Severnoi Indii (predvaritelnye zamechaniya // *ALAICA: Sbornik nauchnyh trudov rossiiskih vostokovedov, podgotovlennyi k 70-letnemu yubileyu professora, doctora istoricheskih nauk L. B. Alaeva.* Moscow, 2004. Pp. 190–195].

Столяров А. А. Пространственно-временная динамика североиндийских жалованных грамот в раннем средневековье // *Эпиграфика Востока.* М., 2013. Вып. 30. С. 123–137 [Stolyarov A. A. Prostranstvenno-vremennaya dinamika severoindiiskih zhalovannyh gramot v rannem srednevekovye // *'Epigrafika Vostoka.* Moscow, 2013. 30. Pp. 123–137].

Столяров А. А. Пути оптимизации анализа средневековой эпиграфики (на примере североиндийских раннесредневековых жалованных грамот) // *Эпиграфика Востока.* М., 1998. Вып. 25. С. 95–106 [Stolyarov A. A. Puti optimizacii analiza srednevekovoi epigrafiki na primere severoindiiskih rannesrednevekovyh zhalovannyh gramot // *'Epigrafika Vostoka.* Moscow, 1998. 25. Pp. 95–106].

Столяров А. А. Создание логической модели базы данных тематического эпиграфического комплекса (на примере североиндийских раннесредневековых жалованных грамот) // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики.* М., 2006. С. 244–265 [Stolyarov A. A. Sozdanie logicheskoi modeli bazy dannyh tematicheskogo 'epigraficheskogo kompleksa (na primere severoindiyskih rannesrednevekovyh zhalovannyh gramot) // *Teoria i metody issledovania vostochnoi 'epigrafiki.* Moscow, 2006. Pp. 237–243].

Столяров А. А. Список надписей и рукописей (колофонов), относящихся к истории Бенгалии и Бихара IX–XII вв. // *Эпиграфика Востока.* М., 2016. Вып. 32. С. 203–227 [Stolyarov A. A. Spisok nadpisei i rukopisei (kolofonov), otnosyashchihsya k istorii Bengalii i Bihara 9–12 vv. // *'Epigrafika Vostoka.* Moscow, 2016. 32. Pp. 203–227].

Тарасюк Я. В. Дарственные грамоты Паллавов на медных таблицах (Предварительный анализ церемонии дарения земли в Южной Индии VII–IX вв.) // *Эпиграфика Востока.* М., 1998. Вып. 25. С. 107–129 [Tarasyuk Ya. V. Darstvennye gramoty Pallavov na mednyh tablitsah (Predvaritelnyi analiz tseremonii dareniya zemli v Yuzhnoi Indii 7–9 vv.) // *'Epigrafika Vostoka.* Moscow, 1998. 25. Pp. 107–129].

Тарасюк Я. В. О датировке царского дарения в грамоте Нандивармана II Паллавамалли // *Эпиграфика Востока.* М., 2001. Вып. 26. С. 134–138 [Tarasyuk Ya. V. O datirovke carskogo dareniya v gramote Nandivarmana II Pallavamalli // *'Epigrafika Vostoka.* Moscow, 201. 26. Pp. 134–138].

Stolyarov A. A. "Diplomatica Indica" DataBase (DIDB) at a Glimpse // *Exemplar.* 2012. 1. Pp. 30–31.

Stolyarov A. A. Chronological aspects of functioning of the set of early mediaeval north Indian epigraphic sources // *Space, Time, Place: Third International Conference on Remote Sensing in Archaeology, 17th 21st August*

2009, Tiruchirappalli, Tamil Nadu, India. Oxford, 2010. Pp. 339–342.
Stolyarov A. A. New Approaches to Studying the Database of the Theme-based Complex of Epigraphical Sources (Example of North Indian Early Mediaeval Land Grant Charters) // *Эпиграфика Востока*. М., 2015. Вып. 31. С. 129–146 [*Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2015. 31. Pp. 129–146].
Stolyarov A. A. Some ways to optimize an Analysis of Medieval Acts (the Case of North Indian Medieval CP Grants) // *Russian Orientalists to the 36th ICANAS*. Moscow, 2000. Pp. 151–161.

Электронные ресурсы

Diplomatica Indica DataBase. URL: http://didb.info/ (дата обращения 3.07.2018).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. Б. АЛАЕВА «СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА. “РОМАН, ВСТАВЛЕННЫЙ В ИСТОРИЮ”. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ ОБЩИНЫ, ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ЕЕ РАЗВИТИЯ И РОЛИ В СТРАТИФИЦИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ”»

© 2018

А. Л. Рябинин*

В рецензии на книгу известного российского индолога Л. Б. Алаева автор подробно рассматривает релевантные теории возникновения и трансформации древней и средневековой сельской общины, анализируя генезис взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и давая характеристику основным советским и пост-советским теориям общины и первобытного брака.

Ключевые слова: община, сельская община, Л. Б. Алаев, К. Маркс, Ф. Энгельс, Л. С. Васильев, первобытный брак.

REVIEW OF LEONID B. ALAEV'S BOOK "VILLAGE COMMUNITY. 'A NOVEL INSERTED IN HISTORY'. CRITICAL ANALYSIS OF COMMUNITY THEORIES, HISTORICAL EVIDENCES OF ITS DEVELOPMENT AND ROLE IN A STRATIFIED SOCIETY"

Alexey L. Ryabinin

This review of the recent book of the famous Russian Indologist L. B. Alaev analyzes in detail some relevant theories, concerning the emergence and transformation of ancient and medieval rural community, including theories of K. Marx and F. Engels, as well as characterizing the main Soviet and Post-Soviet theories of the rural commune, and pre-historic marriage patterns.

Keywords: commune, rural community, Leonid Alaev, Karl Marx, Friedrich Engels, Leonid Vasiliev, marriage.

Посвященная сельской общине книга Л. Б. Алаева «Сельская община. “Роман, вставленный в историю”» [Алаев, 2016] – «глас вопиющего в пустыне». Уже в течение полувека ветеран-индолог пытается привлечь внимание к обсуждению его видения общины, кардинально отличающегося от традиционных взглядов, заложенных немецкой историографической школой, подхваченных классиками марксизма-ленинизма и доминирующих в мировой историографии до сего дня. Ламентации по поводу игнорирования этой концепции мы находим в книге «Община в его жизни…» [Алаев, 2000]. Пришло время обсудить идеи Л. Б. Алаева и, возможно, пересмотреть огромный объем литературы по проблеме общины. В рецензии мы рассмотрим лишь критику Алаевым теории разложения первобытной общины, вначале, якобы, бывшей кровнородственной, затем земледельческой с общим владением землей и периодическими переделами, и наконец, общиной-маркой, где владения пахотной землей носили индивидуальный характер, тогда как угодья и пустоши оставались в совместном ведении.

* Алексей Леонидович РЯБИНИН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Высшей школы экономики, Москва; rjabinin50@rambler.ru

Alexey L. RYABININ, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Professor of the Higher School of Economics, Moscow; rjabinin50@rambler.ru

Такая критика особенно важна для организации учебного процесса на факультетах исторической направленности, ибо современный студент читает книги только в крайнем случае: лишь «облазив» интернет, отчаявшись и обвинив ученых в незнании IT-технологий, он с отвращением едет в библиотеку[1]. В противном случае – вот, что он прочтет в Википедии, например, о создателе марковой теории Л. Г. фон Маурере: «…он отошел от распространенной в буржуазной историографии теории об исконности частной собственности на землю и на основе документов доказал, что у германцев в древности господствовала общественная собственность на землю и коллективная ее обработка. Собранные им доказательства существования общины-марки послужили материалом для обоснования К. Марксом и Ф. Энгельсом воззрений на первобытно-общинный строй. Маркс и Энгельс тщательно изучали труды Маурера, усматривая их значение не только в огромном материале по истории общинного строя, но и в доказательстве положений о господстве у германцев… общинных организаций, о коллективной собственности на землю как исходном пункте развития аграрных отношений… об отличии древнего общинного строя от государства. Маркс писал, что книги Маурера “имеют огромное значение” (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, 1931, с. 33). Маркс подчеркивал, что… предположение о повсеместном распространении общественной собственности на заре человеческой истории подтверждается в книгах Маурера»[2].

Работа Л. Б. Алаева опровергает большую часть положений цитированной статьи: действительности соответствует лишь то, что фон Маурер – «создатель марковой теории»[3], на основе которой Маркс и Энгельс обосновали воззрения на первобытно-общинный строй. Даже положение о том, что фон Маурер был автором «ценных работ по истории аграрных отношений и общины в Германии» можно подвергнуть сомнению: как показывает Алаев, фон Маурер – большой путаник. Утверждая, что в трудах Цезаря и Тацита отсутствовали упоминания о частной собственности на землю у германских племен (в частности, у свевов), и, напротив, присутствовали свидетельства о переделах земли, фон Маурер утверждал, что, за исключением двух античных авторов, «общинная собственность на пахотную землю не зафиксирована» [Алаев, 2016, с. 47]. Однако некоторые исследователи, в том числе М. М. Ковалевский, «поздний» Энгельс и А. И. Неусыхин рассматривали данные Цезаря и Тацита (якобы, свидетельствующие о переделах земли в общинах древних германцев) как смену полей первыми земледельцами в процессе подсечно-огневого переложного земледелия, и речь шла не о соседской, а о домашней родовой общине, где переделы земли отсутствовали, так как земли этой было очень много [Алаев, 2016, с. 43–44, 60].

Как показывает Алаев, реконструируемые фон Маурером принципы наделения германцев землей могут расцениваться «в одних случаях “**по потребностям**”, в других, “**поровну**”, в третьих, “**по возможностям обработать**” некоторую площадь» *(везде выделено Л. Б. Алаевым)* [Алаев, 2016, с. 47–48]. Из этого автор делает справедливый вывод: «Маурер **не знает**, как производился передел и фантазирует по этому поводу» [Алаев, 2016, с. 48]. А поскольку фон Маурер не знал, как проводился передел в германской общине, то никаких оснований говорить об уравнительном характере владения землей у свевов не существует. Действительно, еще в 1875–1892 гг., во времена Энгельса и Маркса, появились работы Фюстеля де Куланжа, проанализировавшего варварские «Правды» и утверждавшего, что «ни в одном из рассмотренных сводов не указаны ни **общность пахотных земель** (выделено мной – *А. Р.),* ни общность лесов… Самое понятие об общине, по-видимому, чуждо людям той эпохи, так как нигде оно не было высказано составителями этих сводов»[4]. Де Куланж также

[1] Существует профессорская шутка: «Что должен сделать преподаватель на первом занятии первого курса? Привести студентов в библиотеку и, в ответ на недоуменные взгляды, сказать: “Это – книги!!!”».

[2] Маурер, Георг Людвиг фон // *Википедия.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маурер,_Георг_Людвиг_фон (дата обращения 21.07.2018).

[3] «…Маурер (1790–1872)… утвердился в историографии как основатель так называемой “марковой” или “общинной” теории возникновения феодализма в Германии» [Алаев, 2016, с. 31–32].

[4] [Фюстель де Куланж, 1901, с. 134–135, 240, 528]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 49].

делал вывод о генезисе западноевропейской общины, произошедшей «не от воображаемой коллективной собственности… а от общего пользования держальцев известными, уступленными им полосами помещичьей собственности» [Алаев, 2016, с. 49]. Если бы Маркс и Энгельс познакомились с работами де Куланжа, их представления о первобытной формации выглядели бы иначе, и стройная гегельянская схема о будущем коммунистическом обществе как о новом качественном состоянии первобытного коммунизма претерпела бы существенные изменения. Тогда, возможно, не возникли бы ни формационная теория, ни учение о революции и реальный социализм, которым 74 года болела Россия.

На мой взгляд, основная заслуга Л. Б. Алаева в том, что на основании обширного материала он доказал, что **традиционная марксистская схема «разложения» общины (кровнородственная община – земледельческая/сельская община – новая община/марка) в качестве универсального процесса развития, характерного для всего человечества, не действует**. Алаев находит доказательство этому в работах А. Гальман-Блюменштока, считавшего, что у салических франков «индивидуальные права на землю предшествовали образованию общины»[5]. Такие же доказательства отсутствия у германцев «передельной» общины Алаев видит в трудах В. Виттиха и Ф. Гутмана, считавших раннегерманскую общину не крестьянской, а мелковотчинной, в результате наследственного деления образовывавшую столь характерную для индийской практики долевую общину [Алаев, 2016, с. 50]. Ныне существует обширная фундаментальная критика «общинной теории» (К. Рюбель, Г. Каро, Ф.Варрентрап, Г. Шотте, Т. Ильген, К. Лампрехт, Ф. Сиббом, Ф. Мэтланд), считающая, что европейскую «общину Средневековья нельзя считать наследницей первобытного состояния», что «община как постоянная организация сложилась в позднее Средневековье», что «необходимость в общинном регулировании возникает только по мере сокращения площади свободных незанятых земель [Алаев, 2016, с. 51–54].

В работе Алаев убедительно раскритиковал и концепцию советского ученого А. И. Неусыхина (1898–1969), до сих пор пользующуюся авторитетом среди российских ученых [Алаев, 2016, с. 59, прим. 1]. Эта концепция детализирует марксистскую схему эволюции общины, разбивая «земледельческий» этап на два подэтапа: 1. «Кровнородственная община. 2. Первый этап «земледельческой» общины. 3. Второй этап «земледельческой общины». 4. Сельская община, т. е. «марка в узком смысле слова» [Алаев, 2016, с. 59]. Алаев убедительно показал, что существование «кровнородственной» общины как первоосновы, из которой произошли все последующие «этапы», не может быть доказано «прочностью пережитков родового строя», выражающейся в том, что «свободные франки постоянно обозначаются как родичи», что идея первого этапа «земледельческой» общины, характеризующегося общинной собственностью на все земли деревни и периодическими переделами пахотной земли, опровергается самими утверждениями Неусыхина: «Никаких следов этих переделов нет уже в Салической правде… уравнительные переделы пахоты и лугов уже прекратились (на них в Правде нет ни одного намека)»[6].

Существование второго этапа «земледельческой» общины (по Неусыхину характеризующегося общинной собственностью на все земли деревни, прекращением переделов, усилением роли малой семьи и появлением права наследования недвижимости сыновьями) Алаев считает недоказанным, так как в Салической правде нет речи об отведении участков, которыми распоряжаются отдельные хозяйства, а индивидуальный участок «назывался "обработанной землей", "местом, к которому приложен труд" (qualibet labor), "огороженным местом"» и представлял собой в хозяйстве общинника «любой кусок земли, прежде всего им **огороженный**, затем, – **обработанный**», в связи с чем «возникает сомнение

[5] Не совсем корректно утверждение автора, ссылающегося на работу Гальман-Блюменштока: «Соседская община, состоявшая из индивидуальных хозяев-земледельцев, зарождалась в период Салической правды, но сложилась лишь при первых Меровингах». Самый древний текст Салической правды был зафиксирован при Хлодвиге I, но и до Хлодвига известен минимум один меровингский король Хильдерик I, во время которого (и его предков, «королей» Меровее и Хлодионе) зарождалась Салическая правда [Алаев, 2016, с. 50].

[6] [Неусыхин, 1956, с. 10, 89]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 60].

в том, что пахотная земля считалась общинной» [Алаев, 2016, с. 61]. Можно разделить эту точку зрения: **огороженным**, а затем **обработанным** мог быть любой участок, не связанный с общиной.

Алаев не считает возможным связывать со вторым этапом «земледельческой» общины двупольный севооборот (Салическая правда его не упоминает), а с трехпольным севооборотом – общину-марку, как это делает Неусыхин, так как, как пишет сам модернизатор традиционной общинной теории, «окончательный переход от двуполья к трехполью привел к еще большей регламентации принудительного севооборота и порядка пользования неподеленными угодьями» [Алаев, 2016, с. 61]. Во-первых, как пишет сам Неусыхин, «Салическая правда не содержит прямых указаний на двуполье»[7]. Во-вторых, усиление регламентации принудительного севооборота и порядка пользования неподеленными угодьями, связанное с переходом от двуполья к трехполью, не могут ослаблять роль общинных связей, которые, в соответствии с теорией Неусыхина, должны происходить при трансформации непередельной общины в общину-марку. Усиление регламентации принудительного севооборота предполагает ужесточение контроля общины над пахотными участками, что исключает основной принцип существования общины марки – свободное отчуждение пахотной земли.

Несостоятельно, с точки зрения Алаева, и такое доказательство общинной собственности на землю на втором этапе «земледельческой» общины, как переход выморочной земли после смерти хозяина, не имевшего сыновей, сородичам, то есть, в общину: в Салической правде упоминаний об этом нет. Поскольку земли было много, то землепользование не регулировалось, не существовало ни разрешения купли-продажи земли, ни запрета ее продавать. Алаев считает, что статья Салической правды, повествующая о судьбе выморочной земли в случае отсутствия мужского потомка, говорит о ее переходе либо в семью, куда ушла вдова, дочь или сестра умершего, либо в фонд пустующей земли. Из фонда пустующей земли выморочный участок мог быть изъят, как и любой другой пустующий участок, любым желающим, даже не членом общины, если члены общины не возражали. По свидетельству Неусыхина, в случае отсутствия возражений «новоприходец (migrans) может поселиться на вилле и обрабатывать землю», беря «**любую** землю по своему усмотрению, без всякой санкции общины и, как ясно из всего изложения, без ренты. <…> Если в течение года и одного дня **ни один человек** не выступит с протестом, пришельца изгнать уже нельзя, и он получает все права жителя деревни». Все это свидетельствует о том, что «**не община** как коллектив принимает или отвергает поселенца, а некий индивидуум. Это говорит скорее о слабости и неразвитости общинного духа, об отсутствии представления о вилле и ее угодьях как едином целом» [Алаев, 2016, с. 64][8].

По материалам самого Неусыхина, «на стадии так называемой *марки*, “роль соседства” усиливается. В источниках позднее Салической правды переселенец может вселиться лишь с **предварительного** согласия **всех соседей**, а если кто-либо из общинников пригласит в общину переселенца без… предварительного согласия, то должен уплатить штраф в 45 солидов. Именно на стадии общины-марки появляется “общинная регулировка порядка их… индивидуального использования”, которая “превращается в орудие коллективного контроля”» [Алаев, 2016, с. 64]. Из всего этого Алаев делает совершенно обоснованное заключение: «Представляется, что А. И. Неусыхин, поставив своей целью доказательство того, что община в раннее Средневековье постепенно разлагалась, на самом деле показал обратное – что община развивалась, укреплялась, приобретая новые функции» [Алаев, 2016, с. 65].

Наряду с «эталонной» общинной концепцией Неусыхина в российской медиевистике существовала и альтернативная точка зрения, еще в 1969 г. высказанная Ю. Л. Бессмертным

---

[7] [Неусыхин, 1956, с. 103]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 61].

[8] Между тем, мнение Неусыхина о том, что выморочный участок не поступал в фонд пустующих земель, а «переходил к общине», уже «приобрело статус установленного **факта»** [Алаев, 2016, с. 64].

(схема разложения сельской общины в раннее Средневековье… не универсальна… под влиянием «политических сил» может происходить «интенсификация» общинных отношений) и детализированная А. Я. Гуревичем: «(“Записки Цезаря” и “Германия” Тацита) не могут служить надежными источниками беспристрастных сведений и… противоречат археологическим данным. Эти последние свидетельствуют о том, что основной формой поселений германцев в первые века н. э. были хутора, или отдельные усадьбы. Поля находились в индивидуальном владении… не зафиксировано никаких ограничений этой (индивидуальной – *А. Р.*) собственности со стороны общины… Никаких следов переделов земли в ранних источниках нет. И в период Меровингов тоже “германская община” ...представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего Средневековья» [Алаев, 2016, с. 65-66]. В результате Гуревич делает важнейший вывод: «Община отнюдь не являлась реликтом архаического строя, как изображали дело сторонники марковой теории, она была естественным и закономерным продуктом средневекового развития с присущим ему всеобщим корпоративизмом» [Алаев, 2016, с. 66].

Говоря об общине-марке, авторы советской эпохи (М. М. Смирин, В. Е. Майер, Л. А. Котельников) либо ничего не сообщают об общинной собственности, либо относят формирование ее институтов к X–XIII вв., отказывая в первобытном происхождении [Алаев, 2016, с. 66]. В первой постсоветской коллективной монографии «Всемирная история» И. В. Дубровский критически оценивает концепцию «разложения гипотетического “родового строя” “варваров” в начале Средневековья (А. И. Неусыхин и др.)» [Всемирная история, 2012, с. 143]. При этом в учебных пособиях за 2012 г. продолжает преподноситься традиционная теория разложения родовой и соседской общины (точка зрения В. И. Колесника). Отмечая, что «свидетельства Цезаря опровергаются археологическими данными», он тут же оговаривается: «Едва ли допустимо ставить под сомнение слова Цезаря» [Колесник, 2012, с. 19–20]. В традиционной марксистской точке зрения упрекает Алаев своего «вечного» оппонента историка-китаеведа Л. С. Васильева, автора популярной постсоветской «Всеобщей истории» в шести томах, утверждающего: «аллод превращается в частную собственность, происходит расслоение мелких собственников, возникают крупные землевладения, хозяева которых делают крестьянство “феодально-зависимыми”. Существует община в виде “сельского схода”, который имеет право “выносить необходимые и обязательные для населения общины вердикты”» [Алаев, 2016, с. 67]. Действительно, Васильев почти дословно повторяет здесь Энгельса-Маурера, за что и подвергается критике, которую нельзя счесть тенденциозной: Алаев отдает должное взглядам Васильева, пишущего, например, о первичных «человеческих» коллективах: «Как правило, ранние люди были организованы в локальные группы охотников и собирателей, пришедшие на смену прежним микропопуляциям. Обычно они представляли собой сравнительно небольшие коллективы в 20–30, подчас до 50 человек. Это была оптимальная численность группы, имевшей, как правило, закрепленную за ней зону обитания и… пропитания» [Васильев, 2007, с. 96]. Алаев одобрительно замечает: «Хорошо уже то, что в арсенале употребляемых понятий нет “родовой общины”» [Алаев, 2016, с. 360], воздавая должное ученому: «Л. С. Васильев не замечен в слепом следовании некоей утвердившейся концепции, он по натуре новатор, он выдвигает и защищает собственную концепцию эволюции Востока, и ни много ни мало – всего мира» [Алаев, 2016, с. 360].

В рассуждениях Васильева Алаева «смущают утверждения, что в этих группах («сравнительно небольшие коллективы по 20–30, подчас до 50 человек» – *А. Р.*) наблюдалась “эгалитарность как господствующая и обязательная для всех норма”» [Алаев, 2016, с. 360]. Разъясним понимание Васильевым «эгалитарности»: «Система добычи пищи и ее потребления в группе в то время всегда была жестко фиксирована, причем господствовал строгий принцип уравнительности, фиксированный с учетом ролевых функций. Одно дело охотники-добытчики – им всегда лучший кусок, ибо от их силы и активности зависело

благосостояние всей группы, и совсем другое остальные – женщины, старики и дети» [Васильев, 2007, с. 96–97]. Принцип уравнительности действовал в том смысле, что **все члены коллектива** получали какую-то часть добычи, но никакой эгалитарности в распределении добываемых продуктов в архаичной локальной общине не было: «Эгалитарность как господствующая и обязательная для всех норма проявляет себя в том, что **каждый** вносил в общий котел группы **все, что был в состоянии добыть, и каждый получал из этого котла то и столько, чего и сколько было ему положено** (выделено мной – *А. Р.*) в соответствии с полом, возрастом и выполняемыми в группе ролевыми функциями…» [Васильев, 2007, с. 97]. Согласимся: общину, где разные члены получали разные части продукта в соответствии с разными «выполняемыми в группе ролевыми функциями», вряд ли можно назвать в строгом смысле эгалитарной, но если вложить в понятие «эгалитарность» смысл, вкладываемый Васильевым (каждый что-то вносил и каждый что-то получал), с ним можно согласиться.

Алаев возражает и против следующего утверждения Васильева: «Группа знает тех, кто может стать лидером, и выбирает лидерами именно их, имеющих престиж» [Васильев, 2007, с. 99]. И относительно «эгалитарности группы» как «обязательной для всех нормы», и в отношении «выборности лидеров» Алаев замечает: «Не знаю, на чем базируются подобные утверждения» [Алаев, 2016, с. 360]. Иногда ответственный ученый дает недвусмысленный ответ: «Этого мы не знаем». Такой же ответ мы даем и на вопрос о формах брачных отношений: критикуя моргановскую схему эволюции семьи и государства, Алаев пишет: «Впоследствии выяснилось, что этапы развития семьи, выделенные Морганом, не подтверждаются фактами. Мифами оказались так называемый «групповой брак» и смена матриархата патриархатом» [Алаев, 2016, с. 350]. Оставив в стороне «смену матриархата патриархатом» (отсутствие матриархата – положение, вполне утвердившееся в этнологии), отметим, что в отрицании «группового брака» Алаев ссылается на учебник В. П. Алексеева и А. И. Першица [Алексеев, Першиц, 2007].

Однако положение о том, что наличие «группового брака» не подтверждается фактами, достаточно сомнительно и в изложении этих авторов. Отмечая, что «были получены несомненные свидетельства против существования как кровнородственной, так и пуналуальной семьи (групповых форм брака – *А. Р.*)», Алексеев и Першиц сообщают, что «часть ученых продолжают придерживаться этой концепции, основываясь на анализе, во-первых, наиболее архаичных систем родства и, во-вторых, ряда сохранившихся брачно-семейных порядков» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 184–185]. К архаическим системам родства относятся классификационные системы, в которых «одними и теми же терминами обозначаются все мужчины и женщины определенных возрастных и брачных классов, или категорий». В древнейшей из таких систем «*Эго*» не делает различий между мужчинами той группы, к которой принадлежит его отец, женщинами группы своей матери или группы своей жены. Перед нами групповое родство, которое сторонники исторического приоритета группового брака рассматривают как важнейшее доказательство в пользу своих взглядов» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 185]. Излагая эту точку зрения, авторы пишут о «классификационных системах, характерных для первобытных обществ» однако, их принадлежность к первобытным обществам сомнительна, так как взяты они из родственных систем, принадлежащих к родственным группам XIX–XX вв. А родственные системы «изолированных» народов XIX–XX вв. свидетельствуют о том, что у них групповой брак в это время существовал.

О существовании группового брака говорит и современная этнология: «у австралийцев Западной Виктории племя разделено на две половины – Белого и Черного какаду. Мужчины каждой из этих половин с самого рождения считаются мужьями женщин другой половины, так же обстоит дело и с женщинами. Аналогичная или же, чаще, более сложная система четырех или восьми брачных классов имеется и у других австралийцев» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 185]. И хотя, как считают авторы, «система брачных классов не означает, что

мужчины и женщины соответствующих классов состоят в фактическом групповом браке… но они берут из предназначенного им класса мужа или жену и… (например, на некоторые праздники или находясь вдали от дома) вправе вступать в половую связь со своими потенциальными женами и мужьями» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 185]. Что это, как не групповой брак, во всяком случае – по праздникам? Но этим дело не ограничивается: «У аборигенов… имеются и другие черты брачной общности, в частности, обычай “пирауру”, или “пираунгару”, дающий как мужчинам, так и женщинам право на несколько “дополнительных” жен или мужей. Это не просто внебрачные связи, которые тоже широко практикуются, а именно браки, вступление в которые оформляется соответствующим образом. Сходные брачные обычаи известны и у других племен… например, у семангов. Они описаны Н. Н. Миклухо-Маклаем. “Девушка, прожив несколько дней или несколько недель с одним мужчиной, переходит добровольно и с согласия мужа к другому, с которым опять-таки живет лишь некоторое, короткое или более продолжительное время. Таким образом, она проходит всех мужчин группы, после чего возвращается к своему первому супругу, но не остается у него, а продолжает вступать в новые временные браки, которые зависят от случая и желания”. Так же спорадически, в зависимости от случая и желания, общался со своими женами и мужчина» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 185–186]. Можно, впрочем, считать данный вид брака неустойчивым парным браком, но, поскольку в течение длительного времени все мужчины/женщины вступают в брак со всей брачной группой, это, конечно же, групповой брак. Другое дело, что права та «большая часть ученых», которая считает «концепцию **первичности** (выделено мной – *А. Р.*) группового брака несостоятельной» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 186]. Ведь «даже у наиболее отставших в своем развитии низших рыболовов, охотников и собирателей обнаружены парный брак и семья. Археологически… также достаточно широко фиксируются небольшие одноочажные жилища. В них так же, как и в многоочажности крупных общинных жилищ, можно видеть косвенное доказательство в пользу истинности парного брака и семьи» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 186]. Если групповой брак и не был первичным (отсутствие кровнородственной семьи – признанный факт), это не значит, что он не мог сложиться в процессе исторического развития, как складывались полигиния, полиандрия, левират и сорорат. Однако существование «группового» брака у «изолированных» народов XIX–XX вв. не означает, что он был у людей первобытного общества.

Сравнение «первобытных» народов с народами Новой и Новейшей истории страдает существенным изъяном: устройство общины и брака у «изолированных» народов таково, именно потому что они слабо или вовсе не развивались в стороне от основной массы «исторических» народов. Поэтому Алаев справедливо признает невозможность выстраивания эволюционной схемы развития общины (и брачных отношений), справедливо подвергая сомнению определение «этапов развития общины» по состоянию у изолированных народов, якобы «законсервировавшихся» в развитии.

В свое время Н. А. Бутинов предлагал судить о различных историческим этапах развития общины с древности до нашего времени по общинам «неразвитых» народов: «по папуасам Новой Гвинеи, индейцам Америки и другим социально отсталым племенам можно судить о том первобытнообщинном строе, который был в Европе в неолите… Первый этап первобытнообщинной формации… наиболее ярко представлен в мире этнографии аборигенами Австралии; этап расцвета – папуасами Новой Гвинеи, многими племенами Африки; этап разложения – рядом племен Африки»[9]. Однако такие заключения грешат произвольностью, ибо развитие «изолированных» народов шло по совсем иной траектории, нежели на основной территории контактных зон. В этом смысле немногим отличается от изложенного выше учебник Алексеева и Першица (последнее издание 2017 г.), утверждающих, что «историческая реконструкция первоначального человеческого общества представляет собой… самую сложную проблему первобытной истории. За отсутствием

[9] [Бутинов, 1969, с. 90]. Цит. по: [Алаев, 2016, с. 22].

каких-либо прямых параллелей судить о нем можно только на основе косвенных данных» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 125]. Каковы же эти косвенные данные? «Это, с одной стороны, наши сведения о стадных взаимоотношениях у обезьян, с другой стороны, некоторые факты археологии и антропологии, а также те **факты этнологии** (выделено мной – *А. Р.*), которые с большей или меньшей долей вероятности могут рассматриваться как пережитки древнейшего досапиентного состояния человечества» [Алексеев, Першиц, 2007, с. 125–126]. На этих косвенных данных выстраивается стройная схема истории первобытного общества, которую излагают авторы в учебнике. Представляется, честнее было бы признать, что мы ничего не знаем об эволюции общины в верхнем палеолите, мезолите, неолите и энеолите: наши знания об общине начинаются с бронзового века, когда появляются первые известные нам общинные коллективы в Месопотамии.

Кроме того что работа Л. Б. Алаева разрушает привычную схему «разложения» общины, она заставляет задуматься и о схематичности других доктринальных построений, например, эволюции брачных связей. Община предстает живым, эволюционирующим (во многих случаях нелинейно) организмом, наполненным социальными конфликтами между «эксплуататорскими / эксплуатируемыми» слоями. Примером такого сообщества является организация, которая и подвигла Алаева заняться данной проблемой – индийская община. Можно поздравить автора с тем, что долгий творческий путь исследователя, начавшийся с изучения столь далекой от марксистской схемы индийской общины, привел его к развенчанию этой схемы и к созданию описания сельских общин в мировом масштабе.

Литература / References

Алаев Л. Б. *Община в его жизни. История научных идей. История нескольких научных идей в документах и материалах.* М., 2000 [Alaev L. B. *Obschina v ego zhizni. Istoriya neskol’kih nauchnyh idei v dokumentah i materialah.* Moscow, 2000].

Алаев Л. Б. *Сельская община. “Роман, вставленный в историю”. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе.* М., 2016 [Alaev L. B. *Sel’skaya obschina. “Roman, vstavlennyi v istoriyu”. Kriticheskiy analiz teoriy obschiny, istoricheskih svidetel’stv eyo razvitiya i roli v stratifitsirovannom obschestve.* Moscow, 2016].

Алексеев В. П., Першиц А. И. *История первобытного общества.* Учебник для студентов вузов. М., 2007 [Alekseev V. P., Pershits A. I. *Istoriya pervobytnogo obschestva.* Uchebnik dlya studentov vuzov. Moscow, 2007].

Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (Основные этапы и локальные варианты) // *Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I.* М., 1969 [Butinov N. A. Pervobytnoobschinnyi stroi (Osnovnye ‘etapy i lokal’nye varianty) // *Problemy istorii dokapitalisticheskih obschestv. Book I.* Moscow, 1969].

Васильев Л. С. *Всеобщая история. Древний Восток и античность.* Т. 1. М., 2007 [Vasiliev L. S. *Vseobschaya istoriya. Drevniy Vostok i antichnost’.* Vol. I. Moscow, 2007].

Всемирная история. Том 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012 [*Vsemirnaya istoriya.* Vol. I. Moscow, 1969].

Колесник В. И. *История западноевропейского Средневековья: учебное пособие.* Ростов на Дону. 2012 [Kolesnik V. I. *Istoriya zapadnoevropeiskogo Srednevekov’ya: uchebnoe posobie.* Rostov on the Don, 2012].

Неусыхин А. И. *Возникновение зависимого крестьянства как класса феодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.* М., 1956 [Neusyhin A. I. *Vozniknovenie zavisimogo krest’yanstva kak klassa feodal’nogo obschestva v Zapadnoi Evrope VI–VIII vv.* Moscow, 1956].

Фюстель де Куланж Н.-Д. *История общественного строя древней Франции.* Т. IV. С-Пб., 1901 [Fustel de Coulanges N.-D. *Istoriya obshchestvennogo stroya drevnei Frantsii.* Vol. IV. Saint-Petersburg, 1901].

Электронные ресурсы

Маурер, Георг Людвиг фон // *Википедия.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маурер,_Георг_Людвиг_фон (дата обращения 21.07.2018).

КАК Я ВЫБРАЛА ИНДИЮ

© 2018

Н. Д. Гаврюшина*

От редакции: в статье представлены воспоминания одного из старейших индологов Института востоковедения РАН Нины Дмитриевны Гаврюшиной, начавшей работать в московском отделении института в 1955 г. и посвятившей себя изучению индийской литературы, исследованию творчества индийский писателей, таких как Рахул Санкритьяян, Мунши Премчанд и др.

Ключевые слова: Индия, индийская литература, индология, ИВ РАН, Р. Санкритьяян, М. Премчанд.

WHY I CHOSE INDIA

Nina D. Gavryushina

Editorial: The article presents the memoirs of Nina D. Gavryushina, one of the oldest Indologists of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, who started working in the Moscow branch of the Institute in 1955 and devoted herself to Indian literature study, and researching Indian writers, such as Rahul Sankrityayan, Munshi Premchand, and others.

Keywords: India, Indian literature, Indology, IOS RAS, R. Sankrityayan, M. Premchand.

Почему именно Индия стала моей специализацией на всю жизнь? Представьте себе 1945 год, Ленинград, только недавно освобожденный от блокады, мы сидим в выпускном десятом классе и слушаем университетского преподавателя хинди – Дину Марковну Гольдман – она просто рассказывает об Индии. Она рассказывает, что после возвращения из эвакуации снова восстанавливает свою работу Восточный факультет Ленинградского университета. И там есть загадочная Индо-тибетская кафедра, которую возглавляет академик А. П. Баранников[1], и что он заканчивает перевод «Рамаяны»[2]. Об Индии мы не знали ничего. Но рассказ ее на меня произвел неизгладимое впечатление. Особенно то, что она говорила про индийскую литературу.

Вокруг нас еще шла война. Город был значительно разрушен, нас в классе всего десять девочек, мальчиков нет совсем. Среди всех ленинградских выпускников мальчиков почти не видно: многие из них оказались на фронте. В нашем Невском районе многие школы не открылись, учеников было очень мало. И вот мы слышим рассказ о неизвестной, далекой, сказочной Индии. А дело идет к экзаменам, надо думать, куда поступать, куда

* Нина Дмитриевна ГАВРЮШИНА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; anna_vislova@mail.ru

Nina D. GAVRYUSHINA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; anna_vislova@mail.ru

[1] Баранников Алексей Петрович (1890–1952), филолог и индолог. С 1922 г. профессор ЛГУ, с 1939 г. академик АН СССР. Директор Института востоковедения АН СССР в 1938–1941 гг. В 1930-х гг. А. П. Баранникову удалось развернуть большую научную и педагогическую работу в ЛГУ и Институте востоковедения. Он впервые в СССР организовал изучение индийских языков урду, хинди, маратхи, бенгали и пенджаби. Написал большое количество трудов по средневековым и современным языкам Индии, древнеиндийской литературы. Автор ряда трудов по изучению тюремного жаргона.

[2] Эпическая поэма, которая наряду с Махабхаратой входит в Итихасы – базовые священные тексты индуизма, относящиеся к категории смрити. «Рамаяну» традиционно приписывают индусскому мудрецу Вальмики. В ней повествуется о жизни Рамы, легендарного принца Королевства Косала, о его четырнадцатилетнем изгнании из королевства, о путешествиях по лесам с женой Ситой и братом Лакшманой, о похищении его жены Раваной, королем демонов Ланки. Было множество попыток анализа возникновения «Рамаяны», изучения ее композиционных слоев. Датировка начала формирования эпоса варьируется от VII до IV вв. до н. э., а его завершение относится к III в. н. э.

подавать документы. Мама была врачом, в блокаду она нас с братом спасла, с ней люди делились последним, самым драгоценным, что в это время было – едой. Помню, ее часто узнавали на улице и всегда приветствовали. Мама хотела, чтобы я была врачом. Но к химии и к физике душа у меня не лежала. Да и в блокаду много мы пропустили. Занятий почти не было. В сентябре 1941-го школа не открылась, нас, шестиклассников, хотели эвакуировать в Бологое. Мы уже собрали вещи, но немцы подошли к столице, и мы остались в Ленинграде. В сентябре начались страшные обстрелы и бомбежки. А в ноябре у нас в квартире на Кировском проспекте ни электричества, ни отопления уже не было, холод страшный. 14 ноября мы с мамой и братишкой пешком через весь город отправились за Невскую заставу, где работала мама и находился дом дедушки. Домик был маленький и деревянный, в нем тогда еще жила мамина сестра, которая в январе 1942 года умерла от голода. А в декабре того же года маму сильно ранило при обстреле, очень сильно, еле спасли. Нас с братом приютили в больнице, поэтому мы и выжили. А за то время, пока нас не было, дом разобрали на дрова. Так что не до учебы было. Занятия в школе начались только в марте 1942 года. До войны у нас в школе был французский язык, а с марта 1942-го начали преподавать немецкий, три месяца. Поэтому немецкий у меня был слабый. А вот литературу и историю я любила, хотя занятий тоже было мало. И решила я все-таки поступать на Восточный факультет ЛГУ.

Мама была в панике, сказала: какой ужас, ты просто погибнешь. Что это за профессия – индолог? Это не специальность. Где дочь работу найдет? Да и ни к чему все эти связи с заграницей, говорила она. Это я думала – Индия страна чудес, полная удивительных историй, а мама думала иначе. Время-то какое было! Отца у меня арестовали в 1937-м и в том же году расстреляли, но о его смерти мы узнали только в 1957 г. – нам прислали постановление о посмертной реабилитации. Когда брат поступал после войны в Военно-воздушную академию, его спрашивали: что вы делали в 1937 г.? А брату тогда всего пять лет было.

Но я настояла на своем, проявила упрямство. Мама мне говорит, узнай хоть про эту Индию побольше. Она был участковым врачом. И сказала: у меня на участке индиец есть, сходи, может, он тебе что-нибудь расскажет. И повела меня к этому индийцу, который какими-то судьбами оказался в послевоенном Ленинграде. Как потом выяснилось, это был известный общественный деятель, писатель, ученый, коммунист Рахул Санкритьяян [3], который еще в 1937 г. приехал в СССР. Нас встретила его русская жена, у нее был ребенок. Рахул Санкритьяян говорил по-английски, немного по-русски. Я сказала, что хочу изучать Индию, он с интересом посмотрел на меня, разулыбался и одобрил. В общем «благословил». До 1947 г. он еще жил в СССР, потом уехал в Индию. На родине он до сих пор считается очень уважаемым национальным общественным деятелем.

Подала документы на Восточный факультет ЛГУ. Писала сочинение по Горькому, как сейчас помню. Заполняла анкету, вопросов об отце не задали. Может, медаль за оборону Ленинграда помогла. Когда мы жили на окраине, работали в поле, в колхозе, помогали снабжать город в блокаду овощами. У меня уже тогда было два года рабочего стажа. Я хорошо сдала экзамены и поступила. И уже во втором семестре к нам на факультет пришел тот самый Рахул Санкритьяян. Академик А. П. Баранников попросил его прийти, рассказать студентам об Индии.

О современной Индии нам много рассказывал сам Баранников. Рассказывал про ученых, которые изучают Индию в Европе, про разные научные школы, но объяснял, что все изучают историю Индии, средневековую Индию, ее литературу и языки. А. П. Баранников был одним из первых европейских ученых, который положил начало изучению также и современной Индии. Он написал учебник Хиндустани, по хинди и урду [Баранников, 1934]. Мы по нему занимались. А он рассказывал нам об освободительном движении, о том, что в Индии грядут огромные перемены.

[3] Рахул Санкритьяян (1893–1963) – индийский писатель, ученый, общественный деятель и путешественник, которого называют отцом индийской травелогии. Был одним из наиболее активно путешествующих ученых Индии, провел в поездках сорок пять лет.

Закончила я с дипломом «индолог-историк». Специализация зависела от темы диплома. Я могла быть историком, могла быть лингвистом, но индийская литература меня увлекала больше всего. И хотя писала я все-таки диплом по истории, получилось – по истории индийской литературы. Что делать после окончания? К выпуску нас осталось пять девушек и один юноша, присоединившийся к нам на четвертом курсе, – А. Бархударов, в дальнейшем ставший известным индологом-лингвистом[4]. На первом курсе было человек десять, были и ребята. Помню, кто в солдатской шинели ходил, кто в матросской шинели. На третьем курсе ушел от нас последний парень, сказал: больше не могу. Тяжело было учиться.

И вот, в 1950 г. нас трех девочек пригласили в аспирантуру. Было три места с разной специализацией. Одна моя подруга пошла как лингвист, другая как литературовед, а мне пришлось идти как историку. Но я любила литературу Индии и как-то совсем запустила подготовку к экзамену по истории. Принимала экзамены комиссия, востоковеды-историки. И «историческая комиссия» меня не пропустила. На один вопрос по средневековой Индии я не ответила. Еще спросили про репрессированного отца. А что мы знали? Так и ответила: отца арестовали. В общем, не приняли в аспирантуру меня. Настроение было отчаянное, ужасное. Особенно маме я ничего не рассказывала. Но я снова проявила упорство. Пошла к академику Баранникову, и он написал письмо, что я достойна учиться по направлению «литература». Я решила ехать в Москву, но сначала с этим письмом пошла сдавать дополнительный экзамен по хинди на филологическом отделении аспирантуры. Принимал у меня ведущий преподаватель по языкам хинди и урду В. М. Бескровный[5]. В этот период он работал также над созданием первого большого хинди-русского словаря – очень известный фундаментальный труд [Бескровный и др., 1951; Хинди-русский словарь, 1953; Русско-хинди словарь, 1957; Хинди-русский словарь, 1972]. Сдала экзамен легко, на отлично. И с этой оценкой и письмом Баранникова поехала в Москву в управление по всем аспирантурам всех ВУЗов страны. Поехала защищать свои права. Размещалось это управление на Рождественке, почти напротив нашего Института востоковедения. Но в те времена институт сюда еще не переехал, это произойдет в 1975 г.

Денег на дорогу и жизнь в Москве удалось собрать не без труда. Чиновники Минобразования очень мне удивились, ответили, что сразу ничего не могут сказать. Приходила раза три-четыре, жила в Москве уже почти месяц и все ждала от них решения. Деньги решительно заканчивались. Начальника этого управления никак не удавалось застать, отвечали мне помощники или секретари: вопрос решается, вопрос решается. Никак не могла застать этого начальника, и вот, вдруг встречаю его на лестнице. Он посмотрел мое дело и говорит: «Ну, вам же отказали». Тогда я отвечаю: «Вот вы мне так и напишите, что мне отказано. И тогда я с этим отказом пойду к товарищу Сталину». Так и сказала: «Я пойду к товарищу Сталину!» Он задумался, посмотрел на меня и говорит: «Приходите в пять вечера». Не знаю, что тут повлияло больше, Сталин или нет, но они не утвердили отказ. С этим решением я отправилась обратно в Ленинград и вызвала у принимавших меня экзаменаторов-историков некоторое ошеломление. Многие очень удивлялись: неслыханное дело, как это меня приняли.

Я собиралась заниматься современной литературой, новейшей индийской литературой. А самым ярким ее представителем, самым прогрессивным и, как мы тогда

[4] Проводил исследования в области современного строя и истории языков хинди и урду.

[5] Бескровный Василий Матвеевич (1908–1978), востоковед-индолог. В 1926 г. поступил на индийское отделение Ленинградского Восточного института, который окончил в 1930 г. В 1932 г. был принят в штат Института востоковедения на должность младшего научного сотрудника. Перед войной В. М. Бескровный работал над составлением большого хинди-русского словаря по плану Ново-индийского кабинета Института востоковедения под руководством академика А. П. Баранникова. Одновременно преподавал в 1936–1938 гг. в Восточном институте, в 1938–1941 гг. – в Ленинградском университете. В 1945–1956 гг. он вновь преподаватель Ленинградского университета, в 1956–1978 гг. работал в Институте востоковедения. В. М. Бескровный положил начало изучению в СССР наследия Премчанда: статьи «“Борьба” – социальная драма Премчанда» (1947), «Премчанд. 1880–1936» (1949). Составил «Урду-русский» и «Хинди-русский» словари.

говорили, «пролетарским» писателем являлся Премчанд[6]. Но многие книги и журналы, из которых что-то можно узнать об индийской литературе, были тогда засекречены. Чтобы взять их в спецхране ЛГУ, нужно было специальное разрешение. А разрешение не давали. Целый год меня туда не пускали. Мой научный руководитель профессор Баранников уже спрашивает, когда же вы туда попадете? И вот, я неожиданно нашла нужный мне журнал, несколько номеров, в спецхране Института востоковедения – в нашем ленинградском отделении. Тоже со всякими строгостями, но все-таки получила. Это были номера журнала «Ханс». Его основал Премчанд, и, можно сказать, с него начинается новый этап в развитии прогрессивной литературы Индии. И я пишу по материалам этого журнала диссертацию. Премчанд публиковал там не только свои рассказы, но и рассказы других современных писателей тоже. Замечательным в журнале было то, что Премчанду удалось объединить в нем разных представителей индийской литературы, которые писали на маратхи, бенгали, телугу, тамили, пенджаби, урду и на других северных, восточных, южных языках Индии [Гаврюшина, 2006].

Кумиром Премчанда был Горький, и сам он на Горького был похож – и творчеством, и биографией, и даже внешне. Он был преподавателем в школе, школьным инспектором, но потом ушел со службы и стал писателем. Он писал про страшные вещи. Про ужасное социальное неравенство, про касты. Про то, какой ад – жизнь неприкасаемых. Неприкасаемый не мог жить с остальными в деревне, не мог брать воду из общего колодца, не мог отбрасывать тень на брахмана. Я приехала в Индию в 1960-е, в Конституции уже было записано равенство всех индийцев, вне зависимости от каст. Но различия оставались. При приеме на работу, при вступлении в брак. А ведь еще до 1828 г. жены были обязаны взойти на погребальный костер в случае смерти мужа. Понятно, чаще их туда отправляли не по собственной воле. В традиционной индийской семье жизненная судьба женщины полностью зависела от воли мужчины – отца, брата, мужа. И единственный способ спасти жизнь – изменить мужу. Тогда он должен был изгнать жену. И муж, чтобы спасти любимую жену от костра после своей смерти, уговаривает изменить ему. Вдумайтесь в это, что представляло собой индийское общество. Премчанд, например, в рассказе описывает, как неприкасаемая вскармливает своим молоком ребенка женщины из более высокой касты, спасает ребенку жизнь. Но как с эти жить дальше? Кастовое разделение незыблемо. Драматическая развязка – в том, что происходит потом.

Премчанд выступал против неравенства. Его идеи были созвучны идеям Махатмы Ганди. После смерти Премчанда руководство журналом «Ханс» взял на себя Джайнендра Кумар. Большой друг Премчанда, классик современной литературы хинди, последовательный и преданный проводник гандистского учения непротивления злу насилием.

Мой интерес в индийской литературе был прежде всего обращен к содержанию, а не к стилистическим особенностям, меня всегда интересовал герой, человек. Что его волнует, общественное значение произведения, влияние на общество, отражение жизни. И писатель меня интересовал в той степени, в которой он осмысливает жизнь, как она развивается и отражается в литературе [Гаврюшина, 2000].

После аспирантуры я читала спецкурс по теме диссертации [Востоковедение в Ленинградском университете, 1960, с. 197]. А потом меня пригласили в Москву, в Институт востоковедения. Им нужен был именно специалист по индийской литературе. Готовился

[6] В 1909 г. английские колониальные власти запретили и частично сожгли сборник рассказов Премчанда «Любовь к родине». Романы Премчанда «Обитель любви» (1922), «Арена» (1925), «Поле битвы» (1932), «Жертвенная корова» (1936) и сборники «Семь лотосов» (1917), «Ратный путь» (1932) повествовали о борьбе за социальные права и антиколониальное движение в Индии. Премчанд выступал с критикой произвола колониальной и феодальной власти, религиозного фанатизма.

выпуск очень объемных изданий: «Новейшая история Индии»[7] [Новейшая история Индии, 1959], а затем «Новая история Индии» [Новая история Индии, 1961].

В этих изданиях были запланированы соответствующие главы об искусстве Индии и индийской литературе. И мне было дано задание написать очерк об индийской литературе современного периода. После того как Индия получила независимость в 1947 г., по распоряжению Джавахарлала Неру, премьер-министра Индии, соратника М. Ганди в 1954 г. была создана Академия индийской литературы. Академия ставит задачу рассказать о литературе на 16 языках (в тот период эта литература насчитывала 16 языков) [Contemporary Indian Literature, 1957]. Потом число официально признаваемых языков еще возрастет: маратхи, хинди, урду, тамильский, ассамский, бенгальский, гуджарати, догри, конкани, бихари, непальский, ория, панджаби, раджастхани, синдхи, кашмири, тамильский, бодо, сантали. На всех этих языках были свои литературы и яркие представители, лидеры. После ухода британцев и обретения независимости Индия была разделена на области, соответствующие распространению основных языков. Сейчас Академия индийской литературы изучает произведения национальных авторов уже на 22 языках.

У индийских писателей не было ни Союза писателей, ни Литературного института, у них не было государственных дач и обеспечения, и они, как правило, совмещали литературный труд с работой. Они были более свободны от контроля власти. Все они «вышли из народа», как тогда было принято говорить. Из разных слоев, но это были самородки. Писательство не приносило им больших денег, они мыслили литературу как общественную деятельность. Основной школой для них была жизнь и журналы, сюда они несли первые произведения, на их страницах выросли. Журналы имели для индийской литературы колоссальное значение, в них молодых писателей могли прочитать миллионы. Книга в Индии была не каждому по карману, не каждый мог ее купить, тиражи были маленькие, а журналы давали возможность писателям пробиться к широкому читателю.

В 1955 г. к нам приехала большая делегация во главе с Неру. Этот приезд вызвал народное ликование, подъем, какой-то энтузиазм. Меня поразил этот человек. Он был удивительно простым, но при этом интеллигентным и высочайше образованным. Его повели в музей Востока, мы стояли рядом. Потом были заводы, трудовые коллективы. Но у всех была надежда на какую-то новую эпоху, новую эру.

Через два года Москва встречала Международный Фестиваль молодежи и студентов. Вспоминаю, как наши студенты ехали в грузовике с индийской делегацией, узнали меня и стали махать руками. Но я уже не была студенткой и наблюдала этот праздник со стороны.

В 1960–1970-е гг. у нас в Институте уже стали готовиться более подробные обзоры по литературе. Вышли отдельные очерки по бенгальской литературе [Товстых, 1965], по литературе хинди [Чаухан, 1960; Челышев, 1968], урду [Саид Эхтишам Хусейн, 1961], тамильской литературе [Варадараджан, 1964], пенджабской [Серебряков, 1963] и др.

В 1964 г. мне предложили поехать в Индию в качестве переводчика; предложило руководство Института, но просьба исходила от нашего Красного креста. Я ответила, что

---

[7] В рецензии на книгу, в частности, говорилось: «Авторский коллектив плодотворно объединил советских индоведов старшего поколения (В. В. Балабушевич, А. М. Дьяков, С. М. Мельман, С. И. Тюляев) и молодых ученых (Н. Д. Гаврюшина, Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Левковский, А. М. Мельников, Ю. П. Насенко, С. И. Потабенко). Совместная работа историков, экономистов, искусствоведов и филологов дала возможность отразить в рецензируемой книге не только политическую историю, но и экономику, и культуру Индии». Рецензия сохранила отголоски внутриполитической ситуации в СССР: «Более того, при анализе и трактовке многих явлений новейшей истории Индии зачастую наблюдались односторонний подход, догматическая оценка значения тех или иных явлений. Общеизвестно, что широкое хождение имела характеристика, данная национальной буржуазии Индии И. В. Сталиным в его речи в Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1925 г., отрицавшая ее способность бороться против империализма; преувеличивались успехи рабочего класса в руководстве национально-освободительным движением; неверно трактовалась роль Ганди и т. д. Это требовало от авторов не только заполнения “белых пятен”, но и творческого изучения многих исторических периодов и процессов в истории Индии колониальной и Индии независимой, которые, казалось бы, уже были более или менее детально исследованы ранее» [Новейшая история Индии, 1959].

поработать могу, но попросила директора института обязательно сохранить за мной место. В 1964 г. умирает Неру, я приезжаю в дни общенационального траура. В 1965–1966 гг. разгорается Индо-пакистанская война. Дели погружается во мрак, на окнах затемнения, как будто я снова в блокадном Ленинграде.

Илл. 1. С врачами в Центральном детском госпитале. Дели, 1965 г. (*фото из личного архива автора*)

Илл. 2. С преподавателями Университета Джавахарлала Неру. Дели, 1965 г. (*фото из личного архива автора*)

Наши врачи в Индии помогали создавать систему здравоохранения. Помогали местным врачам проводить осмотр населения, давали какие-то лекарства, но в основном ограничивались диагностикой. Нас разместили в медицинском институте, рядом были и студенты, и больные, и индийские профессора в отдельных коттеджах. К нам в основном приходили бедные. Иногда наши врачи выезжали на осмотры в деревни. Все болезни были в основном от плохого питания и от ужасных условий жизни.

В Индии я получила телеграмму о смертельной болезни моего брата, он был конструктором подводных лодок в Ленинграде, испытывал их. И судя по всему, у него была лучевая болезнь, он уже не вставал с постели и скоро умер. Я снова вернулась в Индию, снова работала переводчиком с врачами. Но в нашем посольстве я имела возможность встречаться со многими индийскими писателями.

В то время в Индии литература выполняла огромную объединительную работу. Произведения переводились с одного языка на другой, и какой-нибудь бенгалец говорил: я читал рассказ тамильского автора и забыл, что я бенгалец, так мне было все близко и понятно.

В 1957 г. в СССР была приглашена группа из нескольких известных индийских писателей. Они переводили наших классиков. Например, Маданлал Мадху переводил Толстого, «Анну Каренину». Были переводы Чехова и Горького. Бхишам Сахни перевел Толстого «Воскресенье». Переводили и наши журналы. Большим успехом у индийцев пользовался журнал «Советская женщина», с которым сотрудничали многие индийские писатели и журналисты. Среди них большую известность имел Радхешьям Дубе, работавший на радио. Он прожил в Москве с 1957 до 1993 г. Но и после отъезда продолжал следить за развивающимися событиями в России до самой смерти (2010 г.). Большой интерес представляет его книга о жизни в нашей стране под названием «Изменяющиеся картины: Россия – СССР – Россия», которая вышла в Индии в 2010 г.

У индийских писателей, приглашенных на работу в Москву, были прекрасные условия, их поселили на Ленинском проспекте, они ездили в командировки по всему Союзу и по странам социалистической демократии, дети их учились в наших школах. Бхишам Сахни с женой и двумя детьми жил на Ленинском проспекте в хорошем доме. Я тоже жила неподалеку, бывала у него в гостях, и он как-то заходил ко мне. Все они были коммунистами, восхищались советским строем, потому что у всех была возможность работать и бесплатно учиться. Они были благодарны за помощь их стране, подчеркивали, какую неоценимую поддержку мы оказали другим странам в борьбе за независимость.

Но наши индийские гости не были наивными людьми, видели, что товаров не хватает, что работу имеют все, но зарплата у всех разная, не всегда адекватная. Но они ничего не осуждали и говорили, что мы должны ценить наши социальные достижения. Те, кто дожил в СССР до 1990-х годов, очень сожалели о том, что произошло после 1991 г. Капитализм индийцы не принимали. Они не писали об этом, но говорили, что мы недостаточно ответственно относились к нашим завоеваниям. Многие из них замечали, что одни разочаровались в идеалах, а другие получали хлебные посты, власть стала зазнаваться и постепенно отдалять себя от народа. Они видели разложение руководства в наших среднеазиатских республиках. И конечно, воровство на местах они тоже замечали. Как приезжает индийская делегация куда-нибудь в глубинку, там ее власти встречают по первому разряду, а их сопровождающие потом все растаскивают.

Жизнь была разная – и трудная, и интересная. В 1980 г. я и В. И. Балин (заведующий индийским отделением в Ленинградском университете) были в Индии. Это была поездка, организованная с индийской стороны по линии Литературной академии, а с нашей – по линии Общества «Дружбы народов», посвященная столетию со дня рождения Премчанда. Мы выступали на конференции в местном университете в Джамму, обратно в Дели летели местными авиалиниями. Одно из моих воспоминаний связано с тем, как я оказалась в салоне обычного рейсового самолета, который пилотировал Раджив Ганди. Сначала мы сидели в

хвосте, но потом переместились поближе к пилотам, свободных мест было много. Кто-то сказал, что самолет ведет Раджив Ганди. Мать его была первым лицом Индии, премьер-министром, а он занимался пилотажем, водил простой самолет. Потом он пойдет в политику, заменит мать. И так же, как она, погибнет от рук террористов.

Илл. 3. Выступление на конференции прогрессивных писателей Индии. Дели, 1966 г. (*фото из личного архива автора*)

Илл. 4. Подарок индийской делегации, Н. Д. Гаврюшина. 1957 г. (*фото из личного архива автора*)

Вспоминаю знаменательное для меня посещение нашей страны Джайнендрой Кумаром в связи со столетием со дня рождения Рабиндраната Тагора. Я сопровождала Джайнендра Кумара в его поездке в Ясную Поляну, и меня поразило его глубокое знание жизни и творчества Льва Толстого. Он с благоговением осматривал экспонаты музея, в подробностях расспрашивал обо всех деталях жизни Толстого в усадьбе.

Не меньшим был интерес к Индии и со стороны народа нашей страны. В связи с этим вспоминаю еще одну свою работу. Как лектор Всесоюзного общества знаний в свое время я объездила с лекциями об Индии всю страну. И всегда и везде, и в Ленинграде, и в Москве, и на Украине (Донецк, Днепропетровск, Сумы, другие города), и в Таджикистане, и в Узбекистане, и на Сахалине я ощущала интерес народа к Индии.

Теперь, спустя многие годы, наверное, можно сказать, что огромный интерес нашей науки к индийской литературе, особенно к современной, – интерес, поддерживавшийся немалыми государственными ресурсами на протяжении 1960–1980-х гг., был продиктован отчасти идеологическими и политическими соображениями. После 1993 г. внимание наших властей к индологии, да и вообще ко всему востоковедению стало ослабевать, если не сказать пропало совсем. К нулевым годам почти при полном отсутствии бюджетного финансирования изучение индийской литературы продолжали лишь немногие энтузиасты, осталась в их числе и я [Гаврюшина, 1998; 1999; 2000].

И все же хочу подчеркнуть: по мнению многих индологов, эти четыре десятилетия с начала 1950-х до 1990-х гг. можно с полным основанием назвать «золотым веком» в развитии индологической науки в нашей стране. Именно в этот период далекая, незнакомая и сказочная Индия становится для нас близкой и глубоко дружественной страной. Изучение Индии в самых различных направлениях (истории, лингвистики, литературы, культуры, искусства) принимает чрезвычайно интенсивный характер. В индологию приходит много молодежи. Студенты и научные сотрудники начинают изучать Индию, ее языки и литературу

не только по научным трудам и словарям, а в условиях непосредственного живого общения со страной и людьми. Все это, безусловно, сказалось на формировании нового уровня как исследовательской, так и учебной работы при подготовке специалистов в области индологии.

Литература / References

Баранников А. П. *Хиндустани (Урду и хинди).* Л., 1934 [Barannikov A. P. *Hindustani (Urdu i hindi).* Leningrad, 1934].

Бескровный В. М. Краснодембский В. Е. *Урду-русский словарь.* М., 1951 [Beskrovnyi V. M. Krasnodembskii V. E. *Urdu-russkiy slovar'.* Moscow, 1951].

Варадараджан М. *Тамильская литература. История индийских литератур.* Под редакцией д-ра Нагендры. М., 1964 [Varadaradzhan M. *Tamil'skaia literatura. Istoriya indiyskikh literatur.* Pod redaktsiei d-ra Nagendry. Moscow, 1964].

Востоковедение в Ленинградском университете. Ученые записки ЛГУ. № 296. *Серия востоковедческих наук.* Вып. 13. Л., 1960 [*Vostokovedenie v Leningradskom universitete. Uchenye zapiski LGU.* № 296. *Seriia vostokovedcheskih nauk.* Vol. 13. Leningrad, 1960].

Гаврюшина Н. Д. *Премчанд и роман хинди XX века.* М., 2006 [Gavriushina N. D. *Premchand i roman hindi XX veka.* Moscow, 2006].

Гаврюшина Н. Д. Проблема религиозно-общинной розни в современной индийской литературе // *Межконфессиональные отношения в Южной Азии: прошлое и настоящее.* М., 1998 [Gavriushina N. D. Problema religiozno-obshchinnoi rozni v sovremennoi indiyskoi literature // *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v Yuzhnoi Azii: proshloe i nastoyashchee.* Moscow, 1998].

Гаврюшина Н. Д. Развитие романа хинди во второй половине XX века // *Литературы Азии и Африки: опыт XX века. Памяти А. С. Сухочева.* М., 2000 [Gavriushina N. D. Razvitie romana hindi vo vtoroi polovine XX veka // *Literatury Azii i Afriki: opyt XX veka. Pamyati A. S. Suhocheva.* Moscow, 2000].

Гаврюшина Н. Д. Эволюция литературы хинди в оценке индийских писателей и исследователей по материалам 1980–1990 гг. // *Восток.* 1999. № 3 [Gavriushina N. D. Evolyutsiya literatury hindi v otsenke indiiskih pisatelei i issledovatelei po materialam 1980–1990 gg. // *Vostok.* 1999. 3].

Гаврюшина Н. Д., Дашко М. А. Каннада литература // *Краткая литературная энциклопедия.* Т. 3. М., 1966 [Gavriushina N. D., Dashko M. A. Kannada literatura // *Kratkaya literaturnaya 'entsiklopediya.* T. 3. Moscow, 1966].

Новая история Индии. Под ред. Н. М. Гольдберга, К. А. Антоновой, А. М. Осипова. М., 1961 [*Novaya istoriya Indii.* Pod red. N. M. Gol'dberga, K. A. Antonovoi, A. M. Osipova. Moscow, 1961].

Новейшая история Индии. Отв. ред. В. В. Балабушевич, А. М. Дьяков. М., 1959 [*Noveishaya istoriya Indii.* Otv. red. V. V. Balabushevich, A. M. D'iakov. Moscow, 1959].

Русско-хинди словарь. М., 1957 [*Russko-khindi slovar'.* Moscow, 1957].

Саид Эхтишам Хусейн. *История литературы урду.* М., 1961 [Said Ehtisham Husein. *Istoriya literatury urdu.* Moscow, 1961].

Серебряков И. Д. *Пенджабская литература: Краткий очерк.* М., 1963 [Serebryakov I. D. *Pendzhabskaya literatura: Kratkiy ocherk.* Moscow, 1963].

Товстых И. А. *Бенгальская литература: Краткий очерк.* М., 1965 [Tovstykh I. A. *Bengal'skaya literatura: Kratkiy ocherk.* Moscow, 1965].

Хинди-русский словарь. М., 1953 [*Hindi-russkiy slovar'.* Moscow,1953].

Хинди-русский словарь. М., 1972 [*Hindi-russkiy slovar'.* Moscow, 1972].

Чаухан Ш. *Очерк истории литературы хинди.* М., 1960 [Chauhan Sh. *Ocherk istorii literatury hindi.* Moscow, 1960].

Челышев Е. П. *Литература хинди.* М., 1968 [Chelyshev E. P. *Literatura hindi.* Moscow, 1968].

Contemporary Indian Literature. Deli, 1957.

ИВ РАН ГЛАЗАМИ КИТАЕВЕДОВ: ОТ АРМЯНСКОГО ПЕРЕУЛКА И КИТАЙСКОГО ПРОЕЗДА ДО ХОХЛОВСКОГО ПЕРЕУЛКА И РОЖДЕСТВЕНКИ. ЧАСТЬ I

© 2018

В. Ц. Головачёв*

Статья основана на материалах профессиональных интервью с известными китаеведами старшего поколения, отдавшими, начиная с 1950-х гг., десятки лет работе в московских и ленинградских стенах Института востоковедения. Все многочасовые интервью записаны в 2008–2017 гг. в рамках международного проекта «Российское китаеведение – устная история». Взятые в совокупности, к тому же дополненные и верифицированные с помощью ссылок и комментариев, тексты интервью образуют уникальную «китайскую» главу, достойную особого места в неофициальной истории института.

Ключевые слова: китаеведение, устная история, интервью, история науки, ИВ РАН.

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES THROUGH THE EYES OF SINOLOGISTS: FROM ARMYANSKY LANE TO KITAISKY DRIVE; FROM KHOKHLOVSKY LANE TO ROZHDESTVENKA STREET. PART I

Valentin Ts. Golovachev

The article is based on a series of professional interviews with venerable Russian Sinologists who, starting in the early 1950s, spent many decades working in the Moscow and Leningrad branches of the Institute of Oriental Studies. All the extensive interviews are recorded in 2008–2017 as a part of the project *Russian Sinology – An Oral History.* Taken together and supplemented with verifying links and comments, these interviews form quite a unique Sinological chapter, one worthy of a special place in the Institute's unofficial history.

Keywords: Sinology, oral history, interview, scholarly history, IOS RAS.

Широко отмечаемое в 2018 г. 200-летие Института востоковедения РАН совпало с другим, более скромным юбилеем – 10-летием проекта «Российское китаеведение – устная история», реализуемого с 2008 г. сотрудниками отдела Китая. За 10 лет кропотливой работы нами записаны, в числе прочих, 18 многочасовых интервью с китаеведами старшего поколения, отдавшими десятки лет работе в московских и ленинградских стенах родного института. Каждое интервью – ценная саморефлексия, своего рода профессиональная исповедь – глубоко искренняя, спонтанная и, конечно, во многом субъективная. Но взятые в совокупности, к тому же дополненные, уточненные и верифицированные с помощью перекрестных ссылок и комментариев, тексты интервью образуют уникальную, вполне объективную «китайскую» главу, достойную особого места в «неофициальной истории» института.

Хотя трудовой стаж интервьюируемых охватывает в основном лишь последнюю треть 200-летнего пути (с начала 1950-х гг.), их воспоминания так или иначе затрагивают всю историю института и отечественной синологии. Взору читателя открывается широкая панорама «новейшего времени»: ленинградское китаеведение до и после 1950 г., перевод из Ленинграда и переезды по Москве, административные деления и слияния, смена названий,

* Валентин Цуньлиевич ГОЛОВАЧЁВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; valliu@complat.ru

Valentin Ts. GOLOVACHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; valliu@complat.ru

директоров и «цековских» кураторов, научная и партийная иерархия, кадровая политика и личные отношения, поездки за границу и международные связи, эволюция тематики и проблематики исследований, личные и групповые проекты, научные и околонаучные дискуссии, расцвет и упадок в советские и постсоветские времена, застои и кризисы, успехи и достижения, ретроспективы и перспективы… Представим ниже основные фрагменты этой «панорамы», оставляя первое слово за героями интервью.

Будни институтского китаеведения времен дружбы Москвы и Пекина в 1950-х гг. частично отражены в интервью коллег старшего поколения. Дальнейшие «драмы и мелодрамы» синологических штудий дополняют воспоминания второго послевоенного поколения, пришедшего на службу в ИВ АН СССР (далее – ИВАН) в 1960–1970-х гг. Поколение «восьмидесятников» тоже внесло заметную лепту в отечественную синологию и жизнь института, но их интервью и мемуары пока еще ждут своего часа…

Переезд в Москву в 1950 г. стал крупнейшим рубежом в отечественном китаеведении, но почти совсем не отражен в воспоминаниях. Вероятно, это событие воспринималось как мегамасштабный «тектонический сдвиг», неподвластный воле «низов» и посему выпавший из поля внимания интервьюируемых и интервьюеров. Кроме того, почти все участники проекта начинали научную карьеру уже в 1950-х гг. Ленинградцы Б. М. Новиков, Ю. Л. Кроль и Е. И. Кычанов трудоустраивались в Ленинградское отделение (ЛО) ИВАН, а их московские коллеги и ровесники приходили в уже открытый в столице ИВАН или отпочковавшийся от него на пять лет *Институт китаеведения* (далее – ИК).

Китаеведение в «Институте китаеведения»: от открытия до закрытия

Победа китайских коммунистов и образование в 1949 г. КНР были встречены в СССР с великим энтузиазмом как общая победа «лагеря социализма» и международного коммунистического движения. Советские люди воспринимали КПК и Мао Цзэ-дуна как друзей, единомышленников и союзников, которым следует оказывать братскую интернациональную помощь. На этой волне руководство СССР и КПСС приняло решения о массовой подготовке экспертов по Китаю и создании особого института (ИК), отделившегося от ИВАН, а также о выпуске журнала «Советское китаеведение». Подробности принятия решения о создании ИК и споров о выборе его названия на заседании Президиума АН СССР 26.10.1956 изложены в одной из статей А. Н. Хохлова [Хохлов, 2007, с. 9–10]. Все эти решения прямо повлияли на судьбы героев «устной истории»[1]. Вот как вспоминал об этом через полвека (в 2009 г.) заведующий отделом Китая ИВ РАН А. А. Бокщанин: «Я поступил в ИК в 1958 г., сразу после окончания университета. Находился он в Китайском проезде, имеется в виду Китай-город… Там, в большом административном здании, где были еще и другие академические институты, мы занимали два этажа[2]. Мы хотели заниматься по специальности и пришли туда вдвоем с Олегом Непомниным… » [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 23].

Одной из главных задач нового института стало изучение современного Китая. Для ее решения был предпринят первый крупный научный проект – написание «Очерков истории Китая в новейшее время» под редакцией А. С. Перевертайло [Очерки, 1959]. История этого проекта достойна отдельного изучения и повествования. Вот как коротко вспоминает о нем А. А. Бокщанин: «Тогда писалась большая капитальная «Новейшая история Китая». И нас сразу подключили туда на техническую работу: вычитку и сверку текста. <…> Это был общеинститутский коллективный проект. Там, в институте китаеведения, были секторы литературы, языка и экономики. Я был в секторе истории. И весь сектор истории писал эту работу» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 24].

[1] Участники проекта, служившие в ИК: А. А. Бокщанин, Л. С. Васильев, Ю. М. Гаруцянц, М. В. Крюков, Е. И. Кычанов, Г. В. Мелихов, В. С. Мясников, Л. С. Переломов, Н. П. Свистунова, С. А. Серова, С. Л. Тихвинский, А. Н. Хохлов, Ю. В. Чудодеев и др.

[2] Второй и третий этажи по адресу: Китайский проезд, д. 7.

Структура Института китаеведения включала 9 подразделений: секторы истории, экономики, государственного строительства, языков народов Китая, литературы и культуры, публикаций памятников культуры Китая, а также отдел научной информации и редакционно-издательский совет.

Недолгая деятельность ИК, внезапно закрытого в 1960 г., была и остается малоизвестной страницей истории. Плоды этой деятельности частично отражены в годовых отчетах[3] и в четырех номерах выходившего в 1958 г. журнала «Советское китаеведение». Этот журнал, упоминаемый многими героями «устной истории», был призван «направлять деятельность ученых-китаистов на решение актуальных проблем советского китаеведения». В его редколлегию вошли ведущие московские китаеведы[4], а основные задачи издания, намеченные свыше «в свете решений XX съезда КПСС», изложены в передовице первого номера («От редакции») в таком виде: «Всесторонне освещать достижения и опыт социалистического строительства в КНР; публиковать научно-исследовательские статьи по вопросам истории, экономики, литературы, языка, культуры и международных отношений Китая; систематически вести борьбу против буржуазной идеологии и фальсификаций в области китаеведения; организовывать творческие дискуссии по важнейшим проблемам изучения Китая, активно содействовать развитию братской дружбы между Советским Союзом и КНР» [Ефимов, 1958, с. 209–212].

Уже первый номер журнала отразил широкий спектр ключевых тем и направлений. В него вошли статья Ю. М. Гарушянца «Идейная борьба среди китайской интеллигенции в к. 1918 – нач. 1919 г.», обзор экономического сотрудничества СССР и КНР (П. И. Марков), статья Л. З. Эйдлина «О поэтическом творчестве Мао Цзэ-дуна», «Библиографический обзор по китаеведению № 1» (Р. В. Вяткин), статья В. С. Мясникова про новые документы XVII в. о поездке в Китай Ивана Петлина и т. д. Журнал знакомил с трудами советских, китайских и западных ученых по истории и экономике: Ван Я-наня «Исследование экономических форм полуфеодального, полуколониального Китая», Л. В. Симоновской, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева «Очерки истории Китая», Л. П. Делюсина «Великие перемены в китайской деревне», С. Адлера «Экономика Китая», Лю Юн-аня «Демократическое и социалистическое строительство в Северо-Восточном Китае» и др.

Пилотный номер содержал известия и о зарубежной синологии: работе трех институтов истории в КНР, китаеведении в современной Японии (С. Л. Тихвинский), а также хронику общественной и научной жизни КНР. Кроме того, журнал рассчитывал проводить творческие обсуждения «спорных проблем китаеведения» (в том числе проблем генезиса и особенностей развития феодального общества, формирования китайской нации, зарождения элементов капитализма, периодизации истории Китая и пр.) с участием советских и китайских ученых. Предполагалось, что появится даже особый раздел, посвященный дискуссионным материалам.

Отдельные публикации в журнале действительно послужили прологом к дальнейшим дискуссиям[5]. Но большая часть планов так и осталась на бумаге, потому что журнал просуществовал лишь год. В 1959 г. «Советское китаеведение» и «Советское востоковедение» были слиты в «Проблемы востоковедения», а в 1960 г. закрылся и сам Институт китаеведения. По мнению Л. П. Делюсина, «домашней» причиной этих закрытий было раздражение советского руководства, нараставшее по мере малопонятного обострения разногласий между

---

[3] Думан Л. И. *Научный центр советского китаеведения.* М., 1957. С. 100–102. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:6Re2-fM1ImwJ:www.ras.ru/FStorage/download.aspx%3Fid%3Df209cd08-e886-43b1-8cd4-86bacd82ad5f+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 3.07.2018).

[4] Редколлегия: Е. Ф. Ковалев (главный редактор), Г. В. Астафьев, Л. И. Думан, Н. И. Конрад, А. Г. Крымов, А. А. Мартынов, В. Н. Никифоров, И. М. Ошанин, А. С. Перевертайло, Н. Т. Федоренко, В. М. Штейн, М. Ф. Юрьев.

[5] Содержание № 1–4 журнала «Советское китаеведение» см.: URL: http://annales.info/sbo/contens/naa.htm#kit1 (дата обращения 3.07.2018).

Москвой и Пекином: «Надо сказать, что и наше руководство было недовольно сотрудниками этого института. В журнале ИК – в “Советском китаеведении”, поскольку это был научный, а не публицистический журнал, в период дружбы писались определенные статьи, в которых отмечались отнюдь не только положительные моменты во всех сферах жизнедеятельности Китая и КПК. В результате журнал вышел только в четырех номерах и был закрыт вместе с Институтом» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 138].

История внезапного закрытия ИК, поведанная несколькими героями проекта, вполне отвечала «волюнтаристскому» духу времени. Приведем эту историю в кратком пересказе академика С. Л. Тихвинского: «Институт китаеведения был в Китайском проезде. Очень хорошо начал работать. До меня директором и создателем этого института был Перевертайло. Потом меня назначили по решению ЦК КПСС и президиума АН СССР, <…> потому что [я] был в то время единственным китаеведом – доктором исторических наук. <…> В те годы у нас была пертурбация. В январе 1960 г. я был назначен директором Института китаеведения. Но уже через год институты востоковедения и китаеведения были волевым решением Хрущева объединены в Институт народов Азии.

Как выяснилось позднее, летом 1960 г. какой-то китайский руководитель среднего ранга в беседе с советником-посланником Н. Г. Судариковым (а тогда уже портились отношения) обвинил советское руководство в великодержавном шовинизме. Свои упреки он мотивировал существованием в Москве двух институтов: «ведающего делами Китая» и «ведающего делами других стран Востока». Судариков написал телеграмму, послал [ее] Хрущеву в Москву. Хрущев же вместо того, чтобы объяснить китайской стороне истинное значение названий обоих научных центров, велел закрыть оба института и изменить название» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 359]. Приказ был выполнен с должной быстротой и усердием.

ПРОЩАНИЕ С КИТАЙСКИМ ПРОЕЗДОМ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ, ДИСКУССИИ

Возвращение под сень прежнего института после закрытия ИК привело к новым переименованиям, переездам и перегруппировкам.

«Когда нас объединили в Институт народов Азии, – вспоминал С. Л. Тихвинский, – я стал заместителем директора у Б. Б. Гафурова и заведующим отделом истории. И нас потом в Хохловский переулок поместили. Потом в район сельхозвыставки – ВСХВ. И там [работал] молодой коллектив с участием Ю. В. Чудодеева, А. М. Григорьева, А. А. Волоховой, А. С. Ипатовой, Р. А. Мировицкой и других молодых ребят. Каждый из них сделал свою кандидатскую диссертацию…» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 359].

Дополняя своего наставника, Ю. В. Чудодеев сообщает, что отдел Китая включал в себя несколько секторов: «Поскольку ИК потом влился в Институт народов Азии, был создан достаточно большой отдел Китая, которым стал руководить Тихвинский. А директором всего института был академик Гафуров. Они находились в Армянском переулке в здании бывшего Лазаревского института. А нам как отделу Китая отвели помещение в Хохловском переулке у Покровских ворот. Поэтому мы бегали туда-сюда. Кстати сказать, Синологическая библиотека, которой сегодня гордится ИДВ, начала формироваться как раз в рамках отдела Китая… Поскольку я был аспирантом у академика Тихвинского, он <…> назначил меня ученым секретарем. <…> Вот тогда я немножко руководил тремя секторами, которые влились в отдел Китая. Это сектор истории (им тогда руководил Вяткин), сектор новой и новейшей истории (им руководил профессор Н. П. Виноградов) и отдел Большого китайско-русского словаря. Был еще сектор литературы, которым руководил Л. З. Эйдлин...» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 388].

Закрытие ИК и журнала при всей внешней анекдотичности привело к печальным последствиям. Советский Союз лишился объективной информации о происходивших в Китае процессах, а также платформы для научного осмысления различных проблем

идеологии, политики, экономики и других важных аспектов жизнедеятельности в стране. В итоге Москва оказалась не готовой к начавшейся с конца 1950-х гг. советско-китайской полемике (равно как и к обоснованию развития добрососедских связей, несмотря на резкую межпартийную полемику). В кадровом плане жертвой хрущевской «реформы» стало все советское китаеведение. Многим китаистам пришлось расстаться с избранной специальностью и искать какую-то иную работу, а их оставшиеся коллеги были не в силах заполнить искусственный вакуум.

Между тем ставший на путь поспешных радикальных реформ Китай проявлял все более критичное отношение к СССР. Усложнение обстановки требовало от советской стороны все более активной мобилизации знаний и внимания для того, чтобы не просто разобраться в меняющейся политико-экономической конъюнктуре, но и содействовать государственным структурам в выборе адекватных ответов на негативные вызовы крупного восточного соседа. Оскудевшие китаеведческие кадры со все большим напряжением справлялись с растущим объемом сложнейших проблем, возникавших в советско-китайских отношениях буквально на всех уровнях: от межгосударственных и межпартийных до индивидуально-личностных [Кожин, 2016, с. 418]. Становилась очевидной потребность создания какой-то новой, в должной мере динамичной и эффективной научно-экспертной структуры. Такой структурой стал открытый в 1966 г. Институт Дальнего Востока.

Создание Института Дальнего Востока и новый «исход» китаеведов из ИВАНа

Идея о необходимости нового института постепенно «овладела массами» и получила официальную поддержку. Одним из инициаторов его создания был Л. П. Делюсин, работавший в те годы в ЦК КПСС под началом Ю. В. Андропова: «Именно в период острой полемики между КПСС и КПК я выступил с идеей создания того научного подразделения, которое, пройдя некий промежуточный этап (вначале был создан закрытый отдел), ныне известно как Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ).

Идея создания некоего закрытого подразделения родилась и была обоснована. Но надо было еще пробить решение в ЦК КПСС. С. В. Червоненко (наш посол в Китае в 1959–1965 гг.), будучи в Москве, всегда заходил ко мне, в наш Отдел [ЦК КПСС]. И вот в очередной раз, когда Червоненко ехал в Пицунду к Хрущеву, он спросил меня: мол, какие вопросы поставить. Я и сказал, что среди прочего надо поставить вопрос о создании института китаеведения, ибо необходима теоретическая база, в том числе для квалифицированного диалога с КПК. Хрущев согласился, но с одним требованием – чтобы слово Китай не упоминалось. Я и придумал – создавать надо “Институт Дальнего Востока”, а в скобочках – “по изучению современного Китая”. Но “скобки” вышли за скобки. И так вначале был создан Закрытый отдел Китая. Несмотря на то, что отдел входил в академическую структуру, <…> он был создан по решению ЦК КПСС в 1965 г. Патроном его был тот самый вышеназванный Отдел ЦК, а первым руководителем – Тихвинский. Официально называлось это подразделение отделом истории при Институте экономики мировой социалистической системы. Располагался он в здании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, но занимался вопросами сугубо современного Китая и поставлял всякие справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. д.

Из ЦК я ушел сначала в тот самый закрытый отдел Китая. После того как Тихвинский опять вернулся на работу в МИД, освободилось место заведующего этим отделом, и я уговорил Андропова, чтобы он меня отпустил, очень хотелось заниматься научной работой... Я там какое-то время работал, а потом меня как либерала решили из этого отдела убрать и назначили другого заведующего. [Тогда] я ушел в Институт мирового рабочего движения на должность заместителя директора по научной работе».

Скупые строки «либерала» Л. П. Делюсина рисуют лишь общую канву событий с назначением директора ИДВ, драматичная подоплека которых неожиданно всплыла в

записанном три года спустя интервью В. Г. Гельбраса: «Меня вызывают в ЦК и предлагают <…> перейти в закрытый отдел истории, только что созданный при Институте экономики стран мировой социалистической системы АН. Я согласился. Предстояло снова вернуться к изучению Китая. Размещался отдел истории на территории Института истории партии, около ВДНХ. Там в отдельном флигеле выделили территорию, поставили милицейский пост. Отдел возглавил академик Тихвинский. У нас стал формироваться довольно любопытный коллектив. <…> Мы много работали, анализировали, писали. <…> Пришла пора развития отдела истории в легальную академическую структуру. Тихвинского на посту руководителя сменил Делюсин. Началось формирование Института Дальнего Востока. Предполагалось, что Делюсин возглавит новый институт. Однако директором ИДВ был назначен М. С. Сладковский, бывший в то время заместителем заведующего Отделом ЦК партии по связями с соцстранами. Я вместе с Делюсиным в первый же день образования ИДВ подал заявление об уходе. Сладковский не простил мне этого шага до конца жизни…» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 140].

Разумеется, новый институт стал в итоге детищем коллективных идей и усилий. В числе прочих в открытии ИДВ принял деятельное участие и М. Л. Титаренко, возглавлявший его около 30 лет, начиная с 1985 г.: «Я принимал участие в его воссоздании. Когда я был приглашен на беседу с Андроповым, Юрий Владимирович говорит: “Китай – наш большой сосед, нам нужно хорошо знать Китай. У нас был Институт китаеведения, но, к сожалению, его ошибочно закрыли. Нам нужно создать другой институт, который серьезно занимался бы изучением всех аспектов жизни Китая. А в перспективе все-таки искать пути нормализации отношений с Китаем. Мы – большие страны, мы – соседи. И оттого, что мы ругаемся, пользы ни для нас, ни для них нет”. <…> Это была попытка наладить, нормализовать отношения, найти платформу, на которой можно было бы выстроить позицию для взаимоотношений <…> [понять], что происходит с нашей “великой и нерушимой” дружбой с Китаем. <…> Короче говоря, когда меня пригласили в ЦК, одной из первых задач стала подготовка предложения о воссоздании института… Ну а для того, чтобы у наших друзей не возникали подозрения в том, что мы тут кем-то собираемся руководить, термины “японоведение”, “американоведение” и другие прочие “-ведения” из названий всех исследовательских институтов были исключены. Вместо этого возник “Институт Дальнего Востока” – нейтральная такая формулировка. Первоначальной его задачей было определено изучение Китая, его внутреннего положения, внешней политики, изучение истории формирования российско-китайской границы на основании исторических документов. Ну и выявление, так сказать, недружественных действий Мао Цзэ-дуна и его окружения. Я хочу подчеркнуть еще раз, что все эти наши действия не носили антикитайского характера…» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 474].

Создание ИДВ, нуждавшегося в хороших кадрах, привело к новому коллективному исходу китаеведов из ИВ, повторению «эффекта матрешки» и появлению с 1966 г. в Москве и Ленинграде уже трех центров китаеведения (ИВАН, ЛО ИВАН, ИДВ). Как отмечает В. Г. Гельбрас, создание ИДВ повлекло за собой и новое разделение труда, прямо предписанное сверху советским партийным руководством: «Одновременно с образованием ИДВ в Отделе ЦК по связям с соцстранами было четко определено: современный Китай изучает только ИДВ, историей Китая до 1949 г. занимается ИВАН» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 140].

В то время как ушедшие в ИДВ сосредоточились на изучении периода КНР, оставшиеся в ИВАН коллеги продолжили изучение традиционного Китая – от первобытной и древней истории до «постсиньхайского» республиканского периода. Вот как вспоминает об этом Ю. В. Чудодеев: «После образования ИДВ туда ушла значительная когорта востоковедов, которые были связаны с изучением новейшей истории Китая и социально-политической ситуации в Китае. Из нашего института ушли многие. <…> И образовалось своеобразное условное разделение труда между ИДВ и ИВАН. Отдел Китая в ИВАН стал

заниматься историей Китая до 1949 г., до образования КНР. ИДВ сосредоточил свои усилия на изучении современной КНР. Своеобразное разделение тематики сохраняет свою силу и сегодня» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 385].

Избавленные от бремени политических дискуссий в годы большого разлада с Китаем, если не считать «ситанализов» времен директорства Е. М. Примакова в 1977–1985 гг., китаеведы ИВ реализовали в 1960–1980-х гг. ряд крупных коллективных проектов (издание «Новой истории Китая», подготовка Большого Китайско-Русского Словаря и пр.), проводили резонансные научные дискуссии (в том числе об азиатском способе производства) и положили начало старейшей научной конференции «Общество и государство в Китае».

Коллективные научные проекты: «Новая история Китая», БКРС и энциклопедия «Духовная культура Китая»

Одним из крупных коллективных проектов было задуманное С. Л. Тихвинским издание «Новой истории Китая». Осуществление проекта, по свидетельству его участников, оказалось долгим и трудным процессом, а появление работы стало значимой вехой для советского китаеведения:

«Крупнейшим достижением под руководством Тихвинского, – отмечает Ю. В. Чудодеев, – я считаю создание “Новой истории Китая”. Писалась она большим количеством людей – чуть ли не 40 человек было собрано. Идея создания “Новой истории Китая” зародилась у Сергея Леонидовича <…>. Он еще раньше думал об этом, но особенно занялся тогда, когда уже стал руководить отделом Китая в рамках Института народов Азии. На это ушло примерно 10 лет. В итоге “Новая история Китая” появилась в 1972 г. [Тихвинский, 1972]. На уровне того развития нашей китаеведческой науки это был, безусловно, большой вклад и большое достижение… Достижением отдела Китая в рамках создания этой работы стал также четырехтомник переводов китайских источников по разным аспектам новой истории Китая. Во-первых, это памятники, связанные с тайпинским движением[6], переведенные под руководством В. П. Илюшечкина. Н. М. Калюжная перевела и опубликовала сборник материалов, связанных с движением ихэтуаней. Была издана в переводе на русский язык с комментариями значительная часть материалов из восьмитомника “Синьхайская революция”, изданного в Китае. И, наконец, Гарушянц издал сборник материалов, посвященный “движению 4 мая”. Эти китайские источники, переведенные на русский язык, были значительным подспорьем для создания огромного труда – “Новой истории Китая” [Российское китаеведение – устная история, 2014, с.386].

О сложных рабочих буднях авторского коллектива этого проекта вспоминает и Г. В. Мелихов: «В свое время мы работали в одном отделе. Тихвинский тогда “вел” большой проект по новой истории Китая. И я никогда не забуду такого эпизода: идет заседание рабочей группы. Молодые кандидаты критикуют Тихвинского, как говорится, и в хвост и в гриву. И вот человек, тогда уже доктор наук, такой большой ученый, сидит – красное лицо, красная шея – сидит и пишет, пишет, записывает все замечания. Вот как вел себя Тихвинский! Для меня это ШКОЛА!

Ошибок много было найдено в процессе обсуждения этой книги по новой истории Китая! Поначалу она была сырой, и наши “молодые волки” в отделе грызли ее со всех сторон. А вышла она, конечно, уже хорошей. Посмотрите оглавление, какой там состав участников! Мне также запомнилось, как на одном заседании в отделе Тихвинский во время своего выступления произнес: “Вот здесь сейчас сидят будущие кандидаты и доктора наук”... Нам, молодым, это приятно было слышать, и это не пустяк, это был вдохновляющий стимул!» [Российское китаеведение – устная история, 2014, с. 319–320].

Другим фундаментальным и еще более долгосрочным проектом, успешно выполненным группой под руководством И. М. Ошанина, была подготовка Большого

---

[6] Тайпинское движение (1850–1864 гг.) – крупнейшая народная война против династии Цин и маньчжурских правителей Китая.

Китайско-Русского Словаря» 華俄大辭典 (БКРС). По словам Ошанина, мысль о необходимости создать современный «словарь всего китайского культурно-мирового наследия» принадлежала В. М. Алексееву. Созданный им коллектив ленинградских китаистов приступил к работе в 1930-х гг. и подготовил первый вариант рукописи, но их труд прервала Великая Отечественная война. После возобновления работы в 1946 г. Алексеев пригласил Ошанина стать заместителем главного редактора словаря. В 1950 г. академик предложил составить на основе ленинградской рукописи сокращенный учебный том. Однотомный «Китайско-русский словарь» под редакцией Ошанина вышел из печати в 1952 г., а потом дважды переиздавался в СССР (1955, 1959 гг.) и один раз в КНР. Эта работа была удостоена премии Президиума АН СССР. В 1950-х гг. Президиум поручил ИВАН продолжить работу над большим словарем. Для выполнения поручения Ошанин собрал большую группу из более чем 30 коллег. Работа началась в 1956 г., и к 1960 г. в Москве был издан макет БКРС, доработка которого продолжалась еще 23 года [Ошанин, 1983, т. 1, с. 5]. Четырехтомник БКРС, содержащий около 16 000 гнездовых иероглифов и свыше 250 000 производных слов и выражений, вышел в 1983 г. и посвящен «светлой памяти академика Василия Михайловича Алексеева» [Ошанин, 1983].

Одним из рядовых участников проекта, ненадолго попавшим в группу БКРС в 1955 г. вскоре после окончания МГИМО, был М. В. Крюков: «Ошанин набирал себе молодых китаеведов, которые помогали бы ему в составлении этого словаря. Я пришел [в ИВАН]. Илья Михайлович осмотрел меня критически <…> и дал нам задание. <…> Составлялись карточки на отдельные словарные статьи, а мы должны были проверять и уточнять эти карточки. Потом давали их на просмотр Ошанину. И вот тут он почти каждый день устраивал нам головомойку. <…> Ошанин не отвергал мнения других, но был крайне требователен. Если он давал задание, то нужно было все проблемы решить. Вот таким он мне запомнился… Илья Михайлович и опекал, и поучал, и ругал нас…

Потом создали ИК. Эта группа [БКРС] осталась на старом месте, а нас перевели в новый институт, где были нужны свои кадры, уже отдельно от востоковедения. Приказом директора нас перевели в ИК. Тут уже надо было заниматься другими делами, и я ушел из группы Ошанина. Не по своему желанию, а потому что был набор в новый институт...»[7]

Не входивший в группу БКРС, но наблюдавший процесс на правах зятя Ошанина Д. Н. Воскресенский так описывает те давние дни и «домашнюю» работу И. М. Ошанина с карточками, принятыми от молодых коллег: «В те годы Илья Михайлович работал над своим <…> словарем, и его дом стал местом встреч знаменитых китаеведов, <…> причем не только из Москвы, но и из Санкт-Петербурга. <…> Это были 1950-е годы <…>. Вышло постановление ЦК партии, что надо срочно делать словарь. Лучшим организатором в этом отношении считался Илья Михайлович Ошанин. <…> В итоге именно он создал группу "словарников" <…> Над словарем поработали если не все китаеведы, то многие. Некоторые приезжали сюда с периферии. Им негде было устроиться на работу, и Илья Михайлович брал их к себе. <…> Фактически все молодые преподаватели, которые занимались китайским языком, прошли через эту школу. <…> Илья Михайлович привлек к работе хороший коллектив китаистов… [Ошанин] был увлечен китайским языком… это ясно всем, кто видел, как он работает над словарем – с утра до вечера сидел и правил листы словаря. У меня сохранились отдельные листы, где он писал и исправлял иероглифы: эти листы ему преподносили его ученики. <…> Это была большая и трудная работа. Я это помню, так как некоторые этапы этой работы происходили на моих глазах. Я имею в виду трудности – где печатать, как печатать, кто будет работать и так далее»[8].

О некоторых технических трудностях на финальном этапе поведал в Предисловии к словарю и сам И. М. Ошанин: «Когда отсутствие в типографиях нужного комплекта

---

[7] *Интервью с российским китаеведом М. В. Крюковым.* URL: http://china-studies.taipei/comm2/Mikhail%20Kriukov.pdf (дата обращения 3.07.2018).

[8] Цитата из неопубликованной рукописи интервью с Д. Н. Воскресенским.

иероглифических шрифтов поставило уже под сомнение самую возможность издания БКРС, то из этого, казалось бы, безвыходного положения вывело нас оригинальное решение, предложенное кандидатом технических наук Б. В. Борисовым: применить метод оригинал-макета, а иероглифы в его буквенный текст монтировать с переводных литер. Эту работу взяла на себя группа работников Института востоковедения и “Главной редакции восточной литературы” издательства “Наука” во главе с Б. В. Борисовым. Так была разрешена последняя из всех трудных задач по созданию «Большого китайско-русского словаря» [Ошанин, 1983, т. 1, с. 9].

В конце концов работа была завершена. Как уже говорилось, словарь вышел в свет в 1983 г. и удостоился государственной премии СССР в 1986 г.

Шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая»

Для полноты перечня главных коллективных проектов с участием китаеведов ИВ РАН стоит упомянуть еще одно фундаментальное издание – 6-томную энциклопедию «Духовная культура Китая», также удостоенную госпремии РФ в 2010 г. Составление этой энциклопедии, обобщающей достижения мировой и отечественной синологии, стало достойным шагом в XXI век, выходом на небывалый уровень профессиональной кооперации, охватившей практически все сообщество российских китаеведов, что видно и по составу редколлегии, и по спискам авторов. Заместитель главного редактора А. И. Кобзев так вспоминает о планах и итогах проекта: «Сначала планировалась, как отражено в подзаголовке, “энциклопедия в 5 томах”, по 50 авторских листов в каждом, но в итоге выдали на-гора 6 томов. И если первый увеличился до 60 листов, то последний – уже до 90! Последний том по искусству, из-за нарушения заявленного количества томов условно названный дополнительным, еле уместился в технологически допустимый формат. Для этого пришлось лишиться дизайнерского изыска в виде свободных полей по краям страниц. Не только объемы, но и качество возрастало по мере работы. Ярким подтверждением высококачественности полученного результата может служить признание не только в родном отечестве, но и в Китае, где уже принято решение о переводе этой энциклопедии на китайский язык. Осуществляется это в Сычуаньском университете» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 208].

Конечно, работа была очень трудной. По признанию академика М. Л. Титаренко, издание энциклопедии состоялось лишь благодаря энтузиазму составителей, которые трудились безвозмездно, без гонораров, зная про заведомо малый тираж из-за дефицита финансирования: «Беда в том, что издано было всего лишь 2000 экземпляров. Совсем маленький тираж! Энциклопедию мы завершили и издали 1-й том [в 2006] к году России в Китае. Был прием, Ху Цзинь-тао приезжал. Когда мы вручили этот том китайцам, они в срочном порядке приняли решение отметить группу авторов: Аникеева, ваш покорный слуга, Кобзев, Лукьянов, Воскресенский, Рифтин были награждены почетными грамотами наших китайских друзей. Вручили нам даже кубок с большим красным бантом. Так что это было нам моральное поощрение за работу. А завершили мы работу тоже символично [в 2010] – в год китайского языка в России. Через нашего президента РАН Ю. С. Осипова я переслал издание Президенту России. Книги также вручили персонально Ху Цзинь-тао, Вэнь Цзя-бао. И китайские руководители были очень удивлены. <…> Когда был прием в Кремле по случаю визита Ху Цзинь-тао, <…> неожиданно для всех Ху Цзинь-тао встает, идет через весь зал. <…> Он подошел и передал мне поздравления по поводу издания такой работы. Это стало известно нашим руководящим товарищам, господам, в том числе президенту Медведеву, который тогда был хозяином этого приема. В итоге три человека было выдвинуто на Госпремию РФ[9]. А всего авторов было человек сто» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 483–484].

[9] М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов.

По убеждению А. И. Кобзева, энциклопедия требовала продолжения и совершенствования, однако работа над ней была приостановлена: «Моя идея была в том, чтобы обобщенно отразить все самое ценное из имеющегося и, опираясь на этот надежный фундамент, двинуться дальше. Сразу после публикации 6-го тома в редколлегии речь шла о 7-м и 8-м, вообще о продолжении. Увы, Россия славна недостроями. Сколько прекрасно начатых изданий не нашли своего завершения или даже продолжения! Поэтому, слава тебе Господи, хоть завершили! Но я убежден, что эту энциклопедию необходимо ПРОДОЛЖАТЬ! <…> Но, повторяю, подобное явление типично для России. В области синологии предшествующая госпремия была дана почти три десятилетия тому назад за другое мировое достижение – четырехтомный “БКРС”. Для своего времени это был китайско-иноязычный словарь № 1. Безусловно, его надо было продолжать и выводить на новый уровень, а вместо этого все работы свернули и занимавшуюся им группу распустили!» [Российское китаеведение – устная история, 2017, с. 209].

Литература / References

Ефимов Г. В. К изданию журнала «Советское китаеведение» // *Вопросы истории*. 1958. № 9. С. 209–212 [Efimov G. V. K izdaniiu zhurnala “Sovetskoe kitaevedenie” // *Voprosy istorii*. 1958. 9. Pp. 209–212].

Кожин П. М. ИДВ – центр китаеведческих исследований // *КНР: политика, экономика, культура. 2014–2015*. М., 2016. С. 418 [Kozhin P. M. IDV – tsentr kitaevedcheskikh issledovanii // *KNR: politika, ekonomika, kul’tura. 2014–2015*. Moscow, 2016. P. 418].

Тихвинский С. Л. (ред.). *Новая история Китая*. М., 1972 [Tikhvinskii S. L. (ed.). *Novaia istoriia Kitaia*. Moscow, 1972].

Перевертайло А. С. (ред.). *Очерки истории Китая в новейшее время*. М., 1959 [Perevertailo A. S. (ed.). *Ocherki istorii Kitaia v noveishee vremia*. Moscow, 1959].

Ошанин И. М. (ред). *Большой китайско-русский словарь (БКРС)*. В 4 томах. М., 1983 [Oshanin I. M. (ed). *Bol’shoi kitaisko-russkii slovar’ (BKRS)*. V 4 tomah. Moscow, 1983].

Ошанин И. М. Предисловие // *Большой китайско-русский словарь. Т. I*. М., 1983. С. 5 [Oshanin I. M. Predislovie // *Bol’shoi kitaisko-russkii slovar’*. T. I. M., 1983. P. 5].

Российское китаеведение – устная история. Т. 1. М., 2014 [*Rossiiskoe kitaevedenie – ustnaia istoriia*. T. 1. Moscow, 2014].

Российское китаеведение – устная история. Т. 2. М., 2017 [*Rossiiskoe kitaevedenie – ustnaia istoriia*. T. 2. Moscow, 2017].

Хохлов А. Н. Л. И. Думан: тернистый путь настоящего ученого // *Общество и государство в Китае: XXXVII научная конференция: к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана*. М., 2007. С. 5–23 [Khokhlov A. N. L. I. Duman: ternistyi put’ nastoiashchego uchenogo // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVII nauchnaia konferentsiia: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia L. I. Dumana*. Moscow, 2007. Pp. 5–23].

Электронные ресурсы

Думан Л. И. *Научный центр советского китаеведения*. М., 1957. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:6Re2-fM1ImwJ:www.ras.ru/FStorage/download.aspx%3Fid%3Df209cd08-e886-43b1-8cd4-86bacd82ad5f+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 2.07.2018).

Советское китаеведение. URL: http://annales.info/sbo/contens/naa.htm#kit1 (дата обращения 28.03.2018).

Интервью с российским китаеведом М. В. Крюковым. URL: http://china-studies.taipei/comm2/Mikhail%20Kriukov.pdf (дата обращения 2.07.2018).

КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКИХ И ТУРЕЦКИХ ИСТОРИКОВ В МОСКВЕ

© 2018

А. Д. Васильев, Д. Д. Васильев*

Статья посвящена международной научной конференции «Первая мировая война и российско-турецкие отношения в начале XX века», проходившей 4–5 апреля в Москве и собравшей значительный по охвату круг участников из России и зарубежья. Тематика докладов включала различные направления: влияние Первой мировой войны на национальное движение народов России и Турции; региональное измерение Первой мировой войны; мемуары, пресса и новые источники по истории Первой мировой войны; проблемы исторической памяти и взаимного восприятия русских и турок; влияние Первой мировой войны на государственность; внешняя и внутренняя политика и демография Российской и Османской империй.

Ключевые слова: Россия, Турция, российско-турецкие отношения, Первая мировая война, международная конференция.

CONFERENCE OF RUSSIAN AND TURKISH HISTORIANS IN MOSCOW

Alexander D. Vasiliev, Dimitry D. Vasiliev

The article gives highlights of the international scholarly conference "The First World War and Russian-Turkish Relations at the Beginning of the 20th Century", which took place on the 4th and 5th of April in Moscow and attracted prominent participants from Russia and abroad. The talks covered topics as diverse as the influence of World War I on national movements in Russia and Turkey; regional dimension of World War I; memoirs, press and new sources on the history of World War I; problems of historical memory and mutual perception of Russians and Turks; the influence of World War I on statehood; and foreign and domestic policies and demographics of the Russian and Ottoman Empires.

Keywords: Russia, Turkey, Russian-Turkish relations, World War I, international conference.

4 и 5 апреля 2018 г. в Москве прошла Международная конференция на тему «Первая мировая война и российско-турецкие отношения в начале XX века». Этот уникальный по форме проект был подготовлен Турецким историческим обществом Высшего совета по культуре, языку и истории им. Ататюрка при Кабинете премьер-министра Турецкой Республики и Турецким центром евразийских исследований (AVİM – Анкара), которые уже не первый год проводят симпозиумы по тематике Первой мировой войны в Турции[1]. Со-организатором конференции в Москве выступил Институт востоковедения РАН. Финансовая поддержка была предоставлена Фондом «История отечества» Российского исторического общества (Москва), председатель которого К. И. Могилевский выступил с торжественным приветствием к участникам и модерировал первое заседание.

В конференции, проходившей в Фонде «История отечества», приняли участие более тридцати турецких ученых, представлявших турецкие научные общества, созданные еще

* Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. VASILIEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

Дмитрий Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока, Институт востоковедения РАН, Москва; dmivas46@mail.ru

Dimitry D. VASILIEV, PhD (History), Professor, Chair of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmivas46@mail.ru

[1] См., например, конференцию 2015 г. "Uluslararası I. Dünya Savaşı Semposyumu (Türk-Rus Penceresi) / International First World War Syposium (Turkish-Russian Perspective)". Izmir, 12–15 Kasım (October) 2015.

Кемалем Ататюрком в 1931 г. и являющиеся основными национальными научно-исследовательскими центрами в области гуманитарных наук. В число участников конференции с турецкой стороны вошли также представители МИД Турции, ряда центральных университетов, сотрудники Посольства Турции в Москве. Возглавлял турецкую делегацию президент Турецкого исторического общества профессор Рефик Туран – известный историк-османист. Учитывая значительное число турецких участников и непростой процесс подготовки подобной международной конференции, отметим, что Ответственный секретарь Оргкомитета, сотрудник сектора Турции ИВ РАН И. Саетов приложил максимум усилий, чтобы конференция состоялась. Организационное содействие оказали сотрудники Российско-турецкого учебно-научного центра РГГУ.

Проведение конференции совпало по времени с официальным визитом в Турцию президента Российской Федерации В. В. Путина, что отмечалось в официальных приветствиях участникам конференции от председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина и посла Турецкой Республики в Москве Хюсейна Дириоза.

Пленарное заседание открылось приветствиями президента Турецкого исторического общества проф. Рефика Турана и директора Фонда «История отечества» Константина Могилевского. После приветствий с пленарными докладами по теме конференции выступили Генеральный директор Государственного архива Турции проф. Угур Унал, директор Российско-Турецкого учебно-научного центра РГГУ, зав. Отделом истории Востока ИВ РАН Дмитрий Васильев, президент ИСАА при МГУ Михаил Мейер, ВРИО директора ИНИОН РАН Илья Зайцев, директор Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева Евгений Бахревский.

Заседания конференции проходили в четырех секциях.

Секция 1. «Место Российской и Османской империй в системе международных отношений накануне Первой мировой войны»[2].

Секция 2. «Роль Первой мировой войны в социально-политической трансформации России и Турции».

Секция 3. «Первая мировая война глазами очевидцев: мемуары и воспоминания военных и гражданских лиц о Великой войне».

Секция 4. «Первая мировая: эхо войны».

Тематика докладов позволяет объединить их в несколько больших групп вне зависимости от названия секций.

Влиянию Первой мировой войны на национальное движение народов двух империй было посвящено семь докладов.

Известный по публикациям российских архивных материалов турецкий исследователь из Стамбульского университета *М. Перинчек* на основании документов из Российского государственного военно-исторического архива сделал доклад «Армяне накануне Первой мировой войны в тайных донесениях царской разведки». В своем сообщении он рассмотрел эволюцию подхода царских властей к вопросу о роли армян в российской политике на Востоке и отметил недоверие царской военной администрации к армянским организациям. В докладе, зачастую без анализа, были приведены многочисленные цитаты из донесений русских императорских консулов и военных агентов, которые записывали сведения о местном армянском населении на основании циркулировавших слухов и передавали их в Петербург.

Турецкий исследователь *Э. Шахин*, преподаватель Лондонского университета, выступил с докладом «Между Российской и Османской империями: решение «Дашнакцутюн» об участии в Первой мировой войне». В докладе был рассмотрен интересный эпизод из истории партии «Дашнакцутюн», когда накануне Первой мировой войны ее представители пытались прозондировать позицию младотурецкого правительства относительно того, какую

[2] В ходе секции было заслушано шесть докладов, в которых рассматривались такие вопросы, как роль и место Первой мировой войны в истории русско-турецких отношений, вопрос Проливов накануне Первой мировой войны, историческая память о Первой мировой войне.

сторону оно займет в предстоящей войне, и можно ли рассчитывать на какие-либо договоренности (например, об армянской автономии) с младотурками в этой ситуации. Интересно, что приведенные Э. Шахином данные на основе османских документов подтверждаются и рядом донесений царской разведки, хранящихся в российских архивах.

Аспирант СпбГУ *Д. А. Вородин* сделал доклад «Великое арабское восстание и территориальный передел на Ближнем Востоке после Первой мировой войны», где были рассмотрены империалистические договоренности о разделе населенных арабами территорий Османской империи и их реализация на практике в ходе послевоенных переговоров о мире.

В докладе профессора Исторического факультета МГУ *О. Е. Петруниной* «Греки Малой Азии в годы Первой мировой войны: верноподданные султана или “запазушные враги”?» освещалась роль малоазийских греков в Первой мировой войне и последующих событиях национально-освободительной борьбы в Турции. Примечательно, что в ходе боевых действий греки занимали осторожную позицию, ожидая исхода русско-турецкого военного противостояния. Целью малоазийских греков, по-видимому, было создание собственного государства. Именно выжидательная позиция и заставила турецкое правительство относиться к ним с подозрением.

Зав сектором истории Центральной Азии XIX–XX вв. ИВИ РАН, с.н.с. ИНИОН РАН *Т. В. Котюкова* выступила с докладом «На передовой невидимого фронта: турецкие интересы и мусульмане России в годы Первой мировой войны (между сепаратизмом и борьбой за независимость)». На основании рапортов охранных отделений в мусульманских регионах Российской империи (Поволжье, Туркестан) рассмотрены настроения мусульман накануне и в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено развитию восстания 1916 г. в Центральной Азии и его последствиям.

Профессор Казанского федерального университета *Д. М. Усманова* в своем докладе «Мусульманские представители Российского парламента в период Первой мировой войны: поиск стратегии мусульманского политика в условиях войны» рассказала о сложном положении российских мусульман – членов Думы в ходе мировой войны. Мусульманским представителям в Государственной Думе приходилось, с одной стороны, выражать недовольство тем, что центральная власть не обращает внимания на их петиции с требованиями улучшить условия жизни, а с другой – выбирать чрезвычайно осторожную линию общественно-политического поведения, чтобы избежать обвинений в пособничестве врагу.

Доцент Казанского федерального университета *К. Г. Ахсанов* выступил с докладом «Балканская война 1912–1913 гг. и мусульмане России». В ходе сообщения демонстрировались фотографии, выполненные отправившимися на фронт татарскими корреспондентами. Их материалы публиковались в российских газетах того времени. Интересно, что в докладе отмечена неоднозначная реакция центральных властей на пожертвования русских мусульман османским властям. Судя по приведенным материалам, в ряде губерний местные власти не препятствовали ни таким пожертвованиям, ни даже намерениям отправиться добровольцами в османскую армию.

Региональное измерение Первой мировой войны стало темой целого ряда докладов.

Старший научный сотрудник ИВ РАН *А. В. Болдырев* в своем докладе «Османская империя и Черноморские проливы в политике России и великих держав накануне Боснийского кризиса» рассмотрел усилия российской дипломатии по недопущению захвата Проливов балканскими государствами, а также политику Франции, Великобритании и Германии в вопросе о судьбе Проливов.

Профессор Бакинского государственного университета *Джамиль Гасанлы* в докладе «Баку в отношениях между Советской Россией и Османской империей (июнь–сентябрь 1918 г.)» рассмотрел роль азербайджанских общественных и политических деятелей и в

целом руководства АДР в советско-турецких отношениях. Период, изученный Дж. Гасанлы, интересен тем, что на территории АДР находились впоследствии выведенные турецкие войска, после чего в Баку вошли британские силы[3].

Профессор Университета 19 мая *Ибрагим Теллиоглу* выступил с докладом «Влияние российского завоевания на восточно-черноморский регион». В докладе было отмечено, что следы присутствия российской военной власти видны в регионе и сегодня. Используются объекты инфраструктуры, созданные русской армией, а в языке имеются некоторые термины, заимствованные из русского языка.

Президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны *Д. Ю. Козлов* выступил с интересным докладом «Периферийный эпизод или стратегический фактор? Влияние борьбы Российской и Османской империй в Черном море на ход и исход Первой мировой войны». Докладчик привел интересные статистические данные о влиянии войны на экономику России. Сокращение вывоза традиционных экспортных продуктов Российской империи через Балтийское и Черное моря существенно подорвало экономику, заставило искать пути обхода акваторий, в которых наиболее активно действовали вражеские флоты. Подрыв экспорта стал одним из существенных факторов, приведших в итоге к крушению Российской империи и революционным событиям.

Профессор Липецкого государственного педагогического университета *Ю. Н. Тихонов* представил доклад «Индия и Афганистан в планах лидеров младотурок в 1915–1922 гг.» В сообщении рассматривалась эволюция младотурецких планов в отношении развертывания национально-освободительной антибританской борьбы на территории Индии. Афганистану в этих планах отводилась роль базы и источника людских ресурсов. После крушения Османской империи младотурки установили контакты с советским руководством, также проявившим интерес к этой идее. Активные связи младотурок были использованы советскими деятелями для упрочения собственных позиций на Востоке и, в частности, в Афганистане.

Мемуары, пресса и новые источники по истории Первой мировой войны стали еще одной важной темой, поднятой на конференции.

Сотрудник Университета Гази в Анкаре доктор *Альпер Альп* подготовил доклад «Конституция и парламент в царской России (1907–1912 гг.) глазами Садри Максуди». В докладе рассмотрены взгляды С. Максудова на итоги конституционных преобразований в Российской империи после революции 1905–1907 гг.

Доцент Исторического факультета МГУ *Л. В. Кузьмичева* представила доклад «Балканский вопрос в отношениях между Российской и Османской империями в начале XX в. в воспоминаниях российского дипломата В. Н. Штрандмана». В основу доклада легли записи мемуаров В. Н. Штрандмана, подготовленных в годы эмиграции в Белграде и впервые изданных в полном объеме на русском языке.

Зав. Отделом истории Востока ИВ РАН *Д. Д. Васильев* в своем докладе «Турецкая армия и флот в рапортах российских моряков накануне Первой мировой войны» рассмотрел сообщения российских морских агентов о состоянии Османской империи в 1913–1914 гг. Рапорты российских морских агентов и морских офицеров судов-стационеров на Босфоре являются важным источником, содержащим большой объем информации о состоянии турецкого общества, армии и флота, политических движений в начале XX в.

Г. Э. Рафикова, в.н.с Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, сделала доклад «Повседневность народов приграничных территорий в первые месяцы Великой войны: по материалам дневника Адель Андерсон». Адель Андерсон была дочерью проживавшего в Минске русскоподданного врача немецкого

[3] В связи с тем, что в текущем 2018 г. исполняется 100 лет со дня образования Азербайджанской Демократической Республики, связанная с этим периодом тематика становится все более популярной: см. программу недавней конференции “Relations between states in the Caucasus: 100 years ago and contemporary period” (Baku, May 23–24, 2018).

происхождения и вела дневник, где фиксировала изменение народных настроений по мере развертывания боевых действий, нарастания военной пропаганды и милитаризации общества. В докладе были приведены сведения о восприятии в местном общественном мнении жителей Минска турецкого происхождения, об отношении к прибывавшим в город военнопленным, об изменении отношения к семье самой А. Андерсон.

А. Д. Васильев, с.н.с. Отдела Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН, сделал доклад «“Великая война” на Приморском фланге Кавказского фронта в мемуарах Б. Н. Литвинова». Б. Н. Литвинов был командиром 19-го Туркестанского стрелкового полка в течение 1914–1916 гг. и оставил насыщенные деталями мемуары о ходе боевых действий на побережье Черного моря и хребтах Понтийских гор. Будучи талантливым художником, Б. Н. Литвинов делал детальные зарисовки планов боевых действий. Мемуары Б. Н. Литвинова в трех томах были опубликованы автором доклада в 2017 г. [Литвинов, 2017].

Сотрудник университета Акдениз *Мустафа Озтюрк* выступил с докладом «Кавказский фронт Первой мировой войны из-под пера русского генерала Дмитрия Николаевича Дубенского». Во время Первой мировой войны Д. Н. Дубенский был издателем-редактором иллюстрированного журнала «Летопись войны 1914–1917». Среди прочего в журнале помещались многочисленные статьи о Кавказском фронте, а также фотографии и иллюстрации к ним, изображающие русских и турок во время войны. В докладе были проанализированы отдельные статьи и заметки «Летописи» о турках с точки зрения пропаганды и образа врага. Был продемонстрирован богато иллюстрированный видеоряд с материалами журнала, редактором которого был Д. Н. Дубенский.

Профессор университета Анкары *Озлем Парер* в докладе «Русские гости Стамбула» рассказала о пребывании русской эмиграции в Стамбуле и о том вкладе, который внесли русские эмигранты в стамбульскую городскую культуру и архитектуру. Доклад основывался на сообщениях стамбульской прессы того времени, мемуарах местных общественно-политических деятелей и эмигрантов.

Профессор университета Сакарьи *Халук Сельви* в докладе «Русская “Оранжевая книга” и реакция на нее в османском общественном сознании» рассмотрел вышедший накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге сборник российских дипломатических документов, получивший название «Оранжевая книга». Хотя в названии упомянуты «дипломатические» документы, сборник представляет собой публикацию выступлений членов фракций Государственной Думы по поводу начала войны. Выступления, опубликованные в «Оранжевой книге», носят верноподданнический характер. По словам автора доклада, особенно потрясло турецкое общественное мнение выступление татарского представителя, который заявил, что в грядущей войне население Поволжья будет сражаться вместе со всей Россией против «иноземного нашествия».

Проблемам исторической памяти и взаимного восприятия русских и турок был посвящен ряд докладов.

Директор Российского Научно-исследовательского института им Д. С. Лихачева *Е. В. Бахревский* сделал доклад «Историческая память и образы русско-турецкой войны». В своем сообщении он привел русские и турецкие пословицы и поговорки двух народов друг о друге и подробно остановился на восприятии турецкой культуры в России. Автор доклада предпринял подробный экскурс в историю турецкого холодного оружия, попытавшись описать слушателям происхождение слова «ятаган» и проанализировать его название. Вердикт автора таков: население двух стран продолжает сохранять память о преимущественно негативных событиях общей истории. Вероятно, с этим его доводом можно согласиться.

Профессор университета Гази *Мехмет Сефеттин Эрол* выступил с докладом «Возврат к историческим кодам и место и роль Первой мировой войны в отношениях Турции и России в период многополярности». Докладчик рассмотрел образ русских в турецком общественном

мнении и пришел в выводу, что в турецком сознании произошел возврат к тем историческим представлениям о «москофах», которые имели место накануне Первой мировой войны.

Профессор Университета 19 мая *Мехмет Хаджисалихоглу* выступил с докладом «Войны памяти против России и образ Чужого в восточном регионе Черного моря». Он рассмотрел образ русских как завоевателей и врагов, а также привел некоторые примеры того, как местное население и местные власти пытались стереть память о России и русских, имевших тесные исторические связи с восточным Средиземноморьем.

Тал Буенос (США) выступил с докладом «От преступления против правительства до преступлений против человечества: значение распада Османской империи и армянских событий во время Первой мировой войны для будущего международного права».

Вопрос о влиянии Первой мировой войны на государственность, внешнюю и внутреннюю политику и демографию Российской и Османской империй рассматривался участникам особенно активно. Был затронут вопрос и о ***значении итогов войны для Ближнего Востока и влиянии ее последствий на современную ситуацию в регионе***.

Ведущий научный сотрудник ИВ РАН *С. Ф. Орешкова* выступила с докладом «Первая мировая война в череде русско-турецких войн», в котором рассмотрела историю военного противостояния России и Османской империи. Основным тезисом докладчика было утверждение о том, что ни один обоюдный мирный договор, подписанный по итогам русско-турецких войн, не был лишь двусторонним, а заключался к выгоде держав-посредников. С. Ф. Орешкова уделила внимание и трансформации имперских границ, отметив то обстоятельство, что, по ее мнению, две мощных империи первоначально не были конкурентами друг другу.

В аргументированном и концептуально выверенном докладе «Столкновение и крах Османской и Российской империй в годы Первой мировой войны: национализм или геополитическая конкуренция?» ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН *В. С. Мирзеханов* рассмотрел, как националистические течения подтачивали рухнувшие в результате войны многонациональные империи – Османскую, Австро-Венгерскую и Российскую. Автор пришел к выводу о том, что не геополитическая конкуренция, а именно национализм стал основным фактором, приведшим к краху Османской империи.

Сотрудник Университета Юты *Муджиб Хан* в докладе «Возвращающийся “восточный вопрос”: Первая мировая война и современный глобальный кризис от Украины до Плодородного полумесяца» рассмотрел ход актуальных конфликтов современности на Ближнем и Среднем Востоке. Автор попытался провести параллели с зародившимся в конце XVIII в. «восточным вопросом», что, видимо, не совсем корректно. Вероятно, имело бы больший смысл рассмотреть происходящее сквозь призму соглашения Сайкса-Пико о разделе османских территорий по завершении Первой мировой войны.

Профессор Галатасарайского университета *Рыдван Акын* подготовил доклад «Два важных итога Первой мировой войны: большевистская и турецкая революции». В докладе отмечено, что революция в России стала большой неожиданностью для турецких правящих кругов, расценивших ее как чудо. В то же время для Османской империи итогом Первой мировой войны стала потеря значительной части территорий, потеря субъектности и иностранная оккупация. Эти обстоятельства определенным образом роднят Россию и Турцию.

Профессор Университета 19 мая *Недим Ипек* выступил с докладом «Воздействие Первой мировой войны на численность населения России и Османской империи». Н. Ипек провел определенные параллели в судьбах населения двух стран и сделал вывод, что Первая мировая война привела к существенным демографическим сдвигам, от которых турецкая нация смогла оправиться только к 1950-м гг.

По итогам конференции председателем Турецкого исторического общества высказано предложение о воссоздании существовавшей в начале двухтысячных годов

Российско-Турецкой Смешанной Комиссии Историков для координации исследований по истории отношений двух стран и публикации архивных материалов.

Литература / References

Борис Нилович Литвинов. Воспоминания. Подготовка к изданию, комментарии, вступительное слово А. Д. Васильева. М., 2017 [*Boris Nilovich Litvinov. Vospominaniya.* Podgotovka k izdaniyu, kommentarii, vstupitelnoe slovo A. D. Vasilieva. Moscow, 2017].

Подписано в печать 14.08.2018. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 22,9 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru